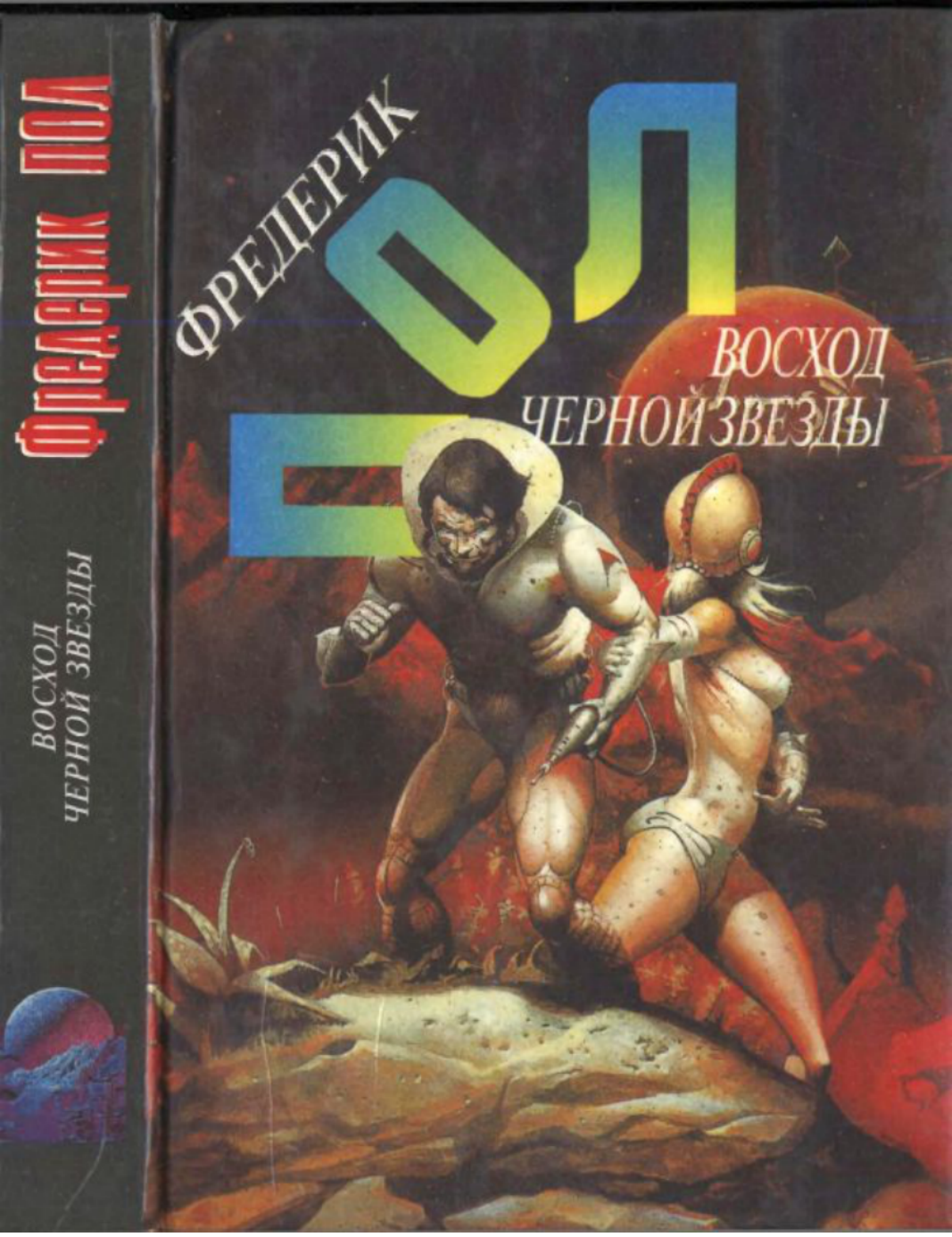

ФРЕДЕРИК ПОЛ
ВОСХОД ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ
Фредерик Пол
ВОСХОД ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Без издательской аннотации.

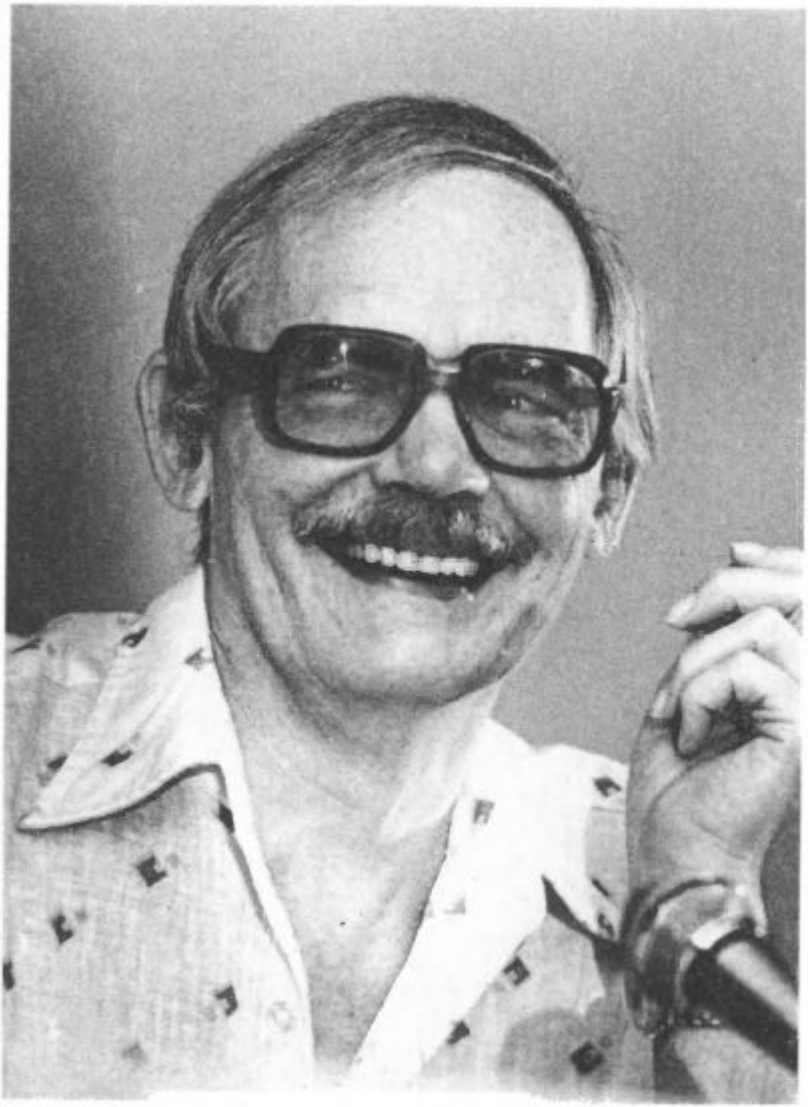
На титульном листе указано, что это «Том десятый», в выходных данных и на шмуцтитуле указано «Том пятый».

На передней обложке в зеркальном отображении работа П. Э. Джонса «The Venus Trap» (1980). На задней обложке работа Т. Уайта «Devil's Dream». На корешке фрагмент иллюстрации Т. Уайта к «An Alien Light» Нэнси Кресс.

- Фредерик Пол
  - ○
  - ○ Восход Черной Звезды
    - ■ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
      - ■ 4
      - ■ 5
      - ■ 6
      - ■ 7
      - ■ 8
    - ■ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
      - ■ 4
      - ■ 5
    - ■ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
    - ■ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
    - ■ ЧАСТЬ ПЯТАЯ
      - ■ 1
      - ■ 2
      - ■ 3
      - ■ 4
      - ■ 5
      - ■ 6

- Эра осторожности
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Замечания автора
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

Фредерик Пол
Восход Черной Звезды. Эра осторожности



Love Pete

Фредерик Пол

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том десятый

Восход Черной Звезды
Эра осторожности

«Амбер, Лтд»
«Сигма-пресс»
1995

Восход Черной Звезды
(Пер. с англ. В. А. Жураховского)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Кастор работал на рисовой делянке, вместе с товарищами-фермерами; фермеры медленно двигались вдоль делянки, вытянувшись цепочкой, и на середине участка Кастор неожиданно наткнулся на человеческую голову. Мысли его были в тот момент далеки от подобных вещей. Он не думал ни о мертвецах, ни даже о том, что нужно тщательно втыкать в ил саженцы, ни о теплом редком дождике, падавшем на его согнутую спину; он не замечал даже, что натруженная спина ноет. Он думал о Марии, и о случившихся с ней неприятностях, и о том, как бы ухитриться сходить поплавать, и возможно ли, чтобы в обсерватории ему удалось получить работу — если ему разрешат подать прошение, в первую очередь, — а главное, о том, что сегодня вечером он и Мария снова лягут вместе в постель. И вдруг, откуда ни возьмись — голова. Кастор не сразу понял, конечно, что это голова мертвеца. Голова не была ему видна, потому что хоть воды и было на несколько сантиметров, но сеятели взбаламутили донный ил. Он почувствовал, что наступил на какой-то предмет, и потрогав предмет ступней, определил, что он твердый, тяжелый и никакого отношения к рисовому полю не имеет.

— Ох, уж эти туристы! — проворчал он, обращаясь к старушке Саре, своей соседке. — Мусорят где им вздумается!

Он погрузил руку в мутную воду. Между пальцами скользнули крошечные рыбешки-тилапии, сердитые, как осы — им не понравилось, что их потревожили. Нащупав таинственный предмет, Кастор понял, что он круглый и пропитался влагой, а когда вытащил его из воды, то увидел, что держит в руке мертвую человеческую голову. От испуга он заорал во все горло и производственная бригада, хлюпая, поднимая фонтаны брызг, как один человек, бросилась к нему. Толстая Рода сердито хмурилась, потому что ей надоели глупые выходки Кастора, а старый Фрэнки хихикал и громко подначивал Кастора: «Эй, Кастор, ты еще одного младенчика нашел, что ли? В тростнике нашел, да?», и почти все улыбались, потому что все, кроме Толстой Роды, были рады передохнуть, отвлечься ненадолго от бесконечного, до ломоты в пояснице, труда.

Потом они увидели, ч т о у него в руках, и улыбки их как ветром сдуло. Фермеры стояли и смотрели, кожа их блестела от дождя и пота, вокруг пальцев босых ног сновали тилапии, и никто

не знал, что же теперь делать.

— Убийство! — дрожащим, тонким от страха голосом сказал старик Фрэнки, опираясь на свою палку.

— Прикуси язык! — велела ему Толстая Рода, но по голосу чувствовалась, что она перепугана. Она потянулась к «уоки-токи», который висел у нее на шее, и сказала в микрофон:

— Коммуна, вызывает третья бригада. Мы обнаружили труп. Часть трупа, голову. — Она нервно провела языком по губам и добавила: — Вызывайте полицию, скажите, что это не наш человек. Похоже, это ханец[1].

Коллективная ферма под названием «Небесное зернышко» находилась более чем в ста километрах от Билокси, но полицейский вертолет появился у места происшествия всего через полчаса. Полчаса эти показались фермерам длиной в день. Бригаде велели ничего не предпринимать и оставаться на месте. Что они и сделали, все четырнадцать человек. Они присели на насыпь оросительной траншеи, глядели туда, где торчал кривой посох старика Фрэнки — Кастор со страху выронил мертвую голову, и палку воткнули в дно делянки как ориентир.

— Воду они спустят, — уныло предсказал Фрэнки. — Вся работа насмарку! Начинай все сначала, эх!

Малышка Нэн заволновалась.

— Рода! Мы потеряем рыбу! — потрясенная, выкрикнула она. — Шестьдесят килограммов тилапии. Мы только-только ее запустили.

— Знаю, — сердито сказала Рода и нахмурилась. В экологическую систему рисового поля входил не только сам рис. В начале готовилась делянка, потом делянку затопляли, потом высеивали креветок, а после этого — запускали мальков тилапии. Креветки питались всем, чем могли, включая куколок насекомых-вредителей. Тилапии поедали креветок и насекомых-вредителей; когда тилапии вырастали, они шли в пищу людям. Рыбки-тилапии были для коммуны самым дешевым и самым надежным источником белков. И креветки, и тилапии были исключительно плотоядными, поэтому саженцы риса не страдали, а все вредоносные насекомые пожирались.

— Садки, — предложил старик Фрэнки. — Пусть принесут садки. Может, отловим хотя бы часть рыбы.

— Я как раз собиралась попросить садки, — огрызнулась Толстая Рода и снова вызвала коммуну с помощью висевшего на шее маленького передатчика.

Впрочем, особого толку от садков ждать не приходилось, это все понимали. Многие из мальков тилапии еще не успели как следует подрасти, и они легко проскользнут сквозь ячейки, и

погибнут.

По крайней мере, дождь кончился, хотя и палящие солнечные лучи выдержать было не так уж легко. Происшествие привлекло туристов, ехавших в это время посетить лавку сувениров в деревне. Подкатил автобус и четыре десятка любопытствующих ротозеев с Материка защелкали затворами фотоаппаратов, зажужжали видеокамерами, фотографируя то делянку, то убитую горем полевую бригаду, сидевшую на насыпи траншеи, то друг друга. Две школьницы на велосипедах были тут как тут, с корзинами сладкой хурмы и золотистых лаймов[2], которые некоторые фермеры выращивали на личных участках. Туристы с радостью покупали фрукты. Члены бригады с завистью поглядывали на них, но ничего не покупали, — за такие деньги пусть туристы лакомятся, а кроме того, экономика деревни остро нуждалась в настоящих деньгах, в рен-минь[3] — долларах. Один плод хурмы, купленный туристом, давал столько же, сколько килограмм риса, купленный у коммуны государством — и никаких налогов.

Фермеры услышали, как вдруг зажужжали встревоженно камеры туристов, а потом до них донеслось постукивание приближающегося вертолета, вернее, вертолетов. Фермеры поднялись с насыпи, наблюдая, как три машины опускаются на твердый помост для грузовиков. Три! Зачем же столько? Чего испугалась полиция? Неужели они ждут стычки с вооруженной бандой головорезов, готовой перестрелять всех полицейских? Но у шестерых полицейских, высыпавших из первого вертолета, на плечах зеленели погоны дорожной инспекции. Автоинспекторы вежливо, но настойчиво, загнали туристов обратно в автобус, и автобус укатил. Во второй «вертушке» сидели настоящие полицейские, в шлемах, с оружием, вместе с парой невооруженных, постарше возрастом. У этих двоих имелись видеокамеры и черные чемоданчики. В третьем вертолете прибыл всего один пассажир — женщина с инспекторскими знаками различия на воротнике.

Она вышла из кабины «вертушки», постояла, рассматривая делянку, перевела взгляд на удаляющийся автобус с туристами, потом — на облака, вновь собиравшиеся над Мексиканским заливом. Потом она повернулась к членам бригады. На превосходном английском она спросила:

— Кто обнаружил труп?

Кастора немедленно, — и с огромным облегчением, — вытолкнули вперед.

— Не труп, а только голову, — заметил он, чтобы не возникло недоразумений.

Она пристально посмотрела ему в лицо. Женщина была ниже ростом, чем Кастор, едва ему по плечо, но разницы этой, похоже, не замечала.

— Вот как? Всего-навсего голова? Понимаю, понимаю. Но ведь голова и целое тело — совсем не одно и то же, не так ли? Но по опыту своему я знаю — если появилась голова, значит где-то обнаружится и тело, которому она принадлежала.

Кастор не любил насмешек, и сарказм инспекторши заставил его позабыть об опасениях, о том, что связываться с народной полицией неблагоразумно. Он ответил на безупречном мандаринском наречии:

— Будучи опытным полицейским, вы, госпожа, несомненно намного лучше разбираетесь в подобных вещах, чем простой крестьянин.

— О! — воскликнула она. — Да ты у нас книжник, оказывается! Лингвист! Но позволь, я продолжу на твоем языке, ведь не все из твоих коллег владеют высшим наречием. Расскажи-ка мне, книжник, как ты нашел эту штуковину, будь-то труп целиком или необъяснимым образом отделенная от тела голова?

Кастор рассказал, как все произошло, а потом рассказ дополнили прочие члены бригады, и полиция взялась за дело. Несколько человек, хлюпая по грязи, принялись прочесывать рисовое поле, время от времени отдавая приказ немного понизить уровень воды. Другие допросили каждого из четырнадцати членов бригады отдельно. Другие полицейские сделали снимки, взяли образцы воды, ила и прочего. Когда выяснилось, что не у всех фермеров имеются при себе карточки паспортов, поднялась суматоха. У Кастора тоже не было карточки. Он разозлился, представив, как ему намылят шею вечером на общем собрании, как его будут ругать и может, даже, отправят на штрафные работы. Но инспекторша быстро успокоила своих подчиненных.

— Бросьте! — велела она. — Совершенно очевидно, что на территории своей фермы они карточек не носят. Это же глупо! А удостоверить их личность вы прекрасно сможете в деревне.

Потом Толстая Рода спросила разрешения отловить мальков тилапии, сколько удастся, пока не спущена полностью вода, на что инспекторша ответила не менее лаконично:

— Разумеется, ловите. Ценные продукты не годится разбазаривать. Ловите свою рыбу.

Таким образом, половина бригады расставив садки-ловушки принялась наполнять транспортировочные резервуары, а другая половина, вооружившись сетями, бродила по участку, вылавливая вертящихся и бьющихся в иле рыбешек, стараясь спасти все, что можно было спасти. Этим пришлось заниматься и Кастору, —

задание для десятилетнего мальчишки, подумать только! Унизительно! Почему его постоянно унижают? Даже работа на высадке риса была унижением достоинства. На полевые работы обычно выбирали самых низкорослых в коммуне — им не приходилось слишком сгибаться, — а Кастор был почти двухметрового роста. Время от времени он ловил на себе смеющийся взгляд инспекторши — всякий раз, когда он, Кастор, спотыкался или даже плюхался в грязь, преследуя серебристых, скользких рыбешек. Как ни поверни, а день выдался хуже некуда.

Но нет худа без добра. Неудачный день кончился не так уж плохо, как мог бы кончиться. Народная полиция не отпускала бригаду почти до сумерек. Допросы, повторные допросы, и бесконечное ожидание, постепенно, мало по малу, пока спускали воду, а потом полицейские эксперты просеивали ил и фильтровали воду в поисках улик. Но ничего не нашли. Никакого оружия, никаких других частей мертвого тела. Не обнаружилось так же и паспортной карточки, оброненной незадачливым убийцей. Ничего. В результате бригада так поздно вернулась в деревню, что вечернего воспитательного собрания устраивать не стали, и вопрос, очень тревоживший Кастора, в этот вечер не обсуждали.

Вместо этого всю бригаду, все четырнадцать человек, кое-как загнали в кабинет помощника руководительницы, где они с трудом разместились стоя, стараясь не заляпать илом добротную мебель. Самокритикой им не пришлось заниматься, не для того их собрали. Помощник руководительницы пожелал просто лично выслушать их рассказ, узнать, что произошло и как произошло. Таким образом, четырнадцать человек полевой бригады в очередной раз пересказали всю историю. На что ушло время, которое они с удовольствием использовали бы на что-нибудь полезное, например, чтобы помыться перед ужином. Кастор обнаружил, что его опять ругают, хотя вроде бы начальник собрал их не для критики.

— Родич Кастор, — холодным тоном произнес помощник руководителя, поскольку оба они носили фамилию Мелкинс, отчего ближе не становились, поскольку половина коммуны состояла из родственников, входящих в семь семейств. — Родич Кастор, язык доведет тебя до беды! Зачем надерзил ты инспектору народной полиции?

— Я не дерзил. Она над нами смеялась.

— Над нами! Над тобой, ты хочешь сказать. И правильно делала. Родич Кастор, ты — тщеславный юнец, потенциально неустойчивый элемент. Я крайне недоволен тобой, и не только тобой. Кузина Рода, как ты намерена восполнить истраченное зря

время?

Собрание закончилось обычным образом: бригаду вдохновили на трудовые подвиги, дабы выполнить продовольственные нормы, а так же порекомендовали уделять побольше внимания воспитательным собраниям. После чего Кастору удалось сбежать в душевую.

Смыв грязь рабочего дня, он отправился в столовую, где наше Марию, свою жену. Она тоже опоздала к ужину. Она сегодня трудилась в сувенирной мастерской, и только несколько минут назад мастерская закрылась. Парочка туристов, собственно говоря, еще торчала снаружи, фотографируя деревенских жителей, занятых повседневными делами, перебрасываясь сувенирным, ручной работы диском для игры в «летающую тарелку», который они купили в мастерской, и вообще всячески наслаждаясь концом дня, проведенного среди чудных крестьян Автономной Республики Бама[4]. Кастор и Мария поцеловались. Кастор — с удовольствием, слегка подпорченным тревогой; она — равнодушно, по обязанности. Кастор лопался от нетерпения поведать жене, какой дрянной выдался день, но похоже, Мария не горела желанием его выслушать.

Мария была высокая, светловолосая — почти такая же высокая, как Кастор, и кожа у нее была немного бледнее, самая светлая в деревне. Родители Марии, хмурые добровольцы, приехали в АРБ двадцать лет назад. Ненадолго их хватило. Мать Марии, через год после рождения дочери, погибла в аварии, угодила под колеса тягача. Отец снова пошел в «добровольцы», но на этот раз — в самом деле добровольно, по собственному желанию. Он уехал в гиблые пустоши западной Айовы и больше о нем не слышали. Ребенок остался в коммуне. Фермеры особенно не протестовали, потому что уровень рождаемости в то время еще не было нужды контролировать.

Но о происхождения Марии, разумеется, не забыли.

— Хочешь поужинать дома? — спросил Кастор.

Мария покачала головой, хотя обычно один из них отправлялся в столовую с их собственной посудой и, наполнив судки и кастрюльки, возвращался домой, чтобы они могли поужинать в тишине и покое, без посторонних.

— Пусть не думают, что мы прячемся, — сказала она. — И есть мне не хочется. — Она замялась. — Завтра я еду на проверку.

— Да? — Больше Кастор ничего не сказал, потому что говорить было нечего. Но чуть погодя настроение у него немного поднялось, так как они подошли к раздаточному окошку и он обнаружил, что на ужин сегодня — его любимое блюдо, тушеное мясо с соусом кэрри, и мяса выдавалась изрядная порция, с

гарниром из риса, выращенного в их собственной деревне.

Мария едва притронулась к еде. Кастор внутренне подобрался, ожидая, что за соседними столами последуют шуточки по поводу плохого аппетита у Марии, потому что по коммуне уже полетел слух, но опасался он напрасно — их оставили в покое, если не считать двух-трех ехидных замечаний. В столовой оживленно обсуждали тему поинтереснее, и незапланированная беременность одной из женщин коммуны была благополучно забыта — на время, — поскольку языки у всех были заняты другой новостью — находкой отсеченной от тела головы. Кастору с десяток раз пришлось повторить всю историю: для соседей по столу, для тех, кто стоял вместе с ним в очереди, за тушеным мясом и за чаем из общего бачка, а потом — за добавкой. Столовая гудела, слухи передавались из уст в уста и трудно было отличить правду от вымысла. Народная полиция прочесывает округу в поисках убийцы. Убийца схвачен в аэропорту Билокси. Народная полиция подозревает в убийстве одного из крестьян деревни — да, нет, чепуха, никого пока не подозревают. Голова упала на поле с неба, потому что взорвался стратосферный лайнер. Но слухи — это только слухи. Видеопанель, передававшая сводку новостей, ничего полезного не сообщила. Показали короткий сюжет: участок рисового поля, потом — сам Кастор, с хмурым видом объяснявший, как он наступил на голову мертвеца и в каком месте это случилось. Сюжет промелькнул за какие-то двадцать секунд. Больше ничего интересного в новостях не было, не считая напоминания о том, что вечером покажут «Солнце в зените».

— Хочешь посмотреть? — спросила Мария.

— Я его еще мальчишкой смотрел.

— Это новая постановка. Говорят, очень приличная.

И Кастор согласился, а потом ему напомнили, что сегодня он дежурит и пришлось руководить оравой школьников, убиравших столы, стулья и остатки ужина. Он рассчитывал провести немного времени наедине с Марией, чтобы вознаградить себя за все передряги тяжелого дня, но из столовой ему выбраться не удалось. Столовая служила общим залом для собраний коммуны, театральной аудиторией, спортзалом, и даже, раз в месяц, залом для танцев. В помещении хватало места всем: зал имел двадцать метров в поперечнике и сверху его накрывал невысокий купол из черного пластика. Не успел Кастор ткнуть носом последнего нерадивого подростка в плохо вымытый пол в углу, как жители деревни неспешно потянулись обратно в зал — наступало время вечернего отдыха.

Как и полагается, деревня владела собственной спутниковой

антенной. Спутник, зависший на геосинхронной орбите над непроходимыми джунглями Боливии, обрушивал на Автономную Республику Бамы телевизионный дождь из двадцати каналов. На шести из них передачи велись по-английски. Старая руководительница, проформы ради, прошаркала в первый ряд, чтобы поставить вопрос на голосование, в чем нужды не было, — обитатели деревни единодушно желали развлечься. Кастор, в общем-то, ничего против зрелища не имел, хотя была у него идея сделать приятное еще приятнее. Он подождал, пока в зал вернется Мария.

— Здесь или дома? — шепнул он, ласково ткнувшись носом в ее шею, чуть пониже затылка. Вместе они были всего полгода, и занятия любовью еще не потеряли прелести новизны, поэтому они обычно проводили вечера в своей квартирке. Их плоский телеэкран казался крошечным по сравнению с громадным голографическим демонстратором общего зала: недостаток этот они компенсировали возможностью смотреть фильм в объятиях друг друга, — или не смотреть, если вдруг возникало желание заняться чем-нибудь поинтересней. Но сегодня Мария осторожно, но решительно, отстранила Кастора.

— Останемся здесь, — сказала она. — Не стоит обращать на себя внимания.

По этой же причине она настояла на том, чтобы сидели они отдельно. Начался фильм.

Кастор был человеком незлым, и неглупым, но по молодости лет еще не успел открыть одну истину: люди, окружающие его, имеют собственные интересы — не только люди во всем мире и не только обитатели деревни, но и его собственная жена. Интересы Кастора окружающих мало волнуют. Поэтому Кастор обиделся. Но вскоре забыл об обиде, — грандиозное действо захватило его. В фильме рассказывалось о знаменитом военачальнике прошлого века, народном маршале, только-только прибывшем с берегов Отчизны, которому пришлось вступить в борьбу с бандой антипартийных элементов. Маршал, партию которого пел великолепный Фенг Вонфред, в одиночку выступил против шести вооруженных врагов, но ему содействовали школьная учительница и несколько верных партийцев. Он разгромил правых уклонистов, принудил их раскаяться и публично отказаться от неправильных взглядов. Постановка была восхитительная, актеры пели великолепно, фильм брал как говорится за душу. В прекрасных натурных съемках показали Америку конца двадцатого столетия: безграничные просторы выжженной земли и горстки первых отважных добровольцев, которые пытались сделать страну вновь пригодной для жизни.

Кастор увлекся фильмом и позабыл обо всем.

В конце оперы, после того, как антипартийные элементы сложили оружие и погрузились в автобус, везущий их в Пенсильванию на перевоспитание, народный маршал и учительница возглавили победоносный марш преданных партии кадров. Плещущие на ветру знамена потрясающе смотрелись на фоне серо-зеленой, заросшей кустарником равнины. Зрители восторженно аплодировали, Кастор в том числе. Объем демонстратора погас, включили свет и Кастор завертел головой, высматривая Марию. Он хотел поделиться с ней своими восторженными впечатлениями, но Мария куда-то пропала.

Кастор обнаружил жену в терминальной комнате. Она склонилась над клавиатурой. Она не слышала, как вошел Кастор, потому что вставила в уши маленькие аудиодемонстраторы. Едва заметив мужа, она тут же выключила экран монитора. Все, что успел заметить Кастор, была мигающая оранжевая надпись, на английском и китайском: «ОЖИДАЙТЕ… ОЖИДАЙТЕ… ОЖИДАЙТЕ…»

В комнате имелось двадцать мониторов, перед каждым стоял рабочий дисплей. Все экраны были хорошо знакомы Кастору. Именно в этой комнате он продолжал образование после того, как заявление в университет ему вернули с отказом. Учитель Кастора хлопотал за своего любимого ученика, но… потерпел поражение. Ничего не вышло. Учитель умолял Кастора продолжить учебу, хотя бы с помощью компьютеров, потому что мозг у него был слишком хорош, чтобы тратить время и силы на выращивание риса. Кастор так и поступил, стараясь не упустить ни единого шанса. Он с завидной настойчивостью грыз гранит науки, проработал уйму учебных курсов из бесконечного каталога компьютерных программ, пока жена его, Мария, не заставила его понять, что в свободное время можно заняться чем-то еще, кроме учебы.

Она спокойно смотрела на Кастора, ожидая, что он объяснит свое появление. Он робко спросил:

— Ты еще не закончила?

— Не совсем.

Он кивнул, посмотрел на ряды консолей и темных экранов.

— Знаешь что, — сказал он, уступая внезапному желанию, — ты не торопись. Я и сам, наверное, поработаю. Нужно кое-что выяснить.

Он не кривил душой. Ему всегда нравилось работать с компьютерами, всегда, только лишь подворачивался случай. Вот и сейчас, едва он выбил на клавиатуре свой код и команды, как напрочь позабыл о странном поведении жены.

Изучал Кастор, в основном, космос. Все, что касалось космоса, в теории и практике. Он бредил космосом. Поскольку мечта оставалась лишь мечтой и воплотить ее в реальность не было ни малейшей возможности, космос стал его проклятием. К своему горчайшему разочарованию Кастор рано обнаружил, что только настоящий этнический ханец мог рассчитывать на то, чтобы попасть в программу подготовки астронавтов. Не говоря о том, что никакой особой космической программы не существовало. Китайцы запустили на орбиту несколько спутников связи, несколько метеорологических и георазведывательных спутников. И это — все. На большее не хватило даже китайцев. Что уж об Америке говорить! У американцев вообще ничего не было.

В течение почти столетия в космос людей не запускали. Нельзя сказать, что на орбите не было людей. Они там были. Мертвые астронавты и космонавты, пойманные в орбитальную ловушку в тот миг, когда разразилась война. Они не смогли вернуться на Землю. В памяти компьютеров упоминалось около шестидесяти «неопознанных объектов». Некоторые удалось засечь, сфотографировать, для других — только рассчитать траектории на основе старых данных.

Кастора заинтересовало другое. Среди «неопознанных объектов» появился новичок. Сказать, что его происхождение было не установлено — это еще слишком мягко описать ситуацию. Новичок находился по другую сторону от Солнца и был едва виден. Подробности рассмотреть было невозможно: во-первых, из-за расстояния в более чем одну астрономическую единицу, во-вторых, из-за маленьких размеров. Чтобы это могло быть такое? А может быть, воображение Кастора вырвалось на свободу. «Спейслэб» в дрейфе? Один из русских «Союзов»? Затерявшийся челнок «Шаттл»? Французская ракета «Ариан»? Ну что угодно!

Он с тоской всматривался в смазанное пятнышко — на большее телескопы не были способны. Итак, объект на месте. Элементы его орбиты достаточно ясны. Через несколько месяцев он приблизится к Земле и… вот тогда необходимо рассмотреть как следует! Конечно, это всего лишь один из тех шестидесяти «неопознанных». Он слишком близко подошел к Солнцу, произошли пертурбации…

А вдруг — нет?

С улыбкой на лице Кастор снял маленькие наушники и повернулся к жене. Удивительно, но Мария, похоже, все еще не закончила своего дела — чем бы она там ни занималась. Она ответила на его взгляд спокойно, сдержанно. Она все еще ждала

ответа. Большие голубые глаза холодно смотрели на Кастора. Он замялся, пытаясь придумать какую-нибудь подходящую фразу, разыграть психологический гамбит, чтобы сидевшая перед ним подчеркнуто вежливая и отстраненная женщина вновь превратилась в его жену. Он вытащил пакетик сушеных фруктовых ломтиков и попробовал угостить Марию. Она отрицательно покачала головой.

— Но ты ведь почти не ужинала, — сказал Кастор.

— Мне не хотелось есть, — объяснила она.

Кастор кивнул, как будто объяснения этого было вполне достаточно, и принялся сгрызать съедобную обертку со своего ломтика. Потом впился в душистую сладкую мякоть груши. Если Мария не хочет отвечать, бесполезно задавать вопросы. И все же любопытство не оставляло его в покое.

— А что ты искала? — спросил он и улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка получилась добродушная, понимающая, типа «я-то-знаю, — у-тебя-есть-маленький-секрет».

— Так, кое-что, — ответила она неопределенно. Все, конец связи.

Кастор пожал плечами.

— Я собираюсь ложиться спать, — сообщил он, отбросив дипломатические тонкости.

Голубые глаза холодно смотрели на него, потом Мария повернулась к экрану. Она помедлила, затем приняла решение. Она быстро выключила монитор, и вместе с экраном, щелкнув, погас образ далекой, холодной Марии.

— И я тоже, — сообщила она, поднимаясь и вынимая из ушей вставки аудиодемонстраторов. Она протянула руку, коснулась его плеча — ласково, нежно. Голос ее тоже стал другим. — Собираюсь ложиться с п а т ь. — И добавила: — В конце концов, теперь все равно.

2

Если бы Кастора спросили, любит ли он жену, он ответил бы не задумываясь. Конечно, любит!!! Даже когда она уходит в себя, замыкается. Даже когда она рискнула забеременеть. Он нисколько ее не винит, так бы он сказал. (Наверное, Кастор внутренне уже репетировал разговор, который неизбежно должен был вскоре состояться.) Да, у них проблемы, но жену он не винит. Она дорога ему, очень…

Все-таки странно, что после ночи, проведенной совсем как в старые добрые времена, наутро Мария опять замкнулась в себе. Еще до завтрака она потихоньку выскользнула наружу, чтобы

успеть на автобус, идущий в Билокси. Ей не нужно было спешить. Она вполне могла подождать до полудня. И Кастору не пришлось бы объясняться с инструктором по аэробике и тай-чи, так как Мария просачковала утренние занятия. Для Кастора день вновь начался с неприятностей, и поэтому, когда Толстая Рода собрала третью бригаду и бросила клич выйти на добровольные работы, чтобы возместить потерянное вчера трудовое время (сегодня у бригады был законный выходной), Кастор решительно выпятил подбородок и наотрез отказался. Поскольку слоняться без дела по деревне было нежелательно, он взял электроцикл и отправился к берегу, на пляж. Он быстро снял одежду, бросил на песок, понюхал воздух — не тянет ли запахом метана? Вроде бы нет, сегодня воздух был чист. Он сунул руки в ремни заплечного дыхательного аппарата, натянул маску и ступил в теплые, соленые волны.

Под водой, в безопасности морского лона, словно плод в чреве матери, Кастор ощутил покой и даже радость. Он ожил. Как давно он не выбирался поплавать!

Собственно говоря, с тех пор как женился, потому что Мария до ужаса боялась акул. Кастор решил, что придется переубедить жену или ходить на пляж в одиночку. Удовольствие подводного плавания слишком велико, чтобы от него отказаться. Ведь еще десятилетним мальчишкой (когда ему разрешили ходить к морю самостоятельно) он, оседлав велосипед, или пешком, преодолевал длинную, тихую дорогу, ведущую к пляжу, среди болотистых низин, зарослей тростника, в обход гигантского радиотелескопа. А море оставалось, как всегда, прежним.

В каждом из баллонов воздуха хватало на час, и Кастор поплыл, следуя плавному изгибу дна. Он знал, как найти опознавательные буйки, но то и дело уклонялся от безопасной трассы, заглядывая в любопытные расщелины, исследуя скопления мусора или преследуя рыб. А иногда убегать приходилось ему, потому что, хотя Кастор и не страшился глупых заблудившихся акул, но присутствие морских хищников его раздражало. Под водой, как всегда, было прохладно и намного опрятнее, чище, чем на суше. Течения, питавшие Залив, не приносили с собой ила, промышленных отходов, городских сточных вод — никаких напоминаний о жутком, испепеленном войной мире столетней давности. Почти не приносили, во всяком случае. Потому что смерть-стекло появлялось даже у берегов Залива. Некоторые скопления, не очень глубокие, видно было даже с пляжа, особенно ночью — в воде мерцало бледно-голубое пламя. Смерть-стеклом пугали детей, запрещали приближаться к его скоплениям. Разумеется, запрет действовал наоборот.

Кастор — взрослый — тоже не прислушался к голосу благоразумия, к тому же, как он узнал из одного компьютерного курса, самые опасные виды излучения давно уже потеряли силу. Скопления смерть-стекла были чрезвычайно красивы. Сквозь стайки рыб, сквозь заросли бурых водорослей он кружил, любуясь пузырчатыми стеклянистыми образованиями, полупрозрачными, мерцающими, как медузы, в неверном подводном свете. Некоторые осколки напоминали высокие призмы, некоторые из них согнулись, частично расплавились посередине; а большинство осколков приняло закругленную, шарообразную или каплевидную форму, прежде, чем вновь затвердеть. Кастор знал, что на самом деле это не стекло, а остекленевший мусор. Радиоактивные отбросы, которые поспешно вывозили в залив и сбрасывали в отчаянные дни войны, когда все, казалось, сошли с ума. Экипажи барж не виноваты, что разбросали груз на территории в сотню квадратных километров. Они слишком торопились. Но оплавленные кусочки казались такими красивыми, что Кастор даже забывал об их происхождении. От осколка к осколку, он спустился на глубину в шестьдесят метров, а потом, с неохотой, повернул назад и, не поднимаясь на поверхность, поплыл к берегу. Один баллон опустел, пора выходить на сушу. На обратном пути он не обращал внимания на рыб и подводные достопримечательности. Он размышлял над тем, как смерть-стекло очутилось вблизи берега. И почему оно вообще появилось. Интересно было бы взглянуть на мир, каким он был до момента, когда прежние Соединенные Штаты и прежний Советский Союз приняли неверное решение, совершили немыслимое. Что, если бы все произошло иначе? Если бы они сказали друг другу: «Эй, послушайте, нет смысла жалить друг друга до смерти, словно скорпионы в банке. Выбросим лучше эти опасные штуковины куда подальше, и подумаем как нам поразумнее справиться с нашей агрессивностью». Каким был бы мир, не случись война, не появись в Америке китайцы? Может, Кастора приняли бы в университет? Или он нашел работу получше, чем гнуть спину на рисовой плантации? И не смеялись бы над ним высокомерные ехидины вроде вчерашней инспекторши?

Кастор все еще размышлял над этими вопросами, когда достиг берега, вынырнул и увидел, что вчерашняя женщина-инспектор народной полиции стоит на берегу и ждет его.

Женщина стояла к нему спиной, покуривая лакированную трубочку, разглядывала, прищурясь, диск радиотелескопа, поднимавшийся вдали. Кроме маски и дыхательного аппарата с баллонами на Касторе ничего не было — какой смысл натягивать

плавки, если все равно пляж совершенно безлюден и никто его не увидит. Он замер, остановился по колено в воде, что было бесполезно. Ласковые волны накатывали на песок пляжа, и Кастор не знал, как ему поступить. Смутиться? Или спокойно выйти из воды?

У инспектора народной полиции подобных проблем, похоже, не возникало. Она обернулась, и хмурый прищур глаз сменила приятная улыбка.

— О, вот и ты, Мелкинс Кастор! Ты превосходно выглядишь сегодня!

Кастор выпрямился, демонстрируя воинственную независимость.

— Приятная встреча, инспектор Цзунг Делила.

Она рассмеялась.

— Откуда ты узнал мое имя? Впрочем, все равно… полагаю, тем же способом, каким я узнала твое — ты спросил, и тебе ответили.

Она подошла к самой кромке воды, ленивые волны набегали на ее до блеска вычищенные форменные сапожки. Она стояла всего в метре от Кастора. Она нагнулась, попробовала воду, потом медленно выпрямилась, попутно рассматривая Кастора во всех подробностях.

— Какая вода! Уж не раздеться ли самой и немного поплавать за компанию? — задумчиво протянула она.

— У меня только один аппарат, — заметил Кастор.

Она посмотрела ему в лицо, и на этот раз смех был не таким веселым.

— Тогда одевайся, Книжник, — сказала она, отвернулась и зашагала к отвесу обрыва, нависшего над пляжем. Присев, — за спиной ее могучей дугой поднимался край радиотелескопа, — заново набила трубочку, наблюдая, как Кастор натягивает шорты.

— Ты бывал там? — вдруг задала она вопрос, показывая в сторону чаши радиотелескопа.

Он покачал головой.

— Даже чтобы просто посмотреть?

— Нет. Работают там почти что одни ханьцы, они пользуются собственным самолетом. В деревне их не увидишь. Конечно…

Она договорила вместо него:

— Конечно, ты бы мечтал получить работу в обсерватории, как я понимаю?

Кастор сдержался, ничего не сказал — естественно, если она проверила его личное дело, она знает о попытке.

— Но как ты можешь рассчитывать на работу в обсерватории, не получив образования? — продолжала она донимать Кастора.

— Это не моя вина! Мне отказали в приеме. Решили, что я принесу больше пользы, выращивая рис.

— Справедливо. «Пища — основа социализма», — процитировала она одобрительно.

Кастор не ответил, даже плечами не повел. Он просто стоял, раскачивая на ремне акваланг и ждал, пока она не объяснит, зачем явилась. Инспектор Цзунг Делила кивнула с довольным видом, попыхивая трубочкой. Дым был душистый, сладкий, даже слишком.

— Мы обнаружили тело, Мелкинс Кастор, — неожиданно заговорила она. — По крайней мере, кости. Их перемололи вместе с костями свиней на бойне, в соседнем скотоводческом коллективе. Но перемололи не совсем тщательно, кое-что удалось опознать. — Она с любопытством наблюдала за выражением на лице Кастора. Потом добавила: — А мясо пропало. Очевидно, труп разрубили на части и каждую отдельно пропускали через механическую дробилку, и поэтому на костях мяса не осталось… кстати, а тебе вчерашний ужин как понравился? Вкусно было?

На этот раз инспектор Цзунг Делила рассмеялась от души, потому что Кастор выронил на песок маску, рот его скривился, он сглотнул, сдерживая тошноту.

— Нет, нет, погоди! — со смехом сказала она. — Я пошутила. Мясо скормили свиньям, мы уверены.

— Спасибо, что успокоили, — сердито сказал Кастор. Мысленно он поклялся, что с этого дня к свинине не притронется. Некоторое время.

— Не за что. — Она вновь бросила взгляд в сторону радиотелескопа, потом, оставив шутливый тон, сказала вполне серьезно:

— Итак, очень приятно, было побеседовать, Книжник, но меня призывают обязанности. Это тебе.

«Это» представляло собой повестку, с красной печатью и кодом народной полиции, нанесенным специальными магнитными чернилами. Кастор принял повестку, уставился на нее, не понимая, что ему делать с этим листком.

— Ты обязан явиться в суд, как свидетель, для проведения дознания, мой юный Мелкинс Кастор, поскольку тебя угораздило наткнуться на единственную часть трупа, которую возможно опознать. Относительно времени тебя уведомят дополнительно. Деревню же тебе пока покидать не разрешается.

— А куда мне ехать? — проворчал Кастор.

Цзунг Делила не обратила внимания ни на его слова, ни на тон, которым они были сказаны и объяснила жизнерадостно:

— В Новый Орлеан. Как только прибудешь на место, обратись

непосредственно ко мне. Кто знает? Быть может, я раздобуду еще один акваланг и мы насладимся чудесной подводной прогулкой, без посторонних — только ты и я.

…Обратно в деревню Кастор ехал не торопясь, выжидая, пока осядет пыль, поднятая машиной инспектора полиции. Но когда он проезжал мимо ограды из проволочной сетки, окаймлявшей территорию радиотелескопа, как из-под земли возникли двое охранников и выругали Кастора за медлительность, поэтому пришлось прибавить скорость. Любопытное происшествие: раньше за оградой не было видно ни души. Когда Кастор отправился в обсерваторию узнать, не найдется ли для него места — он был готов работать уборщиком, лаборантом, кем угодно, — ему пришлось двадцать минут торчать у въездных ворот, пока на его звонок ответили. Да и то сразу же велели убираться. А если он так хочет получить работу, пусть направляет прошение по официальным каналам. До слуха Кастора доносилось жужжание невидимых вертолетов на посадочной площадке обсерватории. Если обсерваторию посетили высокопоставленные лица, тогда все понятно, но возникает другой вопрос: что могло привлечь высокопоставленных лиц в столь глухую, отдаленную местность?

К тому времени, когда Кастор вкатился на своем электроцикле на деревенскую площадь, он уже горел нетерпением поведать Марии о событиях дня, о странном разговоре с представительницей народной полиции — на всякий случай, в несколько сокращенном варианте, с купюрами. Наверняка ей будет интересно узнать…

Он ошибся. Ей вовсе не было интересно его слушать. У нее, — с ее точки зрения, — были новости поважнее. Кастор нашел жену дома, и лицо ее сказало ему все, что потом подтвердили слова.

— Да, Кастор, ошибка исключена. Яйцеклетка начала делиться. Я беременна.

— Ах… — начал он, но далее следовало «черт подери», и Кастор передумал. — Ах, вот как, значит. — Он нежно взял ее за руку, он был готов стать для нее гранитной скалой, каменной стеной, щитом и мечом. Вместе они будут противостоять катастрофе, свалившейся им на голову. Но выражение лица Марии сбило его с толку. Взгляд ее… Он не был холодным и отстраненным, и любви в нем тоже не чувствовалось. Взгляд ее был безмятежен. Полный покой. Потом Кастор вспомнил.

— Да, сегодня вечером собрание. Нам придется несладко, если только… А может, они еще не получили твою справку…

— Не говори глупостей, — не сдержалась Мария. — Они получили все документы. Диагноз был готов еще утром.

— Понятно. — Он обдумал ее слова, потом оглядел комнату

и озадаченно поинтересовался:

— Но ты ведь, кажется, только-только приехала?

— Я только что вошла. Я была в терминальной. И не только. Пойдем, пора ужинать.

Ужин обещал превратиться в настоящую казнь, но их спасла случайность. Руководительница прошлепала вперед и объявила, что коммуна, послушно идя навстречу «просьбе» народного правительства, — она всегда использовала именно слово «просьба», хотя на памяти Кастора деревня еще ни разу подобным «просьбам» не отказывала, — отключит все электрические приборы и устройства на семьдесят пять минут. Причину им не сообщили. Поэтому ужин закончился при свечах, и при свечах же бригада уборщиков смахнула со столов крошки, вымыла пол, расставила стулья, подготовив зал к вечернему собранию. Неверный колеблющийся свет давал лентяям возможность просачковать работу, всласть почесать языки, поэтому уборка продвигалась медленно. Темой для длинных языков послужило недавнее убийство, и обнаруженные в соседней коммуне останки (преступление произошло ведь не в родной деревне, поэтому оно никого не пугало, наоборот, болтуны с наслаждением обсуждали подробности). Преимущественно же все жаловались на отключение электричества. Такое нечасто происходило, и насчет причины высказывались разнообразные предположения, довольно нелепые, потому что толком никто ничего не знал.

Зато о неприятностях, обрушившихся на Кастора и Марию, никто словом не обмолвился, и Кастор решил, что это дурной знак. Снова вспыхнул свет, вот-вот должно начаться собрание. Значит, ими займутся на собрании, поэтому болтуны и берегут силы.

Небольшая сцена в конце зала была оборудована голографическими проекторами и зеркалами, чтобы смотреть фильмы. Если зал использовался как столовая, проекторы прятались в безопасные колодцы в полу, и вдоль сцены выстраивались в буфетные столы. Перед началом воспитательного собрания на сцену выносили один-единственный стул, а участники собрания располагались полукругом пониже, перед сценой.

Кастор смотрел на одинокое сиденье на сцене, как, должно быть, в старину приговоренный к смертной казни преступник смотрел на электрический стул. Человек, занявший «горячее» место, чувствовал себя до боли одиноким и беззащитным. Мужчина ли, женщина ли, под прицелом трех сотен пар глаз он мгновенно покрывался липким потом. Три сотни обвиняющих голосов атаковали его жалкие, виновато рдеющие уши. Заикаясь,

обвиняемый выдавливал из себя формулы самокритики или (глупый гордец!) упрямился, начинал оправдываться — и слышал собственный голос, ревущий поверх трех сотен голов из точечных громкоговорителей, вмонтированных в стены. Если уж член коммуны и мечтал отличиться, то подобным образом — никогда.

Поскольку больше не было смысла стараться предотвратить грозу, Кастор провел жену в самый первый ряд и гордо уселся, держа Марию за руку. Она не противилась. Она хранила полнейшее спокойствие, и лицо у нее было такое безмятежное, словно она была уверена — сегодня вечером ее имя ни разу не будет произнесено.

Поначалу так и вышло. Первым на «горячее» место усаживали, по традиции, кого-нибудь из бригадиров. Ведь продукция и производительность — тема номер один для любой сельскохозяйственной коммуны, как не крути. В этот вечер пришел черед Толстой Роды. Гневный голос помощника руководительницы назвал ее имя.

— Мелкинс Рода! — прогремел голос помощника. — Ты на два гектара отстаешь от планового задания. Как ты допустила подобное, учитывая, что пища — основа социализма?

Но Толстая Рода была тертым калачом. До тонкостей изучив искусство сидеть на «горячем» стуле, она поспешила вперед, к сцене, и уже на ходу начала критиковать себя.

— Я была слишком снисходительна к моей бригаде, — призналась она. — Я не справилась с руководством, не сумела организовать людей на добровольную работу, чтобы выполнить план. Вчера Мелкинс Кастор уклонился от дополнительных работ, и я закрыла на его проступок глаза, не попыталась разъяснить всю политическую важность… — В этом месте она вполне могла бы и остановиться. Кастор пришел в ярость. Какая подлость! Она принялась критиковать его, прекрасно сознавая, что последует немногим позднее. Вполне в стиле Толстой Роды.

Все прекрасно понимали, что самокритика Роды — не более, чем ритуал. Когда бригадирша закончила посыпать голову пеплом, ее отпустили с миром, взяв обещание усердно работать и учиться. И все.

Потом помощник властно взмахнул рукой и на сцену вынесли второй стул. И началось.

Обычно сеанс на «горячем» сиденье продолжался минут десять. Самые закоренелые преступники проводили на нем до часа, но это только в особых, безнадежных случаях, когда член коммуны совершал нечто, влекущее за собой изгнание из деревни или что-нибудь похожее. Но прошел час, а Кастор с Марией все сидели на сцене, и толпа, похоже, только-только вошла во вкус.

Казалось, сказать свое веское слово стремился каждый из членов коллектива — и не только по поводу несанкционированной беременности. Кастору припомнили все, даже самые мелкие грехи.

— Зачем изучал ты китайский и астрофизику вместо какой-нибудь полезной для коллектива науки, например, почвоведения или бухгалтерского учета?

— Ты проявил тщеславие, Кастор, непростительную гордыню! Ты позабыл, где твое место!

— Ты дерзко разговаривал с инспектором народной полиции! Это наглость, Кастор!

— Ты подумал о том, что может случиться с деревней, если мы превысим уровень рождаемости? Хочешь, чтобы нас стерилизовали, как африканцев?

— Если бы ты был верным членом коллектива, если бы тебя волновала судьба коммуны, ты не просил бы о переводе в обсерваторию!

— Гордыня, Кастор! Гордыня и тщеславие! Учись быть скромнее!

И так постоянно — Кастор такой, Кастор сякой. А как насчет Марии, из-за которой и возникли все неприятности? Кастор, крепко сжав зубы, пылающим взором окинул полукруг гневно обвиняющих его товарищей. Ведь именно Мария решила, что если случилась беременность, то пусть ребенок родится. Кастор всего-навсего согласился с ней, не более. Разве он виноват, что прошло полгода их семейной жизни, и все равно, каждый вечер он жаждет ее тела? Как поступить? Ответить на обвинения? Свалить вину на Марию? Предаться самокритике и последовать примеру Толстой Роды? На это он не пойдет, гордость не позволит. Да, у него есть собственная гордость, он самолюбив, может быть, дерзок, но в любой случае, он будет сидеть сцепив зубы, и пусть говорят, все что им придет в голову. Ему захотелось дотронуться до Марии. Жаль, что стулья поставили на некотором расстоянии друг от друга. Ему так хотелось взять руку Марии в свою, успокоить ее — или себя, что ближе к истине. Мария, похоже, в утешениях не нуждалась. Сложив руки на коленях, она сидела тихонько и взгляд ее был безмятежен.

Наконец помощник руководительницы звонко хлопнул в ладоши, — ему нужен был микрофон, и автоматическая поисковая система развернула микрофон в его сторону. Он сказал:

— Говори же, Кастор! Что ответишь ты на справедливый гнев твоих товарищей?

Кастор скрипнул зубами, потом сказал сердито:

— Я был неправ. Я не выполнил своих обязанностей перед народом.

— И все? — не отпускал его помощник. Кастор молчал: не в силах был заставить себя говорить. — И что еще? — продолжал безжалостно помощник. — Как насчет беременности? Разве это не твоя вина? Какие шаги ты намерен предпринять?

Кастор, взбешенный, открыл рот, хотя сам не знал, что сейчас скажет. Но ничего не успел произнести. Мария хлопнула в ладоши, привлекая внимание микрофона, и спокойно, внятно, сказала:

— Кастору об этом сказать нечего.

Помощник изумленно уставился на нее, позабыв закрыть рот. Несколько секунд он так и стоял с отвисшей челюстью, потом пришел в себя и пробормотал:

— Что? Что ты сказала?

— Я сказала, что решение принимал не он. Я развожусь с Кастором. Я подала заявление на развод, и решение вступит в силу в течение двадцати четырех часов, если Кастор не опротестует его.

— Протестую! — прохрипел Кастор, к которому вернулся дар речи.

— Не нужно, — спокойно сказала она, повернувшись к нему лицом. — Не стоит, потому что я никогда не соглашусь на аборт. И еще. Я подала заявление о переводе. Я добровольно уезжаю в зерновой коллектив, в прерии. Они освобождены от норм рождаемости. Меня приняли.

Она улыбнулась Кастору, потом улыбнулась вдруг притихшему залу.

— Так что сами видите, — сказала она в заключение, — больше об этом нечего говорить.

В самом деле, все уже было сказано.

Все было сказано, хотя Кастор провел бессонную ночь, собирая жену в дорогу. Он то плакал, то начинал спорить, то умолял ее передумать, и, наконец, посадил жену в автобус, идущий в Саскатчеван. Мария тоже не спала всю ночь, и ей тоже пришлось пролить немало слез, но к тому времени, когда, рыча мотором, подкатил автобус, она улыбалась.

— Ты по-прежнему очень дорог мне, Кастор, — сообщила она. — И я пришлю тебе карточку нашего ребенка.

— Мария, Мария! — простонал он. Потом сделал последнюю отчаянную попытку: — Подожди до завтра! Мы уедем вместе!

Она грустно покачала головой.

— Не могу. К тому же, — заметила она, — тебя должны вызвать в суд, тебе нельзя уезжать из деревни. — Она поднялась

на ступеньку автобуса, наклонилась, чтобы поцеловать его на прощанье. — И по правде говоря, ты ведь на самом деле совсем не хочешь уезжать, верно?

3

Повестка в суд пришла через шесть дней. За это время Кастор успел раз сто принять окончательное решение относительно Марии и раз сто передумать. И все решения были разные. В результате он не предпринял ничего. Мария для него потеряна. Она разбила его сердце. Кастор превратился в растерянного, утратившего почву под ногами человека. Рана болела, и болела сильно. Но с другой стороны, решил он, если она так легко с ним рассталась из-за такого пустяка, как еще неродившийся ребенок, то… почему бы и нет? Пусть живет, как ей нравится.

Пользы от него в эти шесть дней было мало. Помощник руководительницы не преминул прямо ему сказать об этом, а потом, уже по-человечески, нормальным тоном, добавил:

— Стереги карманы, родич Кастор, и не задерживайся в городе надолго. Да, кстати, если подвернется случай, купи мне шоколадных батончиков, знаешь, такие, с мятной помадкой… в чем дело?

— Вот в чем! — проворчал Кастор, помахав перед носом помощника билетами. Китайцы-хань, правительственные чиновники и лица, едущие по делам государственной надобности, имели право воспользоваться воздушным транспортом. Это известно каждому. Но помощник только расхохотался в ответ на претензии Кастора.

— Государственное дело?! Ты всего-навсего свидетель, а не выдающийся партиец! Поедешь в Новый Орлеан, расскажешь, как было дело и — назад. Не забудь купить шоколадки, прошу тебя. А государственное дело, родич Кастор, — оно здесь, в коллективе. И кем, по-твоему, я тебя заменю, а? Кто вместо тебя работать будет? В общем, езжай автобусом и не слишком себе воображай.

Кастору предстояло длинное путешествие. Впервые в жизни покидал он пределы родной автономной республики. Автобус полз по прибрежному шоссе, мимо рисовых полей, мимо заболоченных низин, мимо пастбищ, а потом вверх вдоль устья Миссисипи, направляясь к далекому большому городу. За первые пять часов поездки Кастор ничего нового в окне не увидел. Очень жаль. Зато появилось время подумать. Мысли, которые то и дело приходили в голову, не отличались разнообразием. Ему уже надоело думать об одном и том же. Кастор прекрасно знал, почему добровольцы в Саскатчеване могли не тревожиться на

счет норм. Потому что уровень смертности был едва ли не выше, чем рождаемости. Люди гибли от суровых зимних морозов, от голода (часто случались неурожаи), от радиации — Саскатчеван был еще диким краем, фронтиром, той частью континента, где раны войны не успели полностью затянуться. И люди гибли просто потому, что жили в этом диком краю. Он должен был удержать Марию. Он должен был ехать с ней вместе, хотя это было невозможно. Невозможно, пока не кончится дознание, но потом, через неделю, через месяц, он поедет за ней… В этом месте мысли Кастора обычно прерывались. Тупик.

Мария была права, сказав на прощанье: «Ты ведь не хочешь уезжать на самом деле, верно?»

Он действительно не очень хотел покидать деревню ради Саскатчевана.

К этому моменту автобус достиг окраин Нового Орлеана. Мысли о Марии мгновенно испарились.

Автобус еще только пересекал новый, восточный район пригорода, а Кастору казалось, что он попал в страну чудес. Вдоль улиц с жужжанием проносились электрические троллейбусы, люди в яркой одежде бродили из магазина в магазин, рассматривая витрины, останавливались у тележек уличных торговцев, чтобы полакомиться мороженым, шербетом или сливками, выпить прохладительного напитка из бумажных стаканчиков. Над тротуарами вздымались громады зданий — в три этажа, в пять, шесть, иногда десять и больше, а потом, когда показался мутный ручеек, все еще носивший гордое название Миссисипи, Кастор увидел небоскребы в сорок этажей и повыше. От изумления Кастор широко раскрыл глаза и рот. Он, взрослый гражданин, полноправный член сельскохозяйственной коммуны, в скором будущем — отец, человек, приехавший в крупный город по важному делу — свидетельствовать в суде, — при всем при том он оставался двадцатидвухлетним юношей. Разглядывая чудеса, окружавшие его со всех сторон, он забывал о себе. Только когда автобус пересек мост через речку и они въехали в обширный двор шумного автовокзала, Кастор забеспокоился. Он забросил за спину сумку, проверил, на месте ли деньги, и вышел через огромные, вращающиеся двери, наказавшие его за медлительность увесистым толчком по пяткам. Ему было велено явиться в здание суда по уголовным делам. Очень хорошо. Чудесно. Но как же ему отыскать это самое здание?

Полицейский с зелеными погонами стоял на страже островка безопасности, разделявшего оживленную магистраль. Спросить у него? Но, опять-таки, как до него добраться? Одно дело глазеть на поток движения в автобусное окно, сидя в безопасности.

Совсем другое — оказаться в самой гуще. Машин было пугающе много — грузовики, троллейбусы, личные автомобили, фургоны, такси. Они сновали туда и сюда, как будто в Новый Орлеан именно сегодня собралось все население Северной Америки, и на полной скорости бешено мчало по магистрали мимо автовокзала. Кастор долго стоял на бровке тротуара, наблюдая, пытаясь разрешить загадку светофоров. Потом, улучив момент затишья, храбро проскользнул под носом у притормозившего фермерского грузовика и добрался до островка безопасности. Полицейский одарил его строгим взглядом.

— Здание уголовного суда, — выдохнул запыхавшийся Кастор. — Как туда пройти?

Ему объяснили, как туда пройти, заодно он узнал, что по глупости проехал на два километра дальше, чем нужно, миновав пункт назначения. Кроме того, ему прочитали лекцию об обязанностях доброго гражданина при переходе оживленных улиц. Он был рад унести ноги. Но едва Кастор немного освоился и непосредственная опасность погибнуть под колесами ему больше не грозила, он воспрял духом.

Прогулка оказалась утомительно долгой. С другой стороны, вокруг было столько интересного! Совсем не то, что смотреть из окна автобуса. Теперь он мог вдыхать запахи улицы, чувствовать под ногами тротуар, потолкаться в толпе. Билокси до Нового Орлеана далеко! Экскурсионные автобусы были набиты туристами — ханьцами, прямо с берегов Отчизны. Оказывается, туристы с удовольствием фотографировали не только сельские коммуны, — Новый Орлеан тоже был им в диковинку. Вдоль тротуаров выстроились торговцы-лоточники, продавали сочные красные помидоры, виноград, длинные белесые стебли салата-латука; все это торговцы выращивали на собственных участках и каждое утро приносили в город, чтобы сбыть товар и поглазеть на городскую жизнь. Почти в каждой нише, каждой подворотне расположились ремесленники, разложив нехитрый инструмент, готовые любому оказать услугу: починить башмак или подстричь волосы. Почти все торговцы и ремесленники были янки. Почти все пешеходы, прогуливавшиеся вдоль тротуара — китайцы-хань, но на Кастора никто внимания не обращал.

Кастор обнаружил, что под ложечкой сосет — у него разыгрался аппетит, и он остановился у тележки, с которой продавали охлажденный шербет. Тележку окружала небольшая толпа покупателей. Понаблюдав за клиентами торговца, он выяснил, с какой стороны нужно пробираться к прилавку, двигаясь вместе с очередью, потом расстегнул карманчик и отделил от тощей пачки купюр одну банкноту. Торговец,

внимание которого Кастору удалось, наконец, привлечь, подозрительно взглянул на купюру с красной каймой — у всех купюр АРБ имелась красная кайма, — но, пожав плечами, деньги принял, но сдачи не дал. Кастор отвернулся и отошел. Он злился на себя, потому что понимал — его обсчитали, и он не решился протестовать. Вдруг ухмыляющийся юноша-ханец дружелюбно хлопнул Кастора по плечу. На маловразумительном английском он жизнерадостно поинтересовался:

— Брат, ты прямо из глубинки? Не боись! Врубишься скоро-скоро, понял?

Кастор, услышав его английский, поморщился, но был благодарен юноше за моральную поддержку. Он спросил на высшем наречии:

— Мне нужно попасть к зданию уголовного суда. Я правильно иду?

Оказывается, да, он на верном пути. Но новому знакомому потребовалось несколько минут, чтобы объяснить Кастору, где поворачивать, как пересекать магистраль по пешеходным мостикам на определенных перекрестках — и все это в сопровождении дружеских похлопываний по плечу, спине, тычками в ребра и живот. Кастор немного удивился, поскольку китайцы-хань традиционно избегали прикосновений к другому человеку, насколько возможно, но все равно был очень благодарен пареньку. Почти целый час.

Через час Кастору пришла в голову полезная мысль. Среди достопримечательностей Нового Орлеана не последнее место занимали магазины, универмаги, салоны, торговые центры; и не только помощник руководительницы коммуны жаждал приобщиться к богатствам большого города. Кастор решил увезти с собой столько предметов роскоши, сколько окажется в состоянии приобрести. Для этого нужно было пересчитать деньги, определить, что он может себе позволить, а что нет, и тут Кастор обнаружил, что деньги пропали. Карманчик был расстегнут и пуст.

С этого момента Кастор никакой благодарности к юному ханьцу не чувствовал.

Он добрался до здания суда, и ему передали приказ инспектора Цзунг явиться лично к ней; прошагав лишний километр к управлению народной полиции, он выяснил, что инспектора нет на месте; когда секретарь по телефону отыскала инспектора, инспектор велела Кастору отправляться в гостиницу для командированных, а утром явиться на заседание суда — еще полтора километра пешком, и солнце уже село. Клерк за стойкой дежурного сообщил ему две новости, хорошую и плохую. Плохая

новость состояла в том, что к ужину, который подавали постояльцам, Кастор опоздал; зато, — хорошая новость! — менее чем в квартале от гостиницы полно ресторанчиков…

Конечно, новость приятная — если у вас есть деньги.

Выступление Мелкинса Кастора в суде свелось к тому, что он ответил на три вопроса, каждый ответ был длиной всего в одно слово, но времени пришлось потратить изрядно, хотя выступать он должен был первым. Сначала пятеро судей и разнообразные судебные чиновники долго перешептывались — что-то они не поделили, похоже, — а Кастор и все остальные пребывали в нервном ожидании (Кастора, например, грыз голод) начала представления.

Впрочем, Кастор мало обращал внимания на голод. Он возбужденно вертел головой во все стороны, разглядывая зал суда, пока у него не заболела шея. Зал суда был разделен на три концентрические «четвертины», словно концерт-холл. Впереди находилась так называемая «сцена» с местами для судей, народных юрисконсультов и секретарей. На некотором расстоянии помещались скамьи для свидетелей, где сидел сам Кастор и где впереди, в самом первом ряду, он заметил коротко подстриженную черноволосую голову инспектора Цзунг Делилы. За спиной Кастора поднималась прозрачная перегородка, отделяя судей и свидетелей от галереи для зрителей, чтобы шум и гам не препятствовали творить правосудие. Галерея предоставляла места для нескольких сотен зевак, но сегодня там было просторно. Очевидно, поглазеть на заседание явились только самые любопытные и те, кому нечем было себя занять, решил Кастор. Среди зрителей Кастор заметил нескольких янки, лицо или два показались ему смутно знакомыми. Может, это члены скотоводческой коммуны? Не исключено, процесс наверняка должен был заинтересовать жителей соседнего коллектива. С другой стороны, никто из деревни Кастора не приехал. Другие зрители оказались полюбопытнее, с его точки зрения. Как всегда, целый автобус вездесущих туристов с Материка, группа поменьше — из Индии, в сари и тюрбанах, но все — с фотокамерами. У некоторых зрителей вид был более чем странный. Например, присутствовал человек с громаднейшей головой, словно ему надели футбольный шлем, который был ему велик на пять размеров. Может, это и был какой-то особый шлем или шляпа? Большеголовый был ханьцем, но выражение лица у него поразительно быстро менялось, а поведение было еще более непонятным, чем лицо. Похоже, человек этот не мог решить, чего же он хочет. Он поднимался, чтобы покинуть зал, потом снова пробирался между сиденьями к старому месту; снова

приподнимался на секунду и с громким стуком откидного сиденья опускался. К удивлению Кастора забавному типу все сходило с рук, его не вышвырнули из зала. Наоборот, служители, похоже, считали его лицом привилегированным.

Затем, когда судьи разрешили свой спор и пришли к некоему общему мнению, и заседание было открыто, возникла новая задержка.

Секретарша с каменным лицом приблизилась к Кастору, который смущенно поежился под строгим взглядом судей, в этот момент направленном на скамьи свидетелей, и спросила на высшем наречии:

…— Сознаете ли вы всю ответственность за дачу ложных показаний под присягой? Готовы ли вы говорить правду и ничего, кроме правды?

Кастор начал было отвечать, но у секретарши вдруг удивленно поднялись брови, она с потрясенным видом заставила его замолчать, пока вопрос ее переводили на английский. Кастор понял, что способным к разумению высшего наречия его не считают. Неприятное открытие, что и говорить. Он не подал виду, но самолюбие его было болезненно уязвлено. Он обвел взглядом галерею зрителей. Почти все глазели на него, включая большеголового чудака. Инспектор Цзунг Делила наблюдала за ним с ехидной полуусмешкой. Наконец, Кастору задали три вопроса:

— Ваше имя — Мелкинс Кастор и вы являетесь гражданином автономной республики Бама, членом полевой бригады номер три коллективной фермы «Небесное Зернышко»?

Пауза для перевода, после чего Кастору позволяли ответить:

— Да.

— Хси-хси, — пропищал переводчик, и судья задал следующий вопрос:

— Неделю назад, во время пересадки саженцев риса вы обнаружили человеческую голову?

— Да.

— Хси-хси.

Наконец, заключительный вопрос:

— Вы узнаете эту голову?

Вопрос не требовал перевода даже для самого исключительно англоязычного свидетеля, потому что женщина-секретарь выставила перед Кастором голографическую рамку с объемным изображением головы — в натуральную величину, со всеми положенными признаками разложения. Мягкие части лица объели рыбки тилапии. Смотреть на него было жутко. Еще хуже — сознавать, что к этой кошмарной голове он прикасался.

— Д-да, — запинаясь, пробормотал Кастор, пытаясь сдержать тошноту. После чего его отпустили.

Пока он возвращался к своему месту, перед глазами стояло изображение жуткой полуразложившейся головы мертвеца. Лишь несколько минут спустя Кастор пришел в себя и вновь принялся следить за ходом дознания.

…В самом деле, заседание оказалось интересной вещью, что-то в роде живой детективной оперы. С методичной неторопливостью суд рассматривал улики, и Кастор, пытаясь сложить отдельные части головоломки в определенное целое, быстро увлекся этой загадкой. Вторым свидетелем оказался молодой человек из скотоводческого коллектива «Жемчужная Река» — того самого, где кости трупа были размолоты в порошок. Юноша был испуган, но одновременно ему нравилось находиться в центре внимания. Да, сказал он, вместе с другими парнями они просачковали занятия по тай-чи, чтобы сыграть в бейсбол. Да, они наткнулись на человеческую руку, — часть руки, если быть точным. Собаки, охраняющие стадо, успели обнаружить ее несколько раньше, поэтому рука была изрядно изгрызена собаками. Кастор был благодарен судьбе за то, что ему не пришлось рассматривать вблизи соответствующий голографический снимок. Но парень, похоже, нисколько не смутился.

За молодым человеком настал черед старика, из той же деревни. Старик был заметно испуган, даже сильнее, чем парень. Поэтому, чтобы не выдать себя, держался воинственно, ответы на вопросы словно выплевывал в лицо переводчику. Да, он руководит бригадой, обслуживающей механический костеочиститель и костомолку. Да, он всегда запирает сарай — детишки могут залезть туда и ненароком покалечиться. Нет, он понятия не имеет, каким образом злоумышленник пробрался в сарай и перемолол скелет, предварительно содрав с костей мясо. Потом, когда ему разрешили вернуться на место, он просеменил в конец последнего ряда и сел, уставившись в пол, не обращая внимания на следующего свидетеля. Следующим был судебный медэксперт, доложивший о фрагментах человеческих костей, найденных в упаковке с костяной мукой, предназначенной на удобрения. Его сменила инспектор народной полиции Цзунг Делила, после своего выступления пересевшая на сиденье рядом с Кастором. Цзунг Делила рассказала суду о том, как она провела осмотр места происшествия и допрос лиц, присутствовавших на месте.

— Книжник, — прошептала она на ухо Кастору, — ты отлично выступил.

Но Кастор ничего не ответил, потому что не понял, смеется она над ним или говорит серьезно.

К удивлению его на утреннем заседании выступил всего лишь еще один свидетель, тоже полицейский, добавивший кое-какие детали к рассказу Цзунг Делилы. После чего судьи посовещались и объявили двухчасовой перерыв на обед. И это только после полутора часов работы, или даже меньше! О, да, эти китайцы-хань не утруждают себя излишним старанием. Толстая Рода такого в своей бригаде не допустила бы. Цзунг Делила поднялась, заметила, что Кастор сидит, как будто приросший к своему месту, и спросила:

— Что с тобой, Книжник? Ты не проголодался?

— Скорее умираю с голоду, — с горечью признался Кастор, объяснив затем, что вчера его деньги похитил ловкий карманник, а завтрак в гостинице он проспал.

— Ты глуп! — упрекнула его инспектор Цзунг. — Ты не знаешь разве, что свидетелям положен гонорар за участие в дознании, а так же компенсация сопутствующих затрат? Спустись вниз, в бухгалтерию. Назови имя и получи деньги — нет, лучше пойдем вместе. Пообедаем в ресторанчике напротив, там неплохо готовят, а заодно я выясню пределы твоей наивности, Книжник!

Но они не успели покинуть здание, выйти на улицу, на ослепительное солнце, как в зале случился инцидент. Они вышли из-за прозрачной кристальной загородки и в этот момент их внимание привлекла суета на галерее для зрителей. Чудаковатый старик с громадной головой придумал новый способ нарушить тишину и порядок. Он растянулся поперек двух сидений, а работник «скорой помощи», облаченный в белую куртку, прилаживал на его лицо кислородную маску. Старик размахивал руками, похоже, пытался что-то сказать Кастору, бешено вращая глазами, но из-за кислородной маски ничего внятного не мог произнести. Кастор громко засмеялся.

— Псих какой-то, — заметил он, но Цзунг Делила нахмурилась неодобрительно.

— Ты имеешь в виду Фунг Босьена? Знаменитого ученого и высокопоставленного партийца? Этот человек заслуживает большего уважения. — Потом добавила снисходительно: — Впрочем, Многолицему не стоило покидать свои лаборатории. Опять неприятности, и так каждый раз.

— Какие неприятности? — с интересом начал было Кастор, но к этому времени они уже покинули здание и им предстояло перейти через улицу. Рабочий день был в разгаре и все автомобили, грузовики и троллейбусы лихорадочно торопились попасть по назначению, обгоняя друг друга, поэтому пересечение

проезжей части оказалось неприятнейшим для Кастора событием. Кастору очень хотелось взять инспекторшу за руку. Гордость не позволила ему обнаружить страх, — тем более, ей подобная акция могла прийтись не по вкусу, — и поэтому сердце его глухо и учащенно стучало, когда они достигли спасительного тротуара на противоположной стороне.

Зато ресторан пролил целительный бальзам на его раны! В ресторане пахло восхитительно! Они отыскали два места за большим круглым столом в углу помещения, с видом на оживленную улицу. Все остальные места были заняты, но каждая из компаний занималась собой, не обращая внимания на других. Официанты и официантки подносили дымящиеся супницы, тарелки с обжигающе горячей, прямо со скороводы, жареной рыбой и хрусткими, свежими, зелеными овощами, а также полулитровые бутылки пива и апельсиновой газировки. Видя, что Кастор и в самом деле изголодался, Цзунг Делила молча принялась за еду, без особого аппетита, позволяя Кастору утолить потребности юного организма с повышенным обменом веществ. Слопав вторую порцию хрустящих куриных крылышек и третью чашку риса, он, наконец, поинтересовался:

— А кто он такой, этот Многолицый?

— Не называй его Многолицым. Для тебя он — Фунг Босьен, — повелительным тоном сказала Цзунг Делила. — Профессор Фунг Босьен, и еще целый ряд имен, и этсетера[5], как говорится по-английски.

— Это не английское выражение, — поправил ее Кастор, набив рот рисом.

— Ах, я позабыла, ты же у нас Книжник! Филолог! В общем, забудь о нем. Многолицый тебя не касается.

Кастор пожал плечами, рассматривая блюдо со свежими фруктами, только что выставленное официантом на «ленивую Сьюзан» — вращающийся поднос в центре стола.

Занявшись десертом, Кастор, чтобы поддержать разговор, спросил:

— А как вы догадались искать кости в соседней деревне? У скотоводов?

— Просто хорошая работа хороших профессионалов, — сухо сказала Цзунг Делила, — и об этом тебе рассуждать не полагается, пока не закончено дознание. — Подумав, она добавила: — Впрочем, твоя помощь могла бы пригодиться.

— Содействовать инспектору полиции — долг каждого гражданина, — вежливо сказал Кастор.

— Ах, Книжник! Какой ты ехидный! Неужели тебя так сильно обидели? В чем тебя ущемили?

— Меня не приняли в университет, — сказал он, словно этого было довольно, чтобы удовлетворить любопытство инспектора.

— Это я знаю. Знаю также, что ты не оставил учебу, продолжал заниматься с машинами. И какие любопытные предметы ты выбрал! Астрономия, математика, история — и, конечно же, твой великолепнейший мандаринский диалект! Неужели стать автодидактом намного хуже, чем получить университетский диплом?

Он пожал плечами. Слова Цзунг Делилы произвели на него впечатление — не только потому, что она употребила термин «автодидакт», которого раньше в разговоре Кастору никогда слышать не приходилось, что, в общем-то, не удивительно на ферме, выращивающей рис, но и потому, что она в подробностях была знакома с его научными интересами.

— Пожалуй, — согласился он, — я мало что потерял.

— А здесь, в Новом Орлеане, с тобой плохо обращались? Тебя заставили ночевать в хлеву со свиньями?

Глаза Кастора сверкнули — все-таки во многом он оставался простодушным деревенским парнем.

— Да нет, — признался он и, не выдержав, затараторил горячо: — Гостиница грандиозная! Если бы меня еще и покормили… Впрочем, у меня комната с отдельным туалетом и душем! И экран на пятьдесят один канал, он даже индийские программы принимает!

— Ханьские передачи недостаточно хороши для тебя? — пошутила она. Потом, посерьезнев, перешла к делу: — Значит, я с чистой совестью могу воспользоваться определенными сведениями, тебе известными. Итак, расскажи мне все, что ты знаешь о коллективе «Жемчужная Река». Вы с ними общаетесь?

— Не особенно. Так, иногда встречаемся. На танцах, на митингах и демонстрациях, в основном. Мой двоюродный брат Патрик женился на девушке из их деревня, только они попросили о переводе в Техас. Ей наша деревня не понравилась.

— Рассказывай все, что знаешь, — приказала Цзунг Делила, потягивая чай.

Кастор принялся послушно рыться в памяти. Названием своим коллектив «Жемчужная Река» был обязан происхождению фермы. Первые поселенцы были когда-то туристами; война застигла их врасплох в то время, когда они прогуливались по магазинам Гонконга. Но настоящие проблемы возникли, когда война кончилась. В Китае остаться они не могли, потому что Китай был не в состоянии прокормить собственный народ, не говоря уже о буржуазных приспешниках, которым, строго говоря, вообще в Гонконге делать нечего. Вернуться домой туристы тоже

не могли, потому что у большинства никакого дома не осталось. Месяца три-четыре они мыкались по лагерям для иностранцев, вечно голодные, психологически надломленные войной, потерявшие надежду. Наконец им предложили возвращение в Америку, но на определенных условиях. Им предоставят транспорт, а они, в свою очередь, обязуются заняться выращиванием домашнего скота, основать ферму в Алабаме — вернее, на опустошенных землях, когда-то называвшихся Алабамой. Они ухватились за эту счастливую возможность руками и ногами. Не потому, что были счастливы стать фермерами — другие варианты были гораздо хуже. В большинстве своем эти туристы, вышедшие на пенсию учителя английского и коммивояжеры, решившие провести приятный отпуск за океаном, не были прирожденными фермерами. Они не умели чистить загоны для свиней и принимать новорожденных телят. Особой роли это не играло. Все равно, почти все первые поселенцы не выдержали долго жесточайших условий послевоенной Америки. Они не выжили. Ферму создала группка туристов помоложе. Шли годы, и коллектив фермы, нуждавшийся в рабочих руках, пополняли разнообразные нежелательные элементы из городов. Многие новобранцы оказались китайцами, но американскими (как их называли, «заокеанскими») — в третьем, в четвертом поколении. Эти амеро-китайцы не сошлись с ханьцами, прибывавшими на опустошенный континент, чтобы вновь его заселить. С ними амеро-китайцы уживались намного труднее, чем соотечественники английского происхождения. Поэтому мятежников и недовольных в «Жемчужной Реке» было более чем достаточно. Постепенно жители соседних деревень поняли, что лучше их не задевать, и оставили скотоводов в покое.

Кастор заметил, что Цзунг Делила посматривает на часы, и сообразил, что она уже услышала все, что ей было нужно услышать относительно коллективной фермы под названием «Жемчужная Река».

— Как мне теперь быть? — спросил он. — Должен ли я вернуться в деревню?

— Сейчас? — поразилась инспекторша. — До окончания следствия? Разумеется, нет. Любого из свидетелей могут вызвать повторно. Ты уедешь, когда больше не будешь нужен, о чем тебе сообщат. Кроме того, — сказала она с усмешкой, подзывая официанта, чтобы расплатиться по счету, — сегодняшний день будет для тебя особо интересен, мне кажется!

Перед началом дневного заседания Кастор успел не торопясь получить гонорар и компенсацию. Он с любопытством вертел в руках ренминь-доллары с зеленой каймой и ждал, когда

возобновит работу суд. Зрителей после перерыва прибавилось, но странного большеголового старика по прозвищу Многолицый Кастор среди зрителей не заметил. Инспектор Цзунг Делила покинула его, снова заняла место в первом ряду вместе с тремя остальными полицейскими. Все они, казалось, с напряженным интересом ждали чего-то особого.

Как только вызвали первого свидетеля, Кастор потерял интерес к галерее для зрителей, сунул банкноты в карман. Свидетельские показания давал технический эксперт из полиции, седоволосый человек с большим, судя по всему, опытом судебных разбирательств. Вопросы и ответы быстро следовали друг за другом, опрос шел как по маслу.

— Вы получили задание опознать покойного?

— Да. Путем клеточного анализа и сравнительного определения характера волосяного покрова в нижней части затылка покойный был опознан как Фенг Эйвери, семнадцатилетний гражданин АРБ, ученик забойщика скота из скотоводческого коллектива «Жемчужная Река». Ученик Фенг принадлежал к заокеанским китайцам, в шестом поколении, как по материнской, так и по отцовской линии.

— Вы изучили личное дело ученика Фенга Эйвери?

— Изучил. Будучи студентом университета дважды подвергался аресту. Оба раза — за контрреволюционную деятельность. Первый арест — за участие в митинге правых уклонистов. Второй — за порчу народного имущества путем нанесения распыленной краской надписей-графити. На стенах общежития им были нарисованы лозунги типа «Америка для американцев!» и «Китайцы, убирайтесь домой!» Ученик Фенг был исключен из университета после второго ареста, и после этого находился под наблюдением.

Кастор даже втянул голову в плечи, изо всех сил вжимаясь в сиденье. Он боялся пошевелиться или посмотреть вокруг, чтобы не обратить на себя внимания. Дело вступило на опасную территорию! Речь уже не шла о простом убийстве. Дело попахивало государственным преступлением! Антинародным деянием, может быть, целой серией. Чем только думал этот несчастный парнишка? Он имел все! У янки-китайца было даже меньше шансов попасть в университет, чем у чистокровного янки, вроде Кастора. Должно быть, это был особенный паренек — и пользовался особыми привилегиями. Чтобы такой человек не оправдал доверия? Уму непостижимо!

В зале чувствовалась напряженность, присутствующие перешептывались, беспокойно двигались. Зрители, которых от Кастора отделяла звуконепроницаемая загородка, взволнованно

наклонялись друг к другу; для языка телодвижений прозрачный кристаллический лист не представлял препятствия. Судья не допускающим возражений тоном вновь вызвал начальника бойни для повторной дачи показаний. Лицо старика, его поза говорили сами за себя, слов не нужно было. Медленно, едва волоча ноги, опустив голову, с погасшим лицом, он занял место, ожидая рокового удара.

— Вы знали, что ученик Фенг не выходит на работу как положено?

Старик прерывисто вздохнул и вдруг огрызнулся:

— Знал, понятное дело! Он же мой внук, как не знать!

Любитель бейсбола, паренек, сидевший через два ряда впереди Кастора, вдруг заплакал.

— И вы не сообщили о его отсутствии?

— Зачем это? — визгливо выкрикнул старик. — Я и так знал! Он всегда искал неприятностей, вечно всем был недоволен! Украл где-то пистолет, хотел напасть на радиотелескоп. Я пошел следом, я его умолял одуматься… — Словно по сигналу, Цзунг Делила и остальные полицейские поднялись за его спиной. Старик крикнул: — Я не хотел, он сам виноват! У меня не было выхода. Он погубил бы нас всех…

Рабочий день в суде закончился, зал опустел. Кастор сидел и ждал, что кто-нибудь объяснит, что ему делать дальше. Ему совсем не улыбалась перспектива долгой автобусной поездки обратно в деревню и нагоняй, который устроит Толстая Рода, и бесконечная до отупения работа на рисовых участках. Вдруг он услышал, как его зовут.

Звала его инспектор Цзунг.

— Ну что, Книжник, какие у тебя планы? — спросила она весело. Лицо ее сияло — очевидно, быстрое и легкое окончание дознания привело инспектора в доброе расположение духа. Она была довольна собственной сноровкой. Кастор пожал плечами.

— Поеду обратно в деревню, наверное.

— Разумеется, поедешь, — согласилась она. — Но не стоит торопиться. Автобусы уходят каждый день, поэтому переночевать можешь в городе.

— Правда? — Кастор обрадовался неожиданной удаче: остаток дня он проведет в городе, утром пробежится по магазинам, а ночевать будет в удобном гостиничном номере, и на этот раз — не с пустым карманом.

— Можно будет посмотреть индийские передачи! — сообщил он, предвкушая удовольствие.

— Обратно в эту трущобу? Забудь! — презрительно усмехнулась Цзунг Делила. — Нет, нет, я настаиваю! Обедаешь у

меня, и на ночь тоже найдется, где переспать. Ничего слушать не желаю! Решено!

4

Цзунг Делила вовсе не имела в виду свою квартиру, когда сказала «обедаем у меня». «Моя городская квартира? О, нет! Она немногим лучше твоей жалкой перевалочной ночлежки!» Она имела в виду апартаменты, которые держала за городом, у воды, вниз по устью Миссисипи. Даже в скоростном спортивном автомобильчике Делилы дорога заняла больше часа, и сумерки успели перейти в ночь.

Кастор, сидевший рядом с Делилой в двухместной кабинке автомашины, испытывал противоречивые чувства. Он то весь светился от удовольствия, то сжимал зубы от зависти. Как ловко поворачивают руль затянутые в перчатки руки Делилы и как грациозно и небрежно управляется она с фарами, нажимает на клаксон, включает и выключает радио; с каким проворством маленькая юркая машина ныряет в просветы в бесконечном потоке грузовиков и такси! Зависть была не менее острой, чем удовольствие от поездки. Кастору еще ни разу в жизни не приходилось управлять чем-нибудь поинтересней, чем фермерский грузовичок. Эх, если бы у него была такая же машина, собственная! А под слоем зависти и удовольствия притаилось другое чувство, смутное, какая-то смесь опасений и ожидания: какие планы строит Делила на сегодняшнюю ночь? Неужели она имеет какие-то виды на него, на Кастора?

Покинув оживленные городские магистрали, вырвавшись на свободу шоссе, Делила немного расслабилась, порылась в кармане и протянула Кастору маленькую лакированную курительную трубку.

— В сумке у меня кисет. Набей трубку, — приказала она, не отрывая взгляда от дороги, словно была уверена, что Кастор беспрекословно подчинится. Он набил трубку и хотел передать ей, но Делила его упрекнула:

— Ах, Книжник, ты растяпа! Какой толк от трубки без огня? Зажигалка на приборной доске, видишь?

Кастор наконец сообразил, как пользоваться зажигалкой, и раскурил трубку, втянул щедрую порцию дыма. И напрасно. Он закашлялся, согнулся вдвое и едва не уронил трубку. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что Делила смеется. Кастор передал ей трубку. Чем же он ее набил? Не табаком, разумеется; но если это марихуана, то на несколько порядков «круче», чем их деревенская, доморощенная.

Тем не менее, даже от одной затяжки Кастору стало хорошо. Расслабившись, он задал вопрос, который уже некоторое время

крутился у него в голове:

— Что же будет со стариком?

— С убийцей? Народный суд вынесет приговор, старик, не сомневаюсь, получит несколько лет перевоспитательных работ, — уверенно сказала Цзунг Делила, но потом добавила: — Хотя на месте судьи я бы приговор отсрочила.

— Из-за его возраста?

— Нет. Потому что старик ничего плохого не совершил, намерения у него были достойные. Я им почти что восхищаюсь, Книжник. Людям его деревни грозила опасность, и он пытался их спасти. Он не хотел убивать Фенга. Поэтому испугался, ударился в панику, допустил оплошность. Жаль, что ты на голову наткнулся — старику все сошло бы с рук.

Она глубоко затянулась дымом, молча передала трубочку Кастору. Потом неожиданно взорвалась:

— У, янки! Все вы нас ненавидите, только виду не подаете!

— Ненавидеть завоевателей — нормальная вещь, — храбро сказал Кастор, втягивая дым.

— Какие же мы завоеватели? Мы пришли, чтобы помочь. Вы и русские едва не прикончили друг друга, а заодно — и почти всех людей в мире! Мы привезли врачей и учителей! Мы помогли вам возродить выжженную войной страну, отстроить заново города, создать фермы. — Кастор молчал, и она, на секунду оторвав взгляд от дороги, взглянула на него. — Разве ты этого не знал? Ты не знал, что если бы не мы, все вы, янки, пошли бы прахом? Мы поступили правильно, справедливость на нашей стороне.

Трубочка догорела. Кастор повертел ее в пальцах, размышляя. В том, что говорила эта женщина, было много правды, но вот только…

— Да, на вашей. Если забыть, что вы по-прежнему здесь. Вы не вернулись домой, — сказал Кастор.

…Вслед за солнцем луна опускалась за горизонт. Автомобиль Делилы въехал на площадку, выходившую на берег Мексиканского залива. Кастор выбрался из машины и стоял, оглядываясь по сторонам, пока инспектор народной полиции что-то искала в багажнике. Маленький поселок состоял всего из четырех-пяти домов. Домики выстроились на утесе, что было необычно. В районе устья утесы не встречались. Берега здесь состояли исключительно из речного ила, принесенного из Миссисипи, а ил холмами не скапливается. Кастор не сразу сообразил, что дом инспектора Цзунг выстроен на руинах, скорее всего, какого-нибудь погибшего городка. В воздухе отчетливо пахло бензином, и Кастор понял, что, несмотря на шутливые обещания инспекторши, подводных прогулок не будет. На старых

нефтяных платформах в сотне километров вниз по Заливу изношенное оборудование опять дало течь. Купаться в нефти — дело малоприятное.

Несмотря на бензиновый аромат, местечко оказалось в самом деле живописным. Небо усеяли звезды, свет лунного серпа совершенно не мешал.

— Вот Юпитер, — вдруг сказал Кастор. — А во-он там — Вега и Альтаир… слушайте, здесь отличное место для телескопа!

Цзунг Делила как-то странно на него взглянула и в ответ сказала лишь:

— Эй, хватай наш ужин и тащи в дом, вверх по тропинке. Я захвачу сумку.

Если гостиница для командировочных показалась Кастору превосходной, то загородный домик Делилы привел его в состояние благоговейного восторга. Он даже оробел от неожиданности. Отдельная кухня! Камин! Спальня, где не было ни рабочего, ни обеденного стола — только та мебель, которой место в спальне, и кровать, конечно. Да какая! На такой кровати можно спать вшестером!

Еще в домике был, разумеется, бар, и первым делом инспектор Цзунг приготовила Кастору коктейль. Кастора она оставила сидеть в мягчайшем обволакивающем кресле и смотреть на панораму ночного Залива, а сама, вместе со своим бокалом, удалилась в кухню, где поместила ужин в автоматический разогреватель, а потом скрылась в спальне, откуда выпорхнула босиком и в черной шелковой пижаме. Интересно, уже не в первый раз подумал Кастор, сколько же ей лет? Во время допроса на рисовом поле, затянутая в мундир, она казалась ему довольно старой, может быть, даже сорокалетней женщиной — и даже старше. Во время завтрака сегодня утром, в перерыве между заседаниями, она казалась ему привлекательной женщиной не старше тридцати. Сейчас же, свернувшись клубочком на ковре у камина (бестолковая растрата топлива — ведь воздух теплый! С другой стороны, огонь создает настроение и успокаивает.), она казалась ровесницей Кастора. Она даже смотрелась моложе его бывшей жены, Марии, которая была всегда склонна к тому, чтобы казаться более взрослой, чем на самом деле… Мария! Впервые за весь день Кастор вспомнил о ней!

— Что случилось, Книжник? — поинтересовалась Цзунг Делила. — Тебя против шерсти погладили?

Он ничего не ответил, только головой покачал. Ему не хотелось сейчас вспоминать о Марии, еще меньше — говорить о ней с этой женщиной. Поразмышлять имело смысл о другом — зачем Цзунг Делила привезла его сюда? Что ей нужно? Его тело?

О, да, очень может быть, и даже любопытно было бы попробовать с ней… Но Кастора не оставляло ощущение, что дело не только в чувственных удовольствиях. У инспекторши на уме что-то еще. Но что? Он не в состоянии был вообразить, что могло понадобиться инспектору народной полиции от простого крестьянского парня. И размышлять на подобные темы было нелегко — в такой роскошной обстановке, бок о бок с пахнущей сладкими ароматами женщиной, и когда в крови циркулирует доза алкоголя и каннабис, что дает о себе знать. Он молчал, и женщина истолковала его молчание неправильно.

— Наверное, — сказала она, — ты никак успокоиться не можешь после того, что я сказала там, в машине. Знаешь, я тоже все время об этом думаю. Известно ли тебе, что такое древний старый Китай? Нашу страну завоевывали и покоряли раз за разом, в течение тысячелетий. Сначала мы бежали от западных кочевников, потом пришли американцы и британцы, а за ними — Япония. И все они не спешили уходить. Но в наших парках, Книжник, ты не найдешь табличек «Собаки и янки не допускаются!» — Она поднялась с ковра. — Наверное, ужин готов. Не поможешь ли накрыть стол?

…Кастор никогда раньше не ужинал при свечах, не считая тех вечеров, когда в деревне отключали электричество. Ужин был восхитительный, наполовину американский, наполовину китайский. Тушеная свинина, бобы, салат. И вино. Они сидели лицом к ночной глади Залива, и глаза Кастора, привыкшие к полумраку комнаты, начали различать бледное мерцание у горизонта. Он знал, что это такое. Утечку нефти брали под контроль дня за два, но из старых скважин во все щели сочился природный газ, и после того, как газ довольно долго скапливался, рано или поздно по какой-нибудь случайности происходило возгорание, и море полыхало огнем несколько недель. Чайки тоже ужинали при свечах, кормились под покровом темноты, потому что рыба, мертвая или оглушенная, задушенная углеводородами, у самой поверхности воды была совершенно беспомощна. Кастор видел, как чайки ныряют вниз, потом взмывают в небо, их темные силуэты мелькали на фоне далекого зарева.

— По-твоему, в этих пожарах тоже мы виноваты? — спросила его инспектор полиции, и Кастор отрицательно покачал головой.

— Я ни в чем вас не обвиняю, — сказал он, и это была правда. Почти. Он не винил китайцев за то, что случилось с Заливом. Каждому известно: пара водородных боеголовок уничтожила топливные запасы Америки, гидравлический молот ударной волны искорежил трубы и опоры старых буровых вышек.

Самые опасные из них были почти немедленно законсервированы, и китайцы продолжали бороться с бесчисленным множеством прочих уцелевших скважин. Но, быть может, китайцы, с точки зрения Кастора, были виноваты в другом, — например, в том, что от него убежала жена.

Цзунг Делила не стала углублять эту тему. Она постучала по звонкому бокалу длинным ногтем, давая Кастору понять, что пора бокалы наполнить, и начала рассказывать ему историю своей жизни. Довольно любопытную историю. Она родилась в Сан-Франциско, выросла в смешанном окружении ханьцев и янки, преимущественно процветающих деловых людей и высококлассных профессионалов. Отец, специалист по экономике торговли, отослал ее в подготовительную школу в Гуанчжоу; потом два года государственной службы, в военной полиции — сначала в Африке, потом в таких романтических местах, как Лондон, Марсель, Цюрих. Она работала в ханьских посольствах на территории этих стран, по сути, протекторатов Индии. И снова за учебу, в пекинский колледж. «Работа в военной полиции была интересная, — сказала она, пока вместе с Кастором убирала со стола, — поэтому поступила на криминологию и судебное производство… И вот теперь я здесь!»

Кастор отступил на шаг, наблюдая, как она вкладывает посуду в моечную машину — еще одно чудо!

— И вы не были замужем? — спросил он.

Она бросила на него насмешливый взгляд.

— Кто сказал, что я не была замужем? Неужели ты думаешь, что, кроме тебя, Книжник, никто никогда не разводился? Я вышла замуж за моего преподавателя, профессора колледжа, но он, выйдя на пенсию, решил провести остаток жизни дома, в Отчизне. И мы развелись. — Она привела в действие моечную машину, удовлетворенно окинула ее взглядом и повела Кастора обратно в гостиную. — А теперь выпьем и послушаем тебя. Ты довольно любопытный молодой человек, автодидакт. Ты прошел трехлетний курс физики. И физической химии, и математики — тоже трехлетние, и даже обзорный курс матричной механики — его ты, правда, не завершил. Я не упоминаю уже об астрономии, астронавигации, космических исследованиях, космической медицине, планетологии и орбитальной баллистике. — Не умолкая, она усадила Кастора на мягкий глубокий диван, обновила напитки в бокалах. Приняв свой бокал, Кастор сказал:

— Вы пропустили парочку предметов. Китайский, английская литература, история…

— Я о них не упомянула нарочно: это обязательные курсы, их проходят, чтобы получить диплом, а ты, кстати, на диплом не

претендовал. Почему?

— Я просто хотел учиться, — сердито буркнул Кастор.

— Нет, не просто, — поправила она. — Ты выбирал направление не просто так. Космические исследования. Вся твоя учеба к одному сводится — космос. Так ведь, Книжник? Ты тоскуешь по прежним дням, когда в космосе царили вы и русские?

— Я хочу попасть туда, — пробормотал Кастор, которому «трава» и вино развязали язык. — Мой пра-пра-пра-прадедушка…

— Вот как? И чем же отличился твой почтенный предок?

— Да, он был почтенным человеком, черт подери! Он был астронавтом!

— Астронавтом… — И на этот раз удивление в ее голосе было искренним.

— Бабушка мне рассказывала. В общем, он погиб. Во время войны, наверное. Но в космической программе работал, я точно знаю.

Она медленно кивала.

— Желание повторить достойные подвиги предков — благородное желание. Здесь нет ничего постыдного, — сказала она, и тон ее был почти сочувствующим. Кастор пожал плечами. — Итак, ты поставил перед собой подобную цель, Книжник? Признайся!

— Разве у меня есть хотя бы один шанс? — раздраженно спросил он.

Она помолчала, подумала.

— Шансов очень мало, согласна. Западные страны со всеми их войнами дорого обошлись нам. От космической программы остались рожки да ножки.

— Но кое-что осталось. Вот только янки в программу не берут.

— Да, не берут, скорее всего, — призналась она с таким видом, будто разговор ей наскучил. С минуту она смотрела на огонь в камине. Потом повернулась лицом к Кастору. Сейчас в ней не было ни полицейской суровости, ни желания зрелой женщины увлечь понравившегося молодого человека. Она сказала:

— Я была не совсем искренна с тобой сегодня за завтраком, Кастор. Ты мог бы оказать мне услугу, и услуга эта ничего общего с фермой «Жемчужная Река» не имеет. — Она впервые за все это время назвала его по имени.

Кастор выпрямился. Голова шла кругом, но он почувствовал, что речь пойдет о серьезном деле.

— И что же это? Чего вы, с вашими возможностями, не

можете?

— Дело в твоих знаниях, а не в возможностях. — Она покрутила стакан, кусочки льда зазвенели. — Меня интересует одна загадка. Она не имеет отношения к моей работе; если бы имела — я бы знала. Политика, отношения с Индией или высшие партийные круги тоже не замешаны… иначе я бы знала. Но информацию держат в секрете, и я не понимаю почему.

— Чем же я могу помочь?

— Поделись со мной мудростью, Книжник. — Потянув за край столика, стоявшего у дивана, она приподняла часть столешницы, открыв клавиатуру. Столешница превратилась в экран.

— Например, — сказала она, выбивая команду, — смотри.

На экране вспыхнула таблица — Кастор и глазом моргнуть не успел.

Бермуды Расход 0335–0349 Q Ожидание 0350–0450 Q

Аресибо 0500–0514 Q 0515–0615 Q

Галфпорт 0605–0619 Q 0620–0720 Q

Гоулдстоун 0720–0734 Q 0735–0830 Q

Мау на Кеа 0940–0954 Q 0955–1055 Q

— Эти данные я получила от коллектива энергослужбы. Смотри, в течение пятнадцати минут — поразительно высокий расход энергии, а потом на целый час в обширном окружающем районе отключают все главные источники потребления. И только вот в этих районах. Данные за вчерашний день, но то же самое происходит уже неделю. Говорит это тебе о чем-нибудь, Книжник?

— Ну, все эти названия — радиоастрономические обсерватории, — без промедления ответил Кастор. «Q» — это время, Мировое Стандартное, по пекинскому меридиану…

— Книжник! — угрожающе произнесла Делила.

Он усмехнулся. Впервые за все время их знакомства он чувствовал себя уверенно, на знакомой территории.

— Простите, я не знал, насколько вы эрудированы. Время соответствует периоду обращения Земли. Очевидно, все обсерватории наблюдают за одной и той же точкой в пространстве.

— Превосходно, Книжник!

— Мне помогали мои знания, инспектор, — признался он. — В нашей деревне тоже каждый вечер отключали свет. Теперь я понимаю, в чем причина. Не исключено, что в других обсерваториях мира происходит то же самое.

— Очень может быть, — согласилась она. — Но данные по энергосетям за пределами Северной Америки труднодоступны

для меня. Ты можешь еще что-нибудь определить?

Кастор почувствовал прилив вдохновения.

— Так! Совершенно очевидно, они что-то нащупывают в космосе, работают, как радиолокаторы: импульс, забирающий энергию, потом период ожидания, пока вернется сигнал. Судя по мощности сигнала, объект довольно маленький. И довольно далек от Земли, но не далее, чем… минутку… пять астрономических единиц. Исходя из времени возвращения сигнала, — объяснил он, заметив, что инспектор нахмурилась. — Приблизительно семьсот или восемьсот миллионов километров. Это намного дальше астероидного пояса, почти возле орбиты Юпитера. Эх, были бы у нас космические станции, — сказал он с горечью, — не пришлось бы полагаться на наземные телескопы.

Цзунг Делила хмурила брови, но не в сердцах, а потому что старалась сосредоточиться.

— Если у Народных Республик нет энергии и ресурсов на космические полеты, это не их вина, Книжник, — напомнила она Кастору. — Еще что-нибудь?

Кастор, стараясь сохранить в голосе превосходство, вызванное переменой ролей, предложил:

— Если вы разрешите воспользоваться вашим экраном, я покажу вам картинку этой штуковины.

Она одарила его скептическим взглядом, но сделала шаг в сторону и… несколько минут спустя она вопросительно вздернула тонкие, словно проведенные карандашом, брови. Кастор смущенно улыбался, красный как рак.

— Итак, Книжник? Я не вижу картинки.

— Ваша система… — пробормотал он, оправдываясь. — Я не могу выйти ни в «Скайуотч», ни в сеть ФАИ[6], ни даже к файлу текущей работы телескопа в Баме. Может быть, кое-что удалось бы получить через Центр Быстропротекающих Феноменов в Мукдене, если вы оплатите международный звонок…

— Нет, Мукден не подходит, — резко сказала она.

Он развел руками. Он попытался объяснить ситуацию, стараясь при этом не задеть хозяйку:

— Ваша система не приспособлена для научных изысканий.

— Чего ты ждал? Я — инспектор полиции, а не университетский профессор. Через нашу спецсеть я получаю доступы повсюду — в необходимых для работы пределах. Но сейчас, — быстро добавила она, предупреждая вопрос Кастора, — я воздержусь. Существуют определенные нюансы. Не понимаю, отчего такая секретность, но на то должна быть причина. — Она задумчиво посмотрела на огонь, потом решительным движением выключила экран. — Неважно, — объявила она. — Ничего

особенного я тебе не открыла, все эти сведения доступны, поэтому критики можно не бояться.

С довольным видом она поднялась и подошла к бару.

— Выпьем еще, Книжник? — окликнула она его через плечо, но не стала ждать ответа. Когда она вернулась к дивану с бокалами в руках, ее внешность опять изменилась, она опять казалась намного моложе; инспектор полиции и озадаченная гражданка испарились без следа.

Кастор почувствовал, что вновь заливается краской. Его лишили выгодного положения наставника по астрономии, пусть даже в классе была всего одна ученица, и он вновь почувствовал себя парнишкой-янки с рисовой фермы, который очутился в роскошном загородном убежище соблазнительной светской дамы.

— Но разве вам не любопытно? — пробормотал он.

Она опустилась рядом, погрузилась в мягкие подушки дивана.

— Если завтра мне станет любопытно, я попрошу одного из младших офицеров связаться с ФАИ. «Скайуотч» или ЦБФ в Мукдене через полицейскую сеть, — сказала она, демонстрируя отлично усвоенный урок. — Но скорее всего, я денек-другой подумаю. Сейчас меня другие вещи интересуют, Кастор. Например, как ты умудрился наградить свою жену ребеночком?

Кастор едва не поперхнулся.

— Мою жену?

— Жену, разумеется, — пожала плечами Цзунг Делила. — Разве ей не сделали имплантацию, как всем, в двенадцать лет?

— Эта операция не обязательная, инспектор, — напомнил ей Кастор, но на этот раз она ответом его не удостоила, даже плечами не пожала. Немного смущенный, Кастор продолжал: — Трудно объяснить. Это связано с ее верой.

— О! Религия! Понятно. Но я думала, что не все янки такие уж верующие.

— Я лично — нет, но моя жена верит. Верила. В этом-то и вся загвоздка. Священная неприкосновенность жизни. То есть перед тем, как заняться любовью, нужно немножко помедлить, подумать, хочешь ли ты ребенка, прежде, чем вставить эту штуковинку. И Мария решила, что хочет ребенка.

Делила потягивала свой напиток, поглядывая на Кастора поверх бокала, а Кастор пытался прочесть выражение ее лица. Она посмеется над варварским суеверием? Или напомнит ему, что все граждане в первую очередь ОБЯЗАНЫ поддерживать программу контроля рождаемости — пока мировые ресурсы крайне бедны? Но он ошибся. Делила вдруг подалась вперед, коснулась его щеки губами, потом поднялась с дивана.

— Мы поступаем иначе, — сказала она. — На пороге зрелости нам вживляют имплант. — Она потянула за шнурок пижамы. — А потом, если мы решим завести детей, его удаляют. Вживляется имплант вот здесь, в мясистой части, где ягодицы переходят в бедра, и поэтому не очень заметен. Я тебе покажу, Кастор. А ты докажешь мне, что способен на предварительную паузу, чтобы поразмышлять о священном и неприкосновенном даре жизни.

На рассвете она разбудила его, нежно проведя рукой, и они провели еще один раунд — четвертый, или даже пятый, или шестой. Делила казалась неистощимой и ненасытной. Кастору было двадцать два; кроме того, все происходящее в ароматной, упруго-податливой постели Делилы отличалось от лихорадочных совокуплений на краю рисового поля и даже супружеского ложа как солнце от жалкой свечки. Делила оказалась изумительной любовницей, она ни в чем не отказывала, стремилась лишь (так казалось) доставить ему наслаждение и тем самым многократно усиливала собственное.

Ни разу за прошедшую ночь Кастор не заподозрил, что для Цзунг Делилы он был чем-то большим, чем лишь мимолетным приключением, одноразовым удовольствием. Наоборот, он был целиком и полностью уверен, что в ее постели он — далеко не первый и далеко не последний. Тем не менее, выйдя из душа, он обнаружил, что инспектор приготовила для него завтрак. А когда она сама, в свою очередь, завершила утренний туалет и облачилась в форменный мундир, она присела с ним за столик, потягивая чай, пока Кастор приканчивал рис с мясом краба.

— Итак, Книжник, — сообщила она, выпуская облачко дыма из трубки — на этот раз табачного, — ты нескучно провел время. Теперь прощай. Возможно, мы еще увидимся.

— Надеюсь, — сказал он и сам поразился теплоте, которую вдруг почувствовал. Смутившись, он быстро добавил: — Мне теперь в деревню возвращаться?

— Если хочешь, возвращайся, — сказала она снисходительно, — но можешь остаться на пару дней в городе. Твой номер в гостинице оплачен из судебных издержек, и он пока числится за тобой.

— Вот это здорово!

— Еще бы! Только не забывай об умеренности, Кастор. Есть предел… о! — Она недовольно нахмурилась, потому что экран потребовал ее внимания ритмичными тихими «бип-бип-бип!». Делила два раза звонко хлопнула в ладоши, экран спутниковой связи над столиком ожил, на экране появилось лицо.

На них смотрел знаменитый ученый и выдающийся деятель

партии Фунг Босьен, и сразу стало понятно, по какой причине прозвали его Многолицым. Его лицо судорожно дергалось, как будто он никак не мог решить, какое же ему придать выражение. В еще меньшей степени это относилось к его речи, потому что вместо связных предложений у Многолицего выходили какие-то отчаянно невразумительные, скомканные обрывки:

— Мне нужен… НЕТ, НЕ НУЖЕН… я тебя умоляю… республики Бама… ЗАТКНИСЬ!., гражданина Мелкинса Кастора… его там нет, я же… УМОЛЯЮ! ДАЙТЕ ЕМУ СКА… полевой бригады… я хочу оперу смотреть…

— Он у меня, — решительно вступила в разговор Цзунг Делила, и впервые Кастор заметил на ее лице что-то похожее на испуг. Она яростно замахала рукой, давая Кастору понять, что он должен немедленно занять ее место перед экраном. Старик посмотрел на юношу, лицо его подергивалось, он бормотал сам себе на разные голоса.

— Ага, — сказал он, — приходите в… НЕТ!.. мой кабинет… не сегодня!..олдень, потому что… — Бормотание стало тихим и совсем уже неразборчивым, потом, еще раз судорожно дернув всем лицом, старик завершил с триумфом:

— Моя четвертая часть хочет с вами поговорить!

И дал отбой.

5

Университетский кампус раскинулся более чем на дюжину гектаров. Если бы Цзунг Делила, молчаливая и задумчивая, не высадила Кастора у нужного корпуса, он бы как пить дать заблудился. Ему и без того пришлось дважды спрашивать дорогу, пока он не отыскал нужное крыло Центра Нейроанатомии и Изучения Мозга. Дальше все было просто. Относительно просто.

На каждой двери висели таблички с именами, например, «ШЕН Литсун», или «ХОНГ Вужен» или — изредка — «БРЭДЛИ Джонатан», но нужную Кастор узнал немедленно. Спутать ее было невозможно, потому что размерами она в три раза превосходила стандартные таблички. На ней значилось: «ФУНГ — ХСАНГ — ДЬЕН — ПОТТЕР — СУ — АНГОРАК — ШУМ — ЦАЙ — КОРЕЛЛИ — ХОНГ — ГВАЙ БОСЬЕН — ФУЦУИ — КАЙ-ЧУНГ — АЛИСИЯ — ВОНМУ — АГЛАТ — ХЕНДЖУ — МИНГВО — АНАСТАСИО — ЛЮДЖЕН — ХУНМОНГ». По крайней мере у Многолицего имелось чувство юмора!

Кастор толкнул дверь, вошел, и обнаружил, что секретарша Многолицего на отсутствие юмора тоже не жалуется. Это была пожилая китаянка-хань, возраст ее давно перевалил за предел,

когда большинство ханьцев отправлялось обратно, в Отчизну, чтобы почить с миром. Тем не менее, глаза ее весело блеснули, когда Кастор объяснил, что ему самим профессором Фунгом назначена встреча.

— Правда? — удивилась она. — Мне ничего не сообщили. Но это не удивительно. Погодите минутку, я отыщу профессора. — Она нажала на несколько клавиш, посмотрела на экран, потом с сожалением покачала головой. — В кампусе его нет. Попробую позвонить домой, — если он еще не выехал, то должен быть дома.

— Мне бы не хотелось тревожить профессора, — предупредительно напомнил Кастор. Секретарша добродушно засмеялась, и Кастор решил, что старушку развеселила идея о том, что профессора Фунга, в его нынешнем состоянии, можно «потревожить» больше, чем он и без того «тревожен». Осмелев, Кастор сделал пару шажков вперед, чтобы бросить взгляд на клавиатуру — секретарша тем временем переключилась на режим связи, — и рот его тут же наполнился слюной, как у собаки Павлова. Какая это была клавиатура! Миниатюрная игрушечка инспектора не шла ни в какое сравнение, не говоря уже о примитивных учебных терминалах в «Небесном Зернышке». Функции, которые требовали сложного и долгого программирования, если вообще их было возможно осуществить, здесь исполнялись одним нажатием «зашитой» клавиши. Такие терминалы Кастор видел только по телевизору, и всеми силами души жаждал когда-нибудь увидеть наяву. И вот эта потрясающая машина перед ним!

Кастор слушал тихое «уип-уип» — на другом конце линии гудел сигнал вызова. Гудел, как ему показалось, довольно долго. Секретарша заметила его тревогу и сказала с доброй улыбкой:

— Наверное, он дома. Если нет прислуги, им непросто сосредоточиться и снять трубку, а с прислугой постоянные проблемы. Прислуга у них не уживается. — Сигнал вызова прогудел по крайней мере раз пятьдесят. Кастор на месте секретарши давно бы сдался, махнул рукой, но пожилая китаянка вдруг подалась к экрану и заговорила в микрофон:

— Профессор Фунг, вас ожидает Мелкинс Кастор. У него назначена встреча.

Кастор стоял на самой границе звукового конуса от направленного динамика, но ему удалось расслышать что-то наподобие скороговорки — причем несколько разных голосов тараторило одновременно. Что нисколько не обескуражило секретаршу. Она подняла глаза на Кастора.

— Хочет сам с вами поговорить. Я переключу на большой экран.

Кастор повернулся к экрану на стене и увидел перед собой Многолицего. Морщинистое лицо подергалось, потом профессору удалось выдавить:

— Добро пожаловать, Мелкинс… ЧЕРТА С ДВА!.. Кастор… Кто он такой?., простите за опоздание… ЧТО ЗНАЧИТ «ПРОСТИТЕ»… но… ах, это же он!., я буду в три… НЕТ!., я ведь хотел… ПРОШУ ВАС!.. Кастор, пожалуйста, подождите…

Дальше пошло хуже. Кастор уже почти ничего не мог разобрать. Хуже всего было выражение… выражения… на лице старика. Лицо это, само по себе, едва ли можно было назвать красивым. Громадный футбольный шлем исчез, его заменил таких же великанских размеров тюрбан белого цвета. Экран погас, Кастор, озадаченный, повернулся к секретарше.

— Что он сказал?

— Он просил прийти опять, в три, — с сочувствием объяснила она. — Очевидно, профессор будет в три. Может быть и нет. Советую что-нибудь перекусить тем временем. Не исключено, что ждать придется долго.

Хотя секретарша объяснила ему, как найти студенческую столовую, Кастор проплутал с полчаса по центру имени Лиу Пьяо. Он умудрился дважды потерять дорогу, несколько раз попадал не туда, куда надо, побродил по корпусу Астрономии и Астрофизики, жадно разглядывая все вокруг, срезал путь через вестибюль Института зарубежной истории, где в стеклянных витринах красовались мундиры Американской Революционной Армии. Он робел спрашивать дорогу, но голод, грызущий желудок, вынудил его быть посмелее. Страдал он не только от голода. Зависть, черная зависть, и сожаления. Если бы судьба его сложилась чуть-чуть иначе, сейчас он мог бы быть студентом этого самого университета! И давно получил бы диплом с отличием — и даже добился бы поступления в аспирантуру — стал бы доктором — или, чем черт не шутит, профессором, вот прямо здесь учил бы новые поколения студентов, вот этих самых, которые толпятся в вестибюлях и коридорах. Он толкал свой поднос вдоль столовского мармита[7], застряв в очереди между стайкой хихикающих молоденьких китаянок-хань и группкой студентов-янки, которые, одни на английском, а другие — на высшем наречии, поверяли друг другу одинаковые секреты. Ну и повезло же ему! Широко раскрытыми глазами Кастор рассматривал университетские диковинки. Он присел на свободное место за одним из столиков, пододвинул к себе тарелку с запеченными в тесте фруктами (напротив сидело двое студентов из Индии, в тюрбанах — приехали по обмену!), и каждый проглоченный кусочек оставлял во рту привкус

несбывшегося, но возможного. Если бы его отметки в аттестате, хорошие отметки, были чуть-чуть лучше… если бы его учитель проявил чуть больше настойчивости или располагал хорошими связями… если бы он родился ханьцем, а не янки… если бы сто лет назад русские и американцы не забросали друг друга ядерными зарядами и не оставили выживших на милость китайцев и индийцев…

Если бы мир был другим, то он, Кастор, мог бы сейчас сидеть в этой столовой по полному праву, а не по капризу старого клоуна и потому, что он совершенно случайно наткнулся на мертвую голову посреди рисовой плантации. И даже Мария гордилась бы своим ученым супругом!

Забавно, но за прошедшие сорок восемь часов он всего лишь во второй раз вспомнил о ней.

Ладно, сказал он сам себе честно, ему сильно повезло, что он вообще здесь очутился. Не чудо ли! Съев свою порцию, он понаблюдал за другими студентами: что они делают с пустыми подносами, куда затем направляются. Потом, следуя за случайными группками студентов, он побродил по центру, заглянул в бар, в терминальную, в пивной зал, в комнаты отдыха, в кладовые, в аудитории.

Если существует рай, то он был в раю! Эх, если бы он мог воспользоваться всеми этими чудесными аудиториями и лабораториями, в любой момент, когда нужно, потому что имеешь на это право…

Кстати, вдруг осенило его, а кто может ему помешать?

Он повертел головой, определил, где находится, направился в ближайшую терминальную.

Терминалы для студентов были далеко не такие невообразимо мощные, как и у секретарши, но все равно, Кастор дрожащими от радостного волнения пальцами коснулся вожделенных клавиш. Переведя терминал в режим связи, он в первую очередь вызвал секретаршу Многолицего, убедившись, что странное создание по имени профессор Фунг не появилось в своем кабинете раньше времени. Профессор продолжал отсутствовать. Ободренный, Кастор, поколдовав над клавиатурой, вызвал программу — справочник, выстучал «Университет — именной указатель». Он без труда отыскал статью, посвященную Фунг Босьену. Курсор выдавал на экран пятьдесят иероглифов в секунду, и в считанные мгновения Кастор располагал основными биографическими данными профессора:

«Фунг Босьен. р. в провинции Шанхай, 2019. Степень бакалавра в Синьяне, 2037. Степень мастера — Пекин, 2039. Диплом мастера — Токио 2042. Докторская степень — Стэнфорд,

2046. Член академии…»

БЫСТРО ВПЕРЕД. Кастор пропустил десяток строк, начиненных перечислением почетных степеней и должностей, затем, еще более озадаченный, пропустил список посолиднее: опубликованные работы. Впрочем, вполне обычный для академического деятеля послужной список, пусть и довольно почетный. Ни одного слова, ни одного упоминания или указания на причины, по которым профессор обзавелся столь экстравагантной внешностью или получил свое прозвище. Необычным оказался лишь постскриптум, где говорилось: «Смотри также Хсанг Фуцуи, Дьен Кайчунг, Поттер Алисия, Су Вонму, Ангорак Аглат, Шум Хенджу, Цай Мингво, Корелли Анастасио, Хонг Люджен и Гвай Хунмонг».

Кастор почувствовал, что зашел в тупик, нахмурился, потом упорно вернул курсор назад, к началу, и принялся вчитываться в каждое слово. И в списке работ, опубликованных за 2057 год он понял, что попал в точку.

Статья была озаглавлена «Сохранение структуры личности после пересадки мозговой ткани», авторами являлись Фунг, Шан, Цзулинг, Гвуи и Гвуи.

К счастью, упомянутый номер журнала имелся в памяти университетской библиотеки. Ключ к разгадке нужно было искать в статье. Поиски оказались нелегкими, потому что, занимаясь самообразованием, Кастор мало внимания уделял анатомии. Ему пришлось пробираться сквозь джунгли мозолистых тел, сплетения эпифизов и гипофизов, но постепенно он добрался до сути. В возрасте тридцати шести лет у доктора Фунга образовалась в мозгу опухоль, причем злокачественная. Хуже того, опухоль захватила участки с названиями типа «басис педункули», ведавшие основными функциями тела; потерять их означало отнюдь не просто расставание с парочкой воспоминаний или способностью чувствовать запахи, потерять их означало расстаться с жизнью. Единственное спасение — пересадка. Операция прошла успешно, но… придя в себя после операционного наркоза, Фунг Босьен, отвечая на вопрос хирурга, попросившего пациента назваться, четко и уверенно ответил: «Кто я? Конечно же Фунг Босьен!» Секунду спустя он не менее уверенно назвался Хсангом Фуцуи. Так звали молодого ханьца, студента, погибшего под колесами троллейбуса и ставшего донором для пересадки.

Кастор, с изумлением и одновременно с определенным отвращением, смотрел на золотистые иероглифы. Отвращение он испытывал потому, что, как выяснилось, знаменитый ученый и высокопоставленный партиец не только проводил эксперименты,

но и сам оказался подопытным кроликом. Изумление и волнение — потому что очутился в стенах, где возможны подобные чудеса. Отвращение, изумление и тоска, черная тоска — если бы ему удалось здесь остаться!

…— Нет, — покачала головой добродушная секретарша. — Профессора еще нет, и я понятия не имею, где он сейчас. Он звонил. Передал, что был бы очень рад, если у вас найдется возможность остаться в городе еще на несколько дней. Все необходимые бумаги будут подготовлены.

Сердце Кастора громко застучало.

— В гостинице для командировочных? — спросил он с надеждой.

Секретарша поджала губы.

— Если вам так удобнее, то, полагаю, это можно устроить, но профессор Фунг предложил вам остановиться у инспектора Цзунг. Для университета так будет удобнее. Заверяю вас, инспектор возражать не будет. — Секретарша усмехнулась. — Я уже поставила ее в известность. Поэтому оставайтесь в городе, развлекайтесь… Но сперва вы должны встретиться с профессором. Он появится с минуты на минуту.

Никогда еще, с самых ранних детских праздников, Кастор не испытывал такой радости. Сколько желаний исполняется, и все сразу!

— Я могу подождать профессора в студенческом центре? — поинтересовался он. Глаза его сияли.

— В центре? Зачем? Вы все еще голодны?

— Чтобы поработать с терминалами, — признался он.

— А вы умеете? Прекрасно! Зачем же вам пользоваться общественными экранами? Используйте терминал профессора.

Таким образом, целых три с половиной часа Мелкинс Кастор обитал на седьмом небе, усевшись за роскошной клавиатурой, хозяином которой был знаменитый ученый и высокопоставленный партиец, располагая неограниченным, похоже, доступом к любым научным данным во всем мире. Терминал потряс его воображение. Он осмелился коснуться его клавиш только после того, как минут десять внимательно изучал их расположение и функции. Затем провел тот же поиск-срез, что и в студенческом центре, добавив задание отыскать последующие публикации, включая источники полегче, не только научные, чтобы разобраться, что представляет собой Фунг Босьен и что он совершил. Экран оказался изумительным устройством. Казалось, он умел думать самостоятельно, исполняя все желания Кастора — стоило лишь отдать ему команду, объяснить, чего от него хотят. К моменту, когда вернулась секретарша (она принесла чашку чаю

для Кастора и сообщила, что профессор по-прежнему не дает вестей). Кастор узнал о Фунге Босьене даже больше, чем хотел. Ему были пересажены мозговые ткани (или даже значительные участки мозга) десяти человек, все они погибли от несчастных случаев (пострадало лишь их тело, мозг остался в целости и сохранности). В черепе Фунг Босьена теперь обитало десять разных личностей — не совсем в его черепе, потому что обыкновенный череп не вмещал такое количество мозговой ткани. Вместительность черепной коробки постепенно была увеличина с помощью вживления костяных пластинок, а позднее — пластинок из благородных металлов. Казалось, он — или они? — обладали ненасытным аппетитом, продолжая добавлять к уже имеющимся все новые и новые личности: они бы с удовольствием добавили еще дюжину, проблема была не в недостатке сил и желания, но просто трудно было добыть подходящие совместимые мозговые ткани. Обычно проблемы с отторжением тканей решались достаточно просто с помощью иммунодепрессантов, но мозг был тонким и коварным устройством. Менее чем один из сотни усопших имел шансы прижиться внутри раздутого, словно тыква, черепа Многолицего, и не просто прижиться, но даже весьма сносно существовать.

После этого, окрыленный, Кастор закинул сеть пошире. Намечается ли прогресс в разгадке тайны Медведицы QY? Достигнут ли какой-то прогресс за прошедший год — с тех пор, как Кастор закончил курс астрономии? Нет. По-прежнему никакого продвижения вперед; по-прежнему звезда считается аномальной черной дырой. А извержение на Каллисто? Получены ли новые фотографии? Да, с помощью телескопов добыты новые фотоснимки — очень сносные, учитывая, что астрономы вновь были привязаны к поверхности планеты, а прорыв в космос остался на забытых страницах истории вековой давности…

Кастор просидел бы за терминалом вечность, если бы не возникла секретарша, сообщив:

— Профессор в своей лаборатории, ступайте туда. В коридор, потом вниз по лестнице, комната ЗС44 — не волнуйтесь, вы ее найдете без труда!

…Кастор и в самом деле отыскал лабораторию без труда. Лаборатория заявила о своем существовании разнообразными звуками и запахами — он не успел дойти до распахнутой двери. Чириканье, завывание, уханье, кряхтение; запахи — как в вольере, где в клетках томятся десятки животных. Клеток в лаборатории было много, и большинство не пустовало. Большей частью расквартировались в клетках монстры. Обезьяна-капуцин, здоровая и веселая, тараторя, перепрыгивала с насеста на пол и

обратно; в клетке рядом сидела другая обезьянка, мрачно зарывшись в гнездо из тряпок, в углу, свирепо сверкая глазами — ее раздутую голову поддерживал кожаный ошейник. У всех уродцев в клетках была общая черта — непропорционально увеличенные головы, хотя попадались и другого рода монстры: змея с двумя телами, присоединенными к одному черепу (стальная полоска скрепляла извивающиеся кольца тел в месте соединения), поросенок с туловищем щенка, морская свинка, у которой нормальной головы вообще не было, только рот и нос, и глаза, жалобно смотревшие на Кастора. Кастор был потрясен. Позади стеллажа с клетками он заметил футбольный шлем Многолицего, и, стараясь больше на животных не смотреть, направился прямо к профессору.

Вместе с Многолицым в лаборатории находилось четверо обыкновенных людей, двое из них — янки, что Кастора приятно удивило. Спутники профессора внимательно прислушивались к невнятице, которую, как всегда, нес профессор. Похоже, они научились не обращать внимания на вторичные голоса, вычленять из неразберихи, в которую неизбежно превращалась речь Фунга из-за постоянной внутренней борьбы индивидуальностей, инструкции и указания своего шефа.

Кастор подобным мастерством не владел. Когда на него упал взгляд Многолицего, он невольно попятился. Фунг Босьен был не только уродом, он был стар. Лицо его избороздили морщины: кожу на руках покрыли коричневатые пятна, голос (голоса?) надтреснуто дрожал. Даже сквозь миазмы обезьяньих и прочих клеток Кастор уловил неприятный затхлый запах. Запах старости, дряхлости. Кастору не раз приходилось видеть стариков — янки. Но Древний китаец-хань — для Северной Америки — это большая редкость. Почему этот старик, как остальные, не вернулся на Материк доживать последние годы?

— Кто такой? — спросил профессор, и Кастор, проведя языком по пересохшим губам, ответил:

— Я — Кастор, Мелкинс Кастор. Вы за мной посылали. Помните, вы видели меня в зале суда?

Все голоса попытались ответить одновременно:

— Какого суда?… ТОГО САМОГО, ЧЕРТ ПОДЕРИ! АЛИСИЯ НАС ПОТАЩИЛА… Я никого не тащила, я хотела только… Ага, помню, — сказал один из голосов, самый уверенный. — Вы из деревни, коллектив «Небесное Зернышко»… КАКОЕ ЗЕРНЫШКО?… пожалуйста… ЗАТКНИТЕСЬ… мне хотелось с вами… погодите.

Профессор отвернулся, голоса продолжали бормотать. Потом Многолицый снова посмотрел на Кастора и сказал уже другим

голосом:

— Это я, — сказал он. — Поттер Алисия. Вы хорошо знаете деревню?

— Всю жизнь в ней прожил.

— Тогда… СЛУШАЙТЕ, КОНЧАЙТЕ… заткнись!., тогда вы, возможно, знаете девочку по имени Грутенбарт Мария?

— Марию? Еще бы! Но она уже взрослая. Она моя жена.

После чего последовала невнятная перепалка персонажей, населявших череп Многолицего, продолжавшаяся секунд тридцать, а затем лицо его перестало дергаться, на нем появилось выражение наполовину радостное, наполовину умоляющее. Профессор сказал:

— Я ее мама!

6

Городская квартира инспектора Цзунг на поверку оказалась еще роскошнее, чем прибрежный домик, и более обжитой. Во-первых, целых пять комнат. Зачем нормальному человеку пять комнат? Этого Кастор не мог себе представить, но скромная горничная-янки, которая впустила его в квартиру, заверила Кастора, что все эти апартаменты — исключительно для Цзунг Делилы. И, конечно, «гостей». Кроме Кастора гостей в этот вечер не наблюдалось поблизости. Как и самой Цзунг Делилы, потому что, как объяснила горничная, она задержалась на службе, но к ужину обязательно приедет.

Делила приехала даже раньше обещанного. Бесшумно подкравшись за спиной Кастора, который восхищенно рассматривал вторую, дополнительную спальню, со всеми шкафчиками, встроенными в стены, умывальником и экраном, — спальня была просторнее, чем квартира Кастора и Марии вместе взятая, — и поинтересовалась:

— Нравится? — Она улыбнулась, когда Кастор, вздрогнув, обернулся к ней лицом. — Можешь ее занять… по крайней мере, у тебя будет место для вещей. — Кастор, застигнутый врасплох, невольно толкнул Делилу, но она, кажется, не рассердилась. Он рассыпался в извинениях, но хозяйка остановила его, покачав головой.

— Просьба самого Фунг Босьена — это честь для меня… и удовольствие тоже, я думаю, — добавила она, открыто глядя прямо в глаза Кастору. — Располагайся, чувствуй себя как дома… Мне нужно принять душ, переодеться перед ужином… впрочем, как я вижу, ты уже вполне освоился.

Тихие гудки экрана дважды прерывали ужин. Дважды Делила

удалялась в соседнюю комнату, чтобы ответить на звонок. После второго она вернулась к столу мрачная.

— Можешь больше не тревожиться о судьбе старика из «Жемчужной Реки», — сообщила она. — Он покончил самоубийством, в камере.

— Ох! — выдохнул Кастор. Ему и в голову не приходило, что даже осужденный может самостоятельно распорядиться своей жизнью. — Это печально.

— Да, Кастор, печально. Он был достойным человеком, — тихо сказала Делила.

Кастор помолчал, вспоминая старика. Почему инспектора полиции вдруг взволновала смерть преступника? А потом Кастор напрочь забыл о старом фермере из «Жемчужной Реки», потому что события сегодняшнего дня были куда интереснее — и день еще не кончился! Делила молча ковыряла еду, позволив Кастору поупражняться в красноречии. Потом, когда горничная собрала посуду, и вложив ее в моечную машину, удалилась, они пересели на впечатляющих размеров диван, устроились поудобнее друг против друга; инспектор Цзунг раскурила свою лакированную трубочку, а Кастор продолжал болтать. Он был рад такому случаю, потому что у него накопилась куча новостей и обо всем нужно было рассказать.

— Кажется, Многолицему я понравился, — похвалился он. — Он даже спросил, не соглашусь ли я с ним поработать. Как ты считаешь? Неплохая идея, по-моему, хотя работать с таким уродом, как Многолицый — удовольствие ниже… что?

Губы Делилы тронула улыбка, но лишь чуть-чуть.

— Только не с «Многолицым», — поправила она, — а с Фунгом Босьеном, высшим партийным работником. А словечко «урод» тебе лучше позабыть, совсем.

— О, дьявол! — пренебрежительно бросил Кастор. — К чему формальности, Делила! — Улыбку затянуло ледяной корочкой, и он испуганно решил, что перегнул слегка палку. — Да, ты права, конечно, — поспешно добавил он. — К власти человек обязан относиться с уважением. Но, все-таки, я ему пришёлся по вкусу, честное слово! Одной из его составляющих, по крайней мере. Как ты считаешь, я могу с ним сработаться? Завтра утром назначена встреча. Ты подвезешь меня к университету?

— Конечно, — сказала Делила, пристально глядя на него.

— Но разговаривать с ним — тяжкий труд! Особенно, если он волнуется. Они все начинают говорить одновременно… а человек он вспыльчивый, как я понял… — Кастор хлопнул себя ладонью по лбу. — Чуть не забыл! Я просмотрел свое собственное личное дело. Оказывается, для работы в обсерватории образования у

меня достаточно. Если бы Многолицый замолвил словечко…

— Зачем тебе обсерватория? Телескоп — всего лишь инструмент. Если бы ты хотел управлять фермой, ты ведь не стремился бы заменить плуг?

Кастор озадаченно заморгал.

— То есть?

— Если Фунг Босьен может тебе помочь с переводом в обсерваторию, он с такой же легкостью устроит тебя в университет.

Кастор резко выпрямился, у него даже дух захватило.

— В университет?

— Почему бы и нет?

— У него такие связи?

Делила лишь рассмеялась в ответ. Разумеется, у Многолицего были связи, и он мог добиться, чтобы Кастора приняли. А вдруг он в самом деле поможет? Вдруг мечта всей его жизни, вдохновлявшая и мучившая его, осуществится — и только потому, что по воле слепого случая одним дождливым днем, посреди рисового поля, он, Кастор, споткнулся о голову убитого человека?

Он заметил, что инспектор Цзунг смотрит на него с улыбкой, почти ласковой, и взял себя в руки.

— Забыл! — воскликнул он. — У меня для тебя подарок!

Цзунг Делила, несмотря на всю свою выдержку, не смогла скрыть изумления.

— Подарок? Для меня?

— Мне разрешили поработать на терминале, — объяснил он, поднялся и принялся рыться в рюкзаке и… — можно я экран включу?., и я вспомнил наш разговор вчера вечером… — Он присел перед небольшим комнатным экраном, ознакомился с клавиатурой, включил режим воспроизведения. — Университетский терминал может все! Через «Скайуотч» и ФАИ ничего выяснить не удалось, зато на отделении астрономии я отыскал нужные снимки… включая даже данные с большого телескопа в Лхасе и с парочки индийских. Вот я и совместил самые удачные радарные показания, ввел поправку на вращение и масштаб — объект движется в нашу сторону… и программа отобрала для меня самые четкие детали… просто, как дважды два четыре, — похвастался он, хотя это не соответствовало истине, и нажал клавишу. На экране возникло изображение загадочного объекта, окруженного чернотой, на фоне которой рассыпались ослепительно-белые точки.

Это был космический корабль.

Цзунг Делила смотрела на экран.

— Но там не может быть наших кораблей, — сказала она.

Голос у нее почему-то сел.

— Вот именно! Здорово, правда? — Кастор сиял от восторга.

7

Утром небо приятно голубело, ветерок с Залива был свеж — запаха бензина почти не было слышно, и даже густой поток автомашин на улицах Нового Орлеана уже не представлял для Кастора пугающей головоломки. Мелкинс Кастор быстро приспосабливался к жизни в большом городе, с каждым днем становился на порядок увереннее в своих силах и умениях. Даже по пути в кабинет Многолицего он ни разу не заблудился. Безошибочно определяя направление, он прошагал к нужному корпусу, поднялся на нужный этаж, отыскал нужную комнату. Утро было омрачено только одной небольшой неприятностью — Многолицего в кабинете не было. Его даже не ждали.

Так объяснила Кастору преданная секретарша профессору Когда Кастор вошел в приемную, она бесцельно тыкала в экран стержнем курсора. Выяснилось, что высший партийный работник Фунг Босьен не удосужился поставить ее в известность о встрече с Мелкинсом Кастором. Но секретарша удивления не выразила, и даже не извинилась. Похоже, подобное было в порядке вещей.

— С профессором такое бывает, Мелкинс. К профессору нужно приспособиться, — рассеянно пробормотала она, не отрывая глаз от экрана.

Вытянув шею, Кастор ухватил краем глаза кусочек изображения. Секретарша играла с компьютером в го. Сделав ход, она добавила:

— После очередного импланта профессор некоторое время приходит в себя.

— Разве ему сделали новую пересадку? Я не знал.

— О, да. Пять недель тому назад. Думаете, он всегда такой непредсказуемый? Разве я смогла бы у него работать? — Она покачала головой, с отвращением рассматривая ситуацию на экране. Наверное, предположил Кастор, компьютер ее обставил. Секретарша швырнула курсор на стол и поинтересовалась:

— Вы ели?

— Простите?

— Завтракали? Понимаете? — Она показала. — Кушать, жевать, глотать? Нет? Тащите стул поближе, сейчас закажем супу с рисом.

Честное слово, женщина очень дружелюбно с ним держалась! Она вызвала факультетскую столовую, заказала еду и, ожидая, пока доставят заказ, удобно устроилась в своем кресле, положив

ноги на стол и оценивающе глядя на Кастора.

— Итак, юноша, вы хотели бы работать с профессором, как я понимаю?

Кастор кивнул.

— Но вы не уверены, сработаетесь ли вы с ним, сумеете ли приспособиться к его сумасшедшим выкрутасам, не так ли? Не тревожьтесь напрасно. Сейчас баланс его личности нарушен. Каждый раз, когда появляется новичок, они ссорятся… такая идет грызня, ужас! Но потом все возвращается на круги своя. — В приемную вошел служитель из факультетского клуба, и секретарша объяснила, куда поставить подносы.

— Ешьте! — велела она Кастору. — И можете задавать мне тем временем вопросы.

Кастор уже подцепил палочками немного риса, но рука его замерла на полпути ко рту. Он смотрел, как женщина ловко расправляется с рисом и супом, мысленно оформляя вопрос.

— Гм… мозг профессора содержит сознания нескольких личностей. Это что-то вроде шизофрении, расщепления сознания?

— Ни в коем случае. Расщепление сознания — или как выражаются коллеги профессора Фунга, «многостороннее расстройство целостности личности» — это из области психиатрии. Это травма, как правило, полученная в детстве, которая так или иначе вызывает уход от действительности. Но все голоса, все лица профессора — не иллюзия, они реальны.

Кастор зачерпнул горстку риса, глотнул супа.

— Но каким образом? — промямлил он.

— Как они уживаются в одной голове? Дайте-ка вспомнить… Много, много лет тому назад — еще даже существовала Америка, — психолог по имени Хилари Робертс опубликовал работу… и я приведу вам пример, который он использовал в этой работе, я задам вопрос. Что мы сейчас делаем?

— Ну… — Кастор прожевал рис и проглотил, и только после этого произнес достаточно внятно: — Разговариваем?

— Правильно. А теперь, юноша, объясните, откуда вы знаете, что мы разговариваем?

— Ну… — Кастор сглотнул, но уже не для того, чтобы улучшить дикцию, а чтобы собраться с мыслями. — Потому что я так подумал?

— Верно. Пока мы «разговариваем», вы, кроме того, «думаете», что мы разговариваем. А сейчас, наверное, «думаете» о том, что мы «думаем» о «разговоре». Это мышление второго уровня Робертс (и я в том числе) называет «метамышлением». Но, обратите внимание, Мелкинс, сейчас вы «думаете» о «метамышлении»! Какой следует отсюда вывод?

— Вот это да! Выходит что-то вроде «метаметамышления»?

— Именно! — Секретарша просияла, сплющив картонные чашки, в которых больше не оставалось ни супа, ни риса. Она точным броском отправила их в корзинку для бумаг. — Можно продолжать до бесконечности, понимаете, Мелкинс? До бесконечности.

— Здорово!

— Более чем! «Абсолютного», «предельного» мышления не существует! Мышление бесконечно. И с чего все начинается, что лежит на дне — даже этого не определить. Нет «истинного», «исходного» мышления, потому что бесконечность — это замкнутая петля.

Кастор почесал затылок, пытаясь как-то вписать всю эту метафизическую фата-моргану — как там его… «метамышление», — в привычную повседневную жизнь.

— Вы хотите сказать, что Многолицый — бесконечен? — предположил он.

— Нет, не бесконечен. Но замкнут, как петля. Не существует больше «настоящего» профессора Фунга. Все его части — настоящие.

Последовав примеру секретарши, Кастор смял свои картонные контейнеры и отправил их в корзинку. Он потянулся к оставшейся горстке риса, но секретарша его опередила.

— Откуда вы столько знаете? — спросил он.

Она посмотрела на него с неудовольствием.

— То есть, откуда такие познания у секретаря, так вас следует понимать? Даже секретарши — не совсем безмозглые создания, Мелкинс. Думаете, у нас простая работа? До того, как стать секретарем, я была ассистентом профессора Фунга. Потом он предложил мне стать женой. А потом у него появилась другая компания, внутри черепа, и жена оказалась ненужной… но я осталась с ним. Секретаршей. — Она скомкала последнюю картонную тарелку в шарик и отправила вслед за остальными. — Ну что же, Мелкинс, чем желаете развлечься, пока не появится профессор? Поработать с терминалом? Понаблюдать за космическими кораблями? Кажется, вы к ним неравнодушны?

— А вы нет?

Секретарша пожала плечами.

— Открытый космос не так любопытен для меня, как космос внутренний. Впрочем, да, события достойны внимания. Поговаривают о каких-то радиосигналах, до сих пор не расшифрованных.

— Радиосигналах! К тому же, загадочных! — Кастора потянуло к экрану, но секретарша снисходительно усмехнулась.

— Великая загадка! Но едва ли такая уж загадка. Скорее всего, алгоритмы кодировки были позабыты, вот и все.

К тому времени когда Кастор убедился в правоте секретарши, перевалило за полдень. О появлении профессора Фунга он догадался по голосам, которые донеслись из наружного кабинета. Многолицый опять «говорил на языках», по крайней мере, четыре его составляющие старались внести в диалог свою лепту. За профессором следовала группа граждан, как молодых так и преклонного возраста; некоторые из них явно принадлежали к числу высокопоставленных чиновников. Всех их объединяло одно, как заметил Кастор — все они стремились чего-то добиться от Многолицего. Оказывается, профессор был не только необыкновенным физиологическим препаратом. Он в самом Деле оказался влиятельным партийцем, в его власти, как понял Кастор, было либо пожаловать милостью, либо оставить ни с чем.

Процессия вошла в приемную, и Кастор встал в сторонку. Он с новым интересом разглядывал старого ученого, потому что, ожидая Многолицего, он воспользовался его же терминалом, чтобы познакомиться с физиологией коллективного мозга.

В определенном отношении мозг — самый чувствительный орган тела, но с другой точки зрения — самый выносливый, самый стойкий. Могучий щит, называемый анатомами «гемато-энцефалическим барьером», прикрывает его от проникших в кровеносную систему зловредных организмов и мятежных клеток. Рак мозга редко дает метастазы в туловище. Раковым опухолям редко удается проникнуть в мозг из других частей тела. С точки зрения иммунитета, мозг находится на особом положении, большая часть недугов ему не страшна. И охотнее, чем любой другой орган, мозг принимает пересаженные ткани.

Все-таки удивительно, что удалось втиснуть в желтовато-коричневую арбузину многолицевой головы одиннадцать разных сознаний! Как выяснил Кастор, все «квартиранты» сохраняли целостность личности, поэтому, в зависимости от предмета разговора, слово брал то один, то другой. Или в зависимости от договоренности, к которой им удавалось между собой прийти. Или в зависимости от того, кто громче орал.

Когда профессор разобрался со всеми просителями и прихлебателями и отослал их прочь, он сел за рабочий стол и некоторое время молча изучал Кастора. Кастор приготовился услышать бессвязный хор голосов, перебивающих друг дружку. Вопреки ожиданиям, Многолицый заговорил как обычный человек — очевидно, это и был его собственный голос.

— Итак, Мелкинс Кастор, — сказал он, — вы согласны у меня работать?

— Мальчиком на побегушках? Прислугой? Прибирать в доме, готовить? Не знаю, справлюсь ли я. Не располагаю соответствующими навыками, хотя, как и все в деревне, подростком я дежурил в столовой, помогал…

Губы Многолицего шевельнулись, он заговорил, на этот раз с иным акцентом:

— То есть, он согласен. Пошли отсюда.

— Когда закончим с делами, — строго сказал сам себе Многолицый, — тогда и пойдем. Мелкинс Кастор! Хотите поступить в университет?

— Еще бы!

— То есть, согласен, — недовольным тоном сказал второй голос, и Многолицый опять себя перебил:

— Вы уже выбрали направление? Какие курсы вы хотели бы пройти?

— Гм, не совсем, — признался Кастор. — Семестр давно начался, несколько недель… не знаю, на какие мне еще позволят записаться…

Многолицый изобразил удивление сразу всеми составляющими.

— Позволят записаться? — произнес он, как будто не совсем понимая, о чем идет речь, словно хотел убедиться, что фраза имеет смысл в данном контексте. — Не сомневайтесь, вас примут! — Он показал на экран терминала. — Вызовите список предметов, входящих в учебную программу, — приказал он. — Выбирайте все, что вам нравится, я ставлю «добро» на ваше заявление — и больше никаких дискуссий, мой мальчик! Действуйте! А потом отправляйтесь домой и приготовьте обед! Давненько я дома не обедал! Неплохо бы что-нибудь особенное отведать… так… жареную рыбу — НЕТ, ТОЛЬКО НЕ РЫБУ, В МОРЕ ПОЛНО НЕФТИ — бифштекс, если можно — нет, я хочу креветок — НЕФТЬ, НЕФТЬ! — Проклятье! — рявкнул Многолицый, потеряв терпение, перекрывая шум, который подняли его одночерепники, — приготовь что-нибудь, что угодно! Что умеешь! Но готовь как следует и подавай горячим! Вперед, не теряй времени!

И Кастор взялся составлять меню гурмана из всех практических и факультативных курсов, о которых дома, в Деревне, с ее слабенькими обучающими машинами, мог только грезить. С наслаждением вгрызался он в разнообразнейшие предметы — астрогация, солнечная баллистика, космическая медицина, — и повсюду его встречали с распростертыми объятиями: преподаватели, как один, старались уделить ему особое внимание, чтобы Кастор побыстрее догнал группу. Кастор

только поеживался от благоговейного ужаса — ведь до сих пор такое понятие, как «высший партийный работник» казалось ему чистой абстракцией, чем-то безотносительным к его собственной жизни. Никогда еще не наблюдал он магическую мощь высокопоставленного лица (а в данном случае, наверное, несколько лиц) в действии.

Многолицый в самом деле высоко стоял и пользовался немалым влиянием. Даже в Отчизне, если ему приходило в голову посетить древние города, Пекин и Гуанчжоу, он был заметной фигурой. А среди китайцев Северной Америки, где понятие «Отчизна» было достаточно идеальным, Многолицый, по меньшей мере, был первым среди равных.

После первого же учебного дня Кастор понял, что радости познания стоят любой, самой дорогой цены. После первого же дня в доме Многолицего, испытав свои силы в роли прислуги, Кастор решил, что цена, пожалуй, несколько завышена. Во-первых, он не предполагал, что ночевать придется в доме профессора. Само по себе — не такое уж плохое условие. Ему выделили просторную, удобную, можно сказать, роскошную, комнату. Ему не хватало Цзунг Делилы. Кастор быстро привык делить ложе с этой женщиной, тонко разбиравшейся в искусстве любви, и его покоробило, когда он обнаружил, что, даже без его ведома, привычный порядок нарушен, и что удивительно (как намекнула ему секретарша) по инициативе самой Делилы. Очевидно, решил Кастор, Делила проявляет тактичность, дает ему возможность завести среди студенток подружку помоложе. Неважно. С этим он разберется, когда наступит срок, то есть, когда немножко отдохнет от чрезмерных постельных упражнений.

Оставалась проблема самого Многолицего, вернее, самих.

Нельзя сказать, что среди одиннадцати личностей, составлявших коллективное сознание профессора, попались особо задиристые или неуживчивые особы; нет, с каждой из них можно было найти общий язык, в той или иной степени. Проблема заключалась в том, что их было одиннадцать. И у каждой — собственный набор привычек, вкусов, интересов и так далее. «Председателем» обычно выступал профессор Фунг. Брал слово «от имени и по поручению» комитета. Но только в случае, если вопрос серьезно не затрагивал чьих-то интересов. Секретарша профессора не ошибалась: «настоящего» Многолицего больше не было. Когда одной из составляющих его личностей нужно было поговорить с Кастором (другими словами, один из подотделов комитета желал обсудить интересующий его вопрос) прочие давали ей свободу слова. Иногда — на несколько минут подряд.

— Бывает нелегко, это правда, — объяснила Кастору Алисия

Поттер в один из таких моментов. — Но мы находим общий язык. Просто другого выхода нет. Хсанг постоянно ноет, что мы не играем в гольф. А больше всего неприятностей от Шума. — НЕПРАВДА! — Ох, помолчи хоть немного, Шум! Я не критикую, я имею в виду, что у тебя завышенные сексуальные потребности. И мы ничем не можем помочь, ни Хсангу, ни Шуму. Особенно Шуму… не говоря о том уже, что при одной мысли о близости с женщиной… — Губы Многолицего угрожающе скривились, очевидно, Шум готовился дать отпор, поэтому Алисия поспешила сменить тему. — В общем, мы стараемся поддерживать друг друга, чтобы никто не вешал носа, чтобы в голове у нас были покой и согласие. Кстати, ты скоро увидишь мою дочь?

Кастор кашлянул и ответил уклончиво:

— Пока что я крайне занят в университете.

Он старался не упоминать о разводе. И если предполагаемая мать Марии позабыла о туманной фразе, несколько дней назад сказанной Кастором, то это уж вовсе не его дело. Напоминать ей об этом он не собирается. Кастор решил, что неплохо бы сменить тему, как раз наступил подходящий момент.

— Кстати, насчет обеда, — сказал он. — Кажется, мы все сошлись на том, что я готовлю курицу, правильно? С рисом.

— ПРАВИЛЬНО, РИС И ЛУК… нет, только рис, без лук а… — Какой рис? Хочу плов!.. — Пожалуй, — рассудительно подвела итог Алисия, — ты приготовь что-нибудь, милый Кастор, что тебе нравится. А мы в любом случае съедим.

Кастор жил, словно во сне. Учеба в университете! И он не обязан возвращаться в деревню, прозябать на рисовых плантациях, черт бы их подрал! Новая искусная любовница — правда, ему временно приходится без нее обходиться, но очень скоро, не может быть сомнений, они восстановят отношения. Он даже иногда (не очень часто) вспоминал Марию и немножко грустил о ней. (С другой стороны, она сама виновата, что ушла. Нет нужды укорять себя; и поэтому Кастор имел полное право наслаждаться жизнью).

Самое большое наслаждение — изучать науки, связанные с космосом, но уже не в качестве упрямого крестьянского паренька у примитивного учебного терминала в глухой деревушке, а будучи полноправным и даже привилегированным членом академического сообщества.

Новости сыпались одна за другой. Учебная группа курса астрогации гудела как встревоженный улей. Началось с того, что по решению Партии забытая, потерявшая связность космическая программа вдруг стала набирать обороты, обрела второе дыхание. Наставник, который пребывал по данному поводу не в меньшем

восторге, чем Кастор, сообщил группе о новой партийной инициативе. Он продемонстрировал изображения десятка ракет, некоторые из них были даже построены в течение последних лет; но программа до сих пор не имела реального веса, за ее спиной не стояли влиятельные силы, поддерживающие ее. И вдруг ситуация изменилась. «Что послужило причиной?» — поинтересовались студенты, инструктор ответствовал с непроницаемым выражением:

— Коллективный разум Партии мудр. Временами необходимо отступить и собраться с силами, временами — стремительно двигаться вперед.

Итак, наступило время двигаться вперед.

Кастор отважился на рискованный вопрос:

— Связано ли ускорение программы с недавно появившимся неизвестным космическим кораблем?

Наставник, прежде чем ответить, немного подумал, обвел глазами аудиторию, — не придет ли кто-нибудь на выручку, — потом осмелился выдавить:

— Не исключено.

— Удалось ли расшифровать сигналы, передаваемые с корабля?

Наставник решил, что с него хватит, и обрушился на Кастора:

— Мелкинс! Если бы сигналы были расшифрованы, разве руководители партии скрыли бы от нас их содержание? Как вы считаете? Следите за своими словами и мыслями, Мелкинс!

С другой стороны, он не стал категорически отрицать, что сигналы не были расшифрованы. И не стал уверять, будто бы корабль, о котором шла речь — всего лишь пустая скорлупа, останки одного из русских или американских аппаратов.

В тот же вечер, уединившись в своей комнате, Кастор подключился к личному терминалу Многолицего и перетряс файлы в поисках дальнейших сведений о новом космическом корабле. Новых сведений не поступало, поиски оказались бесплодными. Сомнений не оставалось — информация засекречена. И Кастору, чтобы проникнуть в секрет, лазейки не оставили. В этом тоже не было сомнений.

Возня с монитором ему надоела, он зевнул и выключил экран, но тот внезапно сам вспыхнул вновь, замигал, давая Кастору понять: кто-то его вызывает. Включив прием, Кастор обнаружил, что вызывала его секретарша Многолицего. Холодно взглянув на Кастора, она сказала не допускающим возражений тоном:

— Вам приказано явиться на квартиру инспектора Цзунг. Вас ждет задание.

Кастор понимал, что поступает не слишком благопристойно, но не сдержался. Он хмыкнул и сказал сквозь смех:

— Задание? Знаем мы эти задания!

Но секретарша смотрела на него с таким видом, словно вдруг потеряла чувство юмора.

— Очень вам советую, — сказала она сухо, — серьезно отнестись к приказу инспектора народной полиции.

— Я так и сделаю, — пообещал Кастор, сдержав улыбку.

Затем, немного обдумав ситуацию, он нашел несколько странным тот факт, что инспектор народной полиции именно таким способом передала ему приказ. Поразмышляв над этой загадкой, Кастор ни к чему не пришел и немного разозлился. Он выждал некоторое время, чтобы наверняка застать Делилу дома. Потом, когда Многолицый крепко уснул, Кастор выскользнул из дома без лишнего шума, поймал такси и через десять минут стоял перед зданием, где находилась квартира Цзунг Делилы. Войдя в кабинку лифта, он усмехнулся. Как он и рассчитывал, ночью машин немного, поэтому дорога обратно займет еще минут десять, в общей сложности, двадцать. Час в постели, нет, лучше возьмем с запасом — полтора. Получается… Совсем неплохо! Он успеет вернуться в свою комнату и еще добрых часов пять останется на сон. Утром нужно отварить рис к завтраку…

Он постучал в дверь и обнаружил, что жестоко ошибся в расчетах. Задание ему предстояло совершенно иного характера. И вообще, дверь ему открыл, точнее, приоткрыл, незнакомый высокий юноша-китаец. Китаец подозрительно и неприязненно смерил Кастора взглядом. Лет ему было приблизительно столько же, что и Кастору.

— Вы — Мелкинс Кастор, крестьянин коллективной фермы «Небесное Зернышко»? — отрывисто спросил он.

Кастор на вопрос не ответил, чтобы не доставлять нахалу удовольствия.

— А вы кто такой? — язвительно поинтересовался он.

— Сын вашей любовницы, — объяснил юноша. — Мне велено передать вам приказ. В урне, которую вы видите возле двери, находится прах убийцы Фенга. Прах надлежит вернуть в его родной коллектив. Согласно приказу моей матери, вы сделаете это завтра утром.

8

Автобус остановился, и Кастор с видом покорителя неведомых стран сошел на пыльную площадь деревни, где родился и провел всю жизнь. Покоритель Нового Орлеана

приготовил снисходительную улыбку и столь же снисходительное, хотя и вполне теплое, дружеское рукопожатие для своих старых соседей, но родной коллектив, похоже, ни сном ни духом не ведал о возвращении великого завоевателя. Встречающих почему-то поблизости не наблюдалось.

По крайней мере, взрослых. В поле зрения Кастора оказался лишь один член коммуны — пятилетний Мелкинс Бенджи, сынок двоюродного брата Кастора, Пендрейка. Мальчуган стоял в дверном проеме деревенской школы и сосал большой палец. Должно быть, его опять выставили из класса, опять намочил штаны прямо на уроке.

Времени на поиск зрителей у Кастора не оставалось.

— Гражданин! — напомнил о себе водитель. — Забирайте вашу сумку! У меня расписание!

Впрочем, тщеславию Кастора был нанесен невеликий ущерб, так, пустяковая царапинка. Пожав плечами, Кастор подхватил ящичек с погребальной урной, в другую руку — рюкзак, и зашагал прямиком к конторе помощника управительницы. Там его и поджидала делегация встречающих: Толстая Рода. Запас жалоб и упреков у нее оказался, как всегда, весьма солидным, даже более солидным, чем обычно. Начала она с того, что заявила:

— Твой автобус опоздал!

Что ж, по крайней мере, как выяснилось, Толстой Роде все это время недоставало Кастора. Вернее, не его лично, а его рабочих рук. Толстая Рода крайне горевала по поводу того, что ее бригада оказалась в меньшинстве. Она как следует выругала Кастора за то, что последний недельный план бригада выполнила всего на 83 процента, затем взглянула на свой настольный экранчик и защелкала клавишами, проверяя, что имеется в наличии из жилья.

— Морока с тобой, Кастор, — ворчала она, рассматривая появившуюся на экране диаграмму. — Полагаю, тебе нужен ночлег? И ужинать ты тоже не откажешься? Но планируя рацион, мы тебя не учитывали. Теперь всем придется страдать по твоей милости.

Конечно, Толстая Рода несла полнейшую чушь. Ужин на три сотни человек готовят каждый вечер, и одна лишняя порция не ущемит ничьих желудков. Наоборот, меньше объедков соскребут в контейнеры, чтобы завтра отправить на корм тилапиям. Поэтому Кастор счел ниже своего достоинства отвечать на подобную ерунду, и на следующую фразу — тоже. Толстая Рода предложила ему лечь спать в одну постель с кем-нибудь из детей.

— Твою квартиру, — твою бывшую квартиру, — уточнила она

с наслаждением, — сейчас ремонтируют. Туда въедет другой жилец.

— Разумеется, — сказал Кастор. Он усмехнулся про себя. Врет и не краснеет! Чтобы Толстая Рода раскошелилась на банку краски за счет бригады? Она скорее покончит с собой.

— Не нужна мне ваша еда, — сказал он язвительно, — и постель ваша обмоченная мне тоже не нужна. Сама на ней спи. Мне нужен только электроцикл. Я отправляюсь в «Жемчужную Реку», там и заночую.

Толстая Рода посмотрела на него с обидой.

— Напрасно ты грубишь, Кастор. Ну… ладно, по-моему, в гараже оставался еще один «цикл».

По крайней мере, нашелся один человек, который был рад увидеть Кастора и поболтать с ним, рассказать деревенские новости. Нет, о Марии ничего не слышно, сказал Мелкинсу Джим, ни слуху ни духу. Перерывы в электроснабжении? Да, свет по-прежнему отключают. Что-то такое с радиотелескопом, верно? Электроцикл? Конечно, Кастор, бери любой, только… понимаешь, Кастор, извинился Джим, ты ведь теперь не в списках, так что придется заплатить за прокат, по обычной для туристов цене…

Кастор вовсе не ожидал, что прореха, оставленная его отъездом, так быстро и безболезненно затянется.

Он добрался до «Жемчужной Реки» в сумерках. Мычали коровы, блеяли овцы, фыркали и хрюкали свиньи. Ферма скотоводов атаковала уши Кастора — и обоняние тоже. Так как он предварительно позвонил и сообщил о своем приезде, на этот раз его встречали.

Поджидала его девушка, невысокая, темноволосая, худенькая. Одета в блузу и шорты, но к моде она явно относилась с презрением. Блуза была из грубого полотна цвета хаки, и вся заляпана… Кастор решил, что это, должно быть, помои, которыми кормят свиней. Шорты были не лучше, чем блуза. Когда девушка вышла на свет, чтобы поздороваться, Кастор увидел ее лицо и понял вдруг, что уже видел его раньше.

Это самое лицо он видел на голографических снимках, которые ему предъявляли в суде, на дознании. Точно такое же лицо, точно такая же голова, — только в более изящной версии — как та, на рисовом поле, из-за которой и начались все передряги. И неожиданные успехи.

— Феng Миранда, — представилась девушка без улыбки, и даже довольно неприветливо. — Спасибо, что привезли дедушкин прах. Нет, нет, не сейчас, не передавайте мне урну. Организовано собрание в память дедушки, люди уже ждут. Пойдемте.

Пока они шагали вдоль освещенных мостков к

общественному центру коммуны, Кастор выяснил, что Фенг Миранда не зря так похожа на убитого юношу. Она была его сестрой. Сестрой-близняшкой, и общими у них оказались не только гены.

— Он умер, как герой, — сообщила она деловито. — Кто, дедушка? Нет! Мой брат! Он был предан борьбе за освобождение Америки от ига завоевателей. Так же, как и я. Он погиб, как мученик во имя свободы!

Вот это да! Кастор отступил на полшага в сторону, позволил Миранде первой войти в клуб.

Оказывается, Миранда не зря отказалась принять урну с прахом дедушки. Оказывается, урну Кастор должен был передать в ходе задуманной и подготовленной церемонии, в сопровождении соответствующих случаю выступлений собравшихся на похороны. Почему бы и нет? Довольно любопытно посмотреть, как эти свинопасы устраивают похороны; Делила, наверное, посмеется от души над его рассказом. Но церемония неожиданно удивила Кастора, неприятно удивила. Он ожидал другого. Оказывается, похороны представляли собой спектакль одного актера. То есть, актрисы. И все, что она сказала в зале, было куда хуже того, что услышал от нее Кастор по дороге к клубу. Встав перед собранием сорока или пятидесяти членов коммуны, в основном преклонного возраста, она приняла из рук Кастора урну, предварительно извлеченную из ящичка. С урной она обращалась крайне небрежно. Бросив взгляд на именную пластинку, она убедилась, что надгробная речь, предназначенная дедушке, достанется именно ему, а не какому-то самозванцу, она поставила его прах на стол, обычный кухонный стол, заметил Кастор, хотя кто-то удосужился накрыть его красной тканью, свисавшей до пола по обе стороны. Она рассеянно поцеловала Урну, словно отерла губы о подвернувшийся предмет, потому что руки вдруг оказались заняты, и обратилась к собравшимся:

— Фенг Хсуму, мой дед, убил моего брата. Фенг Хсуму был хорошим отцом для моего отца, и я за это ему благодарна. Но он стал убийцей моего брата — и убил его лишь за то, что брат жаждал освободить Америку, боролся за то, чтобы китайцы убирались домой.

Кастор, слегка шокированный, потихоньку слез с помоста. Ему было жаль девушку. Она запуталась в иллюзиях, она потеряла связь с миром действительности. Хотя китайцы и сохраняли структуры, ставшие привычными со времен старой Народной Республики, в первую очередь они являлись просто-напросто китайцами, и отсутствие «свобод» в Америке их менее всего волновало. Китайцы-хань узурпаторами себя не считали.

Они не завоевывали Америку (или Восточную Сибирь, или Японию, Австралию, Индонезию, и прочие страны, где доминировали китайцы). Китай — он же «Отчизна», «Дом» — был древним имперским Китаем, включавшим большую часть Индокитая, часть Кореи и Сибири; в их понимании эти территории были частью Китая и даже спорить было не о чем. Остальные территории, пусть даже под их контролем, оставались чужими, иностранными.

Девушка продолжала свою речь, а Кастор тем временем оглядел зал. Странно, но никто, похоже, не возмутился. И никто девушку не поддержал; даже у молодых фермеров лица казались равнодушно-спокойными, как у коров, которых на ферме разводили.

Миранда ударилась в древнюю историю. Большей частью она говорила о верных фактах. После ядерной войны уцелело около двухсот миллионов китайцев, и примерно столько же индусов. Послевоенный мир достался им в наследство. Просто не осталось на планете достаточно многочисленной нации, чтобы им противостоять. И они разделили мир между собой: Западная Европа и Ближний Восток отошли к Индии, остальное — по преимуществу к Китаю. Они не встретили особого сопротивления. Никто и не пытался сопротивляться. Бывшие центры мировой политической и военной мощи не располагали ни военными, ни людскими ресурсами.

Но Миранда не в состоянии уяснить себе простую вещь, решил Кастор. Китайцы — не завоеватели. Ханьский Китай никогда ничего за пределами себя не стремился завоевать. Ханьский Китай ни малейшего желания не испытывал принять в себя другие народы. Ханьский Китай не против того, чтобы владеть всем, что того стоит, но люди, живущие на опустошенных землях, не должны становиться китайцами. И китайцы, которые родились и выросли за пределами Отчизны, определенно не считали себя местными жителями.

Исключая сумасбродов, вроде Фенг Миранды.

От сумасбродов разумнее держаться подальше, поэтому Кастор, не привлекая к своей особе лишнего внимания, шажок за шажком, принялся отодвигаться в дальнюю часть зала, где такой же невозмутимо-равнодушный, как все остальные, стоял управитель коллектива.

— Сэр… — прошептал Кастор. — Он хотел выяснить, не кажется ли управителю выступление Миранды несколько странным, но встретившись с ним глазами, Кастор передумал и задал другой вопрос:

— Сэр, вы не приготовили для меня ночлег?

Управитель ответил, даже глазом не моргнув:

— Разумеется, Мелкинс Кастор. По-моему, женщина-инспектор хочет разделить свое ложе с вами.

Он кивнул в сторону… и там, с краю, в последнем ряду, совершенно незаметная, если не считать привычной насмешливой улыбки, сидела Цзунг Делила.

Кастор не стал спрашивать, как она очутилась на ферме и зачем. Она ничего не стала объяснять, только взяла за руку и уверенно повела к дому для гостей. Кастор уже подозревал, зачем она здесь. Он подозревал, что народная полиция держит вот такие осиные гнезда, как эта ферма, под неусыпным наблюдением — что логично, — и что Делила не случайно оказалась здесь, и не случайно Кастору приказано было доставить прах старика Фенга. Наверное, она не хотела делить с Кастором постель, пока сын ее был дома. (Конечно, Кастор слишком много о себе думал, но, по крайней мере, насчет сына он не ошибся.)

Они подошли к гостевому домику, дверь бедно обставленной, тесной комнатки затворилась за ними, и Кастор, запинаясь, пробормотал:

— Ты ее арестуешь?

Делила ответила ему смехом.

— Не говори глупостей. — Она повесила свои штатские брюки на вешалку, вытащила из сумки пижаму. — Мы присматриваем за этими юнцами, неумными детьми, но никого не арестовываем. Разве что кого-нибудь из них убьют — свои же, только поумнее. Ложись в постель.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Цзунг Делила не только саму себя поразила, но и очень на себя рассердилась. Инспектор народной полиции вступила в интимную связь с мужчиной намного моложе ее, моложе собственного сына! Какое унижение! И любовник ее, при всем прочем, был янки!

Но даже нещадно предаваясь самобичеванию, она из осторожности использовала фразу «интимная связь». Даже по утрам, во время приступов дурного настроения, бессильно присев у туалетного столика, глядя в зеркало, в собственные ненавистные глаза или на свое отражение в зеркальной двери ванной комнаты, не произносила она этого слова — «любовь». Любовь исключалась, полностью и окончательно.

Делила, о чем она частенько себе напоминала, была женщиной, сделавшей завидную карьеру и обладавшей значительной властью. Именно власть и карьера управляли ее жизнью, ее стремлениями, энергией, мыслями и так далее, и вовсе не какая-то там «любовь». Делила настойчиво убеждала себя, что, если Кастор так или иначе помешает удержать достигнутое или достичь большего, она без промедлений бросит его. Более того. Если нужно, убьет. Она сознавала, что так и произойдет, и потому слово «любовь» было неприменимо. Все, чего ей хотелось, если разобраться, так это тела Кастора, сильного, молодого, ловкого тела, покрывавшего ее от носков ступней до макушки, и, когда он входил в нее, внутри у Делилы все сладко вздрагивало, сжималось, трепетало. Сексуальное влечение? Конечно. Любовь? Ни в малейшей степени!

Поэтому, когда наутро Кастор с ухмылкой поинтересовался:

— Вот для чего ты всучила мне урну, получается. Чтобы мы продолжили отношения, несмотря на приезд твоего сына.

Делила сказала в ответ, тихо, но твердо:

— Присутствие сына меня стесняет, это правда. И мне удобнее было встретиться с тобой здесь, это тоже правда. Ни первое, ни второе особого значения не имеет.

— Очень хорошо, — сказал он, по-прежнему с усмешкой.

Ответ Делилу удовлетворил, усмешка — нет, поэтому она предпочла внимания на нее не обращать.

— Пойду-ка я поищу мой «цикл», — продолжил он. — Вернусь в «Небесное Зернышко»…

— Зачем? Фермеры без тебя его подберут.

— Пожалуй. Но мне еще на автобус в Новый Орлеан нужно поспеть. В этой деревне остановки нет.

— Автобус! — презрительно усмехнулась Делила. — Глупо трястись в автобусе. Ведь я возвращаюсь в город той же дорогой. Почти, — поправилась она. — Нужно заехать в обсерваторию, забрать материалы… Но ты ведь не против?

— Наоборот! — воскликнул Кастор, не скрывая удовольствия.

Делила почувствовала укол самолюбия. Зачем она так стелется перед мальчишкой? Зачем предложила подвезти в машине, если ходит автобус?

— Садись в машину! — приказала она и до самого поворота на обсерваторию молчала. Ей не давали покоя хмурые мысли. Конечно, если спишь с привлекательным молодым человеком, нет ничего плохого в том, чтобы оказать ему мелкую услугу, но…

Но как ни поверни, а чем дальше, тем труднее отделаться просто фразой «сексуальное притяжение». С визгом притормозив у обсерватории, она приказала Кастору:

— Жди меня здесь. И лучше всего — в машине. Если понадобится твоя помощь — я позову.

— Хорошо, Делила, — весело сказал Кастор, оглядывая площадку для парковки машин.

Делила знала, что он впервые оказался за оградой обсерватории, внутри ее территории. Этим, несомненно, объясняется его приподнятое настроение, но чем объяснить его небрежный тон? «Делила!» Вообразите себе! Одно дело — постель, где едва ли станешь требовать обращения по всей форме, вроде «инспектор народной полиции Цзунг», но совсем другое — обсерватория. Ведь охранники все видят и слышат. Нет, это уже наглость, или почти наглость. Предъявляя охраннику свое удостоверение, Делила решила, что мальчика пора проучить.

— Проходите, инспектор Цзунг, — разрешил сержант охраны.

Она кивнула и прошла в дверь с тяжелыми бронированными створками. В приемной она села и стала ждать директора обсерватории, который передаст вещь, за которой она отправилась в такую даль. Это очень важная кассета, очень. Но для Делилы, при всей своей важности, кассета сейчас отошла на второй план.

Делила вспоминала своих любовников. С тех пор, как восемь лет назад престарелый супруг отправился Домой умирать, она переспала с… Сколько же их было? Каждую неделю новый… с больше, чем сотней мужчин, по меньшей мере. Молодыми, пожилыми, средних лет, всех кровей и народностей, которые попадались. И все они были друг на друга непохожи. Кое-кто

отличался скверным характером, попадались и паршивые любовники… а некоторые, что хуже всего, стремились подчинить себе Делилу, взять над ней власть. Все они стремительно исчезали из ее жизни! И ни один не относился к ней так небрежно, как Мелкинс Кастор. Это слегка бесило Делилу. Нельзя спускать мальчишке с рук даже мелкую неучтивость, иначе будет скандал. Кроме того, она должна помнить о своем положении, о том, что здесь, в обсерватории, она выполняет серьезнейшее поручение.

Мальчик зашел слишком далеко, решила Делила. Пора наставить его на путь истинный. Она тут же подумала, что солнце сегодня печет немилосердно и Кастору, наверное, очень жарко в машине.

Потом появился директор обсерватории, и Делила Узнала, наконец, зачем она в обсерваторию примчалась.

…Солнце припекало, Кастору было скучновато сидеть без дела в машине, но он не унывал. Ведь он, наконец, оказался на территории радиотелескопа, куда так давно и безуспешно стремился проникнуть. И где у него, считай, было даже право находиться. Осчастливленный этой мыслью, он вытащил из кармана студенческое удостоверение, предъявил охранникам карточку, а потом робко обратился к сержанту по-китайски:

— Я студент университета, я изучаю астрономию. — Он умоляюще смотрел на охранника. — Я хотел бы осмотреть установку, если вы мне позволите.

Охранники переглянулись, потом сержант усмехнулся и сказал снисходительно:

— В здание входить не положено, янки. Но прогуляться вокруг стоянки — пожалуйста, если есть желание.

— Большое спасибо! — воскликнул Кастор, сияя от радости. В его собственном истолковании «вокруг стоянки» обозначало всю территорию обсерватории, вплоть до ограды из проволочной сетки, за которой виднелись выстроившиеся шеренгой чаши ближайших антенн. В общей сложности больше гектара. Довольно простора, чтобы удовлетворить жажду знаний. Почти прижавшись носом к проволочной сетке, он прошелся вдоль ограды, рассматривая антенны телескопов. Какие они громадные, как правильны и красивы их очертания! Кастору отлично были видны параболические раковины, ловившие радиоволны, и маленькие, с гелиевым охлаждением, сердечники внутри раковин, превращавшие пойманные волны в удобочитаемые сигналы. Потрясающе!

Он вернулся к зданию обсерватории, прокрался вдоль стены, заглядывая в окна. Большей частью окна были непроницаемы —

задернутые шторы, аппаратура, какие-то ящики, — и поэтому, ничего интересного не обнаружив, Кастор испытал разочарование. Но несколько раз удалось бросить взгляд во внутренности сумеречных комнат, и он даже заметил пару сотрудников-ханьцев, сидящих перед скоплением экранов; обрабатывая какие-то данные. Наступит день, пообещал сам себе Кастор, и он тоже войдет в одну из этих рабочих комнат! Им придется его принять — по крайней мере, в обсерваторию, когда он закончит университет. Хотя едва ли он попадет в отряд подготовки астронавтов — если вообще таковой будет существовать, что маловероятно. Китайская космическая программа в последнее время начинает подавать признаки жизни, это факт, власти озабочены появлением неизвестного космического корабля. Но в любом случае экипажи управляемых кораблей будут составлены исключительно из китай…

— Кастор! Мелкинс!

Это был голос Делилы, но до сих пор Кастор ни разу не слышал, чтобы она звала его так громко и таким тоном. Он быстро обернулся и с удивлением обнаружил, что Делила вернулась, и не просто скоро, но крайне скоро. Она стремительно, почти бегом, направлялась к машине. И в руках несла плоский черный футляр, явно металлический. И вопреки сказанному ранее не позволила Кастору взять футляр из ее рук, чтобы помочь. Когда юноша протянул руку, она резко отдернула футляр в сторону.

— В машину, Мелкинс! — коротко приказала она. — Возвращаемся в Новый Орлеан. Немедленно!

Немедленно означало немедленно, более того, Делила выжимала из спортивной машины все, на что машина была способна, до последней капли. Казалось, она позабыла о безопасности, ее волновала только скорость, скорость и еще раз скорость. Включив полицейскую мигалку на крыше, завывая сиреной, — «уип-уип-уиип!» — она на предельной скорости гнала вдоль прибрежного шоссе. Встречные машины послушно жались к обочине так же, как и те, мимо которых они проносились, обгоняя.

Пока они мчались в город, Делила не проронила ни слова.

Лишь достигнув сердцевины старого города, Делила сбросила скорость. Но не намного, а только чтобы дать пешеходам долю секунды убраться прочь с дороги. Она включила радио, что-то коротко произнесла в микрофон, и минуту спустя появились две автомашины народной полиции, понеслись впереди, освобождая дорогу инспектору. Кастор заметил, к изумлению своему, что Делила направляется к дому Многолицего, и еще больше

изумился, когда они достигли квартала, где располагался дом. Вдоль тротуара выстроились автомашины, сплошь лимузины с правительственными номерами, или столь роскошные и внушительные, что даже смотреть на номерные знаки не было нужды, чтобы понять — хозяева этих автомобилей облечены немалой властью. Похоже, половина высокопоставленных партийцев Нового Орлеана в этот вечер припарковала свои машины возле дома Многолицего. Полицейские чины. Университетские руководители. Правительственные чиновники.

— Что происходит? — громко спросил он, оглядываясь по сторонам.

— Ты и сам без труда мог бы сообразить, студент. Особого ума не требуется. — Делила припарковала автомобиль. Слова ее были резки, но тон… Кастор с удивлением отметил, что Делила подавлена. Разумеется, он и сам уже понял, что произошли некие события и что связаны они с плоским ящичком, который Делила привезла из обсерватории; кроме того, глядя на скопление блестящих лимузинов, Кастор с такой же легкостью вывел, что высший член партии Фунг Босьен собрал у себя в доме группу влиятельных лиц, чтобы обсудить неожиданный поворот событий. Все это было ясно как день. Но почему же у Делилы такое напряженное, тревожное лицо, почему закусила она побелевшую губу — Цзунг Делила, невозмутимый инспектор полиции?! Вот это сюрприз!

Но на этом сюрпризы не кончились. Кастор открыл дверцу, начал выбираться из машины, но не успел коснуться асфальта, как дверца с противоположной стороны громко хлопнула. Он не успел захлопнуть свою дверцу, а Делила уже взбежала вверх по крыльцу, нетерпеливо застучала дверным кольцом. Плоскую металлическую коробку она крепко сжимала под мышкой и, когда Кастор поспешил ее догнать, бросила на него холодный взгляд.

— Сразу же иди в свою комнату, — приказала она. — Профессор занят на закрытом собрании, тебе там нечего делать. Ты хорошо меня понял?

— Да, Делила, — сказал он, — я понял тебя вполне хорошо. Но ты знаешь… дверь обычно открывал я, а поскольку мы с тобой стоим снаружи, и Многолицый к двери никогда не подходит, нет смысла терять время. Толкай дверь, она не заперта.

…Победа не принесла Кастору радости, слишком уж она была мелкая. Кроме того, Делила никак не прореагировала, никак не показала своего раздражения, которое обычно и доставляло Кастору удовольствие, когда он донимал инспектора шуточками на ее счет. Кастор понял, что ей сейчас просто не до того. Значит, произошло нечто из ряда вон выходящее.

Кастор выполнил приказ Делилы, по крайней мере, частично. Он ушел в свою комнату. В комнате он включил экран, порыскал по каналам в поисках новостей из космоса, но ничего не обнаружил. Он попробовал, не повезет ли с информационными файлами, но узнал лишь о том, что неопознанный объект излучает электромагнитные сигналы, и все. Какого рода сигналы — этого ему не сообщили. Возможно, радар, возможно, автоматические импульсы радиомаяка или, быть может, на борту до сих пор работают телеметрические системы… не исключено, что это какое-нибудь сообщение. Больше в новостях ничего не говорилось. Даже на интерактивных каналах, где по заголовкам и ключевым словам можно отбирать информацию и отыскивать сообщения касательно разных аспектов интересующего события — даже на этих каналах Кастор не обнаружил дополнительных подробностей. Он оставил экран в поисковом режиме, присел на краешек кровати, задумчиво глядя в окно, на старые крыши и вентиляционные шахты, черневшие на фоне закатного неба над «французским кварталом»[8].

Ханьцы секретностью себя, как правило, не утруждали.

Если секрет существует, он каким-то образом связан с политикой.

Но… космический корабль на орбите — что здесь политического?

Кастор подошел к двери, приоткрыл ее, выглянул в коридор. Дом Многолицего принадлежал к роскошным особнякам почти двухвековой давности, он был выстроен в начале двадцатого века луизианским богачом, а луизианские господа, как известно, любили размах: коридоры в доме были широченные, потолки — высокие, лестница, ведущая на второй этаж — помпезная. К сожалению, стены были толстыми, и двери тоже отличались основательностью. Из гостиной, где происходило собрание, Кастор слышал приглушенный хор голосов. Многолицый и гости что-то обсуждали… но разобрать отдельные слова на таком расстоянии — затея безнадежная. В коридоре показалась пара молодых людей с мрачными физиономиями, — какие-то запоздалые гости, — они решительно направились к дверям в гостиную, и Кастор поспешил скрыться в своей комнате, осторожно затворив дверь.

Он понял, что если спустится вниз и начнет подслушивать у двери гостиной, его могут застигнуть на месте преступления другие опоздавшие.

С другой стороны, почему бы и нет? Какой в этом вред? Он никому ничего плохого не сделает. Если он живет в доме, у него есть право свободно ходить по всем комнатам, как ему

вздумается!

Убедив себя самого, что это в самом деле так, он бесшумно, на цыпочках, спустился вниз по ступеням, прижался ухом к створке двери, к сожалению, весьма толстой. Но нельзя сказать, что совершенно звуконепроницаемой. Отдельные голоса вполне до Кастора доносились. Собравшиеся вели разговор преимущественно на высшем наречии, что для Кастора проблемы не представляло; трудность заключалась в другом — все они, похоже, говорили одновременно. Голоса принадлежали незнакомым людям, хотя Кастор узнал Многолицего, его характерный тенорок и взволнованное контральто Делилы.

Но ни одного слова из сказанного он не смог разобрать. Он прижался ухом к щелке и… услышал, всего на секунду позже, чем нужно, как открывается незапертая парадная дверь. Он стремительно выпрямился, но недостаточно быстро, чтобы избежать порицаний.

— Янки! — пронзительно взвизгнула какая-то женщина-старушка с похожим на печеное яблоко лицом, в традиционных синих шароварах и кителе Отчизны. — Ты что здесь делаешь? Убирайся немедленно!

Кастор со злостью посмотрел на старушку. Он помялся, чтобы показать — он уходит, но не по приказу, а потому, что сам решил так. Тем не менее, он не рискнул ослушаться. Он подчинился букве закона. Он удалился прочь. Но не в свою комнату.

Любопытство свербило, и оставить зуд неутоленным Кастор уже был просто не в силах. Бросив взгляд назад, на затворенную дверь, он прокрался в личный кабинет хозяина дома.

У Многолицего в кабинете имелось нечто, чего в своей комнате Кастор не мог иметь. Спутниковый приемник на сто каналов. Даже подсоединяясь к нему через свой экран, Кастор не располагал всем богатством вариантов выбора. Он аккуратно закрыл дверь в кабинет и погрузился в методический поиск новостей.

Ничего. Поиски были тщетны. Ни на местных каналах, ни на этнических, рассчитанных на мексиканцев и амеро-индейцев. Ни на ионосферных ретрансляционных каналах из Отчизны. Ни на одной из десятков станций того или иного назначения, принадлежавших ханьскому Китаю.

Кастор погасил раздражение и сказал себе, что это даже хорошо. Тем интереснее становится поиск! Должно быть, новость, которую сейчас обсуждали заговорщики в гостиной Многолицего и которую так тщательно скрывали от общественности, в самом деле потрясающая! Какая-нибудь совершенно сногсшибательная! Кастор хмуро потянулся к выключателю и…

Его осенила гениальная идея. Все ханьские станции абсолютно подчинены ханьским властям, но есть же на Земле страны и земли, на которые власть китайцев не распространяется.

Даже на стоканальном приемнике Многолицего нелегко оказалось поймать индийский телеканал. Спутники у Индии были слабенькие, настройка и ориентация антенн зачастую оставляла желать лучшего. Изображение, появившись на экране, оказалось блеклым, с «песком», и настройка то и дело «плыла» — Кастор только после десятой попытки нащупал нужный ему индекс и услышал историю, которую жаждал услышать.

Но он ее все-таки услышал и увидел.

Когда он отыскал нужный индекс, а индекс извлек на экран нужный клип, Кастор увидел индийского теледиктора, юношу с напомаженными волосами, в дхоби. Диктор насмешливо ухмылялся, как все индийские пропагандисты, когда им подворачивался случай сообщить нечто, с их точки зрения, разоблачительное в отношении Китая. Диктор сидел на фоне увеличенного снимка. Несмотря на плохую передачу, на волны и зигзаги, Кастор узнал изображение — это был неопознанный космический корабль. Снимок качеством не отличался, его либо сделали с помощью примитивных индийских телескопов, либо с помощью шпионов выкрали у китайцев.

Но текст, который диктор зачитывал, мгновенно поглотил внимание Кастора. Он буквально прикипел к экрану.

— Китайская Народная Республика, — диктор ухмыльнулся, его полные сочные губы словно выплевывали каждое слово по-отдельности, предварительно попробовав на вкус, — в очередной раз пытается скрыть правду от собственного народа. — Телевизионный спутник вел передачи на западное полушарие, поэтому диктор говорил по-английски, почти без акцента, как отметил про себя Кастор. — Но не может быть сомнений в том, что китайцы получили сообщение с борта неизвестного корабля, хотя продолжают скрывать этот факт. Мы располагаем текстом этого сообщения. Сообщение передано по-английски, и сейчас вы его услышите в том виде, как оно было передано.

Диктор замолчал, поджав полные губы, вновь насмешливо изогнутые. Потом послышался голос, хрипловатый, густой, с придыханием:

— Внимание! — сказал голос.

Последовала пауза, заполненная картинками: какая-то женщина, одетая в военную форму или костюм, очень похожий на форму; другая женщина, почти обнаженная, на плече у нее что-то вроде большой мягкой игрушки для детей, какое-то животное, а рядом — то ли гигантская летучая мышь, то ли маленький

дракон; огромный город, весь из разноцветных стеклянных башен, а повсюду в небе над ним крутятся опять-таки странные создания.

Снова заговорил глубокий хрипловатый голос:

— Вы сомневаетесь в нашей силе, и мы готовы ее продемонстрировать.

Насмешливо ухмылявшийся индийский диктор кивнул и поджал губы, приготовился слушать дальше.

— Выберите остров, — сказал голос. — Мы превратим его в безжизненную пустыню, чтобы вы поняли, на что мы способны. Тогда вы увидите, что намерения наши — самые серьезные, и китайские захватчики должны вернуться домой. Но вести переговоры мы будем лишь с одним человеком, и человек этот — Президент Соединенных Штатов.

Изображение на заднем плане погасло. Голос умолк. Индийский диктор презрительно улыбнулся.

— «Президент Соединенных Штатов», — повторил он, — если бы подобное явление существовало в природе! Не удивительно, что китайские милитаристы поспешили скрыть послание из космоса! Забавно будет понаблюдать, какой выход попытаются они найти, чтобы вывернуться из ситуации, грозящей крахом всей зловещей китайской гегемонии!

Час спустя Кастор услышал шум голосов внизу, стук двери — собрание подошло к концу, гости расходились. Он помчался вниз по лестнице и застал Многолицего за разговором с Цзунг Делилой. Лицо у Делилы было серьезное. Остальные народные вожди успели покинуть комнату. Кастор осмелился задать вопрос в открытую:

— Индийцы передают правду?

Она устало, с сочувствием, взглянула на него.

— Да, Кастор, правду.

— И корабль требует, чтобы китайцы покинули Америку?

— Выходит, что так, — медленно произнесла она.

— И они способны уничтожить жизнь на Земле? Делила не ответила. И Многолицый тоже не ответил.

Их молчание сказало Кастору все, что он хотел знать.

2

После того как индийский спутник передал сообщение, бессмысленно было и дальше удерживать его в тайне. Новость произвела впечатление, подобное высоковольтному разряду. Энергия разряда прошила Народный Китай насквозь, полетели искры в высших эшелонах власти приграничных областей, над Центральным Комитетом заиграло полярное сияние, вспыхнули

электрические Дуги вокруг космического центра на острове Хайнань. Сначала об ультиматуме узнали представители властей.

Потом — граждане среднего достатка, имевшие доступ к программам индийского телевидения.

Потом — все и каждый.

Насыщенная опасным электричеством атмосфера окутала заокеанские центры влияния, вроде Нового Орлеана, Сиднея и Акапулько, не говоря уже о городах-муравейниках самого Китая-Хань.

Когда передача индийского телеспутника сорвала завесу секретности, в Пекине было почти четыре утра, но руководство страны уже съехалось в Великом Зале Народных Собраний на площади Тяньаньмэнь. О том, что произошло, они узнали незамедлительно. «Индийские свиньи!» — проворчал со злостью уполномоченный по делам культуры, обладатель длинных волос и хитрой, вытянутой, как у лисы, физиономии. Предки его на протяжении сотни поколений обрабатывали землю в Квангси, зато последние пять были высокопоставленными партийными работниками. Но его никто не слушал. Какое дело уполномоченному по культуре до угрозы из космоса?

Потому что речь шла именно об угрозе. Серьезной. Зловещей. Совершенно неожиданной, ибо кто же мог предугадать, что столько лет спустя у неуклюжего, давно вымершего чудища под названием «Соединенные Штаты Америки» объявятся откуда ни возьмись союзники, да еще космические? Да еще воинственные? И до обидного несправедливые, потому как «вторжения» Китай никакого не совершал. Разве китайцы — захватчики? Никогда не нападал Китай на США! СССР и США покончили с собой весьма опасным для остального человечества и грязным способом, а Китай всего-навсего занял освободившуюся нишу!

Собрание высших партийных руководителей было мероприятием ритуальным, порядок его не уступал по изощренности кардинальской консистории. У каждого из руководящих кадров имелись личные пажи, секретари и телохранители, и дискуссия обычно проходила с царственной величавостью.

Но для этого, как правило, времени хватало с избытком, и партийные бонзы могли позволить себе неторопливость, достойную древних императоров. Сейчас времени на церемонии не было. Китаю предъявлен ультиматум; поэтому… «Они серьезно?» — «Конечно, серьезно, дерьмо свинячье!» — «А они не блефуют?» — «Кто знает?» — Высказывались опасения: «Они захватывают Америку и что дальше?» — «Дальше очередь Китая, если будет это самое „дальше“». Страх соседствовал с

завистливой жадностью: «Если они так сильны, и мы сможем найти с ними общий язык, тогда мы сотрем индийцев в порошок! Если понадобится, конечно!»

Итак, Верховный Совет пытался наметить план действий, проливал слезы по поводу несправедливости ультиматума и… пришел к выводу, к которому обычно приходят все, от скромного гражданина до государственных правительств — справедливость к сути дела не имеет отношения. Решение далось нелегко. Упрямый мул трогается с места, но сперва следует огреть его палкой, вывести из сонного состояния. Приблизительно то же самое случилось с Верховным Советом, но вместо палки его «огрели» ракетой из космического пространства. Ракета молнией пронеслась над Сахарой, Индийским океаном, над Индокитаем и Филиппинами, взорвалась на высоте полутора километров над островом Шихики, в западной части Тихого океана, к северу от острова Трук. Это был даже не остров, а так, островок, и люди на нем не обитали, по крайней мере, китайцы-хань. Но все живое на островке Шихики в мгновение ока превратилось в пепел.

После этого Верховный Совет пришел к полному единодушию в намерениях. К несчастью, никто из советников не предложил чего-нибудь обнадеживающего. Правители были готовы действовать, но что предпринять в сложившейся ситуации — понятия не имели.

Когда Цзунг Делила снизошла до визита в штаб-квартиру народной полиции, даже высшие офицеры со всех ног бросились ей навстречу, считая за честь открыть перед ней дверь. Делила редко посещала штаб; слишком много было у нее дел, чтобы разбазаривать время на рутинную полицейскую работу, и об этом в администрации все прекрасно знали. Повышение по службе? Она могла бы добиться от комиссара любого повышения, просто щелкнув пальцами; она потеряла интерес к продвижению по служебной лестнице, она уже была вхожа в Высшие Круги.

Во многом ей благоприятствовали обстоятельства. Счастливый случай — именно благодаря ему (и любви к чувственным удовольствиям) Делила оказалась человеком, который доставил в Новый Орлеан кассеты с секретным посланием, и поэтому попала на первое чрезвычайное заседание новоорлеанских властей. Поскольку она на собрании присутствовала, вполне разумно было именно ее назначить постоянным представителем полиции при чрезвычайном комитете. Зачем комитету представитель полиции, да еще постоянный? Да потому, что всякое может случиться! На территории, когда-то называвшейся «Нижние сорок восемь», до сих пор живет восемь миллионов янки, и кто знает, какие дикие

идеи придут им в голову? Не просто дикие, но и опасные, и поэтому янки следует держать под надзором. На первый взгляд они — народ мирный. Тем не менее, самые мирные народы, как известно, иногда, без всякой причины, вдруг сходят с ума и превращаются в невменяемых бунтарей — вспомните «культурную революцию». Мотивы могут быть религиозными, или патриотическими, или расовыми — вспомните Иран, Ирландию или Южную Африку. Вспыхнут восстания, прольется кровь, и рухнет самое мирное и процветающее государство. Нет! Полиция должна быть наготове. И представитель полиции обязан в любой момент быть рядом, в комитете, на всякий непредвиденный случай.

Поэтому Делила тихонько сидела на задах новоорлеанского Народного Собрания и внимала бурным дебатам.

Совещание очень напоминало то, первое собрание высших руководителей в Пекине, собственно, довольно много пекинских «шишек» примчалось в Новый Орлеан; высшее руководство, в виду тревожной ситуации, выслало часть своих кадров на подкрепление американской администрации. Секретные совещания посредством спутниковой связи исключались — чужой корабль наверняка ведет подслушивание. Соединенные Штаты стали камнем преткновения, поэтому искать ответ на вопрос следовало именно в Соединенных Штатах. Новый Орлеан оказался в эпицентре политического землетрясения.

Разумеется, пока никто не имел понятия, как решить проблему.

Кастору, под видом пажа высшего партийца Многолицего, разрешалось присутствовать на заседаниях; Делила, обычно занимавшая место в последнем ряду, хорошо видела Кастора, как он, присев рядом с Многолицым, слушал и вертел головой, переводя взгляд с одного оратора на другого. Половина реплики была адресована ей, Цзунг Делиле. «Необходимо усилить наблюдение! Повысить бдительность!» — «Конечно, товарищ Хсу, я немедленно сообщу в главное управление». — «Арестуете „патриотов“ вроде Фенг Миранды!» — «При всем уважении, товарищ финансовый директор, я бы не рекомендовала их арестовывать. Может возникнуть впечатление, будто бы мы их боимся, опасаемся, и народные массы пойдут за ними. Если нужно, мы справимся с большим количеством арестов, и очень быстро. Все „патриотические“ деятели хорошо известны нам».

Делила проявляла чудеса расторопности, выносливости, профессионализма, умения быстро принимать решения; при всем при том, бросая взгляд на Кастора, присевшего на низеньком табурете рядом с патроном, она ощущала, как колени ее сами

собой раздвигаются в разные стороны — чуть-чуть, на дюйм, не больше. Разумеется, если удавалось выкроить часок-два и побыть с Кастором наедине, колени ее раздвигались пошире. Жаль, что негодный мальчишка столько драгоценного времени тратил на болтовню! Представления о «постельных разговорах» у юноши совершенно безумные! «Как ты думаешь, Делила, корабль атакует Китай?» — шептал он, жарко дыша ей в ухо, как раз в тот момент, когда она, растаяв, рассчитывала услышать что-нибудь более интимное; Делила сердито вскакивала и ругала Кастора, требовала, чтобы он и думать забыл о подобных идиотских глупостях! Никто и никогда не отважится напасть на Китай-Хань! И драгоценные пятнадцать минут потеряны безвозвратно, пока они, обменявшись точками зрения, не возвращались к более важным вещам.

Более важным для нее, по крайней мере.

Потому что для Мелкинса Кастора важны были иные вещи. Нет, он наслаждался телом Делилы, и даже весьма! Но мысли его были заняты не только плотскими наслаждениями. Первоначально Делилу беспокоило подозрение, что Кастор втайне жаждет победы неведомых космических союзников Америки, жаждет «освобождения», пусть сама идея смехотворна. Постепенно опасения ее рассеялись. Кастор политикой не интересовался. Идея экспедиционного корпуса, летящего на выручку «Америки», была достаточно гротескной, чтобы поразить его воображение, но принимать участие в потасовке он не имел ни малейшего желания, руководствуясь мудрым принципом «Двое дерутся, третий — не мешай». Его даже не волновало, кто в драке победит.

Кастора интересовал, — нет, притягивал, поглощал его мысли сильнее, чем гипотетическая свобода для Америки, чем мягкие соблазнительные округлости Цзунг Делилы, — только космос. При мысли о том, что сейчас на орбите живые люди, Кастора бросало в жар. При мысли о том, что в космосе вершатся немаловажные события, сердце его начинало биться учащенно. Не говоря уже о слабом, мерцающем лучике надежды, что когда-нибудь и у него появится случай выбраться туда, за пределы атмосферы…

Мысли о космосе, с горечью признавалась себе Делила, возбуждали Кастора гораздо сильнее, чем ее ласки.

Он ни капельки не ценил тех жертв, на которые приходилось идти ей, чтобы провести с Кастором несколько часов в постели. Приходилось урывать время у работы — важнейшей работы, требовавшей напряжения всех сил души. Дома ее ждал сын, который крайне неодобрительно смотрел на связь матери с

наглым фермером-янки, которому давно пора указать его истинное место. Когда поздно вечером Делила наконец добиралась домой, молодой Цзунг Арнольд неизменно поджидал ее, не ложился спать, едва ли не обнюхивая Делилу — искал подтверждений тому, в чем и так был практически уверен: его мать занимается любовью с Кастором. Да, он был истинным сыном своего отца, юный Цзунг Арнольд. Старик отличался строгим нравом пуританина, был крайне добродетелен — впрочем, Делила не давала ему повода для ревности. Во всяком случае, не часто.

Больше всего досаждали ей манеры сына: мальчик даже не ставил ей в вину постельную связь, которая и в самом деле имела место. Он просто донимал мать разговорами, которые тянулись за полночь, когда Делиле отчаянно хотелось спать, когда она с ног валилась от усталости.

Правда, кое-какие вопросы в самом деле следовало обсудить, поэтому имело смысл напрячь силы и поговорить с сыном. Например, Арнольда волновало собственное будущее. Всего за неделю до приезда он отслужил положенный срок в народной полиции. Ему не повезло, он покинул армию не в самое подходящее время, потому что впервые появился смысл остаться на сверхсрочную службу. Арнольд носился с идеей возвращения в армию — чем скорее, тем лучше, пока еще можно сохранить звание и должность.

— Что ты скажешь, Делила? — теребил он мать. — Янки поднимут голову?

— Даже не надейся, сынок, — отвечала Делила, прикрыв ладонью зевок. О, как бы ей хотелось, чтобы сын сейчас отправился спать, или обратно в армию, или время пошло бы вспять, и он помолодел лет на шестнадцать, и она вновь запихнула бы его с глаз долой в школу-интернат.

— Но не исключено, что начнутся волнения! Не исключено, что армия получит приказ усмирить бунтовщиков. Настоящие боевые действия! Мы загоним аборигенов в их тайные цитадели в горах, схватим вожаков, преступники предстанут перед лицом правосудия…

— Во-первых, в провинции Луизиана нет гор, достойных упоминания, — заметила его мать и все-таки сладко зевнула.

Арнольд крепко сжал зубы, упрямо вздернул подбородок. Пальцы его шевельнулись, словно он обхватил рукоятку пистолета.

— Совет намерен ответить на ультиматум? Что они думают предпринять?

— Что еще можно предпринять? Вышлют Президента

Америки на переговоры, в космос, — сказала Делила, сбрасывая форменные, до блеска начищенные сапожки. Собственная шутка ей очень понравилась. Но у ее родного сына чувство юмора отсутствовало.

— Президента Америки? Какого? В Америке нет президента!

— Тогда придется его придумать, — сказала Арнольду мать. — Иди спать.

Сама она тоже отправилась в спальню. Но прежде, чем лечь в постель, несколько секунд неподвижно сидела на краю кровати, глядя прямо перед собой.

По крайней мере, одна вещь помогала несколько разрядить изматывающее, тревожно-напряженное ожидание: законы орбитальной баллистики. Чужой корабль был замечен по противоположной от Земли стороне, за Солнцем, на расстоянии во многие и многие миллионы миль. Чтобы приблизиться к Земле, кораблю понадобится определенное время. За время между первыми сигналами и ультиматумом корабль успел пройти позади Солнца. К моменту передачи ультиматума он начал по спирали, все более суживающейся, приближаться к Земле. Корабль продолжал передавать сообщение, но едва ли, — нет, это исключено! — не могут же «завоеватели» предполагать, что Президент Америки, собственной персоной, так сказать, во плоти, будет им представлен раньше, чем корабль подойдет к Земле ближе, намного ближе.

Значит, время у правительства было. Время, чтобы подумать и составить план.

Делила, пристроившись в укромном уголке зала, внимательно слушала дебаты, время от времени она отправлялась проводить в жизнь принятые решения, если они касались полиции — как правило, сугубо профилактические меры. Народ в массе своей хотя и проявлял интерес к новостям из космоса, но до восстания было, как пешком до луны. Она устроила сына в корпус безопасности при административном отделе, чтобы всегда иметь возможность присмотреть за Арнольдом, и шепнула нужное слово нужным людям, после чего Арнольда отправили на ночное патрулирование, и теперь Делила могла спокойно отдыхать.

Она внимательно наблюдала за всем, что происходило в Совете.

О высших партийных кадрах у Делилы сложилось нелестное мнение. Все они трусы, решила она. Они трясутся от страха, дрожат за судьбу всемогущего Китая, в то время как корабль еще ничем не подтвердил ультиматума. Ну хорошо, сожжен всего-навсего крошечный островок — и это все. Китай пережил вещи

похуже, например, обмен массированными ядерными ударами между СССР и США. И без всяких сомнений Китай переживет удар, который нанесет — если нанесет, — один-единственный космический корабль. В бомбардировках Делила разбиралась превосходно, даже профессионально. В молодости, отбывая срочную службу в армии, она пилотировала самолет, распылявший особые, вызывающие бесплодие препараты над африканскими деревнями. Эти воздушные части относились к подразделениям военной полиции; именно после срочной службы она решила продолжать работу в полиции, но уже не в воздухе и не пилотом. Препараты, делая африканцев бесплодными, никого не убивали, конечно, но Делила, благодаря присущей ей любознательности, занялась военной историей, военной теорией и практикой и обнаружила одну вещь: воздушные бомбардировки разрушительны, они уничтожают живую силу противника, с помощью авиации можно нанести грандиозный урон, но выиграть войну — никогда.

Многолицый тоже понимал это. Среди высокопоставленных товарищей, собравшихся в зале с золотисто-зелеными драпировками, он, он единственный, настойчиво твердил: «Ультиматум — это не только угроза. Это еще и великолепная возможность… если мы отыщем правильный подход, мы заставим их сыграть нам на руку». Старик постепенно приходил в себя после новой пересадки, и нервозная обстановка, разумеется, ни в малейшей степени не способствовала обретению психического баланса. Многолицый представлял собой сообщество, комитет разных личностей, — и осознавал себя как таковой, — но в критические моменты все его составляющие говорили одним голосом.

Например, благоразумия и смекалки у него было намного больше, чем у Чай Говарда, директора департамента налогообложения и принудительных взысканий, худенького коротышки с отвратительным характером, который, как испорченная пластинка, твердил раз за разом:

— Предотвратить волнения среди местных жителей! Разоружить янки! Открыть концентрационные лагеря!

— Кто же тогда, — поинтересовался Многолицый, — будет нас кормить, если мы загоним всех янки за колючую проволоку? Чай, они уже в лагерях. Коммуны, в которых они живут и есть эти лагеря!

— Но товарищ Чай прав, — пискнула районная комендантша, беспокойно заерзав в своем обтянутом парчой кресле. И вновь вспыхивала словесная перепалка. Делила следила за лицом Кастора, за тем, как он переводит взгляд с одного оратора на

другого. Интересно, о чем сейчас думает этот милый юноша?

Потом Многолицый подвел итог:

— Товарищи, нам необходим президент! Президентом должен стать человек, которому мы доверяем, который уже продемонстрировал свою лояльность Китаю-Хань, и при этом разбирается в астронавтике, чтобы найти с пришельцами общий язык. Человек, который будет целиком под нашим влиянием.

В этот момент Цзунг Делила, бросив взгляд на Кастора, тихонько прокралась вдоль рядов, нагнулась к громадной, раздутой голове Многолицего и что-то прошептала ему на ухо.

Многолицый удивленно вздрогнул. На долю секунды он потерял контроль над собой, железная хватка ослабела, и, воспользовавшись этим, некоторые из его составляющих попытались подать голос, но Многолицый быстро их заглушил, вновь прочно усевшись в председательском кресле.

— Мелкинс Кастор! — позвал он. — Отправляйся домой и привези мой «дипломат». Красного цвета. Немедленно.

В тот же день, после полудня, во все деревни, коллективные фермы, коммуны, на все фабрики бывших Соединенных Штатов Америки было направлено правительственное сообщение. В нем говорилось:

«Для борьбы с бандитским космическим кораблем надлежит избрать Президента Соединенных Штатов. Организуйте в ваших коллективах выборы. О результатах немедленно сообщите по трем следующим категориям:

а) Общее количество избирателей в общине.

б) Количество голосов, поданных за кандидата.

в) Количество избирателей, не способных понять предвыборные указания.

Категории б) и в) должны равняться в сумме категории а)».

Пока сообщение это было еще в пути, Кастор поспешил в особняк Многолицего, отыскал красный «дипломат», собрался возвращаться, но его остановил звонок Многолицего.

— Не торопись. Совет закончил на сегодня работу.

Несколько часов спустя Многолицый вернулся домой и молча закрылся в своем кабинете, предупредив лишь, чтобы его не беспокоили; немногим позднее появилась Делила. Она была довольно оживленная, но лишь на биологическом уровне, к сожалению.

— Мой юный друг, сейчас мы поужинаем, — объявила она веселым голосом, — а потом немного выпьем. Что? Мой сын? Сегодня он на дежурстве. И останется на посту до начала следующего заседания, то есть — до утра. Поэтому сегодня останусь с тобой.

Кастор предпочел бы беседу, но беседовать с набитым ртом неудобно, потом они пили вино, а потом была Делила. Он заснул, так и не удовлетворив любопытства — интеллектуального любопытства по крайней мере.

В 6.00 утра в его комнате зазвонил телефон.

Он потянулся к аппарату, но Делила, перегнувшись через Кастора, первой ухватила трубку. Она назвала свое имя, выслушала сообщение, положила трубку на место и с усмешкой посмотрела на Кастора:

— Доброе утро, господин президент!

3

Позже этим же утром Совет начал очередное заседание, но у ног Многолицего больше не стоял приготовленный для Кастора табурет. Середину зала занимало кресло с высокой спинкой, массивное и позолоченное. Мягкие парчовые кресла для участников заседания окружали его. Цзунг Делила, успешно сдерживая улыбку, провела Кастора к его новому месту. Вернувшись к собственному креслу, у дальней стены зала, она с любопытством отметила, что юноша чувствует себя не в своей тарелке. Позолоченное кресло было сиденьем почетным, но довольно неудобным; Кастор видел только верхнюю часть Совета, и то и дело ему приходилось вытягивать шею, чтобы посмотреть, что происходит у него за спиной.

Но инициативу перехватила передняя часть зала.

Председательствовал Ва Фотси, глава делегации с берегов Отчизны, одна из самых влиятельных фигур из всех, кто находился в зале. Близоруко вглядевшись в лицо Кастора, он произнес:

— Не беспокойтесь, господин президент. Вам не причинят вреда.

Кастор уставился на него и кажется собирался что-то сказать, что-то исключительно дерзкое. Делила взмолилась про себя: о, пожалуйста, потерпи! Только не сейчас! Будут большие неприятности!

Но Ва Фотси продолжал своим тягучим, нудным голосом:

— В качестве президента Соединенных Штатов вам придется исполнять определенные, но, заверяю вас, крайне простые обязанности. Они немногочисленны. Основная ваша обязанность, — пожалуй, даже единственная, — вступить в переговоры с космическими бандитами и открыть им глаза на действительное положение вещей.

— А что… — с интересом начал было Кастор, но старичок,

похожий на Будду, поднял руку, заставив его умолкнуть.

— Каково действительное положение вещей, — сказал он, — это вам объяснят перед началом контакта. Запомните, Мелкинс Кастор, никакого «разговора» с бандитами не будет. Вы получите готовый текст, который запишете на кассету, а потом запись передадут на космический корабль. Суть вашего выступления сводится к тому, чтобы убедить пришельцев — мы, китайцы, не желаем плохого людям Америки. Мы, ханьцы, наоборот, являемся благодетелями Америки, если посмотреть на ситуацию под правильным углом зрения. Ваша главная цель, Мелкинс, не просто побудить пришельцев к прекращению каких-либо угроз в адрес Китая, но, более того, выступить с поддержкой наших инициатив в отношении индийцев, которых мы давно стараемся склонить к прекращению определенных действий, вызывающих справедливое возмущение, как, например, трансляция телепрограмм на ханьские территории. Впрочем, вы получите подробные инструкции несколько позднее. Бандитский космический корабль временно находится вне зоны связи. Поэтому времени на ваше перевоспитание хватит.

— Понятно, — слабым голосом произнес Кастор, явно обескураженный.

Затем он вновь несколько повеселел, когда Ва добавил:

— Инспектор Цзунг останется с вами для помощи в перевоспитании. Вы предоставите ей официальную должность. («Я? Я предоставлю Делиле должность?»)

— Вам будут выделены соответствующие помещения и правительственный аппарат. («Помещения? Аппарат?»)

— То есть, будет полезно, если вы организуете нечто вроде мнимого правительственного аппарата. Или хотя бы кабинет. Таким образом, вы предстанете перед пришельцами из космоса в окружении собственного кабинета, что должно подтвердить официальный характер визита.

— Разумеется! — воскликнул Кастор, а потом поинтересовался:

— А что такое: «кабинет»?

Ва тонко улыбнулся, бросил взгляд на Делилу, а она вдруг нахмурилась, сердце ее сдавила жалость. Бедный ребенок! Ну в чем он виноват? Он даже не понимает, что такое «кабинет».

— Кабинет — это группа высших должностных лиц, — суровым тоном объяснила она Кастору. — В сложившейся ситуации особую роль будет играть так называемый «государственный секретарь», и товарищ Ва великодушно предложил этот пост мне.

— О, великодушие здесь ни при чем, инспектор Цзунг, — со

скромным видом запротестовал старичок. — Ваша кандидатура — это именно то, чего требует логика ситуации. — Он опустил веки, сосредоточился, припоминая, не забыл ли он о чем-нибудь существенном, потом решил, что не забыл. Он открыл глаза и протянул руку, на западный манер.

— Пожалуй, это все, господин президент, — сказал он, и глаза его весело поблескивали.

Вместе с Цзунг Делилой Кастор покинул зал Совета; за спиной его послышался тихий смешок старого Будды.

В машине, по дороге к зданию, где жила Делила, Кастор заливался соловьем. Делила не перебивала его. Глупый мальчишка! Похоже, он почти поверил в этот спектакль! Поверил, что это все настоящее! То есть, что он в самом деле президент, конечно — настоящий президент, насколько может быть настоящим президент воображаемой страны.

Он думает, что его президентство — нечто большее, чем мыльный пузырь!

Хотя в определенном смысле не такой уж и пузырь. Поднимаясь вместе с Кастором в лифте на свой этаж, Делила с наслаждением предвкушала, как она сейчас покажет Кастору, в каком именно смысле. Они миновали дверь ее квартиры, повернули за угол и остановились перед дверью в новые апартаменты Кастора. Делила вытащила из сумочки ключи и торжественно вручила ему со словами:

— Господин президент! Президенту положен президентский особняк. И он, Кастор, перед тобой!

«Ну и чудаки эти янки! Какие у него стали круглые глаза! Того и гляди, выскочат из орбит!» — Но истерическим смехом, как того требовала ситуация и выражение на лице Кастора, Делила не разразилась, наоборот, сердце ее вдруг вновь затопила нежность. С радостным, недоуменным лицом, красный и потный, Кастор возился с замком двери, ведущей в его собственную квартиру. В квартиру он не вошел, а вбежал. Он не стал дожидаться, пока войдет Делила. Улыбаясь, она последовала за ним, а Кастор уже заглядывал в кухню. «Ого, побольше твоей!» — и в хозяйскую спальню: «Водяная кровать!» — и рассматривал вид, открывавшийся из окна, и маленький декоративный фонтанчик, плещущий в декоративном гранитном бассейне в углу лоджии-солярия. Кастор от новой квартиры пришел в восторг, чему Делила не удивилась. Квартира в самом деле была превосходная, получше, чем ее собственная, и жильцы, до этого ее занимавшие, с большой неохотой освободили помещение, очень были недовольны.

В спальне Кастор вдруг сгреб Делилу в охапку и вместе с ней

рухнул на кровать. Холодная вода под оболочкой кровати заплескалась, упруго их подбрасывая. Делила, рассердившись, постаралась высвободиться, но Кастор крепко ее держал. Он со смехом прижался лицом к ее шее, потом отстранился, заглядывая в глаза.

— Госпожа государственный секретарь, — проговорил он, давясь смехом, — устроим заседание кабинета, прямо здесь и сейчас!

Она вырвалась на свободу, присела на жестком крае кровати, сказала самым серьезным тоном, давая понять, что шутить сейчас не время:

— Будь осмотрителен, Кастор! Шутки — дело безобидное, потому вся нынешняя ситуация, в определенном смысле — большая шутка. Не более того. Но с другой стороны, речь идет о самых серьезных вещах, поэтому если захочешь пошутить, то шути только со мной, запомни. Ни в коем случае не с членами правительства. И не вздумай веселиться, когда будешь вести переговоры с экипажем корабля!

— Черт возьми, Делила! — проворчал Кастор. — Мне бы и в голову не пришло. А скажи, мне потом эту квартиру оставят?

— Ну, что-нибудь тебе достанется, я думаю, — сказала она, смягчаясь.

— Много? — с надеждой спросил Кастор. — Нет, ничего не говори. Буду радоваться жизни, пока есть возможность, и постараюсь, как могу, заслужить награду.

Она пристально посмотрела на него, но судя по лицу, Кастор был далек от того, чтобы хитрить — хотя в глубине души, наверное, испытывал совсем другие чувства. Она поднялась, ладонью отбросила назад растрепанные волосы и присела на золоченую банкетку перед трюмо, аккуратно сложила руки на коленях и сказала:

— Займемся насущными проблемами. По заданию правительства специалисты изучили функции и состав довоенного американского кабинета. В него входило двенадцать основных департаментов. Каждый департамент возглавлял соответствующий министр. Конечно, для большинства из них в нашем правительстве работы не найдется — даже в шутку. Например, нам совершенно ни к чему министр труда. Но мы заполним все должности.

— Конечно, — с серьезным видом кивнул Кастор, настолько серьезным, что Делила бросила на него предостерегающий взгляд.

— Например, — продолжала она, — некоторых мы используем в политических целях. Министром внутренних дел

назначишь Фенг Миранду.

Удар, как с удовольствием отметила Делила, попал в цель. Лицо у Кастора вытянулось.

— Но… но ведь…

— Да, она — революционерка. И мне об этом, разумеется, хорошо известно.

Она ласково погладила Кастора по макушке, очень довольная собой, и присела, чтобы сбросить сапожки. Все-таки Кастор — способный ученик! Неуправляемый. Заносчивый. Дерзок и непочтителен, но зато какой благодарный материал для обучения — он не просто жаждет учиться, он умеет учиться, быстро схватывает знания.

Кастор, позабыв обо всем, смотрел на Делилу и внимал ее словам, пока Делила наставляла его:

— Работая с группой революционеров, в первую очередь следует помнить: пусть свободно чешут языки. Пусть говорят все, что хотят. Если мы закроем им рот, они все равно не успокоятся, но о чем они говорят — этого мы уже не услышим. Зерно упадет на благодатную почву, зародыш бунта начнет крепнуть. Чего хочет эта девица, Миранда? «Свободу Америке!» — требует она. Но «Америка» не существует больше. Изгнать китайцев-хань? Глупее не придумаешь, потому что сама она — чистокровная китаянка-хань. Поэтому мы ей дадим пост министра, пусть удовлетворит свои фантазии — станет иллюзорным членом иллюзорного правительства воображаемой страны. Все это, — улыбнулась Делила и, потянувшись к Кастору, принялась медленно расстегивать пуговицы на его рубашке, — крайне забавно, и добрая шутка стоит времени и сил. А теперь испытаем твою новую кровать!

Выбирать кандидатов в кабинет министров для Кастора Цзунг Делила права не имела, это не входило в ее полномочия, но принимать участие в обсуждении и давать рекомендации — это ей разрешалось, в то время как Кастор даже этого не мог. Подобрать двенадцать достойных упоминания кандидатур Совету не удалось, но Делила заверила членов правительства, что космические пришельцы едва ли обратят внимание на небольшую недостачу.

Заполнив список, Делила вернулась домой, чтобы как следует поразмышлять над списком. Это не входило в ее служебные обязанности: все, что она делала, предварительно получало одобрение лиц, стоящих повыше, чем она. Но Цзунг Делила никогда не дожидалась указаний, она сама брала на себя ответственность, если считала нужным.

При любых обстоятельствах она стремилась предвидеть

возможные осложнения и заранее их обойти, поэтому если какая-нибудь операция народной полиции, имевшая отношение к инспектору Цзунг, вдруг начинала пробуксовывать, то инспектор Цзунг могла с чистой совестью сказать: «Не моя вина!» Упомянутым свойством характера Делила весьма гордилась. С этой стороны она представляла собой безукоризненное совершенство… лишь иногда мелькала мысль, лишь изредка упрекала она себя за то, что увлеклась Кастором, расслабилась, позволила ему занять неподобающее место в ее собственной жизни…

Подобные мысли Делила немедленно гнала прочь. Это было нетрудно. Она уже несколько месяцев только этим и занималась, и добилась известного мастерства.

Цзунг Делила вставила чип с записью в домашний терминал и на экране появился список, который она принялась внимательно изучать. Это был список американского правительства. («Американского» правительства или американского «правительства»?)

В кабинет входили:

Президент — Мелкинс Кастор, двадцать два года, политических пристрастий не имеет, понятлив и послушен (исключая некоторую юношескую заносчивость). Кандидатура вполне подходящая, но за ним нужно присматривать.

Генеральный прокурор — Себастио Карлос, политолог, профессор университета. По происхождению — янки, но семья его два поколения сотрудничает с китайским правительством. Очень лоялен. Очень. Потому что китайцы дают ему больше, чем кто-нибудь еще. На этом вся его лояльность и держится. Лучшей кандидатуры для генерального прокурора не придумаешь, язвительно усмехнулась Делила. Если шутовское «правительство» поддастся дикому побуждению и вдруг надумает издавать законы, Себастио позаботится, чтобы законы эти ни малейшей силы не имели.

Министр обороны — Чай Говард, коротышка с вредным характером, но в прошлом — заместитель командующего противовоздушной обороны, и неплохо разбирается в практике боевых действий. Крови не боится, способен отдать любой, самый жестокий приказ. Родился в Америке, как и Цзунг Делила. И так же, как она, не был «американцем» ни в коем смысле.

Министр внутренних дел — Феng Миранда. Все, что касалось Феng Миранды, Делила успела неоднократно продумать, поэтому не стоит терять время. Выгоды от данной кандидатуры перевешивают потери. Главное — не терять бдительности, чтобы возможные потери не превратила в реальные.

Министр сельского хозяйства — Дэнбери Юстас. Полное ничтожество. Региональный директор по производству рапсового семени и масличных культур, что особого значения не имеет. Главное — внешность. Делила просмотрела фотоснимки американских государственных мужей прошлого века и пришла к выводу, что самой внушительной, самой представительной внешностью отличались люди, похожие на Дэнбери Юстаса: средних лет, темные, с проседью волосы, широко расставленные глаза, волевой подбородок. С ним проблем не будет. Даже следить не нужно — этому тюфяку и в голову не придет совершить что-нибудь из ряда вон выходящее, не предписанное заранее партийными директивами.

Министр здравоохранения, образования и социального обеспечения — Многолицый. Само собой разумеется! Кто же еще? Довольно комичная фигура все-таки. Ну какое он за последние двадцать лет имел отношение к здравоохранению?

Вице-президент… Делила сосредоточенно нахмурилась. Как получилось, что пропустили вице-президента? Может, вызвать старика Ва и деликатно ему напомнить? Или не стоит? Делила не смогла принять окончательного решения, подумала, что к проблеме этой еще вернется и тщательно ее исследует. Не исключено, что вице-президента выбирать поздно — ведь его выбирали, кажется, как Кастора? С другой стороны, организовать еще одни выборы — проще простого… Ладно, пусть его. Она перешла к последнему имени в списке.

Государственный секретарь — Цзунг Делила.

Перекличка закончена. Последний кандидат, подумала она с улыбкой, никогда, ни при каких обстоятельствах, по воле случая либо намеренно, не причинит вреда Китайской Народной Республике.

Прекрасный список.

Оставалось собрать кандидатов вместе и отрепетировать порученные роли.

Репетиция, которую старый Будда, Ва Фотси, язвительно усмехаясь, приказал Делиле называть «заседанием кабинета министров», — по сути своей представляла сеанс политического перевоспитания. На некоторых репетициях Ва присутствовал лично, улыбаясь своей неуловимой улыбкой Будды, — воплощение абсолютной уверенности во власти над ними. Он посещал репетиции по желанию. Все прочие — по обязанности. Почти все, во всяком случае. Себастио, например, на заседания не ходил, потому что нужды перевоспитывать его не было. Кроме того, у него и другие обязанности были. Делила тоже не нуждалась в перевоспитании, но сеансы требовали ее

присутствия, — приходилось присматривать за Фенг Мирандой, чтобы ее не слишком заносило на поворотах, и за Кастором, чтобы к делу относился посерьезнее. Нелегкий труд. Делила опытным путем вывела, что больше пяти цитат из Маркса, Ленина и Мао Цзедуна Кастор за одно утро не выдерживал, начинал язвительно улыбаться и шепотом отпускать непочтительные замечания на ухо Фенг Миранде. В конце второго заседания она, как только они покинули комнату, твердо взяла Кастора за руку и сказала с упреком.

— Нельзя быть таким легкомысленным. Будь серьезнее.

— Зачем? — сердито спросил он. — Дьявол! Мне вся эта белиберда абсолютно не интересна! Я теряю время, я отстал от моей группы в университете! Как я их теперь нагоню?

— Президенту Соединенных Штатов, — решительно сказала Делила, — ходить на занятия в университет не обязательно. К тебе прикрепят индивидуальных наставников. Если хочешь — станешь аспирантом. Получишь любой диплом, любую ученую степень — при условии, что выполнишь задание, поставленное перед тобой партией, и как следует его выполнишь.

Забавно, но пока Делила все это говорила, она вдруг осознала, что все это — не пустые обещания. Чтобы ни случилось, но Мелкинс Кастор никогда уже не вернется на рисовые плантации коллективной фермы «Небесное Зернышко».

Она еще не знала, что повлечет за собой развитие событий, но всеми внутренностями чувствовала — результаты будут иметь важнейшее значение для нее лично.

Наконец с «промывкой мозгов» было покончено, кабинет министров получил необходимую порцию политической грамоты, и в руководстве решили, что теперь «американскому кабинету» можно доверять. Приступили к записи выступления президента на кассету. Кастор с выражением зачитал приготовленные для него строчки:

— Мои космические друзья! — начал он, доброжелательно глядя в объектив камеры. — Опасаюсь, что имела место прискорбная ошибка. Китайцы — вовсе не завоеватели Америки. Они — наши друзья. Призываю вас начать переговоры: опустим наши мечи во имя мира и дружбы.

«Во имя мира и дружбы», «Опустим мечи»! Пока президент зачитывал текст обращения, подготовленного китайскими специалистами, государственный секретарь изо всех сил старалась сохранять полное собственного достоинства и осознания значительности момента выражение. Сама идея Америки, у которой может быть какое-то оружие, которое можно к тому же еще и сложить, казалась до смешного нелепой.

Зато идея, а точнее говоря реальная угроза, которой даже Ханьский Китай не смог бы противостоять при всей своей военной мощи, эта идея вовсе не казалась смешной.

Запись на кассеты прошла хорошо: операторы, один за другим, проверили качество звука и изображения и доложили, что звук превосходен, цвет — тоже, и все участники спектакля получились на экране очень симпатичными, весь кабинет выглядел весьма внушительно, по-кабинетному, и ничье лицо не оказалось в случайной тени, но Делила хранила молчание, когда она и Кастор отправились в обратный путь. И только когда до их жилища оставалось немного, она усмехнулась. Улыбку вызвал вопрос Кастора:

— Делила, слушай… Сегодня утром, когда мы уезжали, я заметил вокруг нашего здания строительные леса. Ты не в курсе, что там происходит?

— Это мне очень хорошо известно, — сказала Делила самодовольно. Но больше ничего ему не открыла. Не стала рассказывать, как всех жильцов многоквартирного дома вынудили съехать, как всем членам «кабинета министров» обеспечили подобающие квартиры; она вообще хранила молчание до тех пор, пока их машина не повернула за угол, и Кастор собственными глазами увидел, что происходит с их домом. Стены переменили цвет. Мягкого оттенка светло-зеленый колер исчез под двумя слоями быстросохнущей краски цвета рисовой муки. Маляры как раз убирали распорки, стойки и настилы монтажных лесов, своей тонкостью и коленчатостью наводивших на мысли о паучьих ножках. Кастор с озадаченным видом обернулся к ней. Делила прыснула в кулак:

— Господин президент, взгляните! Это ваш Белый дом!

Жизнь в одном доме с Чай Говардом, Фенг Мирандой, Дэнбери Юстасом и Делилой и ее сыном — в особенности, с Мирандой, Делилой и юным Арнольдом, — оказалась для Кастора не такой уж безоблачной и безмятежной. Занюханный министришко Говард, надутый, как индюк, относился к президенту, мягко говоря, свысока. Делила тоже относилась к нему свысока и постоянно требовала чувственных наслаждений — впрочем, будем справедливы, Кастор с наслаждением ее запросы удовлетворял. (Но почему в постель они ложились только по ее желанию?) Миранда оказалась самой беспокойной. Непонятно, чего она хотела от Кастора (потому что она, без сомнений, видела в нем лишь недалекого правонарушителя), но чего-то она рассчитывала добиться, это ясно — слишком часто она попадалась ему на глаза и путалась под ногами.

Дома, в коллективе, жизнь была проще и спокойнее.

Но крестьянская жизнь была слишком скучной, да и сейчас приходилось заниматься нудными делами. Самыми скучными оказались «заседания кабинета», на которых ничего стоящего никогда не обсуждалось, речь преимущественно шла о диалектической необходимости правильных политических и экономических подходов и о том, в чем упомянутые подходы заключаются. Кастору все уши прожужжали, внушая основную идею: китайцы — не захватчики, китайцы — не агрессоры, и Кастор, всегда полагавший, что идея эта в сущности верна, начал испытывать сомнения. Искру сомнений настойчиво раздувала Миранда. Однажды заседание прервали, не объяснив причины; Делила и Многолицый поспешили куда-то умчаться в автомобиле инспектора. Воспользовавшись моментом, Миранда цепко ухватила Кастора за руку.

— Прогуляемся по дороге домой, — объяснила она. — Мне нужно многое тебе сказать.

Кастор застонал про себя, потому что прекрасно знал, о чем пойдет речь. Полчаса спустя он стонал уже вслух, потому что предчувствия его не обманули.

— Ты предаешь родную страну! — обличала его Миранда. — Ты связался с этой старухой. — инспекторшей, ты свалял дурака! Ты получил пост президента, и этот пост дает тебе власть. Так имей же мужество ее употребить!

Воспитательная «промывка мозгов» на Миранду не подействовала. Доводы, которые начал приводить Кастор, тоже не возымели действия:

— Какой еще «страны»? И если я занимаюсь любовью с кем хочу, что в этом плохого? Употребить власть — для чего? И что толку от такой власти, если в любую минуту ее могут отобрать?

— Ты глуп, как младенец, — зашипела Миранда, и словесная баталия разгорелась вновь. Похоже, она была готова спорить до скончания времен. И они спорили еще больше часа, и дискуссию прервало появление полицейской машины, которая пронеслась мимо, когда они пересекали Кэнел-стрит, завизжала тормозами, сделала головокружительный разворот — ее сирена вдруг оглушительно заухала, — подъехала к остолбеневшим Кастору и Миранде и остановилась.

— Гражданин Мелкинс? Гражданка Фенг? Немедленно садитесь в машину! Нас послали за вами!

И пока, завывая сиреной, автомобиль мчался вдоль улиц к шутовскому Белому дому, полицейские держали языки за зубами, не ответив ни на один вопрос. У дверей их ожидала Делила, нетерпеливо притопывая каблуком.

— Где вас носило? — набросилась она на них и, не ожидая

ответа, выпалила: — Техники закончили монтаж релейной линии, передали вашу запись. Только что получен ответ.

— Ответ? — переспросил Кастор, не совсем сообразив, о чем речь. — Какой еще ответ?

Лицо Делилы стало мрачнее грозовой тучи.

— По радио пришельцы разговаривать отказываются. Требуют личной встречи с тобой. В космосе.

4

До сих пор Кастору ни разу не приходилось бывать внутри самолета. Взлетное ускорение прижало его к спинке кресла, он сглотнул слюну, через силу улыбнулся, скрывая тревогу: вдруг тех, кого в полете укачивает, в астронавты не берут? Фенг Миранда тоже впервые совершала воздушное путешествие и завистливо прошипела Кастору на ухо: «Эти самолеты могли быть нашими!»

Цзунг Делила, налетавшая тысячи часов на борту самых разных самолетов по всему миру, преимущественно наблюдала холодным взглядом за Кастором и Мирандой, занимавшими кресла впереди. Разумеется, и речи не шло о ревности, хотя вертлявая заокеанская китаянка явно взяла Кастора на прицел. Кастор для нее — живая машина, с помощью которой Делила получает наслаждение. «Любовь» совершенно ни при чем. Поэтому и «ревности» никакой быть не может. Очень скоро она прижмет девчонку к ногтю и сделает это чисто из политических соображений, исходя из разумных мотивов: важнейшим заданием нельзя рисковать из-за какой-то вертихвостки-экстремистки.

Что делать с Кастором, Делила еще не решила определенно. Это она представляла еще весьма туманно.

Все-таки, подумала она с нежностью, мальчик так радуется, так взволнован новым приключением! Полет на реактивном лайнере, новые события, ждущие впереди, — вот отчего сверкают глаза Кастора, а вовсе не из-за близости щуплой девчонки, голова у которой набита безумными и разрушительными идеями.

И, размышляя в подобном духе, Делила незаметно задремала. Но несколько часов спустя, в лимузине, который должен был отвезти их всех в приготовленное для группы жилье, она на всякий случай сама села рядом с Кастором.

По правде говоря, Делила испытывала не меньшее волнение, чем Кастор, потому что все вокруг было для нее в новинку, почти все. Остров Хайнань[9], довесок к самому южному выступу китайской материковой части, ничем особым не выделялся, не считая климата (но Гавайи не хуже, ничем не хуже) и

космического центра, на нем построенного. Очень интересно, разумеется, но высшее партийное руководство интерес к острову не поощряло. Делила раньше бывала дома раз десять, последний — когда сопровождала престарелого, ослабевшего от болезней супруга к его последнему пристанищу. (Кстати, собирается старик отправиться к праотцам или нет? Если да, то как скоро?) Хайнань Дао она не видала ни разу.

С воздуха она успела заметить крошечные, быстро промелькнувшие пальмы, пляжи, речки, виллы: даже на минутку-две, пока самолет заходил на посадку над территорией космического центра (все находившиеся в салоне вытянули шеи, бросились к маленьким иллюминаторам), показался гигантский космический корабль, возвышающийся над стартовой башней. Этот корабль явно предназначался для экипажа в несколько человек: по сравнению с ним прочие ракеты-носители — для метеорологических спутников, спутников связи и спутников-наблюдателей, — усеявшие поле космодрома, казались тоненькими, как карандаши. Увидев ракетные корабли, все пассажиры самолета не сдержали восторга, разразились громкими возгласами, включая Делилу.

И все они вместе с Делилой смотрели по сторонам во все глаза, пока лимузины, тихо урча, везли их к месту назначения. Хайнань Дао больше всего напоминал нечто среднее между довоенным Вайкики и Палм-Спрингс[10], с гоночными треками в стиле Среднего запада и солидными калифорнийскими особняками. Кастор буквально пожирал глазами рощицы декоративных деревьев и плавательные бассейны, уютно устроившиеся в аккуратнейших садах на приусадебных участках. Вдоль дороги трусили энтузиасты джоггинга, на лужайках резвились детишки; пожилые люди грелись на солнышке среди площадок для гольфа. Держась за руки, проходили влюбленные пары. И машины! Какие здесь были машины! Хайнань Дао предпочитали состоятельные люди. Не считая китайцев-хань, никто из «американского кабинета» раньше понятия не имел, что такое богатая страна и как она выглядит. Когда лимузины, снизив скорость, начали заворачивать на подъездную дорожку, Фенг Миранда с досадой разразилась тихими проклятиями. Делила усмехнулась. Она понимала, о чем сейчас думает глупая девчонка.

— Это что такое? — громко спросил Кастор прямо ей в ухо, и Делила посмотрела вперед, не понимая, о чем он говорит. Они подъезжали к внушительному зданию с балконами, колоннами и фонтаном, играющим в центре окружности, которую описывала подъездная дорожка. Прямо перед фонтаном был установлен

флагшток. На флагштоке висел флаг: полотнище с красно-белыми полосками, с синим полем и белыми звездочками на его фоне.

Делила не смогла отказать себе в удовольствии, хотя и понимала, что остальные могут заметить. Она наклонилась в сторону окна и коснулась губами щеки Кастора, который от изумления раскрыл рот.

— Ты разве впервые видишь этот флаг, господин президент? Это же флаг Соединенных Штатов Америки!

Несмотря на измотанность и то, что всех их, из-за разницы во времени между часовыми поясами, которые они слишком стремительно пересекли в реактивном самолете, слегка покачивало, будто пьяных, в первую очередь кабинет устроил заседание. Неожиданно для Делилы слово взял один из имплантов Многолицего, Дьен Кайчунг.

— Цзунг Делила, — отрывисто приказал он. — Ты будешь готовиться на пилота.

— Я умею пилотировать, — возразила Делила, удивившись собственному тону. Подобным тоном с высшими партийцами не разговаривают. С другой стороны, сейчас к ней обращался не Фунг Босьен, а только один из его имплантов, вернее кусочек мозговой ткани, когда-то бывший человеком по имени Дьен Кайчунг, а потом пересаженный высшему члену партии Фунгу Босьену, то есть всего лишь одна составляющая личности профессора, один из членов комитета, в который профессор превратился. Голова у Делилы немного кружилась, и не только из-за быстрого перемещения между часовыми поясами. Но одну вещь она понимала ясно: с политической точки зрения очень невыгодно подобным тоном разговаривать, могут возникнуть ненужные проблемы. Что и произошло.

Многолицый поморщился, словно от боли. На секунду на Делилу взглянули глаза настоящего Фунга Босьена, взглянули осуждающе.

— Прошу прощения, — самым почтительным тоном произнесла Делила, стремясь загладить промах. — Я устала и поэтому невнимательна. Я поступлю так, как вы считаете нужным, товарищ Дьен, поскольку вы — руководитель нашей подготовки.

Он нахмурился, пошевелил губами, словно безмолвно беседуя сам с собой, — несомненно, так оно и было. Делила взглянула в сторону, чтобы до минимума уменьшить возникшее было напряжение, и неожиданно наткнулась на еще один источник неприятностей. Фенг Миранда! Наглая шлюшка подсела вплотную к Кастору и что-то шептала ему на ухо, слишком уж по-приятельски! И — о, несправедливость! — замечание получила не

дерзкая девчонка, а сама Делила.

— Я с вами разговариваю, товарищ Цзунг, — одернул ее Многолицый. — У нас мало времени и много вопросов, которые необходимо обсудить. Итак! Всем вам необходимо пройти подготовку к космическому полету. Сюда входят упражнения на центрифуге, батуте, проверка на устойчивость вестибулярного аппарата, подводные занятия, имитирующие условия невесомости. Для всех участников миссии эти этапы подготовки крайне важны! Все, кто не пройдет хотя бы одно из испытаний, — добавил он сурово, — будет немедленно из состава группы исключен, поэтому отнеситесь к программе подготовки со всей серьезностью… В чем дело?

Фенг Миранда подняла руку.

Вид у нее был самый невинный, чего нельзя было сказать о голосе.

— Я хотела уточнить: что произойдет в случае, если на испытаниях провалится президент Мелкинс? — сладким голоском пропела она.

Злобный коротышка Чай Говард вмешался в разговор.

— Заткнись, Фенг, — грубо перебил он Миранду. — Мы еще не получили всех инструкций.

Делила готова была его расцеловать… почти готова.

Оставшаяся часть заседания была гораздо интереснее, чем распределение обязанностей, потому что команда техников из космического центра продемонстрировала компьютерную имитацию орбиты корабля пришельцев. Кораблю понадобится самое большее восемнадцать дней, чтобы выйти в точку орбиты, где он сможет встретиться с запущенным в безвоздушное пространство президентом Соединенных Штатов.

— Восемнадцать — крайний срок, — предупредил Многолицый. — Возможно, он будет сокращен до четырнадцати. Поэтому к тренировкам приступаем немедленно! Всем ясно?

Все собравшиеся кивнули, и Многолицый позволил себе усмехнуться.

— В таком случае, — сообщил он голосом Фунга Босьена, — я сообщаю вам решение партии; на борту ракеты будут находиться трое из вас, при условии, конечно, что все трое успешно справятся с подготовкой, — добавил он, многозначительно взглянув на Делилу.

— Сейчас я назову их имена: Мелкинс Кастор, Цзунг Делила, Чай Говард.

Кастор сидел, как громом пораженный, потом разулыбался до ушей, засиял от радости. Чай Говард, со своим вечно недовольным лицом, замер, потом хищно усмехнулся. Делила

вообще ничего не почувствовала — ничего, кроме какого-то подсознательного укола страха. А потом — прилив гордости, потому что ее выбрали.

Заметив же, что Феng Миранда не скрывает злобной зависти, Делила пришла в полнейший восторг.

Дом, в котором они остановились, состоял из двадцати шести комнат. Кастор их все посчитал и с благоговейным трепетом сообщил результат Делиле. Больше никто арифметикой заниматься не стал, потому что не в количестве комнат было дело. Здание впечатляло одним своим видом. Это был особняк, почти дворец, и дворецкий (кроме множества прочих предметов небывалой роскоши в доме имелся еще и дворецкий), в свойственной ему старомодной манере называл дом не иначе, как «резиденция». Как не называй, но здание впечатляло своими размерами. Имелись здесь «Хозяйские покои», «Нефритовые покои» и «Крыло Мао», с шестью уютненькими комнатами-спальнями (в каждой спальне — своя ванная комната). Имелась библиотека и гостиная — собственно, две гостиные, если считать и ту, что завершала ансамбль «Хозяйских покоев». Имелась столовая с галереей и бильярдная, внутренние дворики, балконы, лоджии, альковы и громадная зеленая лужайка.

В особняке, как уже замечено, трудилась прислуга. И какая прислуга! Ничего подобного Делила в жизни не видела. Не какие-нибудь нанятые крестьяне, прямо из хлева, прямо от корыта с похлебкой для свиней. Дворецкий родился в Сингапуре, получил образование в Шанхае, а предки его вплоть до шестого колена были чистокровными англичанами, что давало о себе знать в его манерах и акценте. Все восемь горничных были из Новой Зеландии, смешанного происхождения, наполовину англичанки, наполовину майори. Кухонная прислуга, которую переманили из богатых особняков в пригородах Бенареса, — все как один французы, и по происхождению, и по профессиональной подготовке. Все эти люди по мере сил заботились о материальном благосостоянии гостей из Америки. Потрясающе вкусная еда! Мягкие, теплые, ароматные постели! Но американская делегация приехала на остров не для того, чтобы жизнью наслаждаться. Она прибыла для подготовки.

Их начали готовить, да еще как!

Сначала — пилотаж. Делила, налетавшая шесть тысяч часов, без труда справилась с контрольными заданиями, а Кастор, когда-то проводивший долгие одинокие часы перед учебными экранами, тоже не испытывал затруднений. Тяжело пришлось Чай Говарду, который начинал с нуля. Потом пришлось плавать под водой, с аквалангами, потому что подводные упражнения были

самой удачной имитацией условий невесомости, — плевое дело для Кастора, ничего сложного для Делилы и опять-таки «терра инкогнита» для Чай Говарда. Зато на занятиях по боевым искусствам ситуация оказалась обратной. Чай Говарду курс не нужно было проходить, наоборот, он стал их инструктором, — и по курсу ручного оружия, и при обучении навыкам сокрытия оного (они прошли этот курс, независимо от того, была в нем нужда или нет). Как уже говорилось, Чай Говард в нем не нуждался, но вместе с Кастором и Делилой проделал все упражнения: разборка и сборка оружия, стрельба по мишеням, чистка и хранение.

Большую часть подготовки они проходили на территории космического центра, дорога занимала полчаса. Над всей территорией висел запах бензина — не от ракет, а от крекинговых установок, производивших жидкий водород, один из компонентов топлива, — но мало-помалу все привыкли и перестали его замечать. Остальные члены кабинета не были обязаны проходить подготовку. Большинство слонялось без дела, околачиваясь вокруг центра и особняка — особенно завистливая Миранда, которая непрерывно жаловалась на то, что ее не включили в состав экипажа. Даже Делиле, которая менее всего ей сочувствовала.

— Я достойна лететь! Я хочу в космос!

— Как бы не так, американка! — издевалась над ней Делила. — Ты не выдержишь испытаний в центрифуге!

— Спорю, что выдержу! — Обида не просто звучала в ее голосе, все ее тело напряглось, побелевшие ногти врезались в мякоть ладоней — с такой силой сжимала она от злости кулаки.

— Все равно, ничего не выйдет у тебя! — сказала Делила с раздражением, которое ей все труднее было сдерживать. — Ты — нелояльна, Фенг. Неблагонадежна. Нужно быть дураком, чтобы довериться тебе и выпустить в космос. Сперва заработай доверие, тогда у тебя появятся шансы. Возможно. — И она умчалась на примерку скафандров вместе с Кастором и Чай Говардом. Миранда проводила ее свирепым взглядом.

Ракета, которая предназначалась для запуска на орбиту корабля американской делегации, по-прежнему возвышалась над всеми конструкциями космодрома. Но когда они вышли из скафандровой мастерской, Делила с недоумением посмотрела на соседнюю стартовую площадку. Что они там монтируют? И поняла, что стартовая площадка готовится к установке второй ракеты, которой предстояло вывести за пределы атмосферы не какой-нибудь мелкий спутник, а большую капсулу, такую же большую, как и у готового ракетоносителя.

— Что происходит? — спросила она Чай Говарда, но тот пожал плечами.

— Дублирующий корабль.

— Для чего?

Он посмотрел на нее, потом на Кастора, который, стоя в нескольких шагах от них, с серьезным видом выслушивал жалобы Миранды.

— Тебя не касается, — заявил он и оставил Делилу наедине с ее вопросами.

Поскольку тренировки отнимали почти все силы и время, Делила не тревожилась о судьбе Кастора; каждую ночь он непременно делил с ней ложе. О том, что творится в мире, она еще меньше беспокоилась, — на это тоже не было времени, — пока однажды, ожидая, пока Кастор закончит принимать душ, Делила от нечего делать ткнула пальцем в клавишу экрана новостей. Выяснилось, что мир времени даром не терял.

Когда Кастор вышел из душа, Делила сидела на краю кровати и сердито смотрела на экран.

— Представляешь! — воскликнула она. — Воги[11] опять шум поднимают!

«Шум» — это слово хорошо описывало ситуацию. Не кризис, не угроза, и, конечно же, не опасность новой войны, ничего такого. По крайней мере, непосредственно сейчас. Но, отметила про себя Делила, неплохо было бы преподать индийцам урок! Выпуски новостей показывали «стихийные» антикитайские демонстрации, и не только в Дели или Калькутте, но и в заново отстроенных Риме и Москве, и еще в десятке других мест. Составить полное представление о происходящем по заявлениям общественных деятелей и комментариям дикторов было трудно, но общее направление событий постепенно становилось ясным.

Индия заподозрила неладное. Индийцы заподозрили, — и были совершенно правы, — что Китай тайно вступил в контакт с кораблем пришельцев. Что представляет собой этот контакт и каковы последствия — этого они знать не могли, но начали проявлять беспокойство — отсюда и все так называемые «стихийные» демонстрации, осуждающие «попытку Китая возродить» империалистические Соединенные Штаты.

Ночь для Делилы прошла беспокойно.

Наутро она потребовала, чтобы ее допустили на заседание руководящего комитета, который собирался ежедневно. Права такого у нее не было: она занимала недостаточно высокое положение, чтобы его иметь. Присутствие на заседании комитета также не входило в ее обязанности, поскольку все время свое Делила была обязана посвящать тренировкам; но сегодня утром

она была свободна, в соответствии с тщательно разработанным расписанием группе полагался отдых, да и в любом случае Делилу с головой выдали бы ее горящие глаза.

— Надеюсь, у тебя есть весомые причины, — сказал ледяным, предостерегающим тоном Чай Говард.

— Самые весомые! — заявила Делила, усаживаясь на один из десятка расставленных по кабинету стульев. В комнате присутствовали еще трое: сам Чай Говард, Многолицый и начальник космического центра Му Дайлен.

— Почему вы не проинформировали нас об индийских осложнениях?

— Нет никаких индийских осложнений, — холодно возразил Чай Говард. — Просто мелкие неприятности, ничего серьезного. Ваше задание — вот что важно, в первую очередь.

— Надеетесь, что пришельцев удастся склонить на нашу сторону? Чтобы они стали союзниками и помогли взять верх над Индией? Я правильно поняла?

— Такую возможность мы действительно намерены рассмотреть, — с улыбкой сказал Многолицый. — Делила, я вас прошу… Успех вашей миссии — это успех вашей подготовки. Нам не хотелось бы напрасно вас отвлекать посторонними вещами.

Мягкий тон и улыбки были не в стиле Чай Говарда.

— Так, хватит, — рявкнул он. — Нам необходимо закончить серьезный разговор. Пусть Цзунг покинет комнату.

Но Многолицый опять улыбнулся, на этот раз — Чай Говарду.

— Говард, она может что-нибудь нам полезное посоветовать. Наверное, ей лучше остаться.

Какого рода совета они от нее ждали, об этом Делила не имела понятия, поскольку тема дискуссии касалась специальности исключительно Чай Говарда! Вооружения! Делила, внутренне кипя от гнева, рассматривала голограммы, которые они проецировали над камином. «Ничего серьезного!», «Рассмотреть возможность!» Что же они считают серьезным? Оружие, которое хотят спрятать внутри корабля? Делила смотрела на них с презрением. Вот как ведут себя высшие члены партии, оказывается! Дурашливые дети, не более того. Даже семилетки, упражнявшиеся в тай-чи, голоса которых доносились из-за сосновой рощицы, прекрасно понимают — с таким же успехом можно вооружать корабль трубочками для стрельбы горохом. Ведь им противостоят таинственные пришельцы из космоса, в чьей власти испепелить целый остров, — более того, они утверждают, что способны также легко расправиться с целым континентом и даже планетой! Делила верила, что пришельцы говорят правду. Нет, на борту корабля будет только одно

эффективное оружие, и этим оружием станет сама Делила. Кастор — недалекий мальчишка, подсадная утка. Чай Говард — тоже мальчишка, только старый, и еще более недалекий. И вооружение, которое они тщательно маскируют, рассовывают по потайным местам, не менее идиотская выдумка, чем бамбуковый камин в комнате, где они сейчас заседают, в комнате, которую не нужно отапливать, кроме того, если разжечь такой камин — сгорит весь дом, глазом моргнуть не успеешь.

— Пожалуй, пользы от меня здесь мало, — сказала она холодным тоном. — Пойду посмотрю, что остальные делают.

— Разумеется, — согласился Многолицый, удержавшись на этот раз от улыбки, а Делила удержалась от того, чтобы не хлопнуть со всей силой дверью. Разумеется, присматривать за остальными не было нужды, потому что утро сегодня свободное. С другой стороны, Кастора она не видела с тех пор, как он исчез в ванной комнате, чтобы принять утренний душ. Интересно, куда же он отправился?

В оружейной она его не обнаружила, хотя Кастор полюбил старинные короткоствольные дробовики, воссозданные китайскими умельцами, и маленькие зловещие автоматы «узи», способные рассечь человека пополам. В библиотеке его тоже не было. В библиотеке для него нет ничего интересного, мрачно подумала Делила. Она прошла комнату для завтраков, пересекла несколько коридоров, приняв рассеянный вид, словно бы погрузившись в размышления. Тем не менее, она замечала все вокруг, не упуская ни малейшей детали, но не могла обнаружить того, что искала.

Куда запропастился этот мальчишка?

Делила шагнула на восточную лоджию-солярий, сделав вид, что ей захотелось подышать свежим воздухом — кому он нужен, местный свежий воздух? Знойный, паркий, словно в бане — от него щекотало в носу. На площадке солярия никого не было, и на зеленом пространстве лужайки тоже, окрестности сосновой рощицы и бассейна с водяными лилиями словно вымерли.

— Сойер, — громко позвала она, не оборачиваясь.

Незамедлительно появился дворецкий.

— Сойер, вы сегодня утром видели Мелкинса Кастора?

— Да, госпожа. В оранжерее. В обществе товарища Фенг Миранды, госпожа, — сказал он, и Делила, стремительно обернувшись, наградила дворецкого испепеляющим взглядом. Ее задела насмешливая нотка в голосе дворецкого. Кошмар! Даже слуги уверены, что она ревнует мальчишку! Делила, мрачнее грозовой тучи, помчалась в оранжерею.

Сначала она услышала их голоса: добродушное ворчание

Кастора и сердитое сопрано Миранды. Но Делилу раздражал не только ее голос, от которого она поморщилась, словно по нервам скребли осколком стекла. Не голос, а жалкое чириканье, как только такой разумный человек, как Кастор, выдерживает общение с ней? Слова, которые она услышала, были еще омерзительнее. Миранда устроила Кастору головомойку.

— Ты лицемер, ты перекрасился! Ты, как медовый шарик! Снаружи — белый, как рисовая мука, внутри — желтый, как ханец. Неужели ты предашь родную страну?

— Брось, милашка, — успокаивал ее Кастор. — Ты сама — чистокровная хань, не хуже Делилы. К чему столько эмоций?

Если бы он не произнес вслух ее имя… Делила ворвалась в оранжерею, свирепо глядя на беседующую парочку, и взгляд ее был, как пламя, а голос, как полярный лед.

— У тебя нет страны, дура! — крикнула она. — Если бы не мы, китайцы, пустыня оставалась бы пустыней до сих пор!

Ни о чем не подозревавшие, они остолбенели: Кастор глупо ухмылялся, рука его, полуподнятая, застыла в умиротворяющем жесте; у Миранды отвисла челюсть, она позабыла закрыть рот, приготовившись к очередной атаке на Кастора. Отвратительный тонкогубый ротик, и вдобавок ко всему — еще и помадой накрашенный!

При всех своих недостатках, Миранда была девушкой не робкого десятка.

— Кто вас просил? Мы вас ненавидим за все ваши благодеяния! — воинственно заявила она.

Прекрасно! Глупышка дала ей зацепку, дала ей возможность вступить в спор, подумала Делила, она не сомневалась, что словесную перепалку выиграет наверняка. Взяв под контроль и лед, и пламя, она двинулась вперед.

— Понятно, — сказала она, усаживаясь посередине между Кастором и Мирандой. — Итак, вы и русские, как два безумца, постарались уничтожить, сделали все возможное, чтобы добиться своей цели. Или я не права?

— Ошибаешься! Мы только оборонялись — и все! Систему антиракетных спутников невозможно использовать для нападения…

— Ах, вот как! — кивнула Делила. — Вы создали наземно-орбитальную лазерную систему, чтобы русские не смогли причинить вам вреда, ответить на удар, который вы по-прежнему могли нанести. К изумлению вашему, система не сработала.

— Они напали без предупреждения!

— Ну да, — вздохнула Делила. — Ничем не прикрытый воин увидел, как противник облачается в доспехи, и решил атаковать,

пока, быть может, есть еще шанс на победу, не так ли? — Миранда сердито молчала. — Но вернемся к вопросу о ненависти, товарищ Фенг. Вы нас ненавидите, потому что мы принесли с собой закон и порядок. За то, что мы очистили вашу воду и землю, и вы вновь могли строить фермы, выращивать пищу. За то, что вы, в припадке безумия, уничтожили родную страну и самостоятельно возродить ее были не в состоянии. Я вас вполне понимаю. Ненавидеть помогающего — вполне в природе человека. Это естественно. Раненая собака рычит и щелкает зубами, когда хозяин пытается перевязать ее раны.

— Цзунг, — сказала Миранда, — британцы тоже принесли в Индию закон и порядок, давным-давно. По-твоему, индийцы их обожали? Или горько плакали, когда британцы покидали бывшую колонию?

Делила снисходительно кивала, хотя лед и пламя все еще давали знать о себе в ее голосе:

— Два совершенно разных случая. Несколько тысяч англичан правили сотнями миллионов индийцев. Сейчас же в Северной Америке китайцев почти ровно столько же, сколько абори… людей североамериканского происхождения.

— По-твоему, им от этого легче?

— По-моему, ты несправедлива. Твои слова несправедливы.

Миранда упорно стояла на своем:

— Цзунг, ты — китаянка, ты — хань. Тебе не понять.

— Но ты тоже китаянка-хань!

Миранда покачала головой.

— Нет, я — американка. И Кастор — тоже, но он этого не понимает. — Она поднялась, направляясь к двери, добавила на ходу: — И разговор окончен.

Индия все явственнее проявляла признаки беспокойства. Космический корабль пришельцев с каждым днем приближался. Подготовка к полету шла своим чередом. Ракета-носитель и капсула корабля были испытаны, баки заправлены топливом.

И на корабле установили оружие.

Из тех, кому предстояло лететь, об этом знали только Делила и Чай Говард. Кастора не подпускали к кораблю, пока шла установка вооружения, остальных «американцев» — тоже. Кастор был недоволен и постоянно ворчал, но только потому, что любопытство притягивало его к кораблю; у Фенг Миранды были те же самые причины возражать, которые она высказывала в отношении всего, что задумали китайцы-хань. «Вы украли нашу космическую программу!» — выкрикнула она в лицо Делиле, а Делила ядовито парировала: «Нет у вас никакой программы, потому что „вас“ самих нет, не существует в природе! К тому же у

тебя нет ни подготовки, ни полезных навыков — ты была бы бесполезным грузом!»

— Ты утверждала уже один раз, что я не выдержу испытаний на перегрузку, а я выдержала! Я выиграла у Чай Говарда двадцать юаней, потому что оказалась выносливей! На несколько «же» его обставила!

— С Говардом я поговорю! — отрезала Делила. — Ступай и займись делом!

Наконец взошло солнце великого дня.

К собственному изумлению Цзунг Делила поняла, что испытывает страх. Космический полет, в конце концов, это не воздушная прогулка в спортивном самолете. Полет в космос — это прыжок в неизвестность, это вторжение на враждебную человеку незнакомую, поражающую воображение своими размерами территорию; здесь в опасности оказывается любой, даже если он инспектор народной полиции; груз ответственности (и страха) перед тем, что предстояло — встречей с неведомыми существами в приближающемся корабле, — наводил ужас. Словно в полусне Делила позволила ассистентам скафандровой мастерской облачить ее в космическое одеяние, приладить на нужные места неудобные трубочки санитарных систем и прочие коммуникации, надеть себе на шею воротник-кольцо, сопрягающий костюм со шлемом.

Как все быстро происходило! Из скафандровой — в Белую комнату, потом в лифт, где рядом, такие же молчаливые, застыли в своих скафандрах Чай и Кастор. Она взглянула на них, но не увидела человеческих лиц так же, как и они не могли видеть ее лица, лишь непрозрачные, фильтрующие свет забрала шлемов. Они молчали, зато техники тараторили без умолку, отдавая приказы и указания: «В эту дверь, пожалуйста!», «Займите ваше место, пожалуйста!», «Поднимите руку, я хочу проверить, свободно ли она двигается…»

А потом снизу ударила могучая сила, невыносимая тяжесть навалилась на грудь и живот, и наступил момент тошнотворного страха, почти паники, а после него — безудержного веселья, ликования, какого Делила в жизни, наверное, не переживала.

Они вышли в космическое пространство. Шесть секунд стартового ускорения — это сорок километров вверх, потом — сброс ускорителей и топливных баков, и у Делилы не было времени сообразить, что происходит, а Кастор, опьянев от восторга, что-то орал и не мог остановиться. Они вышли в космическое пространство. Безволосые обезьяны, надменно презревшие планету, породившую их! Чай Говард, ты все-таки олух! Что же ты молчишь, как рыба? В этот миг триумфа…

Делила потянулась к своей приборной панели…

Она услышала голос Чай Говарда, но донеслись его слова не из соседнего кресла, где сидела облаченная в скафандр фигура, а из динамика космической связи с наземным центром управления:

— Цзунг! Мелкинс! Арестуйте ее! Сейчас же! Расстреляйте ее! Она меня оглушила и заняла мой скафандр!

Делила и Кастор повернули головы, разглядывая фигуру, сидевшую в центральном кресле.

— Я же говорила, что полечу в космос! — мстительно взвизгнула Фенг Миранда.

5

Повернуть обратно они, разумеется, никак не могли. Вариант с возвращением исключался.

«Арестовывать» Миранду было просто смешно, хотя Делила и сделала это без промедления. Но какой смысл «арестовывать» человека, если ему некуда сбежать?

Но весь гнев, все возмущение и отчаяние они выплеснули на девушку, дав волю чувствам и не только — расквашенный кулаком Делилы Мирандин нос еще кровоточил, когда на экране появился корабль чужих. Если бы в потасовку не вмешался Кастор и не разнял их, дело не ограничилось бы разбитым носом. Он удачно блокировал предплечьем рубящий удар Делилы, и ему повезло увернуться от ответного удара ногой, — по всем правилам карате, — который нанесла Миранда.

— Дуры! — рявкнул он. — Если вы друг друга прикончите, куда я дену ваши трупы!

Делила несколько секунд тяжело дышала — больше, чем на несколько секунд нельзя было рассчитывать, кто-то обязан пилотировать корабль, иначе все они погибнут и миссия провалится.

— Я с тобой потом разберусь! — процедила она сквозь зубы и сосредоточила все внимание на пульте управления.

К сожалению, «позже» означало неопределенно долгий срок. Просто времени не оставалось. Времени у них было даже меньше, чем они рассчитывали, потому что Миранда лишила корабль важного козыря — корабельного «пушкаря», которым, по предварительному замыслу, предстояло быть Чай Говарду. Спрятанное вооружение сразу же оказалось выведенным из игры, рассчитывать на него не приходилось — ведь Делила не могла одновременно управлять кораблем и оружейной системой, да еще краем глаза присматривать за маневрами этой зловредной сучки Миранды, да и за Кастором тоже, на всякий случай, и

одновременно с этим, — что оказалось сложнее всего, — думать, рассчитывать, планировать, быть наготове к неожиданностям (опасным, ужасным неожиданностям), которые, — кто знает? — приготовил для них корабль пришельцев. Мысли Делилы метались, как птица с подбитым крылом, которую настигает птицелов; и вдруг времени не осталось, вообще не осталось, потому что корабль чужаков возник на радарном экране, а секунду спустя Кастор пронзительно вскрикнул от радости, потому что заметил в иллюминаторе по правому борту светящуюся точку корабля.

Ничего полезного о пришельце радар не сообщил; цифровой индикатор на полях экрана выдал его массу (где-то три сотни метрических тонн) и размеры (самое малое, сорок метров в длину), и еще они узнали его форму — больше всего корабль напоминал банку консервированных фруктов, по бокам торчали какие-то непонятные металлические штуковины. Визуальный контакт оказался еще бесполезнее, если не считать, что они увидели цвет корабля — странный, призрачно-фиолетовый, с сиреневым оттенком. Делила выхватила из предохранительного кармана с мягкой прокладкой бинокль и навела на чужака. За спиной ее Миранда и Кастор требовали своей очереди посмотреть, и Миранда объясняла, как она очутилась в корабле, и Кастор умолял Делилу дать ему на секундочку бинокль, а в динамике связи истерически захлебывался Чай Говард, бомбардируя экипаж приказами и вопросами. Делила всех их исключила из сферы своего внимания. У нее забот был полон рот — держать корабль на курсе, следить за пультом, а все, что оставалось, поглощали окуляры бинокля.

Корабль был сделан из металла, но корпус его потерял зеркальный блеск. Тридцать лет полета сквозь разряженный газ и пыль межзвездных пространств на околосветовой скорости притушили блеск, усеяли корпус оспинами. Вид у корабля был зловещий. Он напоминал цистерну для каких-нибудь малоприятных жидких отходов или один из первых примитивных образцов ядерного оружия. Форма у него была скорее бочкообразная, чем цилиндрическая; то здесь, то там торчал какой-нибудь покрытый шрамами стабилизатор или на удивление чистое и яркое параболическое зеркало (потому что большую часть полета зеркало провело в безопасности своего гнезда, защищенное от пылевой эррозии). Поскольку корабль приближался под определенным углом, на радарном экране он выглядел короче, чем был на самом деле — длина его достигала целых ста метров.

— А что это за фиолетовое свечение? — [1] завопил Кастор в

ухо Делиле.

Фиолетовое? Хороший вопрос! На одном конце у кургузого цилиндра слабо светилось бледно-фиолетовое кольцо. Слабо светилось? Нет, не подходящее слово. На кольцо было больно смотреть. Очевидно, излучало оно целую Ниагару фотонов, но лишь малая их часть попадала в видимый глазу диапазон. Озадаченная, слегка напуганная, Делила позволила вертихвостке Миранде выхватить у нее бинокль, потянулась к передатчику, включила режим связи по каналу «корабль — корабль».

— Вызываем неизвестный корабль! — сказала она. — Говорит корабль президента Соединенных Штатов. Президент находится на борту и готов встретиться с вами.

Она отпустила кнопку, ожидая подтверждения приема.

Но никто не подтвердил его. Им вообще не ответили.

— Проклятье, вызывай снова! — взвизгнула Миранда, сражаясь с Кастором, который пытался вырвать у нее бинокль, и Делила механически подчинилась, повторила вызов.

И вновь никакого ответа, и два корабля продолжали сближаться, помимо собственной воли, носовая часть к кормовой части — не потому, что так было запланировано, а словно по хотению некоего громадного Калибана[12], сгоняющего вместе стайку пескарей в пруду.

— Притормози, — прошептал Кастор, у которого не выдержали нервы.

Нервы у Делилы тоже были на пределе, но она знала, что пальцы ее не коснутся приборной панели. Перед экипажем поставлена задача. Бегство — не выход из положения, пусть даже ей страшно, или пришельцы настолько невоспитаны, что не соизволили ответить на вызов; задача Делилы — войти в контакт.

Тем более, что расстояние между кораблями пока еще достаточно велико, и если пришельцы позволят себе какие-то шалости, стоит лишь протянуть правую руку — и вот она, потайная панель управления вооружением, чуть пониже округлого плеча Миранды, которая изо всех сил старается заглянуть в иллюминатор и поэтому ерзает в кресле.

Хотя расстояние не такое уж и большое… И вдруг корабль пришельцев оказался рядом. Не потому, что включились двигатели, нет, произошло что-то неожиданное, непонятное.

Фиолетовое кольцо соскользнуло с носовой части чужого корабля, отделилось от него.

Оно дважды повернулось вдоль оси, словно монетка, закрученная волчком на поверхности стола. Потом рванулось вперед, к земному кораблю.

Пальцы Цзунг Делилы стремительно ударили по клавишам,

земной корабль вздрогнул, встал на дыбы, попытался развернуться. Делилу бросило вперед, она отчаянно пыталась дотянуться до оружейной панели. Миранда, облаченная в жесткий, неповоротливый скафандр, накрыла собой потайную панель и никак не желала убраться с дороги, за это заработала еще одну пощечину тыльной стороной кисти, — было бы время, получила бы больше… Впрочем, она и получила усиленную порцию, но словесно, потому что Делила, яростно вскрикнув, грозила Миранде всеми возможными карами, ведь по вине Миранды корабль остался без бортового стрелка… Привести приговор в исполнение времени не осталось… И не осталось времени разгадывать головоломки пусковых устройств говардских ракетных снарядов — как их привести в боевую готовность, нацелить, запустить…

Призрачное кольцо догнало их корабль.

Кольцо проглотило корабль, наделось на кормовую часть, как обруч на шест. Уже многие годы Делила понятия не имела о тошноте, она вообще никогда не болела; но сейчас на десятую долю секунды содержимое желудка вдруг попыталось вырваться наружу, через горло.

Потом все прошло.

Фиолетовое кольцо уплыло в сторону. Корабль дрейфовал в космическом пространстве. Со всех сторон его окружало черное небо, усеянное звездами.

Но звезды… это были совсем иные звезды.

Повинуясь инстинкту, Делила заглушила тяговые двигатели и включила все наружные датчики. Они на орбите? Орбита стабильна? Им в любую секунду грозит столкновение? Пока автоматические системы корабля накапливали данные и пытались сделать выводы, Делила успела заметить, что в пространстве они не одиноки, потому под кораблем, несколько позади, плыла планета — огромная, бело-голубая.

Но не Земля. Солнце этой планеты было красноватым, и диск покрупнее земного, и расстояние до него было меньше, и сквозь белые комочки облаков на освещенном этим местным светилом крае планетного диска виднелись очертания континентов, подобных которым Делила никогда раньше не видела. В соседях у них оказалась не только планета. Оказывается, они были вдвойне не одиноки. Запищал радар, давая знать, что поблизости находится объект подходящих для космического корабля размеров. Он занимал позицию со стороны, противоположной красному светилу, и потому был ярко освещен. Ничего похожего на эту конструкцию они тоже раньше не видели. Неужели космический корабль? Да, поскольку она в космосе и явно

предназначена для передвижения. Но странным образом, обводы корпуса наводили на мысли об атмосферном летательном аппарате, хотя и без крыльев; очертаниями он напоминал постельного клопа, и управляющие плоскости, торчавшие из корпуса в нескольких местах, в вакууме были бы бесполезны.

Клопа эта конструкция напоминала не одними очертаниями. У нее, оказывается, имелись лапы, похожие на лапки насекомых, с крючками захватов на конце. Вдоль корпуса странного корабля вспыхнули голубовато-белые струйки реактивных выхлопов. Корабль развернулся, выстрелил ракетным пламенем с противоположной стороны и застыл в новой позиции, нацелившись на земной корабль. За кормой его вспухло золотистое пламя — включились основные двигатели, швырнув корабль прямо на них. Передние лапы-захваты разошлись в стороны, готовясь поймать корабль землян.

Делила была в состоянии ускользнуть из лап «жука». Ведь «жук» был просто ракетой, не каким-нибудь сумасшедшим колесом фиолетового свечения. Чтобы убежать, времени хватало. Времени так же хватало, чтобы подготовить к пуску ракетные снаряды. «Готовность»! — и на секретной оружейной панели загорелись зеленые огоньки. «Прицеливание!» — и в перекрестье визирных нитей, как в центр паутины, пойман космический «жук». «Запуск!»

Но снаряд она так и не выпустила.

Собственно говоря, не было у Делилы такой возможности. Миранда, догадавшись, что сейчас произойдет, бросилась на Делилу всем телом, обхватила, сжала руки, попыталась силой оттащить от ракетной панели наводки… Кастор, суетясь, не знал, что ему делать — и если помогать, то кому из них… и обе они отчаянно визжали: «Отпусти, дрянь!», и «Цзунг, приди в себя!», и «Я тебя убью!», и «Ты всех нас погубишь!», и шипели, и пыхтели. Трудно сказать, кто из них что кричал, но… потом было уже поздно что-либо предпринимать. Чужой челнок подошел совсем близко. Захваты сомкнулись. Чужак потащил корабль за собой, и внезапный толчок швырнул всю троицу через кабину.

Спуск в атмосферу занял не меньше времени, чем у земных челноков. Спешить вдруг стало некуда. Делила подумала, что они успели бы включить основные двигатели, сжечь топливо до капли, вырваться из лап стального «жука»…

Но куда они полетят?

Поскольку время их не торопило, его следовало использовать разумно: определить, наконец, где они очутились и что происходит — хотя, у Делилы создалось впечатление, что на поиски ответа вряд ли хватит всего времени во вселенной.

Наружные датчики передавали сведения о планете, к которой по спирали спускался «жук». Планета была более рыхлая, чем Земля, с более слабым притяжением и на удивление плотной атмосферой — вот почему у челнока не было крыльев — подъемную силу создавал сам плоский обтекаемый корпус. Температура над поверхностью суши была нормальная, выше, чем хайнаньская — а остров ведь отличался тропическим климатом, — в районе же полюсов воздух с большой натяжкой можно было назвать холодным.

И планета оказалась обитаемой.

Еще бы! Конечно, на ней жили разумные существа! Делила мысленно выругала себя — откуда же еще взялся орбитальный челнок — «жук»? Все равно ее поразили островки прозрачного свечения, как будто светились кристаллы хрусталя, на ночной стороне и отблески каких-то скоплений на дневной, которые не могли быть ничем иным, как городами. И каких размеров! По сравнению с ними Пекин — деревушка с глинобитными хижинами.

Кроме того, планета сама дала понять, что обитаема. Планета заговорила с земным кораблем.

— Вы только взгляните! — вскрикнул Кастор, манипулируя рукоятками и кнопками панели связи, и в самом деле, посмотреть было на что.

Планета передавала изображения — движущиеся картинки в сопровождении звука.

Картинки не отличались четкостью, конечно, и настройку не удавалось удержать надолго. Кванты электромагнитного излучения одинаковы и на Земле, и за пределами самого дальнего квазара. Но способ, которым техники их измеряют, подсчитывают, кодируют и декодируют, зависит от случая — несчастного или счастливого, — повлиявшего на создание первой электронно-лучевой трубки и на то, какой она у изобретателя получилась. Чужаки не использовали ни привычные землянам частоты, ни параметры экранной развертки, ни даже основополагающие элементы электромагнитного спектра, давно ставшие на Земле догмой. Оказалось, что приемник корабля обладает сказочными возможностями. Приемник автоматически выискивал модулированные сигналы, а потом, раскусив методу, разобравшись в принципах, выдавал результат в удобоваримой форме. Но делал это с трудом, и временами решение у него получалось неверное.

Поэтому на экране они увидели лишь отрывки, обрывки, мимолетные видения и накладки. Иногда — бессмысленные цветовые узоры; преимущественно — просто цвета без узоров. Но

время от времени, на несколько секунд подряд…

Изображения! Потрясающие картинки!

Город… наверное, город, из тех городов, что сверкали, оживая, внизу под ними, по мере того, как они совершали виток вокруг планеты. Ярко-зеленые, ярко-розовые, светящиеся, любых цветов, очень насыщенных.

И машины, качавшие густую сиропистую массу, клейкую на вид — как, зачем и с какой целью — земляне даже представить себе не могли.

Скопление каких-то созданий, наподобие… насекомых, кротов? У них не было подходящего надежного стандарта для сравнения, которые кувыркались друг через друга, словно играя в «чехарду», а в промежутках губы их шевелились, но звуковой канал поймать не удалось, поэтому картинка оставалась беззвучной.

А вот существо другого рода — статуя существа, очевидно, — стоящее в нише из сияющего золота, очень похожее на страуса, но с руками вместо крыльев.

На секунду на экране показался их собственный корабль, потом стремительно исчез.

Появилась планета — это была Земля.

Друг за дружкой на экране мелькали сотни картинок, а звуковые каналы наполнялись чириканьем факс-сигналов, кодированных и телеметрических передач; что-то шептали неведомые голоса, но кто знает, чьи это были голоса и что говорили?

Качество звукового воспроизведения было таким же низким, как и видео, по правде говоря. То и дело удавалось уловить что-то осмысленное, целое слово, или обрывок английской фразы («… спасти вас…» — что это значит? Или воображение подшутило над ними?), или даже имя («Эй-Белинка» — имя ли это?). Кастор вылавливал все подозрительные кусочки подобного рода, направлял их на вспомогательные терминалы, чтобы Делила и Миранда попытались их рассортировать и систематизировать, а сам продолжал охоту…

Тем временем они все ниже и ниже; накручивая виток за витком, опускались к пленившей их планете.

Как бы они ни старались, всего времени во вселенной не хватило бы, чтобы понять, где они очутились, и что их ждет, и заблаговременно предпринять какие-то шаги или даже испугаться, если судьба уготовила им ужасный жребий. Неважно. Все равно времени у них не оставалось, потому что вдруг, совершенно неожиданно, «жук» вошел в атмосферу.

Атмосфера встретила их неласково — в этом отношении

планета тоже мало отличалась от Земли. К счастью, им удалось пристегнуться к креслу — синяков каждый успел и без того наставить себе изрядно. Делила вовсе не была уверена, что предохранительные ремни и амортизирующие кресла спасут их; вход в атмосферу полон опасностей. «Жук» не совсем удачно захватил их своими стальными лапами. Теплоотражающие поверхности больше не могли им помочь.

Но существа, взявшие землян в плен, предвидели опасность. Тепловой удар был смягчен до минимума. «Жук» то и дело включал тормозные ракеты. Обшивка корабля не успела размягчиться и прогореть, скорость упала до Мах-четыре[13] и даже меньше — в сравнении с орбитальными скоростями они ползли теперь, как черепаха, — и челнок начал по пологой кривой планировать к поверхности.

Корабль подбросило, но не резко, и на удивление плавно, замедленно, и он остановился.

Они осознали, что совершили посадку и что им ничего не грозит пока, и тут же выпутались из предохранительных ремней.

Кастор оказался самым проворным. Прежде чем Делила успела его остановить, прежде, чем она поняла возможные фатальные последствия его опрометчивого поступка, Кастор очутился возле наружного люка и принялся его открывать, освобождая выход в новый мир. Рефлексы у землян замедлились, стали, как вязкая сладкая патока. Нервы их были совершенно расстроены после пережитого потрясения, а сила тяжести заметно уступала привычной. Делила успела лишь крикнуть: «Осторожнее!»

Воздух снаружи оказался пригодным для дыхания. Правда, у него был странный запах, — как будто где-то неподалеку жарили грибы, — но землян он не убил. Еще немного тянуло соленым морским запахом. Снаружи шел дождь, крупные набухшие капли падали медленно, как горошинки мятного мармелада, и налетал ласковый, очень теплый ветерок. Астронавты сгрудились вокруг отверстия люка, разглядывая обширную площадь с ровным темно-бордовым покрытием. Люк, к несчастью, смотрел в противоположную от города сторону — они успели заметить, что рядом был город, — но с краю виднелись строения поменьше, похожие на гроздья кристаллов, выросшие в перенасыщенном солью море — зеленые и голубые призмы, золотистые шпили, рубиновые колонны.

Кроме того, их, кажется, встречали, судя по доносившимся звукам.

— Убери эту штуку, — фыркнула Миранда.

Делила только сейчас заметила, что ее рука извлекла из

поясного ремня скафандра спрятанное там оружие, которое вручил ей Чай Говард.

— Да, Делила, я тебя прошу, — нервно сказал Кастор. — Не будем ссориться.

Она не ответила. Сунув пистолет обратно за пояс — этот жест был достаточно красноречив, — она храбро выбралась из люка и спрыгнула на бордовое покрытие — как медленно здесь падают, словно на замедленном изображении! — и принялась разоблачаться, освобождаясь от скафандра. Она решила, что без скафандров вид у них будет менее угрожающий. К тому же в скафандре было ужасно жарко, и Делила истекала потом.

Некто приближался к ним, и звуки, сообщавшие о Его приближении, становились все громче. К тому моменту, когда Делила высвободилась из нижней части костюма и стянула с себя нижнюю часть изолирующего белья, — что-то вроде толстых колгот, — звуки раздавались уже непосредственно по другую сторону ракеты, и Некто направился в обход корабля, приближаясь к трем полуобнаженным людям.

Это была платформа на воздушной подушке. На повороте ее занесло, потом платформа выровнялась и, сбросив скорость, поплыла в сторону землян. За платформой следовала еще парочка ей подобных. Их воздушные компрессоры оглушительно завывали.

Все три платформы несли пассажиров, и каких! Пассажирами были инопланетяне, каких вы только в состоянии вообразить! С жукообразными лицами, с антеннами, с блестящими шипами вдоль спины. Чудовища из космического пространства! Смертоносные создания, в сравнении с которыми худшие детские кошмары покажутся безобидными.

Но Делила ждала чего-то подобного, к тому же монстры эти оказались не крупнее кошки. На некоторых из них она заметила одежду и украшения: пышные жабо в том месте, где должны быть шеи, накидки, драгоценности и, как решила Делила, что-то вроде местных эквивалентов наручных часов, брошек-коммуникаторов на цепочках и так далее. Большей частью монстры были голыми. Голые монстры свешивались с платформы, цепляясь за нее, как могли, иногда падали вниз — может быть, это детеныши?

По мановению щупалец одного из монстров все три летающие платформы пали на грунт вокруг земного корабля, и в небе вспыхнула сияющая голограмма: на одном краю — существо, похожее на страуса, на другом, как поняла Делила, изображение птицы, ухватившей когтями молнию и ветку с листьями, а в середине — шар планеты, вполне возможно, что подразумевалась Земля.

Но голограмму она не рассматривала, лишь отметила краем глаза, потому что непосредственно перед собой увидела женщину, поглотившую все ее внимание. С обнаженными грудями, с похожим на шар животом беременной, с плотоядной улыбкой до ушей, великанского роста женщина стояла среди инопланетян, словно амазонка-победительница, словно их властелинша — а может, это они были ее хозяевами? И великанша громогласно приветствовала землян, рявкнув:

— Добро пожаловать! Мужайтесь! Мы вас спасем!

— О Боже! — прошептала Миранда, застывшая рядом с Делилой. Что она имела в виду — это для Делилы осталось загадкой, потому что никто из землян не знал, что делать или говорить. Они были потрясены до глубины души.

Они даже не слишком удивились, когда инопланетяне со второй платформы, посуетившись, выстроились на определенный упорядоченный манер и подняли перед собой предметы, которые держали в щупальцах. В некоторые из этих штуковин они принялись дуть, другие — тереть о себя, но самым популярным инструментом оказалось нечто вроде горизонтального ксилофона, из которого легкими ударами извлекались звуки.

В результате всех манипуляций получилась музыка. Или что-то приближающееся к музыке.

Для Делилы мелодия была абсолютно незнакомой, но Миранда вдруг ахнула, всхлипнула и простонала:

— Кастор! Послушай! Они не забыли… Это же «Да здравствует вождь!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Юп в день Великого События отправился на охоту, поэтому, когда все свершилось, его не было дома. События застали его врасплох. Лично у него были совсем другие планы. Он предполагал, что до прибытия Настоящих Американцев пройдет не менее нескольких дней. Он просчитался, и все пропустил: посадку президентской яхты, церемонию приветствия, все. Он запоздал по дороге домой, чтобы подстрелить чернильника, потому что обожал закусить ломтем свежего сочного ростбифа из чернильника, мясо у которого очень нежное и тает во рту, если предварительно выщелочить из него все железистые соли. Теперь он чернильника в рот не возьмет, никогда. Юп влетел в родное гнездо — в жарком влажном воздухе Мира он обильно потел, и мимоходом сорвал пушистый листок, чтобы промакнуть пот, — где старшие сестры встретили его насмешками и упреками.

— Ты все проворонил, Юп, болван ты этакий!

— Вот так всегда — приспичит тебе на охоту как раз в тот момент…

— Юпи, ты бы посмотрел на ПРЕЗИДЕНТА! И…

— Юп, он такой красавчик!

— Что? — взревел Юп, когда до него дошел, по крайней мере частью, смысл услышанного. Он швырнул чернильника на пол, отчего старшая сестра Марсия сердито запричитала — опять он испачкал кровью чистые циновки, — но Юп не слушал.

— Они прилетели? — возмущенно воскликнул он. О! Нет во вселенной справедливости! — И мне никто не сказал? — Разумеется, никто, потому что никто и не мог его предупредить, они сами ничего не знали, как с удовольствием тут же объяснили ему старшие сестры. Другие, особенно те, что были на сносях, отшатнулись прочь, при виде его яростно покрасневшего лица и сжатых кулаков, которыми Юпитер размахивал, как мельница крыльями. Юпитер никогда бы не причинил им вреда намеренно, и в этом они не сомневались. Но случалось, что он, разволновавшись, принимался размахивать руками, и кое-кто ему под горячую руку попадал. Юп был вспыльчивым юношей.

— Юпитер, пожалуйста, остынь, — взмолилась одна из младших сестриц, осторожно подойдя сзади. Ей было десять лет, у нее были веселые яркие глаза, и звали ее Сьюзифи, и она принесла мягчайший лист-полотенце, чтобы обсушить взмокшего

Юпитера, намаслить и начисто стереть с бронзовой кожи кровь чернильника. Она ласково отвела Юпа в сторонку, подальше от кровяного пятна на полу. Марсия уже пинками загоняла в комнату бригаду глупиков, чтобы занялись делом: вымыли пол, оттащили свежее мясо на кухню. Юпитер тем временем сыпал проклятиями и топал от досады ногами — плохие новости крайне его расстроили.

То есть наоборот! Новости превосходные, потрясающие! Плохо только, что в самую звездную минуту Юпитер в поисках приключений куролесил по ближним лесам, вместо того, чтобы помчаться в Космогород или, по крайней мере, вместе с сестрами приникнуть к индекс-просматривателям. Такой шанс жизнь дает человеку лишь раз! И он его прошляпил! И запуск президентской яхты с китайского космодрома, — изображение передавали зонды-лазутчики, запущенные на орбиту вокруг земного солнца, — и как яхта провалилась в переходное пространство, когда транспортировщик перебросил ее из одной вселенной в другую; и как яхта была поймана в манипуляторы челнока; и посадку, и первую встречу, и радость, от которой лопались сердца всех верных янки Мира.

Он все пропустил! Все случилось без него!

Сестры Юпа, разумеется, взволнованно щебетали, взахлеб пересказывая для Юпа новости, перебивая друг друга, так что он лишь постепенно составил из отдельных кусочков цельную картину. Президент прилетел один — то есть других мужчин на яхте не было. Само собой, при нем находились две сестры, но ты знаешь, Юп, они такие забавные, одна старая, с морщинками, желтоватая и злющая, а другая — тоже желтоватая и злющая, но молодая! Кто их встречал в Космогороде? Конечно же, губернаторша, Большая Полли! Да, она произнесла речь. Да, они речь записали, они вообще весь репортаж записали, до последней минутки; если Юп желает, они ему тут же прокрутят запись.

Нет, запись он смотреть не собирается! Его место — там, в Космогороде! И как можно скорее он отправляется в Космогород!

Дело было не только в том, что Юп — горячий патриот, патриотами были они все, и не в том, что он прошел военную подготовку. Все его сестры тоже были обученными солдатами: военная подготовка среди гражданских обязанностей занимала второе по важности место после деторождения. Юпитер, будучи по биологическим причинам к рождению детей неспособным, от первейшей обязанности освобождался. Но мужчины Мира, составлявшие малую долю его населения, не просто были в любой миг готовы ринуться в битву, они просто сгорали от неутолимого желания скрестить с врагом мечи. Они были подобны гранате, из

которой выдернута чека, и если только освободить рукоятку… Все прочие жители Мира это хорошо понимали. Сестры были готовы сражаться, потому что они обязаны сражаться. Мужчины рвались в бой, потому что мужчины — это воины. У Юпитера накопилось много претензий к устройству вселенной, но главным образом миропорядок не устраивал его в том отношении, что в непосредственной близости не наблюдалось подходящего противника, которому можно было бы объявить войну. Не с кем было в Мире воевать. Урни, как глупики, так и умники, не годились в противники, хотя бы потому, что урней слишком много (к тому же, в определенном смысле, это была и Х планета). Можно, конечно, выследить и убить чернильника или дикую верховую птицу, и это хорошая забава, вот только беда — тупые создания не умели защищаться, никогда не отвечали ударом на удар. Юпитеру крайне был необходим враг. Вот чего жаждала его душа с младых ногтей, еще с того дня, когда ему, пятилетнему мальчугану, подарили его первый набор боевых посохов.

Любому янки гарантировался враг, разумеется, но до настоящей схватки было далеко. До сегодняшнего дня, когда свершилось великое событие.

— Накормите мою птицу! — отрывисто приказал Юпитер сестрам, которые ухаживали за верховыми летунами.

— Принесите мой мундир! — рявкнул он на двенадцатилеток, входивших в хозяйственный наряд, занимавшийся домашними делами.

— Состряпайте мне легкий завтрак! — велел он дежурившим на кухне.

Он бросал приказы направо и налево, и все гнездо всполошилось, засуетились, забегали сестры. Впрочем, так всегда случалось. Сестры всегда из кожи вон лезли, опекая своего единственного любимчика — мужчину их гнезда.

Быть эмигрантом — нелегко. Сознание того, что проведешь, быть может, всю жизнь вдали от Родины, у тебя украденной — это иногда пугает, а иногда наполняет гордостью. Потому что Родину предстоит вернуть, вновь завоевать. Освободительный дух стал топливом для всех янки Мира, наполняя живой энергией все их помыслы. Точно такое же пламя пылало в груди всякого кубинца, всякого поляка или еврея — они были свято и на всю жизнь преданы полумифической родной земле, которую даже никогда не видели. Чем невероятнее становилась идея отвоевать Родину, тем ярче и жарче разгоралось пламя.

Юпитер жаждал сражаться за Родину. Он очень, очень хотел воевать, и в том не было его вины. Он был типичным сыном своей эпохи и своего мира. И рабом, конечно же, своих мужских генов.

Кто-то из древних, кажется, его звали Дэниел Патрик Мойнихан, заметил однажды, что любое общество подвержено нашествию варваров — однажды, в течение одного поколения, — и варваров этих создает само общество внутри себя. Варвары эти — молодые мужчины в возрасте от семнадцати до двадцати трех.

Юпитер был отличным образцом: здоровенный, первосортный варвар, продукт своего общества. Он грезил о городах, которые предстояло захватить и разграбить, о врагах, чьей кровью обагрит он землю; к этому его принуждали собственные железы внутренней секреции, непрерывно качавшие в кровь гормоны воинственности. Кроме того, он был эмигрантом в третьем поколении, судьба забросила его предков за сорок с чем-то световых лет от дома, поэтому боевой импульс и был надлежащим образом сфокусирован. Освободить! Отвоевать! Отомстить! Вот ключевые слова, повторяемые как молитва, которые Юпитер впитал с молоком матери.

Поскольку на каждые сто семьдесят женщин приходился только один мужчина, войска вторжения не могли состоять исключительно из представителей сильного пола. Слабый пол тоже примет участие в битве. Их к этому подготовили. И они не в меньшей степени, чем Юпитер, преданы идее Освобождения. Но железы не наводняют их кровь огненными гормонами. Поэтому восхищенные сестрицы, оживленно тараторя, суетились вокруг Юпитера, включая даже тех, что не меньше, чем он сам, ждали случая выпустить пар в хорошенькой потасовке. Глупые урни носились по всему гнезду: тащили Юпитеру мундир, смахивали пылинки и вытирали пятнышки, наглаживали складки до бритвенной остроты. Под восхищенными взглядами сестер, собравшихся со всего гнезда, Юпитер, приняв ванну и выбрившись, осматривал себя в зеркале, отрабатывая свирепую, воинственную мину. Даже старшая сестра Лойола покинула ясли с пятнадцатью самыми юными членами гнезда, еще не умевшими говорить; бригада глупиков под присмотром двенадцатилетней сестрицы позаботится о младенцах и накормит их.

— Как бы и мне хотелось полететь с тобой, Юпитер, — вздохнула старшая сестра. — Может, подождешь, пока я уложу птенчиков спать?

Юпитер не удостоил ее отрицательного ответа. Он лишь захохотал и состроил свирепую воинственную мину, одну из тех, что он только что отрабатывал перед зеркалом. Старшая сестра так же хорошо знала ответ, как и Юпитер. Ждать Юпитер не намеревался — никого и ничего — кроме разве что обязательной аудиенции у Мать-сестры, входившей в обязательный ритуал перед отлетом из гнезда.

Встречу с Мать-сестрой он оттягивал насколько возможно.

После того как Юпитер убедился, что все сестры гнезда организованно трудятся над заданием, каковым была подготовка его, Юпитера, к вылету в Космогород, он решил позавтракать и милостиво разрешил сестрицам-кухаркам накормить себя. Ему подали бифштекс из мяса чернильника, но не того, что он принес из лесу, а из морозильника. К бифштексу прилагались свежайшие овощи из гнездового огорода и бокал ледяного фруктового вина. Гнездо Юпитера было одним из старейших и, как считали все его птенцы, едва ли не самым лучшим — в особенности, если речь шла о питании. Члены гнезда питались превосходно.

Разумеется, любое гнездо в том или ином отношении считало себя чем-то исключительным, из ряда вон выходящим. И они не так уж не правы. Гнезд, в принципе, было совсем не много, и поэтому каждое вполне могло чем-то особенным отличаться от прочих. Даже после полувека интенсивного размножения людей в Мире все еще было маловато.

Янки, как правило, устраивали гнезда сразу за чертой одного из громадных древних городов урней. В самих городах люди поселялись крайне редко. Слишком в городах было душно и жарко, слишком много хлопот доставляли воздушные кондиционеры, без которых в парком воздухе Мира не обойтись. По правде говоря, воздух в гнезде был не прохладнее наружного. За три поколения американцы привыкли к постоянным восьмидесяти с хвостиком градусам[14], а урни, разумеется, которых сама эволюция приспособила к влажной жаре, просто блаженствовали. Главное и решающее отличие заключалось в том, что внутри гнезда воздух был намного суше, чем снаружи. Мешочки с гигроскопической солью, подцепленные к вентиляторам, впитывали изрядное количество водяных паров. Когда мешочки насыщались до предела, глупики их снимали и просушивали в духовках — или собственным теплом, когда сбегались в кучу на ночлег, или просто пообщаться, или заняться любовью. Урни, будь то умники либо глупики, не возражали против того, чтобы промокнуть. Наоборот, им это нравилось.

Другая причина, по которой американцы преимущественно жили за чертой городов, состояла в том, что умники так хотели. Селить американцев в городах они почему-то избегали. А планета ведь, по сути говоря, принадлежала им.

В известном смысле.

Покончив с завтраком, Юпитер выпятил квадратный, очень воинственно-мужественный подбородок и решил, что наступило время предстать пред очи Мать-сестры Нэнси-Ар. Оттягивать визит дальше не представлялось возможным. Поэтому, как только

мундир был вычищен и выглажен и полностью готов к употреблению, а из птичника доложили, что его личная верховая птица, по кличке Молния, послушно и с аппетитом поглощает обед, Юп покинул большое гнездо, направляясь к аккуратному симпатичному домику под джоу-деревом, принадлежавшим Мать-сестре Нэнси-Ар и ее супруге.

Мать-сестра Нэнси-Ар была женщиной лет пятидесяти с небольшим. До сих пор она сохраняла ослепительную красоту. Все остальные женщины в гнезде Юпитера были вполне миловидны, выше среднего; случалось, что братья из прочих гнезд, отправляясь побродить по Миру, частенько застревали в юпитеровом гнезде на неделю, а то и две, каждую ночь вкушая прелести очередной сестрицы. Покидая гнездо, все они непременно рассыпались в комплиментах насчет их красоты. Раз десять или больше братья предлагали Нэнси-Ар разделить с ними ложе, несмотря на ее далеко не юный возраст, но Нэнси-Ар отличалась завидным постоянством сексуальных наклонностей, будучи целиком и полностью лесбиянкой. Моногамной. Она и Сюзи стали подругами лет тридцать назад, успели за это время завести пятнадцать детишек, которыми крайне гордились, а сейчас ждали еще одного. И все детишки — исключительно их собственные; никаких имплантов из морозильной камеры для любимой женушки Нэнси-Ар!

Между Нэнси-Ар и Юпитером давно разгорелось соперничество за власть в гнезде, оба старались любым способом, правдами и неправдами, захватить главенствующую роль. Юп был Мужчиной гнезда, но Нэнси-Ар — Мать-сестрой.

Собственная мать Нэнси-Ар (не донор, а родительница) принадлежала к числу Первопоселенцев. Конечно, не тех, кто действительно ступил первыми на землю Мира, не из экипажа корабля, совершившего посадку в 2047 году. Все женщины в том экипаже успели к моменту высадки слишком состариться, и уже не могли ни зачать, ни выносить пересаженные эмбрионы. Немудрено, что Нэнси-Ар унаследовала от матери стиль жизни и манеры. Она была несколько старомодной дамой. Во всяком случае, некоторые взгляды, которых она придерживалась… например, когда все ее сестры-погодки достигли зрелости и зачали первого ребенка, Нэнси-Ар вынашивать ребенка отказалась, что заставило многих сестер удивленно приподнять изящно изогнутые брови. Нэнси-Ар упорно стояла на своем. Она готова забеременеть, но только от любимого человека. Представляете? О старомодных привычках Мать-сестры говорило само убранство домика, достаточно бросить взгляд. Номер один: на настенном экране реет звездно-полосатый стяг. Номер два:

повсюду, где только можно, на всех столиках и полочках и любых прочих плоских поверхностях торчат фотографии с подписями — фотографии Первопоселенцев, с их собственными автографами для Нэнси-Ар. Номер три: в дворике коттеджа, в знак уважения к хозяевам планеты, — статуя длинношеего, с тонкими вытянутыми ножками, с телом головастика существа, одного из этих Живых Богов, которым поклоняются урни.

— Наконец-то ты явился, — окликнула Мать-сестра Юпитера, когда он влетел в дворик сквозь ворота-арку джоу-дерева, придерживая на плече сумку с мундиром.

— Я не знал… меня в гнезде не было, — с неохотой объяснил он свое опоздание. Он отвесил легкий поклон Живому Богу и, приплясывая в нетерпении, ждал, пока Нэнси-Ар уступит ему дорогу, и он сможет войти в коттедж.

Старшая женщина и единственный мужчина гнезда вели скрытую позиционную войну. Юп набирал очки, стараясь не попадаться на глаза Нэнси-Ар, если предполагал, что поступки его вызовут неодобрение Мать-сестры. Нэнси-Ар выигрывала порой раунд благодаря своей проницательности — она, если удавалось, «рассчитывала» действия Юпитера вперед. Она хорошо понимала, зачем он явился.

Даже мужчина обязан испросить разрешения, если он хочет покинуть территорию гнезда. Юпитеру не терпится умчаться в Космогород, это ясно как день! Черт возьми, найдется ли американец, который не желал бы узреть своего президента! И она понимала, какая грянет буря, если она разрешения не даст. Будучи ловким тактиком, Нэнси-Ар поспешила перехватить инициативу:

— Почему ты до сих пор здесь, Юп? Я хочу, чтобы ты немедленно отправился поприветствовать президента!

Настороженно-хмурая мина на лице Юпитера мгновенно растаяла, сменившись радостной улыбкой.

— Спасибо, Нэнси-Ар, спасибо!

Он тут же сбросил набедренную повязку и начал натягивать форменные брюки. Красивое тело, отметила про себя Нэнси-Ар, обладавшая развитым эстетическим вкусом. Красивое для мужчины, естественно.

— Урни собирают мой вещмешок… буду готов вылететь через десять минут, — добавил Юпитер.

— Превосходно, мой милый. Ты решил взять Молнию? У нее вот-вот начнется течка. Все дорогу будет гоняться за птичками.

Улыбка Юпа поблекла, уголки губ опустились, дрогнули веки. Нэнси-Ар поспешно добавила:

— Но ты с ней справишься, Юп, я уверена. Кроме тебя она

никого не послушается. Не желаешь ли оставить рапорт, прежде чем улетишь в Космогород?

— Затем и пришел, — согласился Юп. Он с добродушной улыбкой подождал, пока Нэнси-Ар позовет жену, Сюзи, и Сюзи, с огромным, торчащим вперед животом, вперевалку выйдет из коттеджа, чтобы записать донесение Юпа. Юп дружелюбно погладил ее раздутый живот.

— Везет же тебе, Сюзи. В твоем возрасте — и всё еще твои яйцеклетки жизнеспособны!

Сюзи захихикала, опустила в гнездо аппарата иглу и кивнула, давая знак начинать.

В задачу Юпа входило разведать площадку для нового гнезда. (Уклониться от маршрута, чтобы поохотиться на чернильника — эта идея к нему пришла потом.) Гнездо созрело и было готово к разделению — сто тридцать одна сестрица в возрасте старше восьми. Возможности начать новое гнездо радовались все. Деление гнезда означало, что одна из старших сестер станет главной и не придется ждать, пока умрет Нэнси-Ар. Более того, в новом гнезде родится еще один мальчик, не нарушая установленного соотношения «1 к 170». Самое главное, появление нового гнезда вновь докажет: Америка жива и процветает, и растет!

Доклад Юпа был краток. Поблизости от озера полно хорошей пахотной земли. Озеро расположено рядом с городом урней, и город в приличном состоянии. Наблюдаются в избытке глупики (для черной работы) и умников тоже хватает (для компании). Озеро обеспечит гнездо водой (пробы воды доставлены для анализа), стоком, и местность, вдобавок, очень милая: невысокие холмы на горизонте, чистое и обширное озеро.

— Полагаю, разделение можно начинать в любой момент, Нэнси-Ар, — закончил свой доклад Юпитер и с удивлением заметил, что Мать-Сестра скептически поджала губы. — Что-то не так?

— Я вот думаю, а захотят ли сестры разделяться?

— Захотят ли? Разумеется, все мы хотим начать новое гнездо! Разве не так?

Нэнси-Ар подмигнула Сюзи. Юпитер проиграл очко! Он явно не продумал ситуацию до конца.

— Не так. Возможно, очень скоро все мы отправимся обратно на Землю, — сказала она, наслаждаясь впечатлением, которое слова ее произвели на Юпитера. Юпитер испытал шок, переходящий в безудержный восторг.

В своем мундире Юп выглядел внушительно и знал об этом. Мундир скроили умники, с любовью и тщательным вниманием

изучив старинные снимки и руководствуясь моделью, предложенной сенатом: брюки, фуражка с козырьком, китель с эполетами, кобура с личным оружием.

Револьвер был как настоящий и даже стрелял, хотя точность стрельбы оставляла желать лучшего так же, как и дальность. Всем американцам после десятого дня рождения шили мундиры. Мундиры полагалось надевать для парадов в День Ветеранов и Четвертого Июля; в мундиры облачались по всякому подходящему случаю, это была парадная, торжественная форма одежды. Повседневный костюм Юпа состоял из набедренной повязки и тонкого слоя масла, которым он растирал тело. Но в мундире, как он отметил, посмотревшись в зеркало Нэнси-Ар, он выглядел очень внушительно, даже импозантно!

Поскольку у Молнии, верховой птицы Юпа, близился период течки, в загоне Юп ее не нашел. Глупики, кувыркаясь друг через дружку и радостно скуля, показывали в небо. Вот где она была — в воздухе, преследовала птиц, чтобы полакомиться ими на десерт после обеда и накопить запас белков для близящегося сезона спаривания. Наконец Молния тяжело опустилась в загон, ее длинные тонкие крылья величественно взмахивали, а пасть была испачкана черной кровью. Впрочем, когда Юп погладил брюшную сумку, она послушно открыла ему проход.

— Эй, Юп! Старина! Влетаешь?

Юп, одной ногой уже стоявший внутри мягкой теплой сумки, обернулся. Один из умников, Айк, переваливаясь на толстых коротеньких лапах, спешил в его сторону. Айк тоже облачился в мундир, — насколько это понятие применимо к урню. Тело его было раскрашено во все полагающиеся мундиру цвета, а козырек форменной фуражки был такой же блестящий, как у Юпитера.

— Можно мне с тобой? — вежливо попросил он. — Хватит места?

— Он наш президент, а не ваш, — с подозрением заметил Юп.

— Нет, нет! — заскулил урень. — И наш, наш тоже, Юп! И вообще, я хочу на парад. Юп, пожалуйста!

— Ладно, влезай, — вздохнул Юп, что прозвучало почти как «Черт бы тебя подрал!», но урень желаемого добился. По правде говоря, Юп неплохо относился к Айку. Они несколько раз вместе отправлялись охотиться, и если Юп давал сто очков Айку по физической силе, Айк давал Юпу сто очков вперед по тонкости обоняния и умению застыть, притаившись в засаде, выжидая, пока чернильник не подойдет поближе. Айк был стар даже для урня. Лет на десять старше самой Мать-сестры; и он тоже собственными глазами видел Первопоселенцев.

Кроме того, для урня Айк был крупной особью, размером приблизительно с земного колли. Увидев, что ей предстоит нести двойной груз, Молния недовольно зафыркала, хотя вторым пассажиром был всего лишь урень. На самом деле ей просто было лень стараться, потому что сил у нее хватало с избытком. Эволюция наделила Молнию способностью за один раз переносить в сумке до восьми детенышей, в легком поле притяжения Мира крылья и мускулы Молнии с такой работой вполне справлялись.

Тем не менее, в набрюшной сумке свободного места было маловато. Пару раз Молния обиженно застонала, когда стенку мешка болезненно задевал то ботинок с жесткой подошвой, то пряжка ремня, то твердая кобура.

— Поосторожнее! — сурово приказал Юпитер урню, и Айк виновато втянул когти, с помощью которых урни ловко карабкались на деревья.

Молния зафыркала, сжала мышцы набрюшной сумки, но стоило лишь Юпитеру ухватить ее за соски как следует и дернуть их вверх, как Молния послушно взлетела в пропитанный влагой воздух.

Как все верховые птицы, Молния росла и воспитывалась вместе со своим седоком. Малютка-Юп протиснулся в едва начавшую плодоносить сумку юной Молнии, когда им обоим от роду было почти ничего. Они росли вместе. Молния слушалась руки Юпа с легкостью, которую дает долгая привычка, хотя время от времени Юпитеру приходилось и власть применять. Аппетиты Молнии разгорались все сильнее, поэтому когда мимо пронеслась неосторожная птичья стайка, Юпитеру пришлось сурово пресечь попытки его птицы броситься в погоню. В остальном же Молния вполне ровно летела сама по себе. Юп позволил себе расслабиться, поболтать с умником Айком, поглазеть на проплывавший внизу пейзаж. Но в основном время он тратил на беседу с урнем.

— Как? — воскликнул Айк, потрясенный. — Ты не видел встречу даже в записи?

Юпитер поддерживал урня, чтобы тот мог выглядывать поверх края сумки.

— Времени не было, — сухо сказал он.

Айк с упреком шевельнул нижней челюстью. Челюсть урней была почти единственной частью тела, двигая которой они могли выражать эмоции, наподобие того, как люди машут головой. Голова урней жестко крепилась к торсу, как у кита или клопа. Движение челюстью означало негодование.

— Ты пропустил самое важное событие в истории Мира! —

сказал Айк и порылся в сумочке на поясе, отыскивая карманный просматриватель. Молния протестующе пискнула, когда углом просматривателя урень задел мягкую чувствительную подкладку набрюшной сумки.

— Смотри, — велел урень, набирая код записи, демонстрирующей встречу президента.

— Нет-нет, назад прокрути, — попросил Юпитер, и урень послушно выполнил просьбу. Юпитер, впившись взглядом в экранчик, ахнул от возбуждения, когда президентская яхта в точно рассчитанном месте ворвалась из переход-пространства в нормальное. Яхта не пыталась убежать от приблизившегося челнока. Захваты ловко поймали кораблик — «клак-клик!», — изображение расплылось, потому что урень включил ускоренную перемотку вперед, возвращаясь к сцене посадки, и Юп увидел Большую Полли, губернаторшу всего американского Мира, торжественно подъезжающую к яхте, чтобы поприветствовать президента. Урень заглядывал в экранчик через плечо Юпа.

— А президент совсем маленького роста, как ты считаешь?

Лицо у Юпа стало деревянное.

— Маленького роста? Рост у него вполне нормальный, — сказал он жестким, военным тоном. Нечего всяким урням критиковать Настоящих Американцев, да еще в присутствии Юпа! Что он себе позволяет? Впрочем, Большая Полли и вправду нависла над президентом, словно башня.

Не имеет значения. Главное, президент наконец ступил на поверхность Мира. Грядут великие события! Уже сейчас, как сообщил индекс-просматриватель, президент и две желтокожие сестрицы, прибывшие с ним на яхте, проводят совещание с сенаторами, которые успели собраться в Космогороде. И новые сенаторы, новые конгрессионессы, военные лидеры и офицеры, вроде Юпитера, поспешно стягиваются к Космогороду. С каждой минутой…

— Так поспешим же, — взмолился Айк. — Вдруг пропустим парад? Я не хочу пропускать парад!

— Молния и так летит как может быстро, — строго возразил Юпитер, но, тем не менее, тайком сжал управляющий сосок птицы. Молния вновь протестующе застонала, но скорости все-таки прибавила, самую малость. Юп понимал, что большего из птицы не выжать. Пристроившись рядом с урнем, он предался созерцанию местности, проплывающей внизу, и погрузился в мечтания; постепенно губы его раздвинулись в широкой счастливой улыбке, которая уже не покидала его лица.

Если бы, скажем, Кастор или Делила наблюдали за полетом Юпитера снизу, то их глазам предстало бы необычное и

несколько пугающее зрелище. Над краем сумки торчали две головы: одна человеческая (пусть даже с очень загорелым лицом и суровым выражением), а вторая столь же мало напоминала человеческую, как морда какого-нибудь крота. Урни относились к млекопитающим животным, в известной степени. И по крайней мере, были они теплокровными, с преимущественно мягкой кожей почти по всему телу. Но внешне скорее напоминали насекомых размером с собаку-терьера; а лица их вообще ни на что похожи не были, невозможно было подобрать земного соответствия. Внешний вид Молнии, с ее плотным кургузым туловищем, набрюшной сумкой и восьмиметровыми стрекозьими крыльями, был тоже весьма причудлив — с точки зрения землянина. Скорее всего, землянин, завидев подобное создание, сначала застыл бы на месте, широко раскрыв от изумления рот, а потом бросился наутек со всех ног. Но внизу сейчас не было случайно заблудившихся землян. Работавшие в полях урни поднимали головы, провожая птицу взглядом, глупики в знак приветствия принимались весело кувыркаться, пока умник-бригадир щипками и угрозами не принуждал их вернуться к работе. Юп вел птицу на небольшой высоте, чтобы избежать лишних встреч с птичьими стаями, и они почти на бреющем полете проносились над зданиями и верхушками деревьев. Они отчетливо слышали все звуки, доносившиеся снизу, в особенности, если случайный умник или человек приветствовал пролетающую верховую птицу и ее седоков: «Почтение вашему Живому Богу — президенту!», «Свобода Америке — навсегда!»

Юпитер и сам не знал, почему с таким нетерпением ждет прибытия в Космогород. Что произойдет после этого? Он рухнет на колени перед президентом, а за спиной его будет реветь миллионная радостная толпа урней? Немедленного призыва к оружию, дабы отразить натиск китаез-коммуняк? Наверняка ему представлялось что-то драматически-возвышенное и воинственное!

Но вместо этого он получил брошенный мимоходом приказ сенаторши своего гнезда Марты-Дабл-ю:

— Беги вот в тот зал, Юп, скоренько! Освободи помещение! Нам нужен зал для чествования президента!

Поэтому битый час после своего прилета Юп занимался исключительно тем, что по-хорошему или по-плохому, то есть пинками под зад, изгонял из аудитории хихикающих глупиков. По слухам, президент был где-то здесь, неподалеку. Отдыхал, наверное. Или ожидал, пока подготовят зал и начнут парад. Аудиторию построили люди, добавив это здание к башням и призмам Космогорода, еще в те времена, когда все взрослое

человеческое население Мира, и мужчины и женщины, поместились бы в нем целиком. Глупики устроили в нем себе логово, потому что здание было такое необычное, непохожее на остальные. Изгнать глупиков из зала было не легче, чем пасти стадо мышей. Глупики подчинялись, без сопротивления покидали помещение, но как только янки поворачивались к ним спиной, глупики, весело скуля от счастья, вкатывались обратно — происходящее представлялось им забавнейшей игрой. Только после того, как появилась команда суровых, видавших виды умников с электрическими жезлами-шокерами, глупики сдались и, весело повизгивая, отступили на обширную желто-зеленую лужайку.

Дело этим не окончилось: оставалось еще вымыть после них зал.

Люди передавали друг другу свежие слухи. Говорят, президент сейчас беседует с губернаторшей, заместителем губернаторши и главными урнями. Президент якобы призвал к немедленному освобождению Америки, и начата раздача оружия, боевого оружия. Наоборот, президент решил, что для вторжения пока недостаточно транспортных средств, что следует из этого — пока неизвестно.

Но своими глазами президента не видел никто.

Президент Соединенных Штатов Мелкинс Кастор, в свою очередь, уже слишком много всего насмотрелся! Он никак не мог оправиться от пережитого потрясения. Окружающая действительность напоминала жуткий сон, была слишком пугающа и непонятна, чтобы к ней приспособиться, и президент был близок к коллапсу, к побегу внутрь себя, чтобы хоть там обрести безопасное убежище.

«Сопровождающие лица» чувствовали себя не намного лучше. Цзунг Делила отделывалась краткими ответами, преимущественно из односложных слов, а на лице ее застыла, как замороженная, маска, представлявшая смесь отвращения и презрения. У Фенг Миранды началось словесное недержание, она тараторила без умолку, не в силах себя контролировать. Они сидели в комнате треугольной формы, полной цветов, и каких цветов! На Земле таких не бывает, с подобным запахом: толи тошнотворно-сладким, толи наоборот, ароматно-удушающим, и слушали, что им говорилось, и едва понимали то, что слышали. Слишком много всего навалилось сразу! Им предстояло выслушать лекцию по истории Мира, и губернаторша Полли, и так называемый «урень» по имени Джач все рассказывали и рассказывали!

Начнем с того, что само открытие способности разговаривать

у существ вроде урней потрясло землян до глубины души. На Земле ничего подобного не существовало, и они оказались абсолютно не готовы к ситуации, от которой голова шла кругом: их почтительно приветствовали животные! — нет, насекомые! нет, просто какие-то создания — с чрезмерным количеством ног, с телами насекомых и усами, наподобие кошачьих. Даже присутствие людей (но почему практически все они — женщины, ради всего святого?) уверенности не прибавляло. Люди на этой планете были чрезвычайно крупные. Даже Кастор рядом с ними выглядел недорослтком, а из двух китаянок-хань едва ли получилась бы хоть одна местная великанша.

Все, что им рассказывали обитатели планеты, было еще хуже. Получалось, что на планете этой (с потрясающим самодовольством они называли ее «Миром»!) затерянная колония людей уже несколько поколений лихорадочно размножалась — их плодовитости позавидовали бы кролики и мушки дрозофилы, — вооружалась всякого рода страшным оружием, страшнее, чем Кастору могло бы представиться в самом фантастическом сне, и, вступив в союз с этими кошмарными созданиями, урнями, готовилась к вторжению на Землю — любой ценой, пусть даже ценой полного собственного уничтожения!

Люди появились в Мире, как поняли Настоящие Американцы, пятьдесят восемь лет назад. Они были членами космической экспедиции, запущенной в те далекие дни, когда человечество, окрыленное успехами, предвкушало все новые и новые космические приключения — незадолго перед тем, как полетели ракеты с ядерными боеголовками, положив конец всем космическим приключениям на обозримое будущее. Астронавты предвидели опасность: напряжение нарастало с середины двадцатого века и вплоть до старта экспедиции. Тем не менее когда разразилась ядерная война, событие это застало их врасплох.

И будущего больше у них не было.

Когда экипаж экспедиции, пятьдесят пять сильных, умных, молодых (но не вечно же им было оставаться молодыми) мужчин и женщин, осознал, что мир, который они покинули и куда рассчитывали вернуться, больше не существует, их корабль миновал точку, до которой еще возможно было повернуть обратно.

Поэтому они решили продолжать полет, как было приказано, к звезде Ван Маанена.

Там их поджидал новый удар, вернее, два. Первый: ни на одной из каменистых планеток звезды Ван Маанена не оказалось ни воздуха, ни воды: высаживаться было некуда.

Второй удар оказался одновременно и приятной неожиданностью. Приятной потому, что означал — астронавтам больше не грозит перспектива умереть один за другим в стальном гробу, вращаясь вокруг тусклого недружелюбного солнца, — а ведь именно такая участь ждала весь экипаж, всех пятьдесят пять мужчин и женщин. Это был большой плюс. Но имел место и большой минус: астронавты обнаружили урней.

— То есть не самих урней, — объяснила Большая Полли, благожелательно ухмыляясь Джачу и прочим созданиям, его сородичам, которые пищали и подергивались, сидя вокруг стола. — Урни не посылают корабли с экипажами. Их разведывательные корабли автоматические. И на каждом разведчике установлен Переходник. Именно с таким транспортирующим устройством столкнулись Первопоселенцы. — Она мечтательно закатила глаза и нежно улыбнулась. — Ах, как они, наверное, были удивлены!

В самом деле, астронавты пережили истинное потрясение, потому что устройство перехода поймало корабль экспедиции столь же бесцеремонно, как был выхвачен из пространства солнечной системы корабль Кастора и его команды и, пронесясь по головокружительному тоннелю сквозь нереальное переход-пространство, выбросило на орбиту вокруг Мира, где корабль поймал «жук»-челнок, стащил вниз, на поверхность…

Межзвездное путешествие окончилось. Астронавты ступили на поверхность Мира, где их приветствовали урни.

Возникла проблема общения; урни, разумеется, об английском языке не слыхивали. Но на протяжении своей истории урни, неоднократно вступавшие в контакт с другими разумными существами, выработали у себя умение быстро обучаться новым языкам. Им уже не раз приходилось этим заниматься. Через неделю Первопоселенцы могли общаться со своими хозяевами или похитителями.

Намного больше времени ушло, чтобы понять все, что они от урней услышали.

Поначалу Первопоселенцы не заметили разницы между глупыми урнями и умными урнями. Внешний вид у них был одинаковым, не считая того, что умники, как правило, носили больше одежды и украшений и отличались определенным эстетическим вкусом (но глупые урни тоже обожали играть в маскарад). В первое время это приводило к путанице и разного рода неловким ситуациям, например, когда глупики, вскарабкавшись на колени гостям, вспрыгивали на стол и лакали у землян прямо из блюд. Первопоселенцы, естественно, пришли к выводу, что у всех урней отвратительные манеры.

Урней янки тоже не в меньшей степени ставили в тупик — поначалу. Урни обнаружили, что янки четко разделены на два поколения, а в раздутых животах женщин ожидает появления на свет третье. Старшее поколение состояло из женщин, входивших в первоначальный экипаж корабля, и всем им было лет по пятьдесят или около этого. Урни слишком мало знали о землянах, чтобы раздавшиеся животы женщин, миновавших климакс, могли их изумить, но все же кое-что они понимали и кое-что показалось им странным. Второе поколение — двадцатилетние женщины (которые опять-таки намного превосходили численностью мужчин) тоже были поголовно беременны.

Все эти странности потребовали определенных объяснений, прежде чем янки начали понимать урней, а урни — янки. Чуть-чуть понимать.

Для янки здесь ничего непонятного не было, наоборот, все было разумно и объяснимо — с точки зрения требований ситуации. Перелет к звезде Ван Маанена занимал тридцать один год по земному времени, двадцать девять — по времени корабля. Слишком долго, чтобы предполагать, будто пятьдесят пять членов экипажа достигнут цели столь же юными и свежими, какими они покидали Землю. Если бы они разбились на семейные пары, приблизительно к моменту, когда корабль пересекал орбиту Нептуна, то по прибытии к звезде Ван Маанена их детишки оказались бы в самом расцвете сил, чтобы заняться исследованиям и открытиями — если будет что исследовать и открывать.

Возникла одна проблема: никому не нужны почти три десятка орущих, пачкающих пеленки младенцев на борту космического корабля, где и без них тесновато. Более того психодинамики предсказывали ужасающую неустойчивость таких семейных пар, предупреждали о потрясающе высоком проценте разводов, если пары, конечно, удосужатся официально оформить свои отношения.

Поэтому они не стали себя утруждать, отбросив брачные узы. Самыми различными способами экипаж корабля удовлетворял тягу к чувственным наслаждениям и общению между собой, в той степени, насколько позволяла совесть каждого отдельного члена экипажа (или пары… или, случалось, группы помногочисленнее). Раз в месяц каждая женщина отправлялась в медотсек, взбиралась на кушетку со стременами и позволяла аккуратненько извлечь из внутренностей их детородной системы свежую яйцеклетку. Мужчины же, строго по очереди и тоже ежемесячно, получив большую, чем обычно, дозу наслаждения, вносили свою лепту —

несколько кубиков спермы, чтобы яйцеклетка, когда сочтут нужным, расцвела и принесла плод. Расцветали яйцеклетки исключительно in vitro[15]. То есть все свершалось внутри пробирки из пирексового стекла. Цветку позволяли распускаться восемь дней, затем крошечный зародыш, с уже определенным полом, типом, классифицированный и помеченный всем, чем нужно, окунали в жидкий азот на шесть лет.

На шестом году полета среди почти двух тысяч эмбрионов отобрали двадцать восемь — те, что, согласно анализам, должны были развиться в сильных, энергичных, с хорошей приспособляемостью младенцев. Четыре зародыша были мужскими. Двадцать четыре — женскими. Каждая из двадцати восьми женщин экипажа строго по очереди удалилась в медотсек и устроилась на знакомой кушетке со стременами. Но на этот раз не для того, чтобы расстаться с крохотной частицей себя. На этот раз в их организм кое-что было добавлено.

Девять месяцев спустя двадцать пять женщин из двадцати восьми родили здоровых младенцев. После чего возобновился сбор, обработка и замораживание оплодотворенных яйцеклеток, а на борту космического ковчега наступила пора постройки гнездышек, смены пеленок и воспитания подрастающего поколения.

В результате, когда «Отважный», затормозив, вышел на орбиту вокруг звезды Ван Маанена, на борту он нес, кроме основной команды, более двенадцати тысяч замороженных восьмидневных эмбрионов и двадцать пять брызжущих здоровьем юношей и девушек. Вот им всем и устроили урни торжественную встречу.

Они встретились… вступили в переговоры… и каждая сторона обнаружила в другой нечто, чего ей крайне недоставало.

Янки обнаружили неожиданного союзника.

Урни нашли правое дело, за которое могли бы бороться.

А в это время дома, на Земле, остатки человечества, выжившие после взаимного ядерного самоубийства, пытались сложить обугленные осколки старого мира в некое имеющее смысл целое, и ведать не ведали о планах, которые строили среди далеких звезд янки и урни.

— Ну, хорошо, — сказала Большая Полли слегка севшим голосом, ведь ей пришлось продолжительное время ораторствовать без передышки, — вы покушали? Может, еще немножечко явы?[16] Или капельку ягодного вина? — Гости взглянули на тарелки, к которым почти не притронулись, и слабо покачали головами. — Тогда приступим к торжественному параду и приему!

Когда аудитория, наконец, была подготовлена к приему, гордость Юпитера, его мундир, пропитался потом, измялся, а на штанинах темнели грязные пятна. Юпитер осмотрел себя в золотом зеркале скульптурного фриза, украшавшего вход в зал — фриз изображал долину Фордж[17] или, решил Юпитер, другое священное место, называемое Окинавой, кажется. Он чертыхнулся в сердцах. Но времени привести внешний вид в порядок не оставалось, потому что до слуха его донеслись возгласы людей и пискливые вопли урней.

— Они готовы! Парад начинается! Все в строй, все в строй!

Сотни урней и десятки янки помчались со всех ног, отыскивая положенное им место. Из людей не все должны были участвовать в торжественном прохождении, конечно. Кто-то ведь и обязанности зрителей выполнять должен. Поэтому сенаторы и конгрессонессы не маршировали. Не маршировала губернаторша со своим аппаратом; все они поднялись на платформу, вместе с полубожественной троицей, совсем недавно явившейся в Мир. Участники парада с любопытством вытягивали шеи, чтобы хоть краешком глаза увидеть трех полубогов.

К тому же не все гнезда успели прислать своих представителей в Космогород, в то время как Конгресс заседал почти непрерывно с того самого мгновенья, когда транспортирующий разведчик урней достиг солнечной системы, и начали поступать первые сигналы.

Поэтому зрители численно превосходили бы обозреваемых, если бы не три роты добровольного ополчения урней, приписанных к Космогороду.

Взводы людей открывали и завершали парадный строй, а роты урней располагались между ними, как начинка сандвича между ломтями хлеба. По счастливой случайности Юпитеру выпал жребий маршировать в составе взвода, открывавшего парад.

Если бы Юпитер мог взглянуть на это зрелище глазами Делилы, оно представилось бы ему забавнейшим спектаклем, чуть ли не комедией. (Делила, сидевшая на возвышении платформы, хранила угрюмое выражение и действительно находила его таковым.) Слабое притяжение Мира плохо сочеталось с маршевым ритмом в тридцать шагов в минуту. Ступни марширующих не успевали достаточно быстро коснуться земли. Их приходилось силой заставлять опускаться. Поэтому американская армия впервые за свою историю изобразила нечто вроде гусиного прусского шага. Урни-добровольцы смотрелись еще комичнее. У них не было ни ног, подходящих для строевого шага, ни туловищ, чтобы облачиться в соответствующую военную

форму. С помощью аэрозолей они разрисовали тела в черный и оливково-коричневый цвет и подпрыгивали, как мячики, в такт маршу Джона Филипа Суза[18]. Юпитеру парад не казался комичным. Он был уверен, что выглядят они внушительно. Услышав команду «Равнение направо!», он почувствовал, как громко забилось взволнованное сердце и впервые узрел своего президента.

Совсем молодой!

И такой мелкий; а две сестрицы, сопровождавшие президента — они еще мельче, и у них странная желтоватая кожа, а черты — гм, тоже странные… Юпитер обеспокоился, не заболели ли они. Даже у президента вид был рассеянный, несколько загнанный, пока мимо проплывали знамена и он отдавал честь, отвечая на приветствия.

А потом они миновали платформу, она осталась позади, и вся военная мощь янки в составе двухсот двадцати бойцов, включая урней, выполнила команду «Правое плечо вперед!», обогнула край платформы для зрителей, остановилась повзводно и по команде «Разойдись!» разошлась.

К Юпитеру, восторженно чирикая, подкатился Айк.

— Ой, Юп! Здорово было! А что нам теперь делать?

Юп посмотрел на него с превосходством.

— Что вам делать — не знаю, — сказал он. — А меня пригласили на прием.

— Да, правильно, на прием. Мы все идем на прием, — затараторил Айк, чем выбил почву из-под ног Юпитера. — Ты видел его? А скажи, Юп, он в самом деле коротышка? Говорят, мужчины среди Настоящих Американцев поголовно маленькие, не выше ста семидесяти сантиметров… как ты думаешь, это гравитация виновата?

— Ну и что? Это всем давно известно, — обозлился Юп. — Ты разве только что узнал? — Он заметил, что принимавшие участие в параде войска постепенно растворяются, рассасываются кто куда, и вновь окрыленный воскликнул: — Побежали! Если мы хотим успеть на прием и банкет, занять хорошие места, придется поторопиться! Иначе останемся с носом!

Они напрасно торопились, опасаясь, что все хорошие места займут до них, потому что никаких мест на приеме не было. Люди и урни прохаживались туда-сюда по просторной комнате рядом с банкетным залом, и, к изумлению Юпа, здесь были расставлены буфетные столы с разнообразными вкусностями: паштетами из чернильного мяса, древесными сырами, лимоногрушами и прочим. Но в зале за широкими дверями были тоже установлены столы; неужели им приготовлено два угощения

подряд?

Впрочем, какая разница? Главное, что все трое Настоящих Американцев стояли в ряд около дверей, и все присутствующие мало-помалу выстраивались в очередь, один за одним проходили мимо и пожимали им руки. Пожимали руки! Юпитер радостно усмехнулся: обычай, распространенный среди Настоящих Американцев, который Юп выучил еще ребенком, но до сих пор еще ни разу не видел в действии.

Он занял место в очереди, хотя, что его немного огорчило, довольно далеко от начала, сразу позади старого урня по имени Джач. Юп был с ним знаком. Джач занимал высокое положение в совете урней. Он был особью преклонных лет, шкура его поблекла, половины когтей не хватало, но щебетал он так же жизнерадостно, как Айк.

Юпитера вдруг осенило.

— Послушай, а как ты собираешься пожимать руки?

Вибриссы[19] урня раздраженно задергались.

— Тебя разве не проинструктировали? Нам всем зачитали инструкции. Мы, урни, должны приподняться на задних лапах, вот так. — Он приподнялся, оторвав передние пары конечностей от пола. — Потом они легонько хлопнут по нашим костяшкам. А мы скажем: «Привет! Добро пожаловать в Мир! Мы все едины в борьбе за свободу!» И проходим дальше. Ты разве подобных указаний не получил? Тебе ничего не объяснили?

— Я был крайне занят, — сухо ответил Юп.

— Понятно, — вежливо сказал урень. — Тогда ты, возможно, не в курсе… не знаешь, что должны делать люди…

— Я — человек! Разумеется, я знаю!

Урень задумчиво опустил вибриссы, глядя на Юпитера.

— Разумеется, — проговорил он с усилием, стараясь быть тактичным. — Ты ведь не забыл, что подавая руку, предварительно полагается наклонить голову и слегка склонить вперед туловище.

— Еще бы! Это всем известно! — фыркнул Юп, старательно запоминая слова урня. — А еще насчет людей были какие-нибудь указания?

— По-моему, ты только что сказал, что тебе все прекрасно известно.

— Да, известно! Я просто хотел проверить, правильно ли переданы были инструкции — знаешь ли, люди из некоторых гнезд не пользуются преимуществами, какими могут пользоваться, скажем, я.

— Ага, понимаю, — сказал урень, помахивая вибриссами, чтобы сосредоточиться. Он напряг память. — Нет, пожалуй,

касательно церемонии ничего больше не припомню. В общем-то, инструкций было не так уж много.

— А что объяснять? — пожал плечами Юпитер. — По мне, так все проще простого. Рукопожатие — настоящий американский обычай, приветствуя кого-нибудь, положено пожимать ему руку. Поклон — знак уважения… Всякому ясно, что президенту надлежит выразить почтение, а значит, сделать поклон!

— Я имел в виду не саму церемонию, — пояснил Джач. — Просто забавно дважды откушать угощение: видишь, в том зале тоже установлены столы. Скоро мы туда пройдем и снова будем есть.

— Мы туда пройдем? — озадаченно переспросил Юп, потом встряхнулся и уверенно сказал: — Ну да, конечно. То есть, ты не понимаешь, почему мы едим дважды?

— Да, не совсем понимаю, — признался урень.

— Так бы сразу и спросил, — добродушно пожурил его Юп. — Видишь ли, по древнему земному обычаю сначала устраивают так называемый «коктейль»…

— Понимаю, — сказал урень, — но зачем дважды есть одну и ту же еду?

Юпитер вздохнул с сожалением.

— Было бы время, я бы тебе объяснил, но мы почти уже в голове очереди! Смотри, не забудь: приподнимись на задних лапах, чтобы президент и сестры могли хлопнуть тебя по передним костяшкам. Договорились?

— Да, спасибо, — сказал урень, благодарно дернул усами и помчался вперед засвидетельствовать почтение высокопоставленным гостям. Юпитер смотрел ему вслед, и чувства переполняли его. Еще несколько секунд, и он коснется руки подлинного президента Соединенных Штатов, единственного и неповторимого! Это было подобно мистическому откровению! Это было как фантастическая мечта детства, внезапно, невероятным образом воплощенная в реальную жизнь!

Хотя, знаете ли, когда все кончилось, переживание оказалось не столь уж мистическим и не столь уж откровением. Президент Соединенных Штатов… нет! Он не разочаровал Юпитера, об этом и речи не могло быть. В собственном президенте разочароваться невозможно! Но все же, по правде говоря, Юп не предполагал, что президент окажется молодым человеком, едва ли старше самого Юпа, и почти столь же несведущим в тонкостях протокола. Когда Юпитер сжал ладонь президента в своей, ему в голову пришло сказать лишь: «Привет!» Но президент, кажется, его не услышал, он был занят, озабоченно разглядывая очередь и хмурясь, потому что в очереди людей и урней оставалось по-прежнему немало.

Сестрицы, сопровождавшие президента, тоже особого впечатления не производили. Вид у них был какой-то несолидный. Разумеется, обе были высокого звания, будучи членами кабинета, но отчего у них такая забавная внешность? Почему черты лица странно плоские, а глаза жгуче-черные? Может, пересадка эмбрионов прошла неудачно? Неужели все Настоящие Американки на них похожи? (Если так, то каково с ними совокупляться?) Покинув помост, предварительно небрежно пожав руку губернаторше и еще паре янки, чьих лиц он даже не запомнил, Юпитер едва не споткнулся об урня Джача.

— Ох, прости, — сказал он и покраснел. Он смутился не потому, что наступил на урня — урень сам виноват, нечего под ногами путаться, — а потому что его застали врасплох, когда он все еще глазел на президента, не в силах отвести взгляд.

— Ты зарезервировал место за столом? — поинтересовался урень.

— Зарезервировал место? Нет. А что это значит?

— Боюсь, ты опоздал в таком случае, — сказал урень озабоченно. — Впрочем, буду рад видеть тебя за моим столиком.

— Спасибо, — сказал Юпитер, лихорадочно соображая, что теперь делать. — Я, гм, наверно, схожу в… э-э… отхожее место.

— Да, конечно, — сказал урень, уступая дорогу.

Очень благовоспитанный урень, с одобрением подумал Юпитер. Придумав предлог, он решил, что и в самом деле неплохо бы справить нужду. Он зашагал вдоль очереди, словно был уверен, что единственным стоячим писсуаром сейчас никто пользоваться не будет, как будто это было нечто само собой разумеющееся. Писсуар в самом деле оказался свободен, поскольку своей очереди ожидали исключительно сестрицы. Пока он возился с неудобной ширинкой форменных брюк, проклиная себя за собственную неуклюжесть, он перекинулся парой веселых слов с сестрами, поджидавшими, когда освободятся кабинки.

Покидая отхожее место, Юп неожиданно столкнулся с конгрессонессой собственного гнезда, Мэри-Мэй.

— Я думала, ты ширинку до вечера не расстегнешь, — шутливо поддела она Юпа. — В гнезде ты был ловчее, с ширинками проблем не возникало, по-моему.

Юп добродушно усмехнулся в ответ. Поскольку мужчиной гнезда был он, то и выбор конгрессонессы оставался за ним, так же, как гнездового сенатора выбирала Мать-сестра, поэтому в определенном смысле Мэри-Мэй была его протеже.

— Это смотря для чего штаны снимать, — объяснил он. — Эх, была бы здесь одна из Настоящих Американок…

Ожидающие в очереди сестры хором захихикали и

одобрительно засвистели.

— Уродины! — воскликнула одна из сестер помладше. — Видели, какая у них нездоровая кожа? А носы? Не носы, а не знаю что… Но, конечно, — добавила она, запинаясь, с запозданием припомнив, чью внешность только что подвергла столь уничтожающей критике, — они с таким достоинством держатся, правда ведь? — Она повертела головой, ища поддержки, но поддержать ее никто из сестер не торопился. Тогда она предприняла новую попытку. — А знаете, я около двух часов простояла почти бок о бок с ними, — заявила она гордо. — Мне поручили сопровождать зрителей на трибуну, и я стояла так близко, пока проходил парад, что могла даже дотронуться. И слышала, что они друг другу говорили, почти все слышала.

Эти слова произвели совершенно иное впечатление. Промах, допущенный сестрицей, был счастливо забыт и все, кто стоял в очереди, подобрались поближе, чтобы не пропустить рассказа. Даже Мэри-Мэй с любопытством повернула голову, потому что на трибуне ей досталось место, весьма удаленное от почетных гостей, и о том, чтобы услышать, какими секретами делятся земные сестры между собой, нечего было и думать. Даже Юпитер вполне был не прочь задержаться и послушать рассказ счастливицы, но его волновала проблема места за банкетным столом. Вдруг для него не найдется свободного стула? Почему никто не предупредил его об этой, как ее, «резервации»?

Обойдя банкетный зал по периметру, он обнаружил, что ему грозит серьезное поражение. Во главе зала стоял стол для гостей: узнать его было нетрудно, поскольку установили его на возвышении, высотой в метр, на фоне громадной голограммы, изображавшей объемную фигуру Живого Бога. Вокруг концентрическими кругами располагались столики для участников банкета, и столиков было достаточно. Но на каждом красовалась табличка «Заказано». Имелись именные карточки (как снисходительно объяснил Юпитеру умник-официант, которого Юп поймал за пуговицу), обозначавшие места, заранее приготовленные для высокопоставленных урней и людей. Для таких, как Юпитер, то есть людей, занимавших среднее по важности положение, места не были предусмотрены. Им предоставили шанс попытать счастье и добыть себе местечко за свободными столиками. Вскипев, Юпитер ворвался обратно в отхожее место и схватил конгрессонессу за руку как раз в тот момент, когда подошла ее очередь.

— Мэри-Мэй! — вскричал он. — Кошмар! Не сидеть же мне под самой стенкой, в дальнем углу! Ты можешь посадить меня за свой столик?

— Что ты, Юп! Свободных мест нет!

Он смерил ее угрожающим взглядом.

— Ты забыла, чья ты конгрессонесса?

— Нет, Юп, не забыла, — постаралась успокоить его Мэри-Мэй, дружелюбно улыбаясь. — Меня выбрал ты, я знаю. Но распределением мест занималась не я… и, понимаешь, Юп, милый, из-за меня вся очередь стоит, и вот-вот начнется банкет…

Он угрюмо посмотрел на нее и отпустил. Оставалась надежда на приглашение урня Джача. Он уже повернулся, чтобы уйти… но вспомнил юную сестрицу, которая во время парада дежурила на трибуне. Он подождал, пока она не вышла из кабинки, взял за руку и отвел в сторонку.

— Можешь сесть за мой столик, — гостеприимно предложил он.

Обнаружив Джача, который уже сидел за столиком под дальней стеной, он сообщил урню:

— Это моя знакомая. Я пригласил ее за наш столик.

Если урень и был против, возражения он оставил при себе.

Впрочем, сам банкет оказался событием волнующим и необыкновенным, и те, кто был обречен сидеть у дальней стены, не чувствовали себя обделенными. Умники-официанты разносили чашечки с вымоченными в вине нарезанными фруктами. Глупики то и дело пытались стащить какую-нибудь чашку, что вызывало у гостей приступы хохота. Постепенно настроение у Юпитера улучшилось. Черт подери, ведь это же величайшее событие его жизни!

Компания за столом подобралась приятная. Урень Джач, оказывается, занимал в иерархии урней весьма солидное положение. Юпитер понять не мог, отчего же он не добыл себе места за столиком для именитых гостей, но в делах урней по-прежнему многое для янки оставалось загадкой, даже сейчас, два поколения спустя.

Более того, сестрица, которую он пригласил за стол и звали которую Эмилия, поведала целый мешок интереснейших подробностей о Настоящих Американцах. По ее словам, президент крайне застенчив. Он почти ни разу не обратился к членам своего кабинета, только отвечал на их вопросы.

Самое поразительное, по словам Эмилии, это то, что Настоящие Американцы оказались чудовищно невежественны.

— Представляете? — Эмилия с торжественным видом посмотрела на Юпитера и Джача. — Они впервые услышали о Живых Богах! — При этих словах все сидевшие за столиком, и люди, и урни, невольно обернулись и взглянули на голографическое изображение фигуры Живого Бога позади

главного стола.

— Тогда как же, по их мнению, мы, урни, стали умными? — удивленно поинтересовался Джач.

— Они вообще не видят разницы между глупыми и умными урнями, — захихикала сестра. — Помните ту сестрицу, старшую, которую Делилой зовут? Она стояла рядом с президентом, принимая гостей? Парочка глупиков проскользнула в зал, наверное, хотели что-нибудь из еды стащить, так вот эта Делила пожала им руки! То есть, хлопнула по костяшкам!

Подобных забавных эпизодов сестрица Эмилия, оказывается, знала еще немало, и за приятной беседой Юпитер проглотил пальмовый суп и фрикасе из чернильника, а официанты-урни то и дело подливали яву в чашечки, собирали грязную посуду и напоминали всем не забывать пригласительные билеты. Эмилия оказалась разговорчивой девушкой. Она многое услышала и запомнила. Например, беседу Настоящей Американки Делилы с Эй-Белинкой, умником, отвечавшим за работу перебрасывателя материи. Забавно, но Делила с явной неохотой отнеслась к идее отправки на Землю военных кораблей. Она не хотела об этом говорить, что для земной сестрицы было явно неудобно, потому что умник сидел у нее на коленях. Настоящая Американская сестра чувствовала себя не в своей тарелке, хихикнув, сообщила Эмилия. А другая сестрица, Миранда, постоянно перешептывалась с сенаторшами и конгрессонессами, пытаясь выяснить, как работает правительство янки в Мире. От каждого гнезда — по сенаторше и конгрессонессе, понятно, но чем они занимаются в правительстве? Принимают законы? А как их выбирают? Сенатора назначает сама Мать-сестра, а конгрессонессу — мужчина гнезда? И все? А выборы? Разве выборы не проводятся?

— А зачем нам эти «законы»? — удивился Юп.

— Не знаю, Юпитер, она не сказала. И не объяснила насчет «выборов». Честное слово, Настоящие Американцы такие забавные! Особенно президент! Вот я вам расскажу…

Но закончить очередной рассказ о странностях президента Эмилия не успела, потому что губернаторша, поднявшись, звонко постучала по чашечке с явой своей тяжелой стеклянной вилко-ложкой, привлекая внимание собравшихся.

— Президент Соединенных Штатов! Дамы и господа! Почтенные урни! — объявила она.

В зале наступила тишина, хотя и не мертвая — если в зал проникли глупики, пищат и возятся под столами, нечего рассчитывать на полную тишину. Наверное, от этого и вид у президента был какой-то смущенный — глупики пронзительно

вскрикивали то от радости, то обиженно, видно, кому-то из них наступили на лапу. Может быть, дело было в чем-то другом; Юп обратил внимание, что президент Кастор Мелкинс с тревогой поглядывает на государственного секретаря, Делилу Цзунг.

Речь президента отличалась определенным своеобразием.

— От имени народа Соединенных Штатов Америки, — начал он и вынужден был остановиться, потому что губернаторша принялась поправлять микрофон, прикрепленный к лацкану.

— Благодарю, — сказал президент, облизнул губы и, бросив взгляд в сторону Делилы Цзунг, продолжил: — От имени народа Соединенных Штатов Америки мы благодарим вас за предоставленную мне возможность выступить перед вами и за то, что мы вообще оказались здесь. Важность этого события трудно переоценить. Оно войдет в историю, и грядущие поколения, благоговейно листая страницы летописей, будут вспоминать о нем, как о поворотном моменте, определившем судьбу наших народов на тысячелетия вперед.

— Зачем он это все говорит? — пробормотал Юп, ни к кому конкретно не обращаясь.

Урень Джач упрекнул его:

— Это ведь политическое выступление, Юпитер. Тебя, кажется, очень небрежно проинструктировали. Полагается сидеть тихо и слушать, кроме моментов, когда нужно аплодировать, конечно.

— А когда мы должны аплодировать? — поинтересовался Юп.

— Увидишь. Прошу тебя, слушай.

Юпитер пожал плечами и сосредоточился на выступлении президента.

— …немалое время прошло, — говорил в этот момент президент. — История не стоит на месте. Время движется вперед, и мы движемся вместе с ним, изменяемся вместе с ним. Многое из того, что было справедливо сто лет назад, больше таковым не является, не так ли?

Похоже, наступило время аплодисментов, потому что сестрица Делила подалась вперед.

— Верно! — крикнула она. Подсказка была более чем очевидной, и урни, и янки с энтузиазмом последовали ее примеру. По всему залу все янки и все урни, говорившие по-английски, вскричали: «ВЕРНО! ВЕРНО!» Юп тоже старался не ударить лицом в грязь. Он от души, развлекался. Он был в восторге от участия в настоящем патриотическом митинге, с настоящим президентом! Правда, его несколько смущали некоторые вещи, которые говорил президент, но все-таки!

— Итак, — вновь продолжил президент и еще раз покосился

на свою желтолицую американскую сестрицу, — мы обязаны помнить об осторожности. Мы не имеем права на ошибки. Мы обязаны научиться слушать и понимать друг друга, понимать потребности друг друга и проблемы. Верно?

На этот раз возгласы «ВЕРНО!» зазвучали с меньшим энтузиазмом, как будто многие слушатели начали задаваться вопросом: а о чем же собственно идет речь? Хотя к поощрительным возгласам на этот раз присоединились даже устроившиеся под столами глупики — они взвизгивали и что-то нечленораздельно вопили, наслаждаясь новой игрой.

Юпитер обвел взглядом аудиторию. На лицах людей было написано недоумение — в той или иной степени. Что было написано на мордах урней — это, разумеется, определить не представлялось возможным. Тем не менее Джач наклонился к Юпу и спросил:

— А почему президент ничего о войне не говорит?

— Тшш! — свирепо одернул его Юп, которого мучил аналогичный вопрос.

Президент продолжал речь:

— Наша основная цель — узнать все, что мы можем выяснить о вашем мире, чтобы затем, в свою очередь, передать вам все, что знаем мы. Мы достигли соглашения с вашим губернатором, — он отвесил вежливый поклон в сторону Большой Полли, — и в течение недели мы постараемся познакомиться с вашей жизнью. Мы совершим короткую поездку по вашему Миру. Сопровождать нас будут десять ваших соотечественников. Имена назовет жребий. За это время мы постараемся познакомиться с Миром, насколько сможем полно. А затем обратимся к населению Мира — и к людям, и к э-э-э, дур… урням — по телевидению.

Он замолчал и с сияющей улыбкой обвел аудиторию взглядом. Юпитеру показалось, что улыбка президента была несколько натянутая.

— Благодарю за внимание, — произнес президент и сел.

Речь была вознаграждена пристойной овацией, но постепенно аплодисменты перешли в нерешительное молчание — все ждали, что произойдет дальше, полагая, что произойти что-то обязательно должно. На самом деле практически ничего интересного не случилось. Губернаторша что-то шептала на ухо президенту, сестрица Делила явно с изрядной долей ядовитого раздражения выговаривала что-то второй американской сестрице, Миранде, той, что помоложе и поупрямее. Юпитеру ничего не было слышно из происходящего на возвышении, где стоял главный стол.

Урень Джач положил переднюю лапу на плечо Юпитера и

прочирикал:

— Слушай, Юп, объясни мне. Война будет?

— Естественно, будет, — огрызнулся Юп. Смахнув лапку урня, он сказал строго: — Ты что, вообще ничего не соображаешь? Думаешь, захотелось тебе — вот и война?

— У нас всегда так было, — печально протянул урень.

— Вы — урни! А мы — американцы! Сперва правительство выработает политическую линию. Затем военные разработают план действий. А потом — ну, как это называется? — обмен дипломатическими нотами. — Юпитер импровизировал, вылавливая из памяти обрывки знаний, полученных на уроках истории. — А только потом уже — ультиматум, и начнется война! Вот такой порядок!

— На мой взгляд, чересчур много лишней суеты, — заявил урень.

— Эта война — американская! И вести ее мы будем по-американски. Урням нечего тут советы подавать.

— Но, Юп, в самом деле, — возразил урень. — Ведь мы же даем вам и оружие, и космические корабли, и все остальное, чтобы вести войну. У нас тоже есть свои права. И не забывай, немало урней будут сражаться плечом к плечу с вами.

Юп раздраженно тряхнул головой.

— Урни только и делают, что сражаются, — отметил он. — Для того они существуют, правильно? Поэтому напряги внимание и кое-чему полезному научишься. Человеческие правила ведения войны просты и разумны…

Но до изложения простых и разумных правил военных действий Юпитер не добрался, потому что соседи на него зашикали:

— Эй, вы, двое! Заткнитесь лучше. Не то все прозеваете.

— Что прозеваем? — вспылил было Юпитер, а потом и сам увидел, что оркестр в центре сцены, где терпеливо стояла Большая Полли, как раз кончил играть «Да здравствует вождь!».

Губернаторша вежливо поаплодировала и громко объявила:

— Соотечественники-американцы! Мы готовы начать жеребьевку. Надеюсь, все вы сохранили корешки пригласительных билетов. Обратите внимание, корешки пронумерованы. Номера, выбранные наугад с помощью жребия, будут объявляться. Любой, будь то урень или янки, владелец корешка с выигравшим номером имеет право присоединиться к президенту и его помощницам во время ознакомительной поездки президента по всему Миру!

Номер корешка, который сжимал Юпитер, выиграл шестым.

2

Когда состав группы определился окончательно, в ней оказалось двадцать пять человек: десять счастливчиков, победивших в лотерее, трое гостей из Настоящей Америки, и дюжина высокопоставленных местных лиц, как янки, так и урней, которые сами себя включили в группу путешественников. Некоторые из них имели на то право и потребность, как, к примеру, губернаторша Большая Полли или урень Эй-Белинка, заведовавший всеми переход-транспортерами — перебрасывателями вещества, — которому предстояло играть важную роль во время вторжения на Землю, если только вообще вторжение когда-нибудь начнется. Большинство примазалось к группе ради развлечения. Верховые птицы с такой толпой справиться не могли, поэтому вызвали два ховерплана. Теперь места хватало в избытке, и все могли отправиться в путешествие с комфортом, но сестрица Настоящая Американка Миранда, услышав, как Юпитер просит разрешения лететь отдельно, верхом на своей Молнии, тут же принялась жаловаться и возмущаться и так всем надоела, что Юпитер разрешение получил. После этого Миранда, ни у кого не спросясь, решила лететь с ним вместе.

Юп чувствовал себя на седьмом небе от счастья! Он оказался наедине с Настоящей Американкой в набрюшной сумке Молнии!

Миранда тоже едва не визжала от восторга. Ничего подобного она в жизни не испытывала. Все, что она видела, казалось поразительным и необычным. Даже фермы совсем не такие, как на Земле, ведь земляне не делят свою планету с существами вроде урней. Ее приводили в восторг самые банальные вещи, какие только попадались на глаза: стадо чернильников, вытянувшееся по дну узкого оврага, или свободные верховые птицы, охотящиеся за птичьими стаями.

— Ты когда-нибудь совокуплялась в сумке птицы? — поинтересовался он великодушно. — Нет, естественно, ты ведь ни разу на верховой птице не летала. Сейчас я покажу тебе, как это делается. Нужно…

И Юпитера ожидал еще один сюрприз! Миранда не желала с ним совокупляться. Не только в набрюшной сумке Молнии, в воздухе, что Юпитер мог понять — хоть и забавно, но не особенно удобно, — нет, она вообще не хотела с ним заниматься любовью. В принципе. Во всяком случае, так сказала. Заявила, что она «девственница», чем повергла Юпитера в шок — он не поверил собственным ушам и даже испытал некоторое отвращение при мысли, что сестрица намеренно сохраняет девственность. Зачем? К чему?

Зато поговорить Миранда была не прочь. Нет, не поговорить даже, потому как о Земле она весьма сухо и скупо рассказывала, несмотря на все невероятное любопытство Юпитера. Сдержанность Миранды наводила на мысли о том, что тема эта не очень ей по душе, словно она что-то стремилась скрыть от Юпитера, хотя он терялся в догадках — что же здесь скрывать? Юпитер уже пожалел, что связался с американской сестрицей и, раздосадованный, возжелал даже, чтобы полет поскорее подошел к концу. Ничего другого не оставалось, как смириться и отвечать на вопросы Миранды.

— Потому что таковы условия протокола, — объяснила она. — Правильно? Сначала мы узнаем все, что можно узнать о вас и о Мире. Потом мы обсудим положение, и президент обратится к вам с воззванием.

— Неужели ты совсем ничего мне не расскажешь? — спросил Юпитер обиженно.

— Нет, не м о г у. И не стала бы. Так, а теперь ты мне расскажи: откуда взялись здесь люди?

— Мы — потомки экипажа межзвездной экспедиции. Откуда же еще?

— Вы все? Но на корабле было человек пятьдесят — шестьдесят, как я слышала.

— Гм, значит дело было так, — сказал Юпитер, выстраивая в определенном порядке все, что он помнил о великой истории Первопоселенцев. — Да, ты права. Но они, понимаешь, собирали сперму и оплодотворенные яйцеклетки, замораживали… — Настроение начало подниматься. Юп увлекся рассказом. Ему нравилась роль лектора, пусть даже он рассчитывал на удовольствие иного плана, и время однообразного скучного полета проходило быстрее.

Вопросов у Миранды был целый вагон и тележка в придачу.

— А сколько вас теперь здесь живет?

— О, черт, Миранда, кто же считает? Ну, приблизительно тысяч восемь с половиной.

— А сколько мужчин?

Он сделал паузу, нахмурившись и, тем временем, слегка дернув соски Молнии вверх, потому что Молния заприметила стайку птичек над лесом впереди, и он решил заблаговременно ее приструнить.

— Пятьдесят — около того. Взрослых, я имею в виду, старше четырнадцати. Обычно в одном гнезде один мужчина, а гнезд у нас ровно столько.

— Пятьдесят мужчин, — задумчиво протянула Миранда. — Пятьдесят мужчин и 8 450 женщин, и у каждой плодородное,

щедрое чрево. И все женщины постоянно беременны?

— Ну, нет… в среднем, раз в год. Иногда целый год ждут новой имплантации. А некоторые, вроде моей Мать-сестры, — но их немного, — они вообще детей не рожают.

Она понимаешь, женилась, и хочет быть отцом, а не матерью…

— Боже! — ахнула Миранда, когда Юпитер объяснил ей, как Мать-сестра, взяв собственную яйцеклетку, оплодотворяет ее спермой безымянного донора из хранилищ, а потом пересаживает своей «жене».

К этому времени они почти подлетели к первому в их маршруте гнезду.

Шахтерские гнезда, гнезда-фермы, гнезда-фабрики, гнезда — учебные центры — всего их было пятьдесят, и все гнезда хотели, чтобы президент и его спутники побывали у них в гостях. Не просто хотели, а требовали. Настоятельно требовали. Никаких возражений даже слушать не желали. Разумеется, удовлетворить запросы всех гнезд было выше человеческих сил, а кроме того, участники делегации, вроде Юпа, то и дело получали послания из родных гнезд или от друзей и прочих; все они умоляли, требовали, увещевали: «Юп, старина, не подведи! Ты ведь можешь их уговорить, если захочешь!» А Юп уже ничего не хотел. Усталость брала свое.

Конечно, ему еще далеко было до полного изнеможения, в которое пришли Настоящие Американцы. Через три дня путешествия юная Миранда оказалась на грани нервного срыва, едва удерживаясь от того, чтобы не впасть в истерику из-за усталости и напряжения, и преимущественно (что Юпа неизменно поражало) оттого, что ей приходилось отбивать атаки мужчин, из самых теплых и благородных побуждений предлагавших ей переспать.

Почему же, ради Мира, не желала она совокупляться?

В отсутствие Миранды Юп часы напролет обсуждал эту странность с остальными мужчинами, со старшими сестрами, с урнями, со всяким, кто готов был его выслушать. Все они были ошарашены не меньше, чем сам Юпитер: где вы видели женщину (исключая чудачек вроде Нэнси-Ар), которой не нравилось бы время от времени почувствовать внутри себя мужской пенис? И как можно чаще, по правде говоря?

В обществе Миранды Юпитер часы напролет обсуждал ту же самую тему, пока, побагровев от гнева, она не запретила ему раз и навсегда задавать подобные вопросы, пригрозив вышвырнуть Юпитера из группы.

В школе, на уроках биологии, Юпитер изучал размножение

жуков-кусак, крошечных теплокровных созданий, наподобие скорпионов, которые спаривались раз в жизни, после чего самец заползал в чрево самки и жил там, слепой, безмозглый, потерявший способность передвигаться, до тех пор, пока не умирала самка, и он с нею.

Обряды, сопровождающие сексуальную жизнь Настоящих Американцев, представлялись Юпу даже более странными, отталкивающими и не поддающимися разумению. Довольно времени ушло, прежде чем он выявил определенные закономерности, и, прояснив картину, сам отказался в нее верить. Миранда хотела совокупляться с Кастором и больше ни с кем. (Уму непостижимо!) Кастор, как правило, совокуплялся с Делилой, но был не прочь заняться любовью с Мирандой, или любой сестрицей-янки, или даже с древесным стволом, честно говоря. Но Делила держала его на коротком поводке. Делила спала исключительно с Кастором и злобствовала, если Кастор проявлял интерес к Миранде или какой-нибудь сестрице-янки. (Нет сомнений, что дерево вызвало бы у нее аналогичную реакцию.) В конечном итоге она была обречена на поражение в этом соревновании, но, с другой стороны, к чему столько напрасных усилий и эмоций?

Как все это странно и непонятно!

Странности поведения гостей не ограничивались сексуальной сферой — наоборот, это была лишь верхушка подводной горы. Ведь Юпа преимущественно интересовал образ жизни Настоящих Американцев, и занятия любовью составляли только часть его. Ответом на все его вопросы было упрямое молчание. Трое гостей во многом друг с другом не соглашались, зачастую точки зрения на многие вещи были у них противоположными, но если речь шла о Земле и о том, как живут на ней люди — здесь они проявляли завидное упорство и единство мнений. Сначала они узнают, что собой представляет Мир, и только после расскажут о Земле. И ни минутой раньше. В заранее подготовленном обращении президента о Земле ничего конкретного не было сказано. И по-прежнему земляне держали языки за зубами, ничего не прибавляя к «ничего».

Зато вопросы они задавали — еще сколько! Их интересовало практически все. Например, Миранда озадаченно спросила: «Где вы, янки, откопали все эти тупые имена?» Трудно поверить, что она сама не догадалась! Разве все эти имена не принадлежали величайшим героям древности — не только американским, но и иностранным, реальным и легендарным, мифическим? Улисс, Аякс, Роберт Э. Ли и Пикетт, Джон Уэйн, Тор, Бригэм Янг[20] и — естественно! — Юпитер. Почему они выбрали именно эти имена?

Ну, как почему? Потому что все они были героями, неужели не понятно! А иначе — зачем? Все мужчины-янки Мира носили имена героев. И чтобы стать героями, им не хватало только повода.

А откуда взяли свои имена урни? Разумеется, из того же источника — с тем небольшим отличием, что урни, не будучи янки по рождению, стали патриотичнее самих патриотов. Они брали себе имена, только величайших государственных деятелей Америки: Эйб Линкольн, Джордж Вашингтон, Франклин Д. Рузвельт…

— Но какого дьявола они шепелявят? — пожаловалась Миранда. — Почему они не могут собственные имена вразумительно произносить? Ведь по-английски урни говорят отлично.

— Теперь — да, — снисходительно кивнул Юпитер, — потому что мы их как следует дрессируем которое десятилетие. Но в самом начале, когда совершил посадку корабль Первопоселенцев, урни, видишь ли, английского не знали. Вообще не знали ни слова. Разговаривали между собой с помощью идиотских поскуливаний и попискиваний, которые ты, несомненно, уже слышала. Но они немедленно пожелали взять себе американские имена.

Миранда раздраженно топнула ножкой.

— Почему? — воскликнула она. — Что их заставило? Им захотелось, чтобы их называли именами чужих героев — что же за сумасшедший они народ?

Юпитер откинулся на спинку кресла, внимательно посмотрел на Миранду, собираясь с мыслями. Вопрос в принципе был ему понятен, Миранда употребила обычные, знакомые Юпу слова и с точки зрения грамматики проблем тоже не было. И все-таки, странный какой-то вопрос! Неужели сестрица Миранда в самом деле не знает? Он терпеливо начал объяснять с самого начала:

— Они в самом деле такой народ. Такой у них образ жизни. Этому они посвящают все усилия.

— Чему — этому? Зачем?

— Помогают бороться за правду и справедливость повсюду, где возникает потребность. А занимаются они этим потому, что такими создали урней Живые Боги. — Он лениво взмахнул рукой, указывая на фигуру Живого Бога, трехмерное изображение в сочных живых красках у входа в гнездо, которое в данный момент посещала их группа.

Миранда, сбитая с толку, хмуро разглядывала голографическое изображение.

— Ничего не понимаю. Что ты хочешь этим сказать? —

произнесла она наконец. И тут на Юпа снизошло просветление.

— Ага! — вскричал он, вскакивая, обращаясь к остальным членам группы, урням и людям, которые рассыпались по всей территории гнезда. — Слушайте все! Вот чего они не понимают! Они не знают, что такое Живые Боги! Они о Живых Богах понятия не имеют!

Если две стороны, увязнув в споре, заходят в тупик, и неожиданно одной из сторон становится очевидной причина, лежавшая в корне всех недоразумений, противоположная сторона, как правило, приходит в крайнее раздражение.

— Можно подумать, у тебя самого семь пядей во лбу! — огрызнулась Миранда. — Если ты такой умный, так объясни! Мы уж постараемся понять!

— Объясню, объясню, — улыбнулся Юпитер, жестом призывая всех остальных подойти поближе и присоединиться к ним. — Но будет лучше, если мы все сделаем по порядку. Чтобы в итоге сэкономить время. — Он ласково похлопал Миранду по стройному бедру, но раздражение ее от этого почему-то не прошло. — Подходите, садитесь, — позвал он Делилу, президента и прочих. — Здесь, там — где угодно. Сейчас мы все проясним, устраним все недоразумения — так, в чем дело?

— Мать-сестра гнезда качала головой.

— Юп, времени у нас нет, — сказала она строго. — На осмотр гнезда выделен всего тридцать один час, и мы немедленно отправляемся знакомиться с окружным медицинским центром, чтобы Настоящие Американцы узнали, как хранятся эмбрионы, как их выращивают, пересаживают и…

— Это несущественно в данный момент. У нас есть вопрос поважнее, — храбро возразил Юпитер, бросив взгляд на губернаторшу в поисках поддержки. Большая Полли сперва обдумала замечание Юпитера, потом одобрительно кивнула. Поэтому они все растянулись на мягком мху в лучах жаркого красного солнца. Примчались урни, принесли вина, явы и закуски, а Юпитер с энтузиазмом начал свою лекцию, счастливый, что именно ему предстоит разрешить основное затруднение, стоящее на пути взаимопонимания с Настоящими Американцами.

— В прошлом, — начал он, — Миром правили вовсе не урни. Мир принадлежал Живым Богам.

Сестрица Делила смерила его презрительным взглядом.

— Начинай с самого начала, Юп, — велела она. — Объясни, что такое «Живые Боги».

Но у Большой Полли подобные номера не проходили. Она ловко осадила Делилу.

— Юпитер будет рассказывать так, как считает нужным, — сказала она не допускающим возражений тоном, — или вообще ничего не расскажет. — После чего губернаторша, вопреки собственным словам, принялась рассказывать историю урней сама. — Итак, урни не были доминирующим видом на этой планете. Они представляли собой что-то вроде домашних животных, которых Живые Боги — доминирующий вид — разводили для собственных нужд, чтобы скучно не было. Живые Боги были разумными существами, с отличными способностями к технике и к технологии вообще, любого рода. Поэтому, расширяя сферы познания, они не оставили своих домашних любимцев в первозданном виде, как их природа родила. С этой точки зрения они похожи на людей. Люди выводят новые породы собак, например эскимосские лайки или, скажем, мексиканские собачки чихуахуа, и так далее. Живые Боги избрали путь более быстрый и более эффективный. Они модифицировали генный код урней, сделали их разумными. Глупые урни обладают зачатками разума, находясь где-то на одной ступени с шимпанзе. Умные урни интеллектом почти не уступают людям…

Но поскольку Живые Боги держали урней для развлечения, даже умники ведут себя зачастую по-детски. Эти черты характера урней Живые Боги предусмотрительно сохранили.

На людей Живые Боги — те самые страусообразные существа, которых земляне уже видели в святилищах урней, — были еще в одном отношении весьма похожи: они так и не научились обходиться без войн. Сила оружия превзошла силу мудрости.

В результате они самоуничтожились. Колония Живых Богов на другой планете взбунтовалась, восстала против своих хозяев; Живые Боги планеты-метрополии эту колонию аннигилировали, превратили непокорную планету в безжизненную пустыню, но себя спасти не успели. В биологическом оружии они тоже были сильны, и вирусы, распыленные повстанцами в воздухе, растворенные в водах Мира, убили всех Живых Богов, до единого.

Урни выжили.

— Наш вид постепенно вырождается, — объяснил Джач, вскарабкавшись на колени к Кастору и заглядывая ему в глаза. — Модифицированные гены не всегда стабильны, и прошло много времени. Поэтому теперь снова появились глупые урни и умные, вроде меня.

— Чепуха, — ухмыльнулся Юпитер. — Все урни — дураки. Иначе вы не совали бы нос в каждую подвернувшуюся войну. Или я не прав?

За первым днем пришел второй и тоже закончился, а потом третий и четвертый.

Гости успели осмотреть почти четверть территории единственного крупного континента Мира и даже парочку близлежащих островов. Президенту и его сестрам показали поразительные древние машины, созданные Живыми Богами, и города, которые сами себя чинили, ремонтировали и перестраивали; им показали, как можно перепрограммировать древние машины, чтобы они создавали новые вещи или новые города. Или гнезда. Или оружие.

Путешествие подходило к концу, и Юпитер с изумлением замечал, что Настоящие Американцы мало чему научились. Вернее, они очень много нового узнали, но выводов почему-то не делали. И общение с ними было так же затруднительно, как и вначале. Все чаще и чаще они удалялись втроем посовещаться, перешептывались и переругивались. Им не удавалось достичь взаимопонимания даже между собой, не говоря о хозяевах Мира. Но в чем причина? Ясно как день, что они чем-то встревожены…

А потом… ведь все они обеспокоены. Но самое неприятное и непонятное произошло во время визита в Древнее Гнездо.

На шестой день поездки они прибыли в Древнее Гнездо. Все устали с дороги и от жары и ворчали друг на друга. Как следует пообедать в Розовом Гнезде не удалось, потому что сестрицы-кухарки, преисполнившись благими намерениями, задумали поразить гостей особыми земными блюдами: пиццей и тамали[21]. Попытка потерпела крах. Потом пришлось долго лететь, и по причине плохой летной погоды и множества воздушных ям половина группы едва стояла на ногах — их укачало. Юпитер попытался взбодрить Миранду, немножечко развеселить ее, объяснив историческую уникальность Древнего Гнезда, но она лишь фыркнула с надутой миной:

— Еще одно чертово гнездо, и провались они все к дьяволу.

Юпитер беспомощно посмотрел на урня Джача, а тот ответил ему не менее беспомощным взглядом. Разве можно так пренебрежительно говорить о Древнем Гнезде? Неужели Миранда не понимает, что Древнее Гнездо — первая колония янки в Мире. Это почти что святыня, святилище, храм, так же, как и город урней, рядом с которым построено Гнездо. Честно говоря, для урней этот город — даже еще большая святыня, чем Древнее Гнездо для янки. Потому что город был почти что не урацким. Его почти не перестраивали на потребу урням. Он оставался таким же, каким несколько тысячелетий назад его покинули Живые Боги, и урни посещали его, как паломники посещают Мекку. Это был их Лурд[22], из Зал Независимости, и в городе никто из урней не жил постоянно.

— Ага, — сказала Мирада, выходя их ховерплана. Она

слушала Юпитера вполуха. Ее больше интересовала Делила, что-то сердито шептавшая на ухо Кастору — оба стояли у второго ховерплана. Судя по лицу, Миранда была так же раздражена, как и Кастор с Делилой.

— Ты прослушала самое интересное, — упрекнул ее Юпитер.

— Ну и прекрасно, потому что, Юп, по правде говоря, я не в восторге от той порции, которую успела проглотить. — Миранда язвительно усмехнулась, наблюдая, как Делила заботливо промакивает пушистым листом взмокший лоб Кастора, продолжая при этом его журить — Кастору от воздушной болтанки пришлось тяжелее, чем прочим пассажирам. Потом Миранда вновь сосредоточила внимание на Юпитере.

— Итак, что же в этом гнезде особо выдающегося?

— Живой Первопоселенец! — гордо объяснил Юпитер. — Вот что.

По крайней мере, на этот раз ему удалось завладеть вниманием Миранды, и не только — Настоящей Американке потребовались объяснения, и не только объяснения, но и быстрое совещание с двумя другими Настоящими.

— Как же вы до сих пор нам не сказали, что один из членов экипажа до сих пор жив? — набросилась на Юпитера с упреками Делила.

Но Юпитер только улыбнулся в ответ.

— Это сюрприз, — объяснил он. — Кроме того…

Кроме того, подумал он, генерал-майор Мортон Т.

Маркcмен[23] жив, но не в полном смысле слова. Пока не стоило вдаваться в подробности и объяснения. Легче показать, и они все сами поймут. И как только навстречу им, тяжело переваливаясь, вышла Мать-сестра Эрика, чтобы поприветствовать почетных гостей, все они направились в полумузей — полуклинику, где в специально оборудованном помещении-витрине обитал последний из первоначального экипажа земной звездой экспедиции. «Обитал» будет правильнее взять в кавычки, поскольку искорка жизни в организме древнего генерала едва теплилась исключительно усилиями урней-биологов, с их машинами, трубками, растворами, зондами и так далее. Нельзя сказать, что генерал Маркcмен был невероятно стар — ему едва перевалило за сотню, как объяснил Юпитер, а люди, случается, живут и подольше этого, верно? Но генерал Маркcмен прожил бурную, чрезвычайно трудную и суровую жизнь. Особенно нелегко приходилось ему после апоплексического удара. После удара он, честно говоря, потерял контакт с действительностью. Но врачи, в особых случаях, вводят ему капельку стимулирующего.

— А сегодня — случай более чем особый! — гордо объявила Мать-сестра Эрика. — Давай, Люсиль, — приказала она, и сестрица-сиделка повернула рукоятку клапана и впустила в смесь жидкостей, давно заменивших почти всю кровь в старых венах генерала, струйку кое-чего сверх обычной нормы.

Настоящие Американцы всматривались в ссохшуюся фигуру старичка.

— Не действует, — сказал Кастор.

— Погодите, не все сразу. Стимулятор окажет воздействие через некоторое время. — Она взглянула на сиделку. — Полчаса? Хорошо. Тем временем я покажу вам достопримечательности Древнего Гнезда.

— Это обязательно? — застонала Миранда. Да, обязательно, ответили ей. Юпитер гордо возглавил процессию. Он раньше бывал в Древнем Гнезде — в принципе, каждый мужчина-янки обязательно посещал это место, и большинство сестер — тоже, потому что визит к генералу Марксмену входил в стандартный набор школьных экскурсий для младших классов. И если уж вы приезжали в Древнее Гнездо, то заодно, несомненно, шли посмотреть на святилище урней. Называлось оно Залом Живых Богов, и, самое любопытное, что там можно было увидеть не только Живых Богов, но и кое-что еще.

— Эй, а это что за уродины? — воскликнула Миранда, скорчив гримаску отвращения, глядя на изображения существ, шеренгой выстроившихся возле стилизованной фигуры Живого Бога в центре.

— Наши предшественники, — объяснил Юпитер, снисходительно улыбнувшись. — Урни тысячелетиями посылали в космос разведывательные корабли на поиски выживших потомков Живых Богов.

— Но это не Живые Боги.

— Нет, разумеется. Это другие клиенты урней. Вроде нас.

Кастор был возмущен. Он рассматривал нишу с миниатюрными, бледнокожими существами, похожими на моржей. В соседней нише располагались существа наподобие морских анемонов с перистой бахромой, а следующую занимали костлявые, изможденного вида… белки? Только величиной они были с лошадь. А в следующей…

— Жуть, — передернул плечами Кастор. — Как это понимать — «наши предшественники»?

— Это представители разумных веществ, которым урни тоже оказали помощь и поддержку, — объяснил Юп. — Вы ведь помните, что урни исключительно занимаются поисками, кому бы помочь в достойном деле? За всю историю урней не было случая,

чтобы они отказали в помощи угнетаемым и порабощенным. Не всегда, конечно получалось, как задумывалось, но все же…

— Но все же, — перебила его Мать-сестра, получив сигнал из дверей клиники, — мы готовы посетить генерала! Ах, сестры, ах, господин президент, вам предстоит торжественная минута!

Что-то непохоже было, чтобы Настоящие Американцы прониклись торжественностью этой минуты. Если они и понимали, какая им оказана честь, то ничем этого не проявили. Еще более подавленные, чем обычно, они проследовали за Юпитером и губернаторшей в опрятную, задрапированную зеленым комнатку, где для их развлечения генерал-майора Марксмена в очередной раз вытянут в мир живущих. Но гостям, судя по их виду, было не до развлечений.

— А знаешь, — с жаром прошептал Юпитер губернаторше, — эти ребята совсем что-то не то делают. Неправильно они себя ведут!

Большая Полли взглянула на него сурово. Как осмелился он критиковать своего президента? Полли рассердилась на Юпитера. Но… в душе она во многом с ним соглашалась, потому что с Настоящими Американцами что-то явно было не в порядке. События разворачивались не совсем так, как предполагалось.

— Помолчи, Юпитер. Давай покончим с церемонией, черт бы ее побрал.

Генерала Марксмена уже извлекли из постели-кокона, где мониторы следили за составом его крови, урины, кала, кожных выделений и тщательно отфильтровывали вредные составляющие из крови, добавляя в нее вещества, необходимые генералу, чтобы его обмен веществ — все, что от него осталось во всяком случае, — более-менее функционировал. Генерала подсоединили к маленькой шок-машине, напоминавшей сердечным мышцам генерала о необходимости время от времени сокращаться, и к трубкам воздушной помпы, отмерявшей нужное количество воздуха для наполнения генеральских легких. Генерал полулежал, откинувшись на спинку парадной кушетки, предохранявшей его от падения.

На вид он в самом деле был как живой.

Он даже был в состоянии разговаривать, и текст помнил наизусть.

— Приветствую вас, — пророкотал голос генерала. У некоторых стариков голос становится надтреснутым и визгливым — причиной тому затвердение коллагена в голосовых связках. У других, наоборот, становится глубоким, горловым, что производит лучшее впечатление, поэтому врачи, ответственные за генерала Марксмена, остановились на втором варианте. Бас

генерала производил впечатление. У него даже открылись глаза, хотя трудно было сказать, видит ли он что-нибудь. В целом, он не меньше походил на живого генерала, чем превосходная музейная реконструкция какого-нибудь вымершего животного на оригинал.

Юпитер с гордостью отметил, что встреча с генералом произвела впечатление на президента. Кастор явно пытался придумать подходящее обращение. Он бросил беспомощный взгляд на Делилу, набрал полную грудь воздуха и начал, полагаясь на вдохновение:

— Гм, э-э, генерал Марксмен, мы, э-э, пришли засвидетельствовать глубокое уважение к великому американскому герою. К вам, — добавил он, чтобы не возникло сомнений.

Он сделал паузу, ожидая реакции генерала, но напрасно. Кажется, генерал обдумывал услышанное. Что было вполне в порядке вещей.

Стимуляторы стимуляторами, но пережив апоплексический удар, генерал утратил былую быстроту и проворство, но Юп знал, что по мнению лучших специалистов, мозг генерала время от времени подавал признаки активности, и даже довольно часто. Иногда Юпитер пытался себе представить, каково это — чувствовать себя беспомощным, пойманным в ловушку умирающего старого тела. Юп смотрел на полуопрокинутую фигуру с жалостью и презрением. Как мог он позволить себе так состариться? Неужели генерал и вправду был когда-то мальчиком, потом юношей, потом младшим лейтенантом, которому отчаянно недоставало восхищенных взглядов хорошеньких сестриц, потом астронавтом, полковником? (Генеральское звание Марксмен сам себе присвоил, что было вполне разумно, поскольку в радиусе сорока световых лет он был единственным кадровым офицером Военно-Воздушных Сил США.)

Погруженный в размышления, Юпитер с запозданием услышал сдавленный возглас губернаторши, а потом увидел нечто, потрясшее его не меньше, чем Большую Полли.

В глазах генерала замерцал огонек. Взгляд стал осмысленным — кажется, генерал в самом деле понимал, кого он перед собой видит, — но смотрел он не на президента.

Все более пристально генерал всматривался в Цзунг Делилу и Феng Миранду, и чувства, все сильнее охватывавшие генерала, были далеки от радости или почтительного изумления.

Генерал был в гневе!

Сиделки заметили то же самое. Они, как и Юпитер, не понимали, что творится с генералом, но не оставалось сомнений — в парализованной голове Мортона Марксмена творилось

неладное. Сиделки бросились к приборам, быстро проверили пульс и частоту дыхания, основные показания жизнедеятельности, но генерал, что-то угрожающе прокаркав, отогнал сиделок прочь. Его пылающий взгляд по-прежнему был устремлен на Делилу и Миранду. Он попытался поднять иссохшую руку, вытащить из угла рта дыхательную трубку, но рука не слушалась. Он попытался сесть прямо, но в иссохшем теле не осталось ни капли мышечной силы и на подобный геркулесовый подвиг генерал был не способен. Но неукротимый генерал не собирался сдаваться на милость трупа, в котором ему приходилось доживать последние дни. Он закашлялся, едва не подавился. Он капал слюной и что-то пытался сказать. Наконец он выплюнул трубку прямо в руки беспомощно метавшихся вокруг него сиделок.

— Измена! — взревел генерал. Взор его пылал. Сиделки в испуге отшатнулись. — Предательство! Нас предали! Арестуйте этих двух женщин, сейчас же — это ведь узкоглазые!

3

И вновь за последние несколько дней мир Юпитера перевернулся вверх дном. Но на этот раз перемена была печальная. Ужасная. Юпитер был сбит с толку. Юпитер был в ярости. Как? Узкоглазые? Китаёзы? Президент привел с собой врагов? Неужели подобное возможно и каким образом?

Объяснения президента не помогли прояснить ситуацию. Все, что твердили желтолицые сестры в счет не шло — они враги. Враги лгут. Их придется арестовать, что создавало проблему само по себе — как арестовать министров президентского кабинета, настоящего полномочного президента Соединенных Штатов? Особенно, если сам президент неистово требует отпустить их на свободу?

Произошло какое-то ужасное недоразумение!

Недоразумение — это еще мягко сказано. Юпитер вообще отказывался что-либо понимать. Нет, полнейшая бессмыслица! Разве борьба за освобождение Соединенных Штатов — это вот такая сумасшедшая неразбериха? Хуже всего, что президент Мелкинс усугублял неразбериху, пытаясь объяснить ситуацию. Да, согласился он, узкоглазая желтолицая сестра Делила в самом деле китаянка-хань… ну, в определенном смысле. То есть родилась она в США, это факт, поэтому юридически она — американка (хотя едва ли слова «юридический» и «американка» хорошо совмещались, поскольку уже лет сто в Америке отсутствовало правительство, издающее законы).

Невразумительные пояснения президента сама Делила постаралась сделать еще менее вразумительными. Она держалась дерзко, даже с вызовом.

— Ладно! — бросила она. — Арестовывайте! Но вы все — дураки! Не существует никакой Америки! Она уничтожена сто лет назад.

Не существует Америки? Что за чушь! С другой стороны, ситуация становилась проще: всякого, кто вещает подобные бунтарские речи, надлежит лишить свободы, чем скорее, тем лучше.

Делиле связали руки за спиной, пригрозили заткнуть рот кляпом, если она не успокоится, и поместили под стражу, состоявшую из губернаторши и трех умников с электрическими шокерами, чтобы не вздумала бежать. (Хотя, куда ей было бежать на планете, где окружали ее урни да янки, видевшие в ней страшного врага?) Делила не сопротивлялась. Она погрузилась в мрачное молчание.

Президент — другое дело. Еще одна проблема. Возможно ли арестовать собственного президента? Пусть даже он говорит ужасные вещи. «Я — не настоящий президент», — заявил он. И еще: «Это был фарс, а не выборы», и «Сказать по правде, мы с вами не были полностью откровенны». После чего ему велели замолчать. Но Большая Полли напомнила всем, что фарс — фарсом, но президента все-таки выбрал народ Америки, остается довольствоваться тем, что они имеют, а имеют они президента Мелкинса — и даже генерал Марксмен, в горле у которого еще шипело и свистело, одобрительно кивнул. Поэтому Кастора не арестовали. Его усадили в кресло второго пилота, и он с отвращением смотрел на проплывающий внизу пейзаж, пока ховерплан возвращался в Космогород. Вооруженные урни за его спиной в данной ситуации представляли не стражников, а почетный караул.

А еще оставалась Фенг Миранда, третья, самая запутанная проблема.

— Ну да, я китаянка-хань, по крови, — выкрикнула она в ярости, — но при чем здесь мои гены? Мои предки — американцы. Двести лет они были американцами. Настоящими патриотами, и я — тоже патриотка! Я предана борьбе за свободу Америки. Вы хоть в состоянии понять, жалкие идиоты, что кроме меня здесь нет Настоящих Американцев! Кастор — лицемер-блюдолиз, он готов китайцам ноги целовать за разрешение прокатиться на космическом корабле!

Она привела их в полнейшее замешательство и смущение. Большая Полли то и дело посматривала на собравшихся вокруг,

на янки, на американцев, на урней, надеясь на подсказку, на совет. Но они ничем не могли ей помочь. Поэтому группа влезла обратно в ховерпланы, чтобы отправиться в Космогород. Возможно, конгресс придет к какому-то — решению. Проблема превосходила возможности Большой Полли.

Что касается Миранды, они пошли на компромисс, учитывая ее лояльность. Ей выделили только одного вооруженного стражника, и стражником этим стал Юпитер. Ховерпланом управлял урень Джач. Оставив урня в пилотской кабине одного, как только воздушный корабль набрал высоту, Юпитер отправился присматривать за своей поднадзорной.

В дальней части салона имелась койка. Миранда бросилась на нее ничком, в гневе и отчаянии, которые не находили выхода. Юп прошел в дальний конец салона, молча постоял рядом с койкой, размышляя. Потом тронул Миранду за руку.

— Я тебе верю, — сказал он мягко. — Если хочешь, если тебе станет легче, мы могли бы совокупиться прямо сейчас.

Ответ Миранды был крайне неучтив, можно сказать, она Юпитеру нагрубила, употребив при этом вместо слова «совокупляться» неизвестный ему термин — подобного слова он никогда раньше не слышал. Слово показалось ему ругательным, скверным: вы представляете, превратить такую вещь, как совокупление, в непристойность! В голове не укладывается! Для мужчины Юпитер был вполне мягок и добродушен. При обычных обстоятельствах он постарался бы развеселить Миранду, вывести ее из мрачного настроения, несмотря на ее вспыльчивость и зловредный характер. Он даже, быть может, приласкал бы ее, погладил. Но в передней части ховерплана что-то происходило. Пилот возбужденно чирикал и дергал вибрассами, привлекая внимание Юпитера.

— Приказываю оставаться на месте, — предупредил он китаянку, которая в ответ лишь бросила на Юпитера убийственный взгляд. Расстроенный Юпитер отправился в пилотскую, то и дело поглядывая через плечо на Миранду, чтобы не оставлять ее без надзора, хотя, если задуматься, какую она представляла опасность?

Едва он достиг пилотского кресла, как понял причину такого взволнованного состояния урня.

— Юпитер, Юпитер! — пропищал Джач. — Ты не поверишь!

— Чему я не поверю? — поинтересовался Юпитер хмуро, опускаясь в кресло второго пилота.

— Земляне запустили второй корабль! — заикаясь от волнения, выпалил урень. — Взгляни на индекс-экран! Большущий корабль!

Юпитер, ошеломленный, наклонился вперед, включая собственный экранчик. Нужный индекс он нашел легко; событие освещалось по десятку тематических каналов, потому что новость, во многих отношениях, была сногсшибательная. Старт второго корабля с острова Хайнань! И, как заметил урень, на этот раз корабль огромных размеров!

Индекс-просматриватели в ховерплане отличались от привычных, гнездовых, и Юпитер некоторое время соображал, что нужно сделать, чтобы узнать новость, которая сейчас особенно его волновала. Он завозился с пультом управления экранчика, Джач пытался ему посодействовать, но Юп нетерпеливо отмахнулся и продолжал ожесточенно тыкать в клавиатуру, пока не настроил экран должным образом. Увеличенное изображение ханьского корабля задрожало, распалось на части. Перед Юпитером был сейчас срез внутреннего вида корабля — не настоящий, разумеется, а смоделированный. Ни урни, ни янки не имели возможности заглянуть вовнутрь запущенного корабля, под обшивку. Но на основе аналогий с президентской яхтой, данных оптических наблюдений, траектории корабля и всего, что было известно о ханьской военной технике, специалисты-урни путем дедукции смоделировали картинку-прогноз.

Корабль был вооружен «до зубов». В этом не оставалось сомнений.

Запуск подобного корабля, в сущности, это уже акт агрессии, начало войны, и по жилам Юпитера радостно заструились гормоны, боевые возбудители героических свершений.

Миранда не слушалась приказов. По пути к Космогороду она не отставала от Юпитера, повиснув у него на плече. Но на столь вопиющее непослушание Юпитер закрывал глаза, потому что Миранда, узнав о последних событиях, пришла в такой же головокружительный восторг, как и он сам.

— Они решили атаковать! — воскликнула она. — Вот теперь, Юп, мы с ними сразимся!

— Мы их разгроми м, — поправил он ее грубовато, но добродушно, словно отец, довольный поведением ребенка, который не обманул его ожиданий. — Вот посмотришь! Урни давно поджидали такого случая! Они давно готовились к сражению!

— И я! И я! — захлебывалась в энтузиазме Миранда. — Юп, ты не представляешь даже, как ждали этого момента мои товарищи! Если бы ты знал, чего нам стоило ожидание — мой брат пожертвовал собственной жизнью, мы вытерпели сотню безнадежных лет рабства… и, наконец… ах, Юп! — Она бросилась ему на шею, прижалась.

Ага, подумал Юпитер с известной долей удовлетворения, сестрица начинает приходить в себя! И вновь ошибся. К изумлению Юпа, когда он попытался обнять ее в ответ (немного неловко, потому что Миранда была такая крошка) и ласково похлопать по ягодицам, она отскочила, напряглась, лицо ее вновь стало суровым.

— Боже, неужели у тебя одно на уме? — фыркнула Миранда.

Разозлившись, Юпитер пришел к выводу, что сестрица безнадежна, и не стоит на нее тратить силы. Он сказал холодно:

— Хочешь посмотреть, что новенького происходит?

— Еще бы. Только следи за руками. Держи их от меня подальше.

Он угрюмо пожал плечами и вызвал индекс каналов планирования, в чем не было нужды. Они заходили на посадку над площадками Космогорода, и все, что нужно, было видно из окошка кабины. Прямо впереди, над городскими воротами, светилась в небе изогнутая радугой надпись:

«ПРИВЕТСТВУЕМ ПРЕЗИДЕНТА И ПОЛНОМОЧНЫЙ КОНГРЕСС!»

— Что такое полномочный Конгресс? — громко поинтересовалась Миранда, глядя через плечо Юпитера.

— Полномочный Конгресс — это и есть полномочный Конгресс, — объяснил Юпитер. — Его только что начали собирать. В Космогород соберутся все важные персоны Мира. Как только засекли старт китайского корабля, Большая Полли связалась с ними по соответствующим каналам. Чтобы мы начали ее по всем правилам.

— Кого?

— Ну, войну, разумеется, — весело сказал Юпитер и с удовольствием и некоторым удивлением отметил, что сестрица Миранда задышала чаще, взволнованнее. Непреклонное лицо осветила улыбка. Он подумал было вновь попробовать ее приласкать, но решил, что не стоит, и сказал вместо этого:

— Мы все немедленно отправляемся на заседание.

— Кто «мы все»? — с подозрением спросила она.

— Ну, ты тоже, наверное, — предположил Юп. — И даже Цзунг Делила. Не знаю. Все!

Так и получилось — на заседание отправились всей компанией. Оказалось, что собрались сюда не только члены Конгресса, большинство которых уже поджидало возвращения президента и обещанного выступления. Нет, гнезда выслали так же изрядное количество старших сестер — столько, сколько могло на заседании поместиться, — и всех взрослых мужчин. Ничего подобного в Мире до сих пор не происходило — по

крайней мере, пока здесь квартировали янки, — поэтому настроение царило праздничное.

Но собравшиеся не забывали, что предстоит принять серьезнейшие решения. Большая Полли позаботилась о том, чтобы заранее по каналам связи наметить две главные сферы проблем: что предпринять по поводу внезапно открывшегося неблагонадежного этнического происхождения сестер президента и что предпринять в виду военной угрозы со стороны китайцев-хань, как эту угрозу отразить и ответить ударом на удар. Для обсуждения столь разных по своему характеру проблем, собрание разделилось на две части. Военные планы предстояло разрабатывать совместными усилиями янки и урней, входивших в Военный Совет; Юпитер, несомненно, имел право участвовать в его работе, будучи строевым офицером. Но права побывать на заседании Конгресса Соединенных Штатов (в эмиграции) у него не имелось, и он с восторгом узнал, что в качестве тюремщика Миранды, чье присутствие необходимо, он будет допущен и на этот форум. Урни на заседании Конгресса, собравшегося в одном из старых залов города, не присутствовали. К несчастью, глупики об этом понятия не имели и путались под ногами, их то и дело призывали к порядку — все полчаса, пока в зал постепенно сходились сенаторы и конгрессонессы. Затем в зал вошла маленькая процессия: Миранда, за ней Юпитер, потом Делила и два урня-стражника. Они заняли места в переднем ряду, но не в центре, а сбоку. После чего в зал вошли Большая Полли и президент, поднялись на сцену, уселись в обитые кожей чернильников спаренные кресла. Большая Полли призвала собравшихся к вниманию. Заседание длилось недолго. Приговор Конгресса был прост: президента Мелкинса считать президентом. Но до тех пор, пока Настоящая Америка не освобождена, он лишается исполнительной власти. Фенг Миранда — стопроцентная лояльная американка, каковой и надлежит ее считать. Цзунг Делила…

Что ж, она сама виновата. Она не старалась хоть капельку спасти собственное положение. Да, заявила она, являюсь законным государственным секретарем США, но, с другой стороны, не существует на Земле такой вещи, как «Америка», нет никакого американского народа. И она упрямо настаивала на этом утверждении, невзирая на все просьбы образумиться. Вопросы выстреливала Фенг Миранда, а образумиться Делилу умолял президент Мелкинс. Похоже, непокорность Делилы представлялась ему женским капризом, глупой выходкой, плодом биохимических изменений в ее организме, происходящих у всякой женщины перед началом месячных. Делила каяться

отказалась наотрез. В итоге, Конгресс решил пока оставить вопрос открытым.

На этом заседание закончилось, и члены Конгресса, весело переговариваясь, прошли в соседний зал, размерами побольше, где их поджидали урни Военного Совета. И не просто поджидали. Урни, снисходительно смотревшие на политические ритуалы янки и даже находившие их причудливой, но милой забавой, времени зря не теряли. Пока Конгресс заседал, они предприняли необходимые практические шаги, чтобы слова «план войны» не оставались пустым звуком.

Совещание длилось минут пять. Умник по имени Эй-Белинка кратко доложил: китайский корабль ведут и вскоре он будет захвачен. Большая Полли предложила объявить о начале войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Предложение приняли единогласно при одном воздержавшемся. Но поскольку воздержалась не кто-нибудь, а хранившая злобное молчание Делила — государственный секретарь, которая, подперев ладонью подбородок, смотрела в окно, игнорируя присутствующих, — ее мнение даже не стали заносить в протокол.

Эй-Белинка и Большая Полли быстренько договорились между собой о составе комитета по осуществлению военных действий. Юпитер в состав комитета не попал, зато попала Миранда, что для Юпитера было не меньшей удачей, как заметил он про себя, ибо он, нахальный юнец из гнезда не первой величины, едва ли мог претендовать на подобное возвышение, но теперь поднялся даже выше. Потому что был он не просто Юпом, но Юпом-Тюремщиком. Он стерег союзницу Миранду, которая присягнула в верности — однако это мог быть ловкий ход с ее стороны, поэтому повсюду отныне за ней предстоит следовать Юпитеру.

Это ничем не хуже, чем по собственному праву оказаться в комитете, повторял себе Юп, и даже сам почти в это поверил.

Совокупляться Миранда не желала ни в какую. Она настойчиво потребовала, чтобы спали они отдельно. Ей выделили помещение в старом городе урней, и хотя в нормальной ситуации Юп без труда пригласил бы какую-нибудь сестрицу разделить с ним ложе, расположение комнат затрудняло осуществление этой идеи. Поэтому он лег спать, завернувшись в одеяло, сразу за дверью Миранды. Один.

Зато на следующее утро он весь сиял и пел: им предстояло посетить сборочные ангары на предмет обсуждения стратегии и вооружений. За завтраком он подгонял Миранду и велел вызвать платформу на воздушной подушке, на которой, поднимая клубы

пыли, они приехали к ангару, где был помещен корабль, доставивший в Мир президента и его сестриц.

— Что они с ним сделали? — ахнула Миранда, когда она и Юпитер вошли под своды ангара. Риторический вопрос. Президентская яхта была со всей возможной тщательностью и осторожностью разобрана на части. Результат был налицо. Все оружие, упрятанное Чай Говардом и Многолицым в корпусе, двигательных системах и кладовых извлекли наружу. Целая батарея устройств для убийства выстроилась неподалеку. Лазеры на ионизирующем излучении. Снарядные метатели, похожие на 75-миллиметровые пушки былых войн. Ракетные пусковые установки — с химическими и ядерными боеголовками. Миранда до сих пор понятия не имела, до какой степени был начинен корабль смертоносными машинами.

— Они ведь могли бы вас в порошок стереть! — воскликнула она, и умник Эй-Белинка, суетившийся вокруг разобранного на части радара наведения, пошевелил вибриссами в знак согласия.

— Могли бы разрушить наши корабли, — прочирикал он. — И даже уничтожить переходник — не само транспортирующее поле, поскольку поле невещественно, но выстрелив по разведчику, создающему поле. Но рано или поздно, Миранда, мы бы взяли верх числом. Оказавшись по эту сторону переход-пространства, им не оставалось ничего другого, как сдаться — у второго корабля иного выхода тоже не будет!

Миранда посмотрела на него с сомнением.

— Отчего вы так уверены? А если они в самом деле расстреляют разведкорабль? Тогда вы вообще до них не доберетесь, разве не так? Пока не вышлете новый разведчик с новым, как его, переходником. А разведкорабли летят медленнее света.

Урень возбужденно замахал вибриссами.

— О, нет! — издал он исступленный пронзительный крик. — Нельзя! Это чудовищно! Юп, мы обязаны вмешаться и не допустить разрушения переходника!

Миранда переводила взгляд с маленького существа на своего официального надзирателя, словно не совсем их понимала. Потом медленно покачала головой.

— Слушайте! Поверить не могу, до чего вы… Боже! Нет, случай безнадежный. Придется мне самой растолковать вам, как вести войну. Для начала расскажите мне об этом вашем переходнике, по ходу дела мы придумаем способ обезвредить китайцев.

Эй-Белинка нисколько не обиделся. Он с готовностью объяснил Миранде все, что она пожелала узнать. Космические

сношения посредством переходника обусловлены законами физики и расстояниями, о которых идет речь. Совершенно верно, межпространственный переход осуществляется посредством переход-поля, которое, в свою очередь, генерируется особыми аппаратами на борту разведкорабля. Верно, чтобы доставить переходник в искомую точку Галактики, нет иного способа, как доставить его туда с помощью разведкорабля, если на месте еще нет другого переходника — корабль будет добираться до цели через привычное пространство, на субсветовых скоростях. Верно, если разведкорабль с генератором переход-поля китайцы разрушат, янки и урни окажутся отброшенными назад почти на полстолетия, ибо ровно столько времени понадобилось их разведчику, чтобы выйти на орбиту вокруг земного солнца, и ровно столько же уйдет, чтобы заменить потерянный переходник.

Однако, объявил урень, радостно подергивая вибриссами, а Юпитер, стоявший рядом, с довольным видом согласно кивал, они вовсе не такие дурни, за каких Миранда, похоже, их держит! Препарировав президентскую яхту, они теперь великолепно представляют, какого рода оружие несет на борту второй корабль с Земли. Помешать ханьцам воспользоваться этим оружием они не в состоянии, по крайней мере, пока корабль не окажется по другую сторону переход-пространства. Но они позаботятся о том, чтобы применение силы никакой выгоды врагу не принесло, чтобы ничего они от этого не выиграли.

Эй-Белинка обратился к индекс-экрану и вызвал изображения, демонстрируя Миранде уже предпринятые в этом направлении меры. Давным-давно разведкорабли были дополнительно оснащены зондами-шпионами. Эти крошечные, управляемые на расстоянии кораблики за последние несколько недель были молниеносно переброшены на земную орбиту через переходник. Разведчику предстояло отойти подальше, в недосягаемую зону, и прикрыться щитом из зондов-шпионов. Если китайцы откроют огонь, то наверняка не по разведчику, а по надоедливым юрким шпионам. На некоторое время шпионы отвлекут их внимание, а как только вражеский корабль окажется в пределах воздействия переходника, — что-то около ста тысяч километров, на возбуждение переход-поля уйдут считанные секунды, и корабль будет проглочен.

— И сейчас, — закончил урень, взволнованно чирикая, — они почти вошли в сферу воздействия! Не будем терять времени! Наши флотилии готовы развернуться в боевой порядок и начать вторжение! Остается лишь обезвредить китайский корабль, а он уже приближается к переходнику!

— А что же нам делать? — ощетинилась Миранда. — Так и

будем сидеть сложа руки?

Эй-Белинка сказал смиренно:

— Нет, министр Миранда, мы кое-что предпримем. Здесь. Давайте сначала посмотрим, с чем предстоит иметь дело. — Он прочирикал быстрые команды своим урням-помощникам, потом показал вибриссами на индекс-экран.

На экране перед ними возник ханьский корабль, на полном ускорении покидавший низкую орбиту, направляясь к разведчику урней.

— Мы ввели в хранилища данных все, что известно о вашем корабле и его вооружении, — пояснил Эй-Белинка, — и, кроме того, все сведения, сообщенные вами или добытые шпионами.

— Понятно, понятно, — нетерпеливо пробормотала Миранда, изучая изображение на экране, и вполуха прислушивалась к занудному голосу урня, монотонно повествующему о целевой настройке машин, о скормленных этим машинам предположениях и догадках, включая опыт предыдущих войн — войн? Миранда навострила уши, но Эй-Белинка, тараторя, рассказывал дальше.

Машины, объяснил он, приняли информацию, оценили и обработали. Рассмотрели все факты, теории и догадки. Изучили оптическое изображение китайского корабля, и учли данные дистанционных датчиков об излучениях и физической структуре. А потом Миранда увидела на экране нечто, чего там раньше не было.

— Эй, посмотрите-ка вот на эти выступы вдоль корпуса, — перебила она урня. — Когда корабль устанавливали на стартовой вышке, их не было! И антенн, по-моему, стало больше, чем раньше…

— О, прекрасно, министр Миранда! — похвалил Эй-Белинка, что-то прочирикал в сторону своим ассистентам. Прямое оптическое изображение потеряло резкость, стало туманным, потом его сменила секция-разрез корпуса. Эй-Белинка всмотрелся в экран и воскликнул:

— Ага, ракетные снаряды! Ух, какие громадные!

— Как это у вас получилось? — изумилась Миранда, безотрывно глядя на индекс-экран. Под вздутиями обшивки притаились, оказывается, стройные цилиндры с блестящими остриями.

— Прогноз на основе наибольшей вероятности, — объяснил урень. — Машины, обработав все известные данные, выдали наиболее вероятную оценку. Как правило, на выводы машин имеет смысл полагаться. Так, а теперь антенны… — Помощники урня повозились с пультом управления, и округлые вздутия, вроде пузырей, портившие гладкость корпуса, словно испарились.

Под ними оказались параболические чаши-отражатели, большие и маленькие.

— Ух ты! — радостно воскликнул урень. — Кажется, лучевое оружие! А вы нам не рассказывали, что у китайцев есть такое!

— Не понимаю, о чем речь, — огрызнулась Миранда.

— Ну, неважно, — рассеянно сказал урень. — Китайцы, судя по выводам машин, догадываются, что переходник представляет собой нечто нематериальное, что это скорее энергия, чем вещество, и потому попытаются его заблокировать, заклинить. Ничего у них не выйдет, но как интересно! Враг оказался умнее, чем мы надеялись!

Миранда с сомнением взглянула на Юпитера, и с тревогой — на урня.

— Надеялись? — повторила она. — Разве это хорошо?

Урень от радости запрыгал на месте, как мяч.

— Так играть намного интереснее! — объявил он. — Что за удовольствие подстрелить чернильника в гнезде? Вот когда противник сопротивляется… тогда и радость от победы сильнее! — Спрыгнув с насеста, он проворно устремился к двери. — Все за мной! — пропел он. — Захватим опасного противника в плен, пока он не натворил неприятностей. Игра начинается!

Миранда последовала за Юпитером, который тащил ее, словно на буксире, крепко ухватив за руку. Юпитер искрился весельем, но Миранда погрузилась в задумчивость. Мечтой всей ее жизни, безнадежной мечтой, было освобождение Америки… и лишь в последние несколько дней мечта ее начала, к восторгу Миранды, обретать реальные перспективы. Ради своей мечты она была готова на все: умереть и даже убить.

Ей и в голову не приходило, что это может быть всего лишь «игра».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Многолицый лежал в своем коконе и смотрел, как вырастает на экране чужой корабль, становится все больше и больше. Такой защитный кокон полагался каждому космическому путешественнику, оберегая от сотрясений и толчков, без которых не обходится полет, но для Многолицего кокон требовался побольше размерами и посложнее устройством, поскольку и сам Многолицый был устроен сложнее обычных людей. Часть кокона, внутри которого покоилась огромная голова Многолицего, защищавшая эту голову и шею, была заполнена амортизирующей массой, похожей на желе, и раза в два превосходила по размерам аналогичную часть других коконов. Это не препятствовало Многолицему видеть, что происходит, но и напоминало о том, насколько его жизнь хрупка, и что шансы пережить полет для него сомнительнее, чем для прочих членов экипажа.

Но такова была вся жизнь Многолицего, уже давно. Он возложил на себя бремя десяти дополнительных личностей, дополнительных сознаний. И чтобы он ни делал, приходилось помнить о десятке кусочков чужой мозговой ткани, внедренных в его собственную, и на все, что он делал, факт сей накладывал определенные ограничения. Сам Многолицый, высокопоставленный кадровый партиец, предпочел ограничения нарушить. И он имел на это право. Он так же по собственному выбору шел на риск — руководители космического центра предупредили, что полет может стоить ему жизни. Точнее, жизней. Некоторые из одиннадцати личностей, членов этого собрания по имени Многолицый, планов его не одобряли.

Многолицый слегка пошевелился внутри кокона. Голова раскалывалась от боли, и виной тому была не только перегрузка, которую пришлось выдержать. Любому человеку, чтобы отправится в космическое плавание, сначала предстояло пройти подготовку, облачиться в соответствующие доспехи, потому что космос — это океан, где водятся акулы. В волны этого океана лучше не соваться без ничего. Для личности же уникальной, такой, как он сам, подумал Многолицый (подумала одна его составляющая), а прочие члены собрания эту мысль одобрили, — броня необходима в два раза прочнее против обычного, и все предосторожности надлежит удвоить.

Лежа пластом внутри кокона, то и дело вздрагивая при

каждом неприятном толчке ускорения, Многолицый пришел к выводу, что если уж речь зашла о космическом полете, следует отметить еще одну вещь: космический полет скучен. Его предостерегали от опасностей. Но никто не предупредил, что придется провести долгие часы, лежа в коконе, пока корабль, с трудом разрывая путы тяготения, удаляется от Земли. И никто не упомянул прочие малоприятные особенности космического путешествия, например, запахи. Приходилось обонять ароматы спутников во всей прелести их букета, достойного зверинца. Как все китайцы-хань, Многолицый не переносил запах человеческого тела. В кабине корабля запах этот неизбежно становился частью воздуха, которым они дышали.

Он задремал, вспоминая события последних дней. После того, как предательница Феng Миранда обманом пробралась на борт первого корабля, после того, как корабль жутким и необъяснимым образом исчез, в космическом центре на острове Хайнань разразилась буря. Цунами. Все меры предосторожности немедленно ужесточили вдвое. Чай Говард об этом позаботился. Его выставили дураком, и потому не только благоразумие, но и гнев заставляли его проверять и перепроверять всякую мелочь. Больше не удастся наглым бунтаркам проникнуть в скафандровую и предательски оглушить честного астронавта!

И похитить второй корабль пришельцам не удастся с той же легкостью, с какой они похитили президентскую яхту.

Несколько бессонных ночей и хлопотливых дней корабль лихорадочно вооружался, а состав экипажа тасовали как карты, пытаясь добиться оптимума-. Второй корабль был крупнее первого; ведь он нес больше груза. Кроме новейших ракетных установок и антенн-излучателей белого шума, которые, как надеялись специалисты, могли нейтрализовать непонятное фиолетовое свечение, проглотившее президентскую капсулу, на борту находилось не три, а десять человек экипажа. Во-первых, сам Многолицый, несокрушимый в своем стремлении лететь несмотря на предупреждения врачей и администрации. Затем, разумеется, Чай Говард, обманом лишенный первой попытки и сгорающий от желания наказать и отомстить. Плюс ударная сила: семеро натренированных, выносливых убийц-коммандос вместе с командиром, срочно отозванных из Ботсваналенда, где они исполняли одну маленькую миссию по умиротворению. Все десять утвержденных кандидатур последние перед запуском дни спали в одной комнате, пользовались одним открытым унитазом, ни на минуту не спускали друг с друга глаз, вплоть до момента, когда их облачили в скафандры и провели на борт корабля.

Тем не менее перед самым стартом на Многолицего

навалился страх.

В его жизни давно уже не было простых вещей, и даже страх перестал быть простым и понятным чувством. Он испугался — но не весь он. Ангорак Аглат, например, страха не испытывал. Ангорак некогда служил начальником системы безопасности в мексиканских протекторатах, и храбрость была для него профессионально необходимым качеством. И Шум Хенджу не испугался, и Цай Минго, а Поттер Алисия слишком блекло и расплывчато воспринимала реальность, чтобы испугаться по-настоящему. Она то и дело упрашивала еще раз прокрутить кассету с записью голоса дочери — это послание удалось выжать из Марии в обмен на обещание полного гражданства и протекции для нерожденного еще ребенка. Кассета мало помогала Алисии; едва прослушав запись, она ее снова забывала, поскольку нити, соединявшие ее с реальностью, всегда были слабы и ненадежны. Таковы были отважные участники собрания. С другой стороны, Корелли Анастасио был перепуган до смерти. Всю жизнь мучился он от агорафобии, боязни открытых пространств, а что может быть более открытым, чем космос? Хсанг Фуцуи и Дьен Кайчунг нервничали, поэтому потоки эмоций в густом супе коллективного сознания Многолицего были изрядно подкислены напряжением. Порядок работы собрания пришел в расстройство.

Все это крайне раздражало и Фунг Босьена, и его дополнительные «я» — нет, честное слово, хуже времени не придумаешь! Ведь последний имплант, Дьен Кайчунг, только-только начал адаптироваться! Едва миновали последствия операции, голова перестала кружиться, послеоперационные симптомы почти сошли на нет и собрание личностей вновь стало обретать способность выражать мнения многих с помощью одного голоса — упорядоченным, вразумительным образом!

Старт привел Многолицего в дискомфортное состояние. Едва на грудь навалилась перегрузка от удара двигателей, толкавших корабль в небо, едва не заломило ребра, как Корелли, Хсанг и Дьен запаниковали, а ведь и без них было тошно; выход на низкую орбиту дался не легче, не говоря уже о рывке по направлению к кораблю чужаков. «Успокойтесь! Успокойтесь же! — орал Многолицый внутри собственной головы. — Держите себя в руках! Спокойствие — это наше спасение!» Забавно, но остальные голоса говорили приблизительно то же самое и так же громко: жаль, что друг друга они не слышали.

Когда все голоса Многолицего собирались на совещание, дабы обсудить вопрос, принять решение и приступить к исполнению, — что происходило постоянно, ибо разлучить их могла одна лишь смерть, — было их ровно одиннадцать.

Ангорак Аглат, горец из южных провинций китайской державы, в прошлом офицер-артиллерист и сотрудник службы безопасности. Еще находясь в собственном теле, он несколько оглох из-за выстрела пушки, громыхнувшей почти над ухом. По этой причине он часто не говорил, но кричал. Превратившись в кусочек серого вещества, втиснутого в чужой череп, он не изменил этой привычке. Он постоянно орал вместо того, чтобы говорить спокойно. Ангорак всегда был прав. Он знал об этом, хотя другие, случалось, почему-то в его непогрешимость не верили. Ангорак был личностью ехидной, жадной; при незаурядном уме он, тем не менее, не мог себе представить, что есть люди поумнее, чем он, даже среди тех, с кем он делил ограниченное пространство внутри черепа Многолицего.

Поттер Алисия — добрая душа, она не выносила ссор и стычек. Она терпеть не могла, если соседи по черепу начинали переругиваться. Поттер принималась упрашивать, успокаивать, увещевать, понуждая всех и каждого жить в мире и согласии. Она была способна урезонивать до бесконечности, даже после того, когда всякие резоны теряли смысл. Даже после того, когда спорящие начинали испытывать к ней даже большую неприязнь, чем друг к другу. Она с готовностью мирилась и с насмешками, и с оскорблениями, даже с открытыми вспышками гнева — лишь бы достичь мира и покоя в их внутричерепном совете. По профессии Алисия была агрономом, матерью двоих детей и вообще милейшим человеком — кроме тех случаев, когда вопрос затрагивал ее собственные интересы.

Су Вонму в прошлом служил кадровым партийцем, но положение занимал не слишком высокое и особого веса не имел. Прочие кадровые товарищи с ним не особенно считались. Когда-то он играл в футбол. В политическом отношении Су отличался безупречной надежностью; он мгновенно улавливал новый курс партии и старательно по нему следовал. Он умел быстро и легко приспособиться к новой линии, научился по ней жить, отстаивать, объяснять ее правильность — пусть даже новая линия партии едва поддавалась вразумительному объяснению. И вот, когда высшие партийные чины решили, что наступил момент придать облику руководства более демократичные черты, что это будет стоящим вложением политического капитала, и, поглядев вокруг, принялись подыскивать надежного и популярного кандидата в члены президиума, тут-то и подвернулся Су — легкий и верный выбор. Переселившись в череп Многолицего, он оставался по-прежнему уживчивым, приятным в общении. Правда, пользы от него было немного. Такие, как Су, встречаются на любом совещании, в любом комитете — они поддерживают предложения

других, но сами никогда ничего не предлагают.

Корелли Анастасио… о, это был еще один феномен! Чистых кровей туземец — американские предки на протяжении двух столетий. В прежней жизни занимался наукой. Кроме того, был существом абсолютно бесхребетным. Не менее благонадежен, чем Су Вонму, то есть собственных убеждений не имел вообще и поэтому был достоин доверия. Непохожим на других его делала жажда смерти. Он был рад тому, что умер. В прежней жизни остались взрослые дети и неудачный брак. Поэтому внутри черепа Многолицего он чувствовал себя в безопасности. Ему здесь больше нравилось.

Еще одним довольно заметным членом совета был Шум Хенджу. В прежней жизни ничего особенного из себя не представлял. Растил двух дочерей, трудился бригадиром на сталелитейном заводе, где однажды на него и плеснуло расплавленным металлом из ковша. Политикой никогда не интересовался. В широком мире, за стенами завода и домика, где обитала семья Шума, о его существовании даже не подозревали. Спасен Шум был по чистой случайности — если только оказаться внутри чужой головы означает спастись, — когда Многолицый предложил продолжать эксперименты с пересадкой мозговой ткани, тело Шума (а мозг его совершенно не пострадал во время несчастного случая, в отличие от тела, которое уже невозможно было спасти) первым подвернулось под руку, и он оказался вполне подходящим донором. К тому же Шум, как выяснилось, был человеком скромным и порядочным. Остальные импланты, бывало, снисходительно поглядывали на Шума с высоты воспоминаний о своих выдающихся и блестящих достижениях в прошлой жизни, которыми они тщеславно гордились. Шум ничего не имел против. Как и Алисия, он умел сохранять рассудительность и спокойствие в горячие моменты, умел снять напряжение, помирить ссорящихся, но, в отличие от Алисии, для себя почти ничего не требовал, потому что прав особых у него не было, да и почти ничего своего — тоже.

Что касается остальных имплантов, они преимущественно мало что сохранили от своей «персоны», поскольку ткани для пересадки брались из более глубоких, фундаментальных участков мозга. Но каждый из них разнообразил получившийся суп особым каким-нибудь привкусом. Многолицый, председатель совета, различал их всех, потому что у каждого голоса была своя особая окраска. Хотя объяснить этого он не смог бы. Ведь голоса были беззвучны. Подбор слов, напряженность желаний, дрожь неуверенности — вот по каким отличительным чертам он их узнавал.

И он слышал их всех постоянно, и, случалось, хор голосов доводил его до бешенства.

Многолицему едва удалось добиться относительной стабильности внутри собственной головы, когда он занял место в кабине ракеты. С момента пересадки кусочка мозговой ткани Дьена Кайчунга времени прошло достаточно, и пора бы Дьену взяться за ум и успокоиться. Истерические крики и конвульсии — ведь он вдруг обнаружил, что тело его погибло, а сам он пойман в ловушку, сам он оказался в бессрочном тюремном заключении внутри черепа Многолицего, — постепенно уступили место жалким всхлипываниям — вернее, беззвучным соответствиям всхлипываний. Остальные обитатели уже зажившего черепа старались успокоить новичка, утешить, помочь ему адаптироваться. («Только прошу вас, давайте на нем остановимся, — смиренно сказал Корелли. — У нас и так становится тесновато».)

Но космический полет оказался тяжелым испытанием. Перегрузки, стресс, психологический шок…

— Эй, ты, старый болван, просыпайся!

Голос Чай Говарда взревел прямо над ухом.

— Да я не спал, — тут же соврал Многолицый. Это была инстинктивная ложь, к которой прибегает всякий, ненароком задремавший и пойманный врасплох. На самом деле он и вправду задремал. За спиной Многолицего капитан ударной команды тщательно и методично проверял их готовность, а боевики-коммандос тихо переговаривались между собой. На экране впереди мельтешили непонятные яркие пятна.

— Что это такое? — громко спросил Чай, взмахнув рукой в сторону радарного экрана.

На этот вопрос Многолицый ответить пока не мог. В любом случае сигналов было множество — дюжина ярких, плотных отражений, самое меньшее, и под сотню слабеньких. Объекты находились на пределе удаления, и радар был не в состоянии показать подробности. Но увиденное напугало кое-кого из внутренних «я», а некоторые из них рассердились. Голос Воина-Ангорака произнес мрачно:

— Похоже, это флот.

— Не может быть! Откуда взялся флот? — заорал Чай Говард.

Многолицый осознал, что позволил Ангораку произнести слова вслух, воспользовавшись его собственными губами. Итак, флот исключается. С другой стороны, сигналы на экране радара — не мираж. Многолицый всматривался в экран, пытаясь подобрать ключ к загадке, пытаясь утихомирить взволнованные голоса, старавшиеся перекричать друг дружку у него в голове, что

было даже труднее. Все они заговорили одновременно. И остановить их он не мог. Хуже того, они сами были не в состоянии остановиться, они бормотали, вопили, орали, тараторили одновременно, и поэтому обрывки фраз то и дело срывались с уст Фунга Босьена.

— Прекрати! — рявкнул Чай Говард, извернувшись так, чтобы заглянуть в распухшее лицо Фунга. — Старик, ты ставишь нашу миссию под угрозу! Возьми себя в руки!

Больше всего на свете Фунгу сейчас хотелось именно взять себя в руки! По крайней мере это желание все его субличности разделяли единогласно. Страх, гнев, раздражение, тревога — все эти эмоции, сотрясавшие составную личность, обнаружили новое русло, новое направление, и хор в десяток голосов принялся поносить Чай Говарда на чем свет стоит — даже коммандос, полулежавшие в креслах, восхищенно встрепенулись, с одобрением наблюдая за перепалкой. Когда совет имплантов отвел душу и «выпустил пар», к нему вернулось благоразумие. Один из имплантов выдвинул предположение, второй сделал дельное замечание, и Многолицый, от имени собравшихся, произнес хладнокровно:

— Это не флот, Чай. Это просто разведывательные зонды. Их множество, но среди них нет самого корабля пришельцев. Внимательно взгляни на показатели! Эти объекты слишком маленькие, чтобы представлять опасность.

Чай Говард уставился на старика свирепым взглядом, потом обратился к экрану.

— Да, ты прав, — с неохотой признал он. — А где же большой корабль тогда?

— Кажется, это ты у нас навигатор и пилот, — презрительно процедил Многолицый. — Ищи!

— А если найду? — вспылил Чай. — Ты справишься с задачей?

— Моя задача — вести переговоры, — отрезал Многолицый язвительно. — Пока ты не свяжешься с кораблем, я не могу приступать к исполнению.

— Сомневаюсь, что ты вообще в состоянии, — фыркнул Чай. — Нет, должно быть, напрасно мы тебя потащили с собой. Вдруг твои заплатанные мозги потеряют управление?

— Ах, Чай, — с сожалением сказал Многолицый, — если кто и ставит нашу миссию под угрозу, так это ты. — Все силы уходили на то, чтобы сосредоточиться на одном задании. Гнев мешал сосредоточиться, мешал держать участников мозгового собрания в узде; а Чай Говард легко и быстро выводил из себя любого человека.

Многолицему временами нелегко было ответить даже на простой вопрос. Для него не существовало простых вопросов — одиннадцать индивидуальностей (или остатков индивидуальностей) вносили в понимание вопроса свое отношение, смотрели на полученный сигнал сквозь призму собственных мыслительных привычек. На совещании поднимался шум. Поскольку все «персоны» были заключены внутри одного черепа, связь между ними была мгновенной, что-то вроде стенографии — иногда было довольно лишь мимолетного ощущения, эмоции, образа. Например, сейчас Поттер, Шум и Дьен реагировали на конфликт нерасчлененным потоком эмоций, выражавших поддержку и согласие. Временами, тем не менее, общение происходило посредством членораздельных, откровенных и даже резких фраз. «Действуй же, черт подери!» — разозлился Корелли. «Если ты не хочешь говорить, предоставь это мне», — предложил Су. «Скажи этому ослу Чай Говарду, что кораблем командуем мы!» — приказал Ангорак. В результате с губ Многолицего, единственного средства совместной внешней коммуникации всех одиннадцати квартирантов, сорвалось следующее:

— Заткнись, Чай. Разумеется, я поведу переговоры с пришельцами.

Он ослабил ремни безопасности и посмотрел вокруг. Коммандос неподвижно лежали в креслах, но они тоже ослабили привязь. Чай Говард вообще полностью выбрался из кокона, и лишь один-единственный ремень не давал ему воспарить над креслом: двигатели корабля молчали, и поэтому все, кто находился на борту, лишились веса. Многолицый наклонился вперед, включил микрофон связи.

— Неопознанный чужой корабль, ответьте. Мы вызываем неопознанный чужой корабль. Что случилось с президентом Соединенных Штатов?

Они принялись ждать ответа.

Ожидание затянулось, и краем глаза Многолицый заметил, как пальцы Чай Говарда проворно забегали по оружейной панели.

— Прекрати, Чай! — приказал он. — Сначала нужно разобраться, выяснить, что произошло, каковы их намерения — не забывай, мы ведь рассчитываем на их помощь против индийцев!

Чай открыл рот, но не успел ответить, его опередило радио. Послышался знакомый голос:

— Говорит президент. Что вы хотели?

Испуг. Оцепенение. Никто ничего не понимает. Даже коммандос до такой степени позабыли о дисциплине, что начали

переговариваться между собой.

— Их корабль был разрушен, полностью уничтожен лучевым оружием, — воскликнул Чай Говард. — Как удалось мальчишке выжить?

Многолицый ответил не сразу. Он был не в состоянии ответить, потому что внутри его головы, как эхо, вторящее диалогу внутри корабля, шли дебаты.

— Выясним, — сказал он наконец. Потом, наклонившись к микрофону, произнес:

— Где вы, господин президент?

Пауза. Снова голос, обиженным тоном мальчика — домашнего слуги, на которого накричал несправедливый хозяин:

— Я в безопасности, Многолицый.

Многолицый! Голоса внутри его головы ахнули хором, потрясенные подобной наглостью; еще никто не осмеливался так обращаться к Многолицему вслух, прямо в глаза! Даже коммандос начали посмеиваться.

— Отвлекай его! — приказал Чай Говард, руки которого вновь задвигались над оружейной панелью, а Многолицый на этот раз до того разозлился, что не стал его останавливать. В общем и целом единогласно решили все одиннадцать частей Многолицего, переговоры продвигались вперед успешно, до тех пор, пока…

Чай Говард вдруг испуганно ахнул, а секунду спустя послышались возгласы коммандос…

И Многолицый скорее почувствовал, чем увидел полотнище фиолетового пламени, стремительно наплывающее на них, и вот оно уже окутало корабль со всех сторон, миновало их…

Он взглянул в передний иллюминатор и обнаружил, что Солнце, сиявшее в правой части окошка, огненными всплесками отражавшееся на резких гранях и плоскостях чужого корабля, исчезло — появилось иное светило, красное, меньших размеров и слева…

И тогда рухнула плотина, сдерживавшая волну паники, и Многолицый, все одиннадцать его «персон» вскрикнули от ужаса, ибо сомнений не оставалось — вместе с кораблем они очутились во власти сил, превосходящих понимание.

Многолицый не удивился, что их взяли в плен. Он заранее предупреждал об этой опасности. Пытался объяснить генералиссимусу ракетных войск и заместителю главнокомандующего народной полицией, то есть лицам, стоявшим на одной с ним ступеньке, что пришельцы наверняка гораздо лучше подготовлены к встрече, чем китайцы воображают. Он пытался все это им втолковать в последние дни подготовки к старту с хайнаньского космодрома. В самом деле, пришельцы, как

выяснилось, имели в запасе пятьдесят лет, чтобы подготовить немало сюрпризов. За считанные недели китайцам их не догнать. То же самое он твердил и Чай Говарду, и абордажной команде. Правда, волнения и передряги старта плохо на него повлияли, и собственные предупреждения совершенно вылетели из головы. Своим же соседям по мозгу он тоже постоянно напоминал об опасности — если только они не пытались напомнить ему.

— Вы только постарайтесь моего зятя не задеть, — попросила Алисия, и Многолицый беззвучно вздохнул — все остальные его составляющие вздохнули тоже, — и сказал:

— Он тебе больше не зять. Он с твоей дочкой развелся. А главное, — добавил он (весь разговор происходил, разумеется, внутри его мозга, и не с помощью слов, а с помощью мгновенных обменов импульсами между тканями), — едва ли мы представляем опасность. Главное, чтобы нас самих не задели, в первую очередь. Потому что, если нас заденут, то будет нам очень плохо. — И вот, когда их корабль в самом деле был взят в плен, когда стальные захваты силой потащили его вниз, к поверхности новой планеты, даже сквозь дрожь, толчки и холодный пот, которым его обдавало от страха — корабль входил в атмосферу, — Многолицый крикнул Чай Говарду:

— Я же говорил! Предупреждал ведь! Теперь сиди тихо, ничего не предпринимай! Я обдумаю ситуацию! Без моего приказа не шевелись!

Трудно сказать, подчинился ли Чай Говард приказу или готов был его проигнорировать. Особой роли это не играло, потому что едва их корабль коснулся поверхности — вернее, его посадили на поверхность этой неизвестной планеты, — как со всех сторон их окружили войска. И какие войска! Даже Чай Говард и коммандос впали от изумления в ступор и ни малейшего сопротивления не оказали. Соотношение сил было не в их пользу, впрочем, и сопротивляться было бы бессмысленно — вдесятером против целой планеты, — но все равно не были они готовы столкнуться с амазонками, вооруженными не луками, а автоматическими винтовками и устрашающего вида юркими жуками, которые возбужденно чирикали и верещали, и, чтобы напомнить о себе и о том, что настроены они серьезно, то и дело с грохотом палили в воздух из чего-то вроде пушек.

Нет, всякая мысль о сопротивлении исключалась. Появление громадной неуклюжей машины на воздушной подушке, которая, завывая, скользила над покрытием пустого посадочного поля, добило команду Многолицего окончательно. На платформе машины в величественной позе, которая совершенно не вязалась со всем остальным, стоял один-единственный человек. Когда

машина остановилась, человек спрыгнул с платформы и широкими шагами направился к ним.

Это был Мелкинс Кастор.

— Приветствую вас! Вы прибыли в Мир, — начал он торжественно, как будто имел право их приветствовать, как будто слова его в самом деле имели значение и вес! — Хотя намерения у вас не мирные, мы принимаем вас с открытым сердцем, дабы узрели вы собственными глазами нашу всесокрушающую мощь, убедились в непреодолимой нашей решимости. Освобождение Америки не за горами! Мы готовы к битве!

К счастью, абордажную команду предварительно разоружили. Охранницы-амазонки заметили, как, услышав последние слова Мелкинса, коммандос проявили беспокойство, и потому угрожающе подняли стволы, направляя их на китайцев. Даже Многолицый не поверил собственным ушам.

«Что мы наделали? — застонали голоса внутри его головы. — Неужели забавная игра, которую мы затеяли, перестала быть игрой? Неужели он говорит с е р ь е з н о?»

2

Все, что открылось глазам Многолицего — и в космосе, и после посадки, и в сумасшедшем городе из кристаллов, ставшем его тюрьмой — все это сильно его напугало. Да, игра шла всерьез. До того всерьез, что дрожали поджилки. Взять хотя бы космический перебрасыватель, переходник — эту жуткую призрачную завесу фиолетового огня, сквозь которую в мгновение ока их швырнуло из одного пространства в другое! Куда уж серьезнее! Речь шла о технологиях, которые ханьцам и не снились. Но этим дело не ограничивалось. Китайский корабль был схвачен и его стащили вниз, словно непослушный метеорологический спутник времен зенита космической эры на довоенной Земле. Да и то пришлось прибегнуть к примитивным способам его захвата лишь по причине примитивности китайской технологии, создавшей их корабль. После посадки Многолицый обратил внимание на возвышавшуюся вдали, почти на горизонте, титаническую скелетообразную конструкцию, что-то вроде «русских горок» для великанов, и выяснил, что называется это сооружение «пусковой петлей», и предназначено для вывода на орбиту кораблей — намного быстрее, намного дешевле, чем с помощью всех ракетных установок Хайнаня, вместе взятых. И пусковая петля тоже была смертоносным оружием, потому что корабли с ее помощью запускались каждый день! По нескольку кораблей в день! Наверное, уже десятки выведены на орбиту,

ждут момента, чтобы начать вторжение! Это армада! Если один-единственный корабль уничтожил остров, то положение китайцев безнадежно — им не устоять против десятков или даже сотен подобных кораблей!

Да, ничего не скажешь, янки взялись за дело серьезно. Нет, «серьезно» — не то слово, вернее будет сказать «с рвением фанатиков». Ибо складывалось впечатление, что ни о чем другом, кроме как о войне и отмщении оккупантам-ханьцам они думать не в состоянии. Как себя чувствовали Чай Говард и коммандос, он понятия не имел, поскольку экипаж сразу же разделили. Даже урни, непонятные и смешные созданьица, располагали, оказывается, великой военной мощью, и, задумав некую военную кампанию, вполне были способны свои планы осуществить. Смешными они ему казались только вначале, пока он не познакомился с ними поближе. После этого он перестал находить их забавными, потому что к войне урни относились серьезно. Вместе с янки урни — все-таки странное название у этих созданий! — пятьдесят лет строили планы освободительной войны. Китай обречен.

Внутренний комитет Многолицего пришел к безутешному заключению: будущее окрашено в самые мрачные тона и нет и намека на брезжущий луч надежды. Но все же…

Но все же события, участником которых стал Многолицый, были крайне интересны сами по себе. Когда-то он был ученым, и все еще им частично оставался и сохранил научное любопытство. Странное и необычное продолжало притягивать его внимание.

А в Мире странных явлений и необычных феноменов было хоть пруд пруди!

Например, потрясающе интересным явлением оказались сами урни. Хотя никто из них китайским не владел, очень многие разговаривали по-английски, а один урень стал гидом, почти товарищем Многолицего — создание это любознательностью не уступало землянину. Звали урня Джач. «Джач Вашингнун», как он сам объяснил. «Я принял имя вашего великого первого президента».

— Только не моего, — сухо отрезал Многолицый, — моим президентом он никогда не был. — Но затем он сменил гнев на милость. — Послушай, а у вас разве нет собственных героев?

— Есть, и много, очень много, — заверил его Джач. — Но ради союзников, в знак уважения, мы всегда принимаем имена их героев. Так повелось. А теперь, — он спрыгнул со стула, который использовал вместо насеста, и проворно выскочил в дверь, — если ты за мной последуешь, мы отменно пообедаем и поболтаем.

Беседа получилась восхитительная. Урень был разговорчив, и

все, что он рассказывал, было для Многолицего новым и поразительным. Мелкие недоразумения в счет не шли — например, какой-то голый урень вскарабкался на стол и принялся кормиться прямо из большого блюда с их обедом, и Джач тут же отогнал настырное созданьице.

— Это глупик, — пояснил он извиняющимся тоном. — Они безвредны. Но надоедливы, поэтому спокойно гоните их прочь.

Многолицый опустил вилку двумя зубцами на тарелку и поинтересовался:

— Глупик — что это значит? Существо с низким уровнем интеллекта?

— О да, весьма низким, весьма, — согласился Джач. — Минуточку, я попытаюсь объяснить. С чего же начать… Вам ведь о нас, урнях, мало что известно? Ну да, разумеется. Так вот, первоначально мы были всего лишь домашними животными…

И Многолицый, с круглыми от изумления глазами, выслушал рассказ Джача о том, как с помощью искусственных мутаций (не совсем было ясно, как именно это получилось) домашние любимцы обрели разум; как существа, их хозяева, истребили себя самих в войне; о том, как век за веком, тысячелетие за тысячелетием искусственная мутация становилась все нестабильнее, сползая обратно, к первоначальному генотипу. Глупые урни — это как раз и был тот самый естественный тип урней, послуживший материалом для мутации…

Многолицый был в восторге. За каждым поразительным откровением следовало новое, и открытиям, казалось, конца не будет. Изредка он вспоминал о печальной судьбе обреченного на поражение Китая, но она почему-то не слишком его волновала. Казалась какой-то нереальной. Ведь Многолицый, по крайней мере изрядная его часть, был человеком старым и мудрым, и давно усвоил жестокий урок — случается оказаться в обстоятельствах, совершенно от тебя независящих, и над которыми у тебя нет ни малейшей власти — вот как сейчас… К тому же он очутился в прелюбопытнейшем, престраннейшем мире! У него накопилось множество интереснейших вопросов! И ответ на каждый из них порождал тысячу новых! Разобравшись в общих чертах с историей урней, он принялся задавать вопросы о похожих на рыб и страусов одновременно созданиях, чьи статуи и объемные изображения виднелись повсюду — как их там, «Живых Богах»? Кто они были такие, эти «Живые Боги»? Джач объяснил, и сразу же появилось множество новых вопросов, требующих объяснения: почему война стала религией урней? Насколько тщательно выбирают они место и причину, и так далее…

Вопросам не было конца.

Оставался еще весьма сложный и важный вопрос из другой области: что произошло с Кастором, Делилой и Мирандой? Потому что они все трое заметно переменились, несколько недель назад они были другими, насколько помнилось Многолицему.

Исключая Алисию, с ее симпатиями к мальчишке Кастору, все прочие «персоны» Многолицего ничего хорошего в нем не находили. Мальчишка заметно повзрослел за эти недели, стал вести себя увереннее. Хотя по-прежнему был нахален и эгоцентричен и… слишком уверен в своей мужской неотразимости. (С точки зрения человека, которому едва ли выпадало вкусить женской любви с тех пор, как из мозга удалили первую опухоль.)

А Делила! На нее жалко было смотреть! Как легко телячьи нежности могут уничтожить опытного и ценного работника! Делила пала, и диагноз был ясен любому, стоило лишь увидеть, с какой ненавистью набрасывается бедняжка на девчонку Фенг. И всякому было ясно, что в итоге Кастор наверняка предпочтет женщину помоложе… и даже не одну, а целую дюжину, потому что с не меньшей ясностью был очевиден другой факт: едва ли в Мире найдется сестрица, которая упустит случай заняться с мальчишкой любовью. Только бедная Делила ничего не хотела замечать.

Что до Фенг Миранды, то у Многолицего о ней не сложилось достойного мнения. Слишком глупа, ребячлива, и вообще не стоит тратить на нее время и мысли, решил он. И сделал ошибку, большую ошибку.

Миранду больше не считали пленницей. Концептуальный барьер, до сих пор не дававший янки осознать, что даже генетически чистая китаянка-хань может, при всем при том, быть истинным американским патриотом, рухнул во время военных совещаний. Сомнений не оставалось — Миранда столь же предана идее освобождения Америки, как Юпитер, или даже сама губернаторша.

Делилу тоже освободили из-под стражи, хотя по иным причинам. Не потому, что она заслужила доверие. Просто едва ли в ее власти было нанести янки вред. Ее на дух не подпускали к залу военных совещаний или космоцентру, а если она вдруг поведет себя агрессивно в каком-нибудь гнезде или фермерском поселении, то пусть бесится, особого вреда все равно не причинит.

Кастора, разумеется, под стражу и не брали. Военнопленным он не считался. По мнению Многолицего, в этом вопросе янки и урни ошибались, потому что мальчишка еще не созрел как следует, чтобы иметь твердые политические взгляды и мнения.

Его называли президентом, от чего он, разумеется, задрал нос выше головы. Но его самолюбию не в меньшей мере льстило настойчивое внимание сестриц, преследовавших его, как самки во время течки преследуют самца, чем Кастор ежедневно с наслаждением пользовался. Делила не скрывала мук ревности.

Самое поразительное (как показалось Многолицему), что его самого не взяли под стражу. И вообще предоставили всем членам экипажа свободу. Коммандос вежливо развезли по пяти разным городам, под предлогом проведения «собеседований и дискуссий» — как будто эти парни, умеющие только с поразительной быстротой нажимать на спусковой крючок, были в состоянии что-то с кем-то обсуждать! Оказавшись в назначенных им городах, коммандос были отпущены на волю, чем они немедленно воспользовались и теперь наслаждались обществом местных сестриц. И даже Чай Говарда не упекли за решетку, хотя куда бы он ни шел, по пятам следовали за ним урни, а зачастую и сестрицы, движимые любопытством разного рода (кстати, это и Многолицего касалось).

Но урни и янки не сторожили его. Это вовсе не было стражей.

Многолицый не сомневался, что урни и янки не видят в нем врага. Ему было известно, что думают о нем умники: Многолицего они считали поистине уникальным лабораторным препаратом… чем он в самом деле и являлся на Земле.

И еще в большей степени — в Мире. Живые Боги весьма интересовались биотехнологией — создание урней-мутантов было тому подтверждением, — но идея пересадки тканей из одного мозга в другой, похоже, их даже не посещала.

Только некоторое время спустя Многолицый понял, что означает для урней встреча с образчиком технологии, неведомой даже самим Живым Богам. В глазах урней Многолицый становился почти божеством, достойным благоговейного и почтительного отношения.

Если урни были очарованы Многолицым, то он сам, в свою очередь, попал под очарование нового мира, открывшегося ему: урней, Живых Богов, их планеты, их истории… и особенно планетарных гостей урней, янки. Интеллектуальное наслаждение было настолько острым, что заслонило для него все прочее. Почти. Узнавание нового было для Многолицего особым процессом — все, что он узнавал, он переживал заново одиннадцатью разными способами. Каждая из его субличностей имела собственные интересы, специальные познания в своей собственной области. Как агроном, Алисия Поттер пришла в восторг от фермерских хозяйств урней. Антрополог Корелли наслаждался изучением социального устройства и обычаев урней

и янки. Воин Ангорак увлекся системой вооружений урней. Инженер Дьен был поглощен изучением машин и конструкций, оставленных Живыми Богами, а психолог Хсанг…

О, психолог Хсанг! Для него янки оказались не просто загадкой, головоломкой. Нет, их существование грозило разрушить сам фундамент его убеждений.

Фундамент этот, как ни странно, составляли запретные идеи. Противоправные идеи. Но от этого убеждения Хсанга не становились менее твердыми. Как в большинстве социалистических стран, в Китае давным-давно разоблачили и заклеймили дурно пахнущие, антинародные бредни этого вырожденца, этого лакея империалистических боссов, Зигмунда Фрейда. Сексуальная интерпретация снов в Народном Китае считалась не просто ересью. Она была уголовно наказуема.

И как в большинстве соцстран, ханьские психиатры отыскали скрытые, замаскированные способы воспользоваться элементами запретных терапевтических методик. То там, то здесь во время сеансов корректирующего перевоспитания они ухитрялись ставить — в завуалированном виде, конечно, — фрейдовский диагноз. Товарищ испытывает слабость к бананам, морковкам и сочным розовым сосискам? Ну что ж, товарищ, на всякий случай к вашему режиму труда и отдыха добавим холодные обливания.

Познакомившись с образом жизни янки, Хсанг-психолог был потрясен. Оказывается, здесь, в Мире, — впервые за два столетия, — учение Фрейда не просто было ересью, оно вообще было неприменимо.

В структуре личностей янки, населявших Мир, отсутствовала мрачная наказующая фигура отца.

Потому что отцов у них не было.

Поэтому Хсанг непрестанно донимал товарищей по общежитию. Представляете, все теории Фрейда разбиты… то есть, на самом деле не было никаких теорий, фрейдизм, как известно — буржуазное заблуждение, но на Земле, все же, выводы Фрейда находят… ну да, считалось, что находят, но это заблуждение… находят определенное подтверждение, очень ограниченное, разумеется, но… Остальные пытались его утихомирить, им хватало собственных поразительных открытий и восторгов, но Хсанг все равно выскакивал, как чертик из коробочки. Себя он чувствовал в безопасности; сообразив, что государство никоим образом не доберется до него, и наказание за погрешности против ортодоксальных взглядов ему не угрожает. Фигура отца испарилась! Нет ее! И сыну не приходится чахнуть в ее всеподавляющей исполинской тени! Что касается зависти к пенису, то при численном превосходстве женщин — кажется, 1 к

180? — пенисы в слишком большом дефиците, чтобы стать материалом для сублимирующих зависть фантазий!

И вдруг Су Вонму, тихая душа, человек без профессиональных интересов, сказал мягко:

— Хсанг, все это очень интересно… структура личности и тому подобное… и твои рассказы, Дьен, о строительных технологиях тоже очень увлекательны, но… не пора ли нам всем вместе посовещаться и попробовать разработать план?. О том, как нам остановить янки и урней, не дать им уничтожить все, что было нам дорого на Земле, всю нашу любимую Отчизну.

3

— Я ручаюсь за старика, — произнес Мелкинс Кастор, президент США, покровительственно положив руку на сутулое плечо Многолицего.

— У него свои странности, — снисходительно продолжал Кастор, — но вреда старик не причинит. Он, понимаете ли, сам с собой разобраться не может, путается.

Большая Полли, сидевшая в своем губернаторском кресле рядом с ним, задумчиво поджала губы. Она обвела взглядом собрание Конгресса Соединенных Штатов (в эмиграции), надеясь отыскать признаки одобрения или, наоборот, несогласия, но все сенаторы и конгрессонессы держались сдержанно, как и она сама. Никто не собирался брать на себя обязательства и раньше времени выдавать отношение к сомнительному вопросу.

— То есть, вы предлагаете предоставить ему полную свободу передвижения, господин президент? — уточнила она. — То есть, признать его благонадежным?

— Именно! — внушительным тоном произнес Кастор и хлопнул Многолицего по плечу. — Я же говорю: он безвредный старикан. И мой друг, вроде бы.

Большая Полли вздохнула.

— Если вы так приказываете… — Она вновь поискала взглядом недовольных, но не нашла, как и предполагала. — Теперь мы можем закрыть это внеочередное заседание и заняться военными делами, не так ли?

На это предложение возражений не последовало, естественно, и Многолицый позволил себе благодарно пожать руку Кастора.

— Спасибо, ты мне очень помог, — сообщил он, когда они вдвоем покидали собрание.

— Не стоит благодарности, — небрежно бросил Кастор, улыбаясь парочке совсем юных, едва созревших сестриц,

кокетливо помахавших президенту со ступенек. — Дело ведь, считай, кончено — Китаю крышка. Осталось лишь перебросить армаду — и…

— Очевидно, ты прав, — согласился Многолицый. — Ну, ладно, Кастор, тебя, по-моему, ждут подружки. Обо мне не беспокойся. Я уже прекрасно здесь ориентируюсь.

И он зашагал прочь как мог быстро — для пожилого человека с дополнительным грузом в пятнадцать килограммов на плечах и усталой шеей. К счастью, притяжение Мира слабее земного. С другой стороны, климат жарко-душно-влажный, и это плохо, потому что старик быстро утомлялся. Ничего не поделаешь, придется привыкать, решил он, то есть его внутренний комитет, почти единогласно; у него куча дел, и выбора не остается.

Для начала он обязан удостовериться, что Кастор сказал правду. Это было сделать проще простого. Многолицему удалось забраться на платформу, скользившую над полем в сторону постройки, гордо именуемой Центром Управления Полетами. Сегодня там дежурил Джач, и он с удовольствием удовлетворил любопытство Многолицего. Да, сообщил он, уже тридцать одно судно выведено на орбиту в полном вооружении и готовности. (Он любезно вызвал изображения этих кораблей на индекс-экран.) Да, в Центре, в резерве остается еще кораблей в избытке — правда, не все они в рабочем состоянии, но с другой стороны, и десятка урацких кораблей хватит, чтобы разгромить жалкие вооруженные силы Китая. Многолицый стоял на открытой площадке Центра под плавно падающим теплым дождем, и его била зябкая дрожь. На горизонте высилась скелетообразная пусковая петля, там готовились выстрелить на орбиту очередной корабль. Урни суетились вокруг тягача, которому предстояло оттащить к пусковой петле новый корабль.

Итак, Кастор не ошибся. Вооруженные силы Мира вполне в состоянии справиться с заданием.

Многолицый поежился. Капли теплого дождя падали медленно, расплывались мокрыми пятнами, разлетались брызгами на крышках приборов и пультах управления — но аппараты не боялись воды, ведь они были построены здесь, в Мире, и рассчитаны на всепроникающую влагу и душное тепло. Многолицый, однако, плохо был приспособлен к погоде Мира.

— Пойду-ка спрячусь под крышу, — сообщил он, что было удачным предлогом покинуть Центр. Джач вежливо привстал на задние лапки и коснулся кончиками вибрисс пальцев старика — жест, означавший прощальное рукопожатие.

Итак, все, что он выяснил, подтверждало слова Кастора. Объединенные силы янки и урней несокрушимы.

Многолицый вошел в город, осушил дождевую влагу — в чем толку было мало, поскольку он тут же покрылся пленкой пота. Он доброжелательно поглядывал на проходивших мимо урней — и умников и глупиков, на сестриц-янки и даже редко попадавшихся мужчин, с любопытством на него глазевших и что-то в полголоса друг другу сообщавших. На крошечном лице, придавленном громадной, как тыква, головой, не отражалось ни тени той яростной дискуссии, которая сейчас происходила внутри.

Мнения субличностей, составлявших комитет, разошлись. Корелли, Поттер, Ангорак и Дьен, в конце концов, не были китайцами-хань по происхождению. И не всосали с молоком матери преданности Дому, как Фунг или все остальные импланты. Но все субличности с отвращением относились к геноциду и даже ненужной жестокости, ненужному кровопролитию и убийствам. Все они видели, что сделал с островом удар космического корабля — превратил островок в стерильную пустыню. И все они сошлись на том, что нельзя сидеть сложа руки. Необходимо действовать.

Когда субличности приходили к взаимному согласию, комитет внутри черепа Многолицего был способен действовать с поразительной быстротой и точностью. Многолицему не требовалось времени, чтобы сосредоточиться и обдумать ситуацию. Внутри его черепа-тыквы, так утомившей его несчастную шею, одновременно работали одиннадцать процессоров данных. Каждый бит информации, попадавший в его мультисознание, прямиком направлялся в те составляющие, которые наилучшим образом могли его использовать, соотнести с уже накопленными сведениями, и в случае нужды внедрить в общую схему.

Поэтому внешне Многолицый не изменил образа жизни. Он продолжал бродить повсюду, осматривал достопримечательности и задавал вопросы. С другой стороны, маршруты экскурсий подбирались особым образом, и вопросы он задавал нацеленно.

Ни янки, ни урни, похоже, ничего не подозревали.

Повсюду за ним всенепременно следовала стайка урней, похожих на мягкокожих жуков, преимущественно глупиков, то и дело летевших вверх тормашками — до того любопытно им было узнать, что же задумал необыкновенный двуног. Но и умники не обделяли Многолицего своим вниманием, потому что были не менее любопытны, чем глупики. И даже янки — конечно, женского пола, — проявляли к нему интерес, если только не были заняты Кастором.

Многолицый тщательно изучил урацкий город — нет, не урацкий, поправил он себя (то есть Дьен-инженер поправил всех

остальных), потому что вовсе не для урней предназначался город, а для Живых Богов, которые его и построили. Люди тоже чувствовали себя в городе более-менее сносно. Но урни казались здесь до смешного маленькими, непропорционально крошечными. Урни попытались местами приспособить город к собственным размерам… Лестничные пролеты были покрыты мягкими дорожками-сходнями — ступеньки, пожалуй, были круты даже для самых высоких янки; умники и глупики сновали вверх-вниз по этим трапам, и ни одному из них не пришло в голову перепрограммировать машины Живых Богов, заставить их перестроить лестницы в уменьшенном масштабе. В городе практически не было окон такой высоты, чтобы урень мог из них выглянуть наружу. Все кухни — больше напоминавшие химические лаборатории, — были двухъярусными. Вдоль столов, плит и рядов кухонных машин протянулась особая платформа. Урни, предпочитавшие готовить блюда на собственный вкус (вместо того, чтобы воспользоваться автоматикой), карабкались на верхний уровень. Нижним никто не пользовался, не считая Многолицего, исследовавшего город. То же самое касалось и прочих помещений: общественных центров, библиотек и даже жилых комнат, где урням, чтобы запрыгнуть на высокие широченные кровати, приходилось взбираться предварительно на скамеечки.

Многолицый исследовал все здания… а библиотеки — с особой тщательностью.

Как жаль, что между собой урни разговаривали не на китайском и даже не на английском, а на языке давно исчезнувших хозяев. Но проблему, оказалось, можно обойти, поскольку изрядная часть данных хранилась в виде изображений и иллюстраций, и янки подготовили краткие аннотации к самым важным разделам.

Корелли-антрополог нашел в библиотеках немало интересного, изучая историю и быт колонистов-янки. Ему удалось узнать немало. Например, он выяснил, что как только Первопоселенцы достигли звезды Ван Маанена и были переброшены непосредственно в Мир, урни в первую очередь собрали еще, один разведкорабль с переходником и отправили в окрестности этой звезды, откуда корабль начал долгий субсветовой полет к Солнцу. Путешествие заняло сорок два года. Эта деталь оказалась немаловажной: теперь Многолицый знал, что ближайший к Земле аванпост урней расположен в системе звезды Ван Маанена. Он узнал также, что численность населения янки достигает 8 500 человек, из них 8 450 — женского пола. Корелли ехидно усмехнулся по этому поводу:

— Еще два поколения — и они бы нас обогнали!

Очень многое из того, что он узнал, пока в общую картину никак не вписывалось.

Анналы янки тоже представляли собой истинное чудо. Мало того, что хроники велись на английском (а как же еще?), но автоматически обновлялись и пополнялись каждый день. Самыми интересными для Корелли-антрополога оказались записи, касавшиеся непосредственно жизни гостей с Земли.

Многолицый не подозревал до сих пор об их существовании. Ему и в голову не приходило, что среди крутившихся вокруг янки и урней могут оказаться и любопытствующие с камерами. И не только среди них, — очевидно, другие камеры были спрятаны в стенах, иначе как объяснить появление сюжета, в котором Цзунг Делила в чем мать родила устраивает бешеную сцену ревности Мелкинсу, тоже голому и хмурому? Или — вот это неожиданность! — Чай Говард, этот фанатичный ревнитель, с удвоенной энергией соблазняет пышнотелую румянощекую сестрицу-янки?

Похоже, любые сведения были доступны любому случайному посетителю библиотеки. Урни понятия не имели о тайнах — до сих пор им не было нужды помечать определенные сведения грифом «совершенно секретно». Все, что становилось известно одному урню, — становилось известно всем остальным. Янки же уважали обычаи урней, поэтому в библиотеке вы могли обнаружить все, что вашей душе угодно. Запретных тем не существовало.

Абсолютно никаких. Хотя просмотрев некоторые разделы, Многолицый покрылся холодным потом, а все его субличности ударились в панику.

Даже те разделы, в которых рассказывалось о помощи урней в борьбе за свободу разумных существ Галактики на протяжении тысячелетий — даже эти разделы были доступны совершенно свободно. Да, посещение библиотеки оказалось для Многолицего весьма плодотворным — и не только в отношении зрелищ, сомнительных с точки зрения благочестия.

— Бедняжки! Мне так жалко их, тех розовеньких малюток! — всхлипнула Поттер Алисия, но Ангорак прогремел: — К дьяволу зверюшек! Поттер, подумай о нашей родине! Что они с ней сделают?

На этот вопрос ответить было непросто. Ответом на вопрос Ангорака стала тишина. Наконец Шум сказал робко:

— Товарищи, мы, кажется, недооценивали серьезность положения.

— В самом деле? — медленно произнес Ангорак. — Что ж,

товарищ Шум, просветите нас!

— Благодарю, товарищ Ангорак, с удовольствием. Допустим, что мы недооценивали нынешних хозяев планеты, урней. Конечно, создания они комичные. Но так ли уж они нелепы, как может показаться?

— Что ты, Шум! Ведь они даже не люди! — раздраженно запротестовала Поттер. — Что может быть нелепее?

— По-моему, это неверный взгляд на вещи, товарищ Алисия. Мне представляется, что урни даже слишком похожи на людей. Я объясню, — добавил он поспешно. — Можете ли вы сказать, что урни — глупые клоуны, шуты гороховые, и относится к ним серьезно не стоит? Нет. Для этого они слишком могущественные. Может быть, они злы и коварны? Тоже нет. Их цель — помогать угнетенным вновь обрести свободу. Товарищ Мао лично высказывался в поддержку этого принципа. Такая цель не может вызвать у нас ни отвращения, ни порицания.

— Шум, ты что, на их сторону переметнулся? — воскликнул Ангорак, но не сердито, а скорее удивленно.

— Вовсе нет, товарищ Ангорак, я лишь хочу заметить, что урни подобны людям в гораздо большей степени, чем мы подозревали. Урни напоминают своими действиями великие мировые государства столетней давности. Свои лозунги они превратили в догму и по дороге потеряли смысл, забыли о принципах, оправдывавших эти лозунги.

— Говори уж прямо, болван ты этакий!

— Я скажу, товарищ Ангорак. Не этому ли учит нас история? Не находим ли мы в прошлом подобные печальные примеры? Разве с великими державами, которые уничтожили друг друга в ядерной войне произошло не то же самое? Обе стороны сражались — одна за «свободу», другая — за «равенство», и так громко выкрикивали лозунги, что не слышали друг друга?

— Наши предки, Шум, — пророкотал Ангорак, — превосходно сознавали все эти противоречия! По этой причине Китай и решил ничего общего не иметь с гегемонами-империалистами, с поджигателями войны, с этими тираниями!

— У наших предков, — вздохнул Шум, — был выбор. А у нас выбора нет, не так ли? Нам не отделаться так просто ни от янки, ни от урней. И остается лишь надеяться, что мы отыщем способ их остановить, предотвратить их «помощь» нашей планете. Потому что печальные последствия подобной помощи мы с вами недавно видели.

— Бедные розовые зверушки, — всхлипнула Поттер Алисия.

— А как мы их остановим? — с вызовом поинтересовался Ангорак.

— Не знаю, — почтительно ответил Шум. — Но знания у нас есть. Вопрос в том, сумеем ли мы знаниями воспользоваться?

Знания бесполезны, если не идут в дело. Использовать знания — значит, с кем-нибудь знаниями поделиться.

Но с кем же? С кем мог бы Многолицый поделиться тем, что узнал?

Мысль, которая пришла к нему первой, была правильной мыслью, но, к сожалению, неосуществимой. Долг партийца призывал его отыскать Чай Говарда или командира группы коммандос и сообщить о сведениях, найденных в библиотеке. К сожалению, этот вариант отпадал сразу же. Урни были доверчивы, но не беспредельно, поэтому Говарда, солдат и Многолицего надежно друг от друга изолировали. Связаться с кем-то из них он не имел возможности.

Как насчет Кастора?

Да, решил про себя Многолицый (то есть большинство его субличностей одобрило идею), Кастор — неплохой выбор. (Меньшинство голосовавших воспротивилось предложению, опасаясь, что Кастор может пострадать — его ранят или еще хуже. Но меньшинство составляло всего один голос, к тому же Алисия большую часть времени жила в выдуманном мире.) Поэтому Многолицый начал действовать. В руках у него находилось нечто подходящее для приманки. Наступило время использовать этот козырь. Он составил послание Кастору и отыскал умника, который пообещал доставить письмо прямо в руки президенту Мелкинсу.

В письме говорилось:

«Уважаемый господин президент!

Рад сообщить, что Ваша супруга, Мария, жива и здравствует в Саскачеване. Перед нашим вылетом она записала на кассету послание для Вас. Кассета находится у меня. Если вы хотите просмотреть запись, мы могли бы встретиться в удобное для Вас время.

Фунг Босьен».

Простая, незамысловатая и откровенная приманка, согласны? Сообщество персон внутри многолицевой головы в этом не сомневалось. Но Кастор разбил их надежды в пух и прах. Он наживку глотать не стал. Трудолюбивый исполнительный умник вернулся к Многолицему с прискорбным ответом: президента ни мало не волнует судьба бывшей супруги, которая сбежала от него, когда был он беден и прозябал в неизвестности, и поэтому теперь, став президентом США, он вообще не чувствует себя обязанным уделять внимание ее посланиям.

Многолицый в сердцах обругал умника, но делу этим не

помог, разве что доставил урню пару веселых минут. Многолицый взял себя в руки, утихомирился, и сообщество персон внутри его головы занялось обсуждением ситуации, а урень разочарованно удалился. Субличности пришли к выводу, что задача оказалась более крепким Орешком, чем они предполагали.

Если Кастор не желал идти к Многолицему, тогда Многолицый отправится к Кастору, ничего не поделаешь.

Но где же отыскать легкомысленного мальчишку? Многолицый справился у Цзунг Делилы, но она лишь бросила ему свирепо: «Откуда я знаю, старый осел!» Он навел справки среди умных урней, но получил тот же ответ, хотя в гораздо более вежливой форме. В ту ночь ему долго не удавалось заснуть, потому что члены мозгового комитета устроили перебранку. Проснулся он уже после восхода солнца, проснулся рывком, потому что один из голосов в его голове разбудил все остальные истошным криком: «Библиотека!»

Ну конечно же, библиотека! Как же он сразу не додумался! Урни понятия не имели, где Кастор, но тот, что согласился стать посыльным, тоже наверняка этого не знал. Просто-напросто Многолицый неправильно задавал им вопрос. Не «Вы знаете, где Кастор?», а «Где сейчас Кастор?» — вот как нужно было спрашивать. Чтобы выяснить подобные вещи, урни использовали библиотеку — способ столь, очевидный, что им и в голову не приходило подсказать его Многолицему.

И он поспешил в библиотеку. Утро выдалось жаркое и душное, как всегда. Индекс-экран с первой же попытки открыл ему тайну местонахождения Кастора — спальные помещения городского гнезда (увидев, чем Кастор в сей момент занимался, Многолицый густо покраснел).

Ему пришлось поспешно покинуть город, направившись к местному гнезду, отыскать спальный уровень. Утро было в самом разгаре (день в Мире был короче земного), и большинство жителей уже давно покинуло постели. Кастор тоже, разумеется, давно бы покинул гнездо, если бы интересовал его преимущественно ночной отдых — но юный президент находился не просто в спальных помещениях, а, конкретно, в брачных покоях. Многолицему пришлось подождать, пока президент выйдет наружу. Наконец он появился, обнимая каждой рукой по молоденькой сестрице. Вид у девушек был удовлетворенный, у президента скорее усталый.

— Многолицый, мне на твою кассету наплевать, — сразу же заявил он.

Многолицый пожал плечами.

— Тогда ты, может быть, просто прогуляешься со мной? —

вежливо предложил он.

Кастор посмотрел на него горделиво.

— Зачем? Я тебе больше не домашняя прислуга.

— Да, — согласился Многолицый. — Но мы по-прежнему друзья, надеюсь. Я просто хотел прогуляться, поговорить.

Кастор озадаченно посмотрел на него, потому что оба понимали — ни о какой дружбе между ними и речи быть не может. Прогулка, несмотря на легкое притяжение Мира, стоила немалых усилий, — слишком тяжелым, влажным и горячим был местный воздух. Но только на прогулке, решил Многолицый, они окажутся вне досягаемости вездесущих скрытых камер. Они пересекли полосу фиолетово-голубого мха, который урни (или Живые Боги) выращивали примерно с той же целью, с какой люди культивировали зеленые лужайки. Они направились в противоположную от площадок с космическими кораблями сторону, потому что там было менее людно. Как всегда, за ними увязалась стайка урней, но Многолицый, внимательно их осмотрев, пришел к выводу, что следует за ними исключительно глупики. На этих урнях не было одежды, они лишь чирикали и верещали (ни одного вразумительного слова) и, самое главное, казались чересчур веселыми и беззаботными — умники не всегда были такими.

Многолицый и Кастор подошли к ирригационному каналу. Многолицый с наслаждением сбросил сандалии и подвернул кюлоты. Он ступил в воду, погрузив пальцы ног в теплый густой ил, посмотрел на Кастора, который хмуро стоял на берегу.

— Ты понимаешь, что они сотрут Китай с лица земли?

Кастор пожал плечами.

— Понимаю, — согласился Многолицый. — Что тебе до Китая? Это ведь не твоя родина. И тебе абсолютно все равно, что Великая Стена превратится в застывшую лаву, а Запретный Город — в пепел, поскольку ни первого, ни второго ты ни разу в жизни не видел. Но ответьте, господин президент Соединенных Штатов, уверены ли вы, что Северная Америка избежит той же прискорбной участи?

Кастор присел на бережок, сбросил с колен тут же запрыгнувшего на них глупика. Бродить босиком по щиколотку в грязной воде ему было неинтересно, он был этим сыт по горло со времен коллективной фермы «Небесное Зернышко». Он покачал головой и ласково сказал:

— Глупый старичок! Янки и урни — мои союзники. Они не причинят Америке вреда.

— Так-так, — покачал своей громадной головой Многолицый. — Значит, ты ничего не знаешь, получается? Ты не

заглядывал в библиотеку?

Теперь Кастор смотрел на него совсем по-другому — с интересом и немного обиженно.

Многолицый тихо засмеялся.

— Понимаю, здесь ты изучал преимущественно анатомию. Я тебя не виню — будь я помоложе и посимпатичнее, занялся бы тем же самым. Хотя Кастор, странно, очень странно. Не совсем понимаю…

— Чего ты не понимаешь, старик?

— Не понимаю, что стряслось с мальчиком, дни напролет просиживавшим у экранов учебных машин, с молодым человеком, который был без ума от счастья, когда попал в университет.

— Говори яснее! Я не понимаю тебя!

— Я говорю о знаниях, Кастор. Об умении находить и получать знания. Ведь именно знания отличают тебя от этого вот глупого создания, которое пытается пробраться к тебе в карман — у тебя там еда? — Президент нетерпеливо прогнал глупика прочь. — Раньше мне казалось, что ты, Кастор, одержим жаждой познания, что ты — истинный ученый, который понимает, что знания — это компас и знания имеют ценность сами по себе. — Алисия Поттер внутри его головы зашептала: «Да, он такой, такой», а Хсанг-психолог предупредил: «Полегче, не перегни палку!» Но сейчас председательствовал во главе комитета Многолицый. Он с сожалением выбрался из воды, теплой (теплой, как кровь), обтер ноги о поросший мхом бережок. Надевая сандалии, одной рукой он, чтобы не упасть, оперся о плечо Кастора, и добавил: — Знание — сила, Кастор.

— Еще бы, — рассеянно заметил Кастор, погруженный в собственные мысли.

В молчании они отправились в обратный путь, к разноцветным кристаллическим башням города. Даже глупики, тащившиеся следом, притихли.

Когда они достигли первых городских зданий, Кастор спросил:

— А где находится библиотека?

— Справься у любого урня, — весело посоветовал Многолицый. — И попроси показать военные летописи за последние восемь тысяч лет.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Кастор сидел под навесом, и прическа его, пропитавшись влагой тропического воздуха Мира, утратила тщательно уложенный пробор. В руках он держал разобранную на части урацкую винтовку — или что-то вроде винтовки, а вместе с ним за длинным столом на козлах сидели Юпитер, Миранда и пятеро сестриц-оружейниц. Все они учились разбирать и собирать ручное оружие. Идея принадлежала не урням, а янки. Все Первопоселенцы проходили военную подготовку, и, поскольку обучались сборке-разборке оружия, янки полагали, будто все последователи Первопоселенцев обязаны им в этом подражать. Кастору идея представлялась глупой.

— Не тебе судить, — осудила его Миранда. — Если ты не умеешь правильно соединять части, как ты определишь неисправность? И какие вводить поправки, если система наведения не срабатывает? Или если системы сбиты с толку контрмерами противника?

— Не знаю, — проворчал Кастор. — Просто отброшу винтовку и все. В рукопашную сражаться не придется.

— Почему ты так считаешь? — не унималась Миранда. — Это только предположение. И вообще, смотри, что делаешь! Посерьезнее!

Кастор неопределенно пожал плечами. Раньше ему в руки урацкое оружие не попадало, поэтому занятия обещали быть веселыми.

Но визит в библиотеку испортил все удовольствие.

Вернее, все испортил старый уродец со своими намеками. Многолицый был прав. Первый попавшийся урень с радостью показал Кастору дорогу в библиотеку. И вновь Многолицый был прав. В библиотеке Кастор обнаружил пугающие вещи.

Если бы старикан держал язык за зубами, раздраженно подумал Кастор, я бы сейчас с превеликим удовольствием возился с этими железками. Он пытался вставить пружину в гнездо, чувствуя на себе неодобряющий взгляд Миранды. Он рискнул улыбнуться.

— По-моему, войн и так было слишком много, — заметил он, и пружина, выскользнув из пальцев, со звоном полетела через стол.

— Кастор! — разозлилась на него Миранда. — Мы из-за тебя

на военный совет опоздаем.

— Нет, Миранда, я только…

— Тогда, прошу тебя, соберись и думай, что делаешь! Что ты там насчет войн говорил?

«Так», — подумал вдруг Кастор и принял пружину у глупика, запрыгнувшего под скамью, чтобы извлечь ее оттуда.

— Ты сказал, кажется, что слишком много было войн.

Он кивнул.

— Ну и что? — наседала на него Миранда. — Что с того? Бывают войны, которых не избежать. Необходимые войны.

— Конечно, бывают, — согласился он.

Но в самом ли деле это так, подумал он про себя. Неужели война — такая уж хорошая штука? Он вспомнил историю Земли: сколько столетий, и все окрашены кровью. Моря крови. Миллионы погибли ужасной смертью — в окопах, в самолетах, обратились в пепел в огне ядерных взрывов, захлебнулись в потопленных кораблях. Все это было давным-давно, конечно, и все люди, погибшие в войнах, все равно уже умерли бы. Он попытался утешить себя этой мыслью. Но особого утешения не почувствовал. Неутешительной оказалась мысль. Страх и боль, которую пережили погибшие — они ведь не выдумка, и со временем ничего не изменилось. В войнах гибнут люди.

И ради чего стоит вновь затевать этот ужас? Чтобы опять были боль, и страх, и безнадежность, и агония?

— А знаешь, — сказал он небрежно, по-приятельски наклонившись к Миранде, которая сидела на соседнем табурете, — в истории урней имеются любопытные страницы. Как-нибудь сходи в библиотеку, поинтересуйся.

— Ты, Кастор, лучше смотри, что делаешь! — наставительно сказала она. — Ты посмотри, как ты спусковой механизм собрал! Тебе же голову оторвет — и поделом, все равно пустая!

— Я только сказать хотел… — начал он, но Миранда резко его оборвала.

— Нет, сдаюсь! Солдат из тебя никогда не получится, Кастор. И президент из тебя тоже паршивый. Давай, присоедини затвор как следует, нам пора на совет поторопиться. И хоть на совете постарайся не витать в облаках, договорились?

— Я всегда внимательно слушаю, — запротестовал он.

— В таком случае помоги нам Небо! — сказала она мрачно, подняв к небесам ствол винтовки, нажав на спусковой крючок и со щелчком выпуская воображаемый патрон. Она положила винтовку на стол. — Проклятье, Кастор, дай сюда, я сама закончу. Молись, чтобы в настоящем бою тебе не пришлось из нее стрелять.

Кастор передал ей оружие.

— Буду молиться, — сказал он.

На военных советах председательствовала либо Большая Поли, либо кто-то из ведущих урней, Эй-Белинка, либо Джач. Особого определенного порядка смены председателей не было; кресло занимал тот, кто первым поспевал на собрание Совета. Никому не приходило в голову предложить Кастору занять кресло, но и Кастору подобное тоже в голову не приходило.

Если принять во внимание, что урни были существами комичными, вовсе не почтенной или внушающей уважение внешности, то сцена приобретала живописный вид. Огромный полированный стол. На столе — графины с вином из медовых ягод, а не какое-нибудь дешевое пойло, по графину напротив каждого места. Над столом, во главе, повешен новый портрет президента Мелкинса. Урацкий художник облачил президента в мантию, более подобающую верховному судье, но не беда, художник имеет право на эстетическую вольность, кроме того, мантия прибавляла достоинства двадцатидвухлетней физиономии президента. Художник-урень кроме того чуть прибавил Кастору возраста, поэтому физиономия едва ли принадлежала двадцатидвухлетнему юноше; скорее, так будет выглядеть Кастор через пару десятков лет при условии, что поведет жизнь весьма беспутную и беспокойную.

Художник допустил еще одну вольность — слегка удлинил шею Кастора, а руки сделал потолще и покороче, чем на самом деле. С одной стороны, на портрете был изображен Кастор, с другой — это был не совсем Кастор, а что-то среднее между ним и Живым Богом. Как будто у Кастора были Живые Боги среди предков.

Честно говоря, подобие пришлось Кастору не по вкусу. Он рассматривал портрет, сидя в конце стола (он решил не напоминать урням, что его место — во главе, потому что не могут же урни всё делать безупречно правильно, на то они и урни). Он решил, что если ему в самом деле суждено превратиться со временем в типа вроде того, что изображен на портрете, то лучше навсегда остаться молодым.

Но он не в силах перестать расти и взрослеть.

Взросление — удел всех и каждого. Никто никогда не бывает готов стать взрослым. Жизнь настигает человека врасплох, и когда наступает время, будущее превращается в настоящее, и тогда, будь любезен, разбирайся как можешь, готов ты к этому или нет.

Время наступало Кастору на пятки. Ему предстояло столкновение лицом к лицу с жизнью как она есть.

Джач обогнал двух прочих кандидатов и взгромоздился на кресло, как на насест, присев на задние ножки, упираясь передними конечностями в овальную столешницу. С флангов его прикрывали Эй-Белинка и Большая Полли, а прочие места вразброс заняли Миранда, Юпитер и полдесятка урней-экспертов, готовых дать любую техническую консультацию в случае необходимости. Многолицый на Совете не присутствовал, хотя мог бы и появиться; кто его знает, где старика носит. Прочие, вроде Цзунг Делилы, на Совет не допускались, и, кроме того, их разбросали по всему Миру группками по два-три человека на всякий случай, чтобы не собрались в критическую массу.

Первым в повестке дня стоял доклад о готовности. Кастор рассеянно наблюдал за индекс-экраном, на котором демонстрировались этапы подготовки. Вчера и позавчера он наблюдал практически то же самое, суть докладов не изменялась, лишь с каждым днем все больше ударных кораблей и вспомогательных транспортов обеспечения забрасывали на орбиту с помощью пусковой петли, а на площадках, где готовились суда, появлялось несколько новых. Совет в полном составе, люди и урни, внимательно смотрели на экран, но эта часть заседания была самой скучной. Куда веселее проходило обсуждение планов кампании. Индекс-машины трудолюбиво переваривали информацию и определяли стратегию будущей войны, сообразуясь с пожеланиями Совета, которые Юпитер в обзорной форме предоставил машинам. Наконец Лланы были готовы.

Джач щелкнул пальцами, и один из урней рангом помельче встал у пульта управления индекс-экраном. Через секунду рядом с портретом Кастора возникла спроецированная картина. На картине был виден разведкорабль урней, плывущий по своей орбите вокруг Земли.

— Этот разведчик, — сказал самым серьезным тоном Джач, — мы обязаны оберегать любой ценой. Если узкоглазые повредят разведчик, лишь через сорок два года мы сумеем разместить на орбите новый.

Снова щелчок. Разведкорабль спрятался в кольцах Сатурна. Вспыхнул фиолетовый огонек переход-поля. Сквозь кольцо в пространство солнечной системы прошел первый корабль армады.

— Поэтому мы укроем разведчик в безопасном месте. Узкоглазые его не смогут обнаружить. Переброска основных ударных сил будет производиться в удаленную от Земли точку. Мы потеряем время, конечно. Зато генераторы перехода будут в безопасности.

— Вот это, — он подхватил зубами указку и показал на появившийся из переходника корабль, — наш авангард. Как видите, в авангарде — корабль президента, и внешне яхта ничуть не изменилась. Но только внешне. Яхта начнет передавать опознавательный сигналы. На всякий случай на борту будет находиться президент Мелкинс, чтобы ответить на вызов. Президентская яхта приблизится к Земле, чтобы усыпить подозрения узкоглазых, притупить их бдительность. А за ней, несколько часов спустя… — Щелчок, на экране возникает новая картинка, на этот раз сквозь фиолетовое кольцо переходника один за другим вылетают корабли, — флот вторжения: боевые корабли и вспомогательные транспорты.

— Яхта президента… — ЩЕЛК! На экране появляется схема корабля в разрезе. — …будет оснащена оружием.

— Прочие корабли вторжения, — ЩЕЛК! — будут оборудованы полным комплектом континентальных бластеров, а на борту транспортных кораблей мы перебросим ударную группу войск в составе 1800 янки и урней с тактическим ядерным оружием. Разумеется, немедленно после высадки мы наберем дополнительные отряды из числа Настоящих Американцев, и в третьей волне пойдут грузовые корабли, которое обеспечат новобранцев оружием, боеприпасами и чудеснейшими бело-синими мундирами… — Он недовольно посмотрел на Кастора. — В чем дело?

— Расцветка неправильная, — заметил Кастор. — Американские солдаты носили форму хаки или зеленовато-коричневую. А бело-синюю форму носили моряки.

— Ах, Кастор! — воскликнул Джач, теряя терпение. — Ну какое значение имеют такие мелкие подробности? Расцветку мундиров подбирал лично я! Именно такую форму носили Живые Боги. Так, есть у кого-нибудь серьезные вопросы?

Вопросов не было. Джач с довольным видом помахал вибриссами.

— Тогда нам остаются две вещи: подобрать экипаж президентской яхты и установить конкретный срок начала вторжения!

Большой Полли довольно долго не удавалось вставить в выступление урня словечко, и это ей изрядно надоело.

— По-моему, — заявила она громко, — экипаж никуда от нас не сбежит. Его мы в последнюю минуту спокойно выберем.

— Стоящее предложение, разумное, — одобрил Эй-Белинка, сидевший по другую сторону председательского кресла — то есть, как и Губернаторша, он хотел выиграть время, чтобы придумать Подходящий предлог для собственного включения в экипаж.

— Хорошо, — сказал Джач, — а как насчет срока? Предлагаю восемь дней, ровно, с настоящего момента!

Большая Полли насупилась.

Почему именно восемь?

— А почему бы и нет? — любезно осведомился урень. — Давайте проголосуем.

Когда большинством голосов его решение было поддержано, Большая Полли воздержалась из упрямства, Кастор — потому что задумался и не замечал, что вокруг происходит, Джач воскликнул победно:

— Итак, освобождение Америки начинается ровно через сто девяносто два часа!

Еще один умник подскочил к индекс-пульту и секунду спустя вдоль экрана развернулось цифровое табло: «НАЧАЛО ВТОРЖЕНИЯ —4:191 М:59 С:30».

И замелькали цифры: 30 сменилось на 29, потом 28, потом 27… Шли последние часы китайской оккупации Соединенных Штатов Америки.

Президент поднялся из-за овального стола и побрел наружу, на открытый воздух душный, влажный, туманный и горячий, и никто не обратил на него внимания, никто с ним не заговорил. Он понимал, что вопросы на Совете обсуждались серьезные. У него самого было полно серьезных вопросов.

Но с кем поговорить? Как найти ответы? К Джачу или другим урням обратиться нельзя. Многолицего тоже нельзя спрашивать, потому что в этой войне Многолицый несомненно примет, и уже принял, сторону китайцев. По той же причине невозможно обратиться к Делиле, а Миранда, что тоже сомнений не оставляет, поддерживает сторону янки. Куда же податься человеку, поделавшему сохранить нейтралитет? В Мире, похоже, не было ни одной живой души, сочувствующей Кастору, который воевать, не хотел — все обитатели Мира стояли по ту или другую сторону поля битвы.

Единственным нейтральным источником сведений оставалась библиотека.

Не таким уж нейтральным, конечно. Урни ее составляли, урни ее программировали, и потому заметно было, как гордятся они своим оружием и стратегическим мастерством. Далеко не все здесь было изобретением урней. По правде говоря, сами урни мало что привнесли нового. Военную секцию индексов начали заполнять еще Живые Боги; все, что добавили урни, они преимущественно переняли у врагов — и технологии, и стратегию с тактикой.

И сколько же их было, этих врагов!

Во время первого посещения библиотеки Кастор получил общее впечатление; он понял, что урни воевали много и с большим удовольствием. Сколько именно войн имело место, он подсчитывать не стал. В ужасе отскочил он от окуляров демонстратора, поспешил наружу в поисках глотка свежего воздуха. Но снаружи его встретил лишь тошнотворно-теплый липкий ветерок Мира. В библиотечном помещении было не просто душно. Там стояла отвратительная вонь. Здесь, когда им вздумается, устраивались на ночлег глупики, и здесь же, если их никто не видел, то есть всегда, глупики справляли нужду. Другие библиотеки урней были получше приспособлены к их физиологическим нуждам. В старой библиотеке, которую использовал Кастор, были установлены бинокулярные просматривающие устройства, но окуляры были рассчитаны на глаза, разведенные пошире, чем человеческие (урням они еще меньше подходили). Окуляры идеально соответствовали птичьей посадке глаз Живых Богов, у которых органы зрения располагались скорее по бокам головы, чем спереди. У Кастора, если он продолжительное время пользовался окулярами, начиналась зверская мигрень.

Но все, что он увидел, было даже хуже, чем мигрень.

Урни, как он подсчитал, провели не менее девяти войн! Внешних войн, не считая той самой, когда Живые Боги стерли сами себя в порошок. И все девять — исключительно тотальные, до победного конца! Воевать с урнями было чистой воды самоубийством. Стать их союзником — ненамного лучше. Планеты крылатых существ сгорели дотла, потому что урни не сообразили вовремя, что нападение на планету одной из воющих сторон неизбежно повлечет возмездие — удар по планетам противоположным, а в другой звездной системе обитали создания, похожие на червей, двух видов: большие, с толстой шкурой, и маленькие, с мягкими тельцами и острыми зубами. Они извивались кольцами, стискивая друг друга, и дрались, и пожирали друг друга. Урни с радостью избрали одну из сторон конфликта, врагов внесли в свои черные списки и опять с роковым опозданием выяснили, что эти два вида — симбиоты…

Урням никогда не попадалась единая, целостная цивилизация. Всегда имела место разница — во мнениях, в политике, в религии, в мировоззрении… для урней же всякая подобная разница означала борьбу.

А борьба — значит, война.

Кастор заставил себя просидеть у индекс-экрана допоздна, когда ему давно пора было бы отправиться спать. Покидая библиотеку, он чуть не упал, споткнувшись о парочку

задремавших глупиков, свернувшихся в дверном проеме, где они подсматривали за человеком — чем он там, интересно, занимается? Кастор взглянул на них с ужасом. Больше они ему не казались забавными дурашливыми монстрами карликовых размеров. Они, особенно их сообразительные сородичи, были смертельно опасны.

Если разгорится война между янки и китайцами, останется ли в живых хоть кто-нибудь, чтобы отпраздновать победу?

Или урни посодействуют, чтобы обе стороны проиграли, в последний раз?

Цзунг Делила, расположившись в душной жаркой комнате, которую ей выделили урни, забылась тревожным сном. Ночью комнату не охраняли — не было необходимости. Стоит только нос показать наружу, как словно из-под земли появится стайка глупиков, которые последуют за ней по пятам, и столько шуму поднимут, что умники тут же узнают о ее вылазке. Кроме того, куда ей идти?

Для Делилы день за днем проходили словно в тумане, злом тумане. Лоно ее тосковало по Кастору — и поэтому она злилась на себя и на Кастора. Целая планета вооруженных безумцев планировала (как будто речь шла об утиной охоте) уничтожить ее родину — и от этого Делилу охватывал ужас. И поскольку ни первая, ни вторая проблема решению не поддавались, она приходила в отчаяние.

И когда она проснулась, во сне ей привиделось, будто бы Кастор без приглашения, неожиданно, забрался в ее постель, и обнаружила, что это был вовсе не сон, она дала волю чувствам, вспыхнула как спичка.

— Эй, юноша! — огрызнулась она, быстро перекатившись на дальнюю сторону кровати. — В чем дело? У всех сестриц-янки одновременно начались месячные? Тебе изменила удача? Или ты сжалился над старушкой?

— Делила, — придав голосу убедительность, начал Кастор, положив одну ладонь на плечо Делилы, а второй, секунду спустя, ласково обхватив грудь, — вспомни, как хорошо нам было вместе, как мы друг друга любили. Разве нет? Так почему бы нам просто ради того, чтобы доставить друг другу удовольствие, снова не…

— Удовольствие? — фыркнула она. Но в глубине души она была согласна с Кастором, и здравый смысл возобладал над обидой. Кастор привлек ее к себе, и она не стала противиться. Когда Кастор поцеловал ее в губы, она ответила на поцелуй, потому что, в общем-то, она и в самом деле помнила, как они наслаждались любовью, и вновь убедилась, что память ее не обманывает. Когда все кончилось, Кастор, лежа сверху, словно

слившись своим стройным телом с выпуклостями и впадинами ее тела, медленно, как бы по инерции, двигался внутри нее, и обида вновь потихоньку начала возвращаться, как просачивается в трещину вода…

Вдруг Кастор тронул губами ее шею, пониже уха, поцеловал и что-то сказал шепотом.

— Что? — громко переспросила Делила.

— Я сказал «тссс», — прошептал он. — Урни видят и слышат нас повсюду. Молчи, ни слова.

Делила насторожилась, губы ее шевельнулись, и вопрос вот-вот готов был сорваться с ее уст, когда левой рукой, которой только что нежно ласкал грудь Делилы, Кастор осторожно прикрыл ее рот.

— Делила, — прошептал он, — ты должна сделать вид, что перешла на сторону янки. Убеди их всех, даже Многолицего. И урней. Чтобы они начали тебе доверять.

Она повернула голову, оглядывая комнату — вдруг в самом деле в ней притаился какой-нибудь урень и следит за ними? В узорчатых панелях, отметила она, легко укрыть сколько угодно микрофонов. Но зачем? Она не могла себе представить, зачем это понадобилось урням. Она потерлась щекой о щеку Кастора — о, какое наслаждение! — и спросила шепотом:

— Зачем?

— Потому, — выдохнул он, — что они уничтожат нашу планету. Сходи в библиотеку. Убедись сама. — А потом он уже всерьез принялся покрывать ее шею поцелуями, и рука его нетерпеливо сжала ее грудь, и когда Кастор наконец отправился в свою постель, Делила, откинувшись на спину, усталая и удовлетворенная, озадаченно размышляла над его словами.

Чем дольше она размышляла, тем быстрее покидала ее восхитительная истома; она заподозрила, что Кастор залез к ней в постель лишь для того, чтобы тайно прошептать ей на ухо все, что он только что прошептал, и не более того.

2

Просмотрев военные летописи урней, Делила покинула библиотеку, удалилась в свою комнату, полную приторно-сладким ароматом местных цветов, которыми урни в изобилии украшали комнату, забралась в постель — и она с удовольствием забралась бы куда-нибудь еще дальше, например, в утробу матери, чтобы раз и навсегда уйти, укрыться от мира. Потому что впервые в жизни Цзунг Делила испытывала настоящий страх. Речь шла не просто о преступнике, который, перехитрив

народную полицию, совершает жуткое преступление. И не о тривиальных личных проблемах вроде изменника-возлюбленного (ветреного и непостоянного по сути своей), измены которого, тем не менее, больно ранили Делилу. На этот раз она столкнулась с опасностью, столь грандиозной, что даже думать о ней было страшно до жути.

Если библиотека не лжет, то получается, что урни почти наверняка обратят в пепел все, что было дорого Делиле, все, чему она служила, все, чему присягала в верности.

И она не видела возможности помешать им.

Она долго лежала в кровати, сжавшись в комок, обхватив руками плечи, подтянув колени, ничего не видя, стараясь ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Постепенно первый приступ страха начал проходить, и сознание Делилы, парализованное ужасом, прояснилось, ожило.

Не может быть, чтобы положение было столь безнадежным. Она должна найти выход. Соотношение сил было не в ее пользу, мягко говоря, и Делила это сознавала, но ничтожность шансов на успех — еще не предлог отказаться от попытки. Ведь она — инспектор народной полиции! Она лежала на спине, глядя в потолок (с которого, наверное, на нее тоже глядели), и постепенно в голове ее начал складываться план действий.

Первый шаг, конечно, последовать совету Кастора. Она должна завоевать доверие урней и янки, стать большей патриоткой, чем они сами. Времени на это почти не оставалось.

К несчастью, чтобы самым верным и быстрым способом втереться в доверие к врагу, ей предстояло совершить нечто отвратительное и оскорбительное по отношению к себе самой. Даже унизительное.

При первой же возможности Делила отправилась к навесу, где будущие бойцы упражнялись в воинских искусствах, твердым шагом промаршировала к Фенг Миранде и заявила:

— Ты права. Мы все обязаны сражаться за свободу Америки. Я — опытный пилот, умею командовать людьми. Можете использовать меня, как посчитаете нужным, Миранда. Я хочу вам помогать.

Она заметила, конечно, как Миранда сразу же бросила косой взгляд на Кастора; и заметила также, с каким превосходством посмотрела она затем на нее, Делилу. Она заранее внушила, что обращать внимание на подобные выпады не станет, и хотя самолюбие ее было уязвлено, внешне Делила ничем себя не выдала. Пусть Миранда думает все, что ей придет в голову. Преимущество все равно на стороне Делилы. Ведь она прекрасно представляла, о чем сейчас думает Миранда (пусть удовольствия

от этого никакого не получала), а вот Миранда понятия не имела о планах Делилы — и никогда не узнает и даже не заподозрит, что фраза «Мы все обязаны сражаться за свободу Америки» была лишь кусочком более обширного утверждения: «Мы все обязаны сражаться за свободу Америки и всей Земли против урней!»

…Если Кастору разрешается забираться в ее постель, чтобы делиться секретами, то и Делила имела право поступить аналогичным образом. Замысел ее был до того нелеп, даже абсурден, что она сама не удержалась от улыбки, направляясь в комнату Многолицего.

— Старичок, — грубовато обратилась она к хозяину комнаты, едва войдя, — мне хочется. Ты еще в состоянии переспать с женщиной?

На нее уставилось морщинистое личико, придавленное могучим лбом большой и тяжелой, как тыква, головы.

— Вполне способен! — запальчиво ответил он. — Ты разве вообще ничего в медицине не смыслишь? Физически я могу все, что захочу, только…

— Только, — перехватила она инициативу, к собственному удивлению обнаружив, что испытывает к бывшему ученому неожиданную нежность, — только ты — урод и поэтому стыдишься сам себя. Тебе совестно заниматься любовью с женщиной. Но знаешь ли, Многолицый, мы сейчас в другом мире. Мужчины здесь — в большом дефиците, и все маргинальные случаи переходят в высший разряд. Ты для меня сейчас — почти что идеал, вместе с милой своей тыковкой, и с огромным удовольствием я бы сейчас же уединилась с тобой в уютном местечке на лоне природы.

И опять-таки к удивлению Делилы Многолицый оказался весьма нежным и страстным любовником. Когда они объяснили урням, что люди с Земли привыкли совокупляться без посторонних, что условие это — необходимое, и умники любезно угнали прочь нахалов-глупиков, она обнаружила, что секс во исполнение долга не менее сладок, чем секс для восстановления душевного равновесия, и даже куда слаще, чем ласки небрежного, неверного и неблагодарного любовника.

А потом под покровом могучих оранжевых лиан, густо затянувших рощицу, в которой они уединились, она прошептала на ухо Многолицему:

— Я была в библиотеке, я видела исторические хроники. И я знаю, чем кончится эта война.

Многолицый лежал рядом, закрыв глаза. Он медленно поднял веки. Он заговорил не сразу, и тон у него был слегка огорченный.

— Да, теперь понятно. А я все голову ломал, к чему это ты все

затеяла.

Она открыла рот, чтобы солгать от смущения или чтобы извиниться, но он не позволил ей.

— Прошу, говори шепотом, как можно тише. А насчет «почему» — забудь, это неважно. — Из-под раздутого купола головы глаза его смотрели мягко, с пониманием. Вдруг взгляд стал жестче. — Главное, — прошептал он, — убедить их, что мы приняли их сторону. Пусть они нам поверят.

— Да, — согласилась Делила, шевельнувшись. Легкое движение как будто спугнуло Многолицего, он отдернул ладонь, лежавшую на бедре Делилы, о чем она тут же пожалела. — А потом? Если мы добьемся доверия?

Многолицый сказал печально, но решительно:

— Шансов предотвратить войну у нас почти нет. Но и выбора не остается. Сделаем все, что сможем.

Хорошо еще, что военные познания урней, пусть и обширные, отличались односторонним характером. И это уже давало землянам призрачную надежду совершить невозможное. Для урней война означала именно «сражение», «схватку», «бой». Разрушение городов, уничтожение живой силы противника, даже аннигиляцию целой планеты. И больше ничего. Шпионаж и коварные уловки были не в их репертуаре. Если Живые Боги имели понятие об искусстве шпионажа и предательских измен, своим питомцам они его не передали. Поэтому Цзунг Делила и Многолицый беспрепятственно добились, чего хотели. Джач с распростертыми объятиями встретил Многолицего, ввел его в планирующую секцию Совета, а Эй-Белинка приветствовал Делилу на практических занятиях. С большим удовольствием, нужно сказать, потому что Делила немедленно стала «звездой» учебной группы, любимой ученицей Эй-Белинки.

А научиться нужно было многому! Урни располагали оружием, о котором Делила понятия не имела, и даже не представляла, что такое оружие существует. Не только ракеты, лазеры, пучки тяжелых частиц, артиллерия, ручное оружие — нет, урни разработали целую систему, в которой отдельным видам вооружения была отведена своя особая роль. За восемь тысяч лет урни познакомились с технологией девяти разных цивилизаций. Конечно, не все, что они знали, было применимо к задаче освобождения США из-под ига агрессоров-оккупантов. Например, акустические гранаты, смертоносные для арахноидов, которые их изобрели, вызывали у людей лишь головную боль.

Но в оружейных кладовых урней хранилось немало прочих жутких изобретений.

Делила старалась не дать страху власти над собой, загоняла

ужас поглубже. Оружие есть оружие. И собственным искусством она гордилась, как всякий профессионал. Начав с нуля, она быстро превзошла товарищей по группе — всех янки, всех урней и всех Настоящих Американцев, исключая Миранду. Делила оказалась прирожденным стрелком. И дело было не просто в умении рассчитать поправку или упреждение. Талант ее был более глубинного, инстинктивного свойства. Даже на урацком полигоне, где мишенями служили то китайские ракеты, то аппараты Живых Богов, похожие на иглы с пучками нитей на конце, наподобие грив, или какие-нибудь шары, каплевидные конструкции и многогранники — летательные машины прочих цивилизаций, которые имели несчастье воспользоваться «помощью» урней, — даже при стрельбе ионным пучком, или электромагнитными гранатами, или хлесткими шрапнельными ракетами, превращавшими панцири в решето, — в любом случае просто талантливый наводчик или стрелок отличался от абсолютного чемпиона одним: последним руководила подсознательная жажда разрушения.

Жажда разрушения у Делилы была.

Ее немного раздражала Миранда — эту вертихвостку не удавалось превзойти даже в умении уничтожать, но с угрюмым удовлетворением Делила заметила, что Кастору далеко до обеих женщин. У Кастора открылись неожиданные способности в иной сфере. К изумлению Делилы мальчишка оказался прирожденным пилотом. Пилотировать ему приходилось всего лишь дистанционно управляемые зонды — для начала в пределах влажной атмосферы Мира, потом — орбитальные мини-аппараты, не более чем топливные баки с телеметрической системой на крышке, в общем, ничего выдающегося. Но врожденный талант сразу же показал, на что он способен. Долгие часы, которые он просидел за учебными терминалами, позволили Кастору натренировать дополнительные необходимые навыки, и он так же точно и быстро считывал показания навигационных приборов, оценивал предлагаемый машиной курс и выполнял маневр, как и Делила, — это притом, что за спиной у нее были годы летного опыта. А потом… потом урни дали ему Глаз! Настоящего шпиона-разведчика, заброшенного через переходник на земную орбиту, чтобы подсматривать за китайцами и всем, чем они там занимаются. Это была вершина всех мечтаний Кастора! Теперь он управлял собственным космическим кораблем! Корабль слушался его команд, исполнял все, что Кастор от него хотел! Кастор пришел в такой восторг, что даже Делила улыбалась, глядя на него. Однажды после полудня, когда закончились полетные занятия, она вслед за Кастором вышла из-под навеса, последовала

за ним вдоль прединангарной площадки.

— Эй, юноша! — добродушно окликнула она Кастора. — Погоди-ка. Не убегай. Я тебя не съем.

Он обернулся, увидел ее, покраснел.

— О Делила! Я думал… ну, понимаешь…

— Да? Ты думал — что? Что я стяну с тебя одежду прямо здесь, на глазах наших маленьких друзей?

За ними, как всегда, увязался отрядик глупых урней.

— Я думал, мы вечером увидимся, — закончил Кастор.

— Ну да, если старой женщине захочется немного ласки, ты не откажешь в ее просьбе, очень благородно, — сказала Делила и, прислушавшись к собственным словам, решила, что взяла неверный тон. Всё Миранда, во всем эта гадюка виновата, подумала она. Миранда заставляет ее ревновать. На самом же деле она вовсе не ревнует, просто из самых добрых чувств ей хотелось бы продолжать — в разумных пределах, — сексуальные отношения с этим молодым человеком, чтобы он зря не растрачивался на глупых желторотых вертихвосток или гарпий-янки с их ненасытным аппетитом… Поймав себя на этом, она решила, что мысли приняли нехорошее направление.

— Кастор, — сказала она покорно (настолько покорно, насколько вообще была в состоянии изобразить смирение), — мне просто нужно с тобой поговорить.

Он посмотрел на нее оценивающе. Она понятия не имела, что он увидел в ее лице, но тем не менее он сказал:

— Конечно, Делила. — Он усмехнулся. — Я как раз шел посмотреть, как играют детишки. Хочешь, пойдем вместе?

— Куда пойдем? — Она повертела головой. С этой стороны прединангарной площадки располагалось гнездо, и там Делила уже успела побывать неоднократно. Еще раз наведываться в гнездо ей не хотелось — не очень-то приятно чувствовать на себе враждебные взгляды воинственных двухметровых амазонок.

— Увидишь, — пообещал Кастор. И не обманул.

Школа располагалась за гнездом. Детишки — там были девочки — от трехлетних крошек до десятилеток, будущих завоевательниц. Делила и Кастор вошли в класс, и сестрицы-учительницы приветствовали Кастора сияющими улыбками, наградили Делилу настороженными взглядами и, поднеся к губам пальцы, предупредили обоих о необходимости вести себя тихо. Детишки прикипели к призматическому экрану, где игра была в самом разгаре. На экране шел бой. Модели кораблей (вернее, Делила сначала приняла их за модели, а потом с холодеющим сердцем убедилась, что это — документальные кадры) вели космическую битву. Корабли были громадные, настоящие

разрушители планет, космические дробилки. Флот планетарных сокрушителей старался прорваться к сиренево-коричневому диску какой-то планеты, и хотя на пути его встала завеса кораблей-защитников и часть нападающих судов была уничтожена, либо подбита, либо корабли-защитники шли на самоубийственный таран, нападающие взяли верх численностью и огневой мощью. Планетодробилки прорвались к цели.

И планета была взорвана.

Делила выскочила из класса, не в силах больше там оставаться, потому что давным-давно погибшая планета напомнила ей о возможной и скорой судьбе Земли.

Немного спустя к ней присоединился Кастор, за которым бежали весело щебечущие детишки и, разумеется, вездесущая компания развеселых глупиков. Но на этот раз глупики не просто так сопровождали школьниц — им предстояло поработать.

— И что теперь? — вздохнула Делила. Взгляд у Кастора был снисходительно-сочувствующий.

— Погоди минутку. Сейчас начнется игра. Просто смотри.

Правила игры были девочкам хорошо знакомы. Урням — тоже. Сестрицам-учительницам не пришлось рассаживать урней по самоходным тележкам, которые выстроились в ряд вдоль поросшей мхом лужайки. Каждым маленьким экипажем управлял глупик. Глупики запрыгнули на водительские сиденья, самоходики выстроились, в строгом порядке разделившись на эскадры. У каждой ученицы был свой экипаж с водителем-глупиком; урни были обучены (наподобие земных собак) выполнять команды своих хозяек… И вот началась игра. Они атаковали друг друга, эскадра на эскадру, или совершали одиночные вылазки, с радостными воплями и вскриками тараня друг друга. Девочки выкрикивали приказы, урни их исполняли. ТРАХ! БАХ! Детишки веселились от души.

Кастор тоже развлекался вовсю, как заметила Делила. Урни управляли ярко раскрашенными самоходиками, изображавшими танки и орудия; девочки управляли урнями, а Кастор назначил себя генералом. Сразу двух враждующих сторон! «Выдвигай правое крыло!» — приказывал он. «Внимание, атака в центре! Вперед, на прорыв!» «ПУХ» — выстрелила одна из самоходных пушек, и глупик, выскочив из танка, с визгом помчался прочь с поля боя. Брызги пурпурной краски из игрушечного снаряда испачкали лужайку позади него. Кастор обернулся к Делиле и спросил, ухмыляясь:

— Нравится? Отличная игра. У нас в школе таких игр не было.

— У меня тоже, — хмуро сказала Делила. Игра не пришлась

ей по душе, а видеобитва, которую они наблюдали в классе, еще меньше.

Маленькие амазонки, от шести до десяти лет, увлекшись игрой, затеяли рукопашную, колошматя друг друга цветочными стеблями, пока старшие сестры со смехом не навели порядок, и бой был разыгран до конца. Победила команда урней. Урни всегда побеждали. На обратном пути Кастор, небрежно оглянувшись, замедлил шаг, обнял Делилу за плечи, поцеловал и прошептал на ухо:

— Только с настоящими пушками я в эту игру играть не желаю. Понимаешь?

— Понимаю, — ответила она, ожидая, что он еще раз ее поцелует.

Он так и сделал. Потом снова сказал шепотом:

— Наверное, войну мы не сможем предотвратить, но мы должны попытаться.

Делила едва не вздрогнула. И не от поцелуя. Просто Кастор едва ли не слово в слово повторил сказанное ей Многоликим. И скорее всего, они были оба правы.

3

Я им не верю, — отрезала Фенг Миранда, раздраженно сбрасывая руку Юпитера со своего плеча.

Юпитер вздохнул. Невероятно упрямая сестрица! Непробиваемая! Что любопытно: странное и труднообъяснимое безразличие, даже неприязнь, которую она выказывала к совокуплению, делало ее еще более привлекательной для Юпитера, а не наоборот.

— Ну какой от них вред? — рассудительно заметил Юп.

— Мало ли какой? — Она бросила свирепый взгляд в сторону председательского кресла. Во главе овального стола комнаты Военного Совета Кастор, Цзунг Делила и пара умников о чем-то оживленно беседовали. — Ты сам им доверяешь?

— Доверяю ли я президенту? Моему президенту? — возмутился Юпитер.

— Юп, это же фарс! Комедия! И главную скрипку играет не он, а эта старая сука Цзунг! Она же желтокожая хань, внутри и снаружи!

Юп ненавязчивым жестом опустил руку на поясницу Миранды. Похоже, она не обратила внимания на его маневр.

— Но ты сама сказала, что Делила добровольно вызвалась помогать, — напомнил он.

— Значит, я ошиблась!

— Не понимаю, почему ты так уверена. Кроме того, зачем ей нас обманывать?

— Эх, дурак ты, дурак! — огрызнулась Миранда и резко отпрянула в сторону, потому что наконец заметила его руку. Потом, угрюмо нахмурившись, уставилась на Кастора, который небрежно обнимал Цзунг Делилу за талию.

— Ну хорошо, — вздохнула она. — Впрочем, ты прав — особого вреда они все равно не причинят. Пошли, — она схватила его за руку и потащила к столу. — Займемся делом.

Заметно воспрянув духом, Юпитер позволил ей подтащить себя к свободным креслам посередине. Он не стал отнимать руку, и она тоже ее не выпустила. Странная женщина, очень странная, подумал он; но в целом стоит уделить ей немножко внимания. Желтоватый оттенок кожи, такой необычный, постепенно к нему привыкаешь и даже начинаешь находить весьма привлекательным так же, как и курносый нос, и черные глаза. А фигурка! Юпитеру в жизни не приходилось совокупляться с женщиной ниже 180 сантиметров ростом. Миранда была совсем крошкой, самое большее — 150. Вот интересно было бы повозиться с ней в постели! Такая миниатюрная партнерша! Должно быть, она легче перышка, если усадить ее на себя верхом, а если ее опрокинуть, навалиться сверху… Он услышал, как Миранда захихикала, и обнаружил, что его фантазии не прошли даром — мужественная часть его тела прореагировала надлежащим образом. Но смешок Миранды показался ему вполне одобряющим. Он усмехнулся ей в ответ, потом, чувствуя приятное волнение и предвкушая возможное в дальнейшем развитие ситуации, обратил взор к началу стола — Военный Совет уже начал работу.

Поскольку заседание было завершающим, Полли и урни поступились правами на председательское кресло в пользу законного президента. Кастор встал, легонько постучал по столу импровизированным молотком — здоровенной ложкой-мешалкой, которую притащили из кухни, потому что ничего более подходящего не нашлось, — объявил:

— Как известно всем собравшимся, подготовка к вторжению завершена. И начну с того, что от всего сердца поблагодарю губернатора Полли и ее преданных помощников, а также всех мужчин, Мать-сестер и старших сестер всех гнезд, и в особенности наших любезных хозяев-урней, без чьей помощи этот счастливый день никогда не наступил бы.

Совет радостно зааплодировал, а Кастор, лучезарно улыбаясь, обвел взглядом собрание.

— Нам остается принять последнее решение: кто войдет в состав экипажа президентской яхты? Кто первым, вместе со мной,

откроет путь через переход-пространство? Я тщательно обдумал эту серьезную проблему. Я обсудил ее с губернатором Полли и со многими из вас, в частном порядке. Полагаю, что основания для принятия решения всем ясны. — Собрание ответило согласными кивками — по крайней мере, все люди кивнули, — ожидая услышать тем временем, в чем суть идеи. Кастор не заставил их умирать от нетерпения. — Прежде всего мы обязаны позаботиться о том, чтобы не вызвать подозрений со стороны китайцев-хань. Вы согласны?

Совет был согласен. Люди кивали, а урни подергивали вибриссами в подтверждение.

— Чтобы этого добиться, — продолжал президент, — экипаж яхты должен состоять из тех, кому наш противник доверяет. Например, меня. Миранда, конечно, тоже должна лететь — нет среди нас более преданного патриота, чем Миранда, и внешность у нее китайская. Кроме всего, она заслужила право лететь с первым кораблем.

— Конечно-конечно, — согласились члены Совета.

— Тогда решено, — сказал Кастор. — Но как быть с остальными? Мне представляется, — продолжал он с задумчивым видом, — что на борту полезным будет присутствие Многолицего. Я лично верю в его благонадежность. И он слишком стар и слаб, чтобы представлять опасность. — Делила перехватила уничтожающий взгляд, брошенный стариком в сторону Кастора и усмехнулась про себя: Кастор разыграл первоклассный спектакль. — Я предполагал включить в экипаж Чай Говарда или кого-нибудь из членов ударной команды. Но все они — обученные сильные солдаты. Это опасно. Не исключено, что они попытаются захватить корабль, и не исключено, что это им удастся. По-моему, брать их с собой слишком рискованно… хотя мое мнение — это мое мнение, решающее слово за Советом. Прошу вас, высказывайтесь!

И постепенно, один за другим, сидящие за большим овальным столом высказывались в пользу того, чтобы в состав экипажа яхты вошел Многолицый, но не рекомендовали включать Чай Говарда или кого-то из коммандос. Предложение президента было одобрено единогласно.

Кастор откинулся назад.

— Превосходно. Стоит ли говорить, как я благодарен вам за решение этой проблемы? Что ж, теперь остается последняя проблема. — Он печально кивнул в сторону Цзунг Делилы.

Избегая взглядов прочих членов Совета, Делила посмотрела прямо в глаза Кастору. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам, как лицо становится темно-оливковым.

— Чтобы экипаж корабля выглядел наиболее убедительно, — продолжал Кастор, — инспектора Цзунг было бы неплохо тоже включить в его состав. Ведь она — инспектор народной полиции, поэтому ее появление поможет усыпить бдительность хань-китайцев. Но! По этой же причине мы сами доверять ей не можем! Воистину дилемма! — Он шутливо пожал плечами, подчеркивая безнадежность ситуации. — Я предлагаю проявить благоразумие и оставить инспектора Цзунг в Мире. Здесь она будет безвредна. С другой стороны, шансы на успех нашей миссии заметно уменьшатся. Где же выход? Выхода нет, разве что… — Он сделал паузу, как будто его внезапно осенила идея. — Разве что… — снова пауза, словно Кастор не решался высказать осенившую его идею, — разве что мы, взяв Цзунг Делилу на борт, каким-нибудь способом ее нейтрализуем, чтобы она наверняка не смогла причинить вред…

Совет забурлил. Первым затребовал слово Эй-Белинка.

— Связать ее по рукам и ногам! — выкрикнул он, и ему вторили голоса людей и урней, с ним согласных.

Кастор одарил урня восхищенной улыбкой.

— Идеальное решение! — объявил он. — Мы так и сделаем! А теперь, поскольку все готово — я объявляю войну!

Восторженные возгласы и громкие аплодисменты. Даже Делила, будучи закоренелым циником, не смогла хотя бы отчасти не попасть под обаяние великого спектакля, который разыгрывался на ее глазах. И даже, как она заметила, молодой янки, с сердитой физиономией, как его — Юпитер? — который торчал в дверном проеме, проникся праздничной, торжественной атмосферой. Да, верно, его зовут Юпитер. Он не член Совета, разумеется. Делила вспомнила, что на Совет юношу допускали лишь как охранника Фенг Миранды. Поскольку уже много дней подряд охранник Миранде не требовался, постоянное присутствие юноши Юпитера на заседаниях лишь вновь подтверждало: создания эти ничего не в состоянии делать толком.

А когда остолопам попадает в руки смертоносное оружие… Делила зябко поежилась. Слишком легко забывалось, глядя на этих клоунов, на этих шутов, что на самом-то деле они смертельно опасны!

Она отвернулась — и вовремя! Ей пришлось спасать Кастора, который влип в продолжительную дискуссию с Большой Полли, недвусмысленно намекавшей, что даже сестрицы Второго Поколения не считают себя старухами и очень даже интересуются новыми молоденькими мужчинами, в особенности, если мужчина этот — сам президент! Интересно, подумала Делила мимоходом, о чем это Юпитер с таким мрачным видом беседует с Мирандой.

Ясное дело, о сексе. У революционеров одно на уме, подумала благочестивая Делила. Что ж, вздохнула она про себя, бедному молодому человеку не повезло — напрасно он заинтересовался этой вульгарной особой. Но это его личные проблемы. Через несколько дней он навсегда исчезнет из жизни Делилы вместе с этой планеткой и ее капризными, глуповатыми, смехотворными и при этом смертельно опасными обитателями.

Так ей это представлялось в тот момент.

4

Дурак ты набитый! — язвительно объявила Миранда Юпитеру. — Открой глаза! Ведь он задумал измену! Он провалит миссию!

Юпитер застонал.

— Опять все сначала! О, только не это! Брось, Миранда, пойдем посмотрим на последний подготовительный запуск. Рядом с полем есть приятная рощица, с очень милыми цветочками… — На которые полюбоваться приятно и лежать мягко, как знал Юпитер по своему опыту, но Миранда не поддавалась на соблазны, слишком была сердита. Юпитер сказал рассудительно: — Ведь ничего плохого Кастор не сделал, правильно? Даже урни и Большая Полли голосовали за его предложение, верно?

— Дурак! — огрызнулась она.

— Ты начинаешь повторяться. Если ты всерьез подозреваешь измену, почему ты не выступила на Совете?

— Чтобы они сразу меня раскусили? Я бы их спугнула!

Юпитер озадаченно наморщил лоб; подобные тонкости интриг не укладывались в его сознании.

— Но… но, хотя бы… расскажи кому-нибудь.

— Вот я тебе и рассказываю! А ты не слушаешь!

— Но я ведь пропущу запуск! — запротестовал он, уязвленный, потому что он явно не заслужил упрека, он внимательно ее слушал, пусть даже и несла Миранда какие-то глупости…

Миниатюрная женщина посмотрела на него снизу вверх таким яростным взглядом, что Юп невольно попятился. Потом она произнесла, словно выплюнула, одно из уже знакомых Юпитеру ругательных слов, которое Настоящие Американцы почему-то использовали вместо нормального слова «совокупляться».

— Валяй, любуйся своим запуском! — фыркнула Миранда и даже оттолкнула его в сторону.

Терпение у Юпитера лопнуло. Он начал сердиться.

— Прекрасно, — с подчеркнутым достоинством сказал он. — Если ты уверена…

— Уверена.

— Отлично, но…

— Слушай, проваливай! — крикнула она. — С тобой все равно что с урнем разговаривать! Кстати… — Она замолчала, глядя в переднюю часть комнаты, где Большая Полли упаковывала бумаги в свой ранец, а Эй-Белинка и Джач что-то ей рассказывали, оживленно чирикая. Она повернулась к Юпитеру спиной. — Иди, смотри запуск, — приказала она, и хотя тон на этот раз не был сердитым, но и теплых чувств она явно к Юпитеру не испытывала, не говоря уже о чувствах нежных.

Итак, Юпитер свистнул свою верховую птицу, забрался в сумку. Он был не столько рассержен, как сбит с толку. (Но все равно, рассердился он на Миранду изрядно.) Непостижимая женщина! Он заметил парочку сестриц-работниц, отдыхавших на солнышке, на мшистом берегу оросительного канала, и едва не направил Молнию в их сторону — а почему бы и нет? Человеку необходимо посовокупляться, время от времени, не так ли? Но затем настроение у него испортилось, и он передумал. Лететь было совсем недалеко, на окраину Космоцентра, и по пути Юп все время вглядывался вперед — не опоздал ли? Может быть, последняя перед началом вторжения капсула уже запущена?

Нет, он не опоздал. По крайней мере, не все так уж плохо, и настроение Юпитера постепенно начало улучшаться. Юпитер был таким же фанатиком космических полетов, как и президент Мелкинс, а кроме того, особенно интересовался техникой. Ему была известна история появления пусковой петли — довольно интересная история. Петля не была оставлена урням в наследство Живыми Богами. Живые Боги ничего лучшего не придумали, как забрасывать свои аппараты на низкие орбиты, выстреливая их с громом и молниями, примерно тем же способом, что и земляне — оглушительный грохот, фонтаны огня и так далее. Что ж, для начала космических путешествий такой способ разорвать путы тяготения был наиболее очевидным.

Но тем не менее, не самым лучшим. Урням удалось узнать кое-что новое и усовершенствовать наследие своих создателей (такое иногда в истории урней случалось). Война, разгоревшаяся среди ракообразных прыгунов, в системе звезды класса «эф»-4, в восьмидесяти пяти световых годах от Мира, для ракообразных закончилась плохо. Но урни, тем не менее, среди прочих трофеев, обзавелись магнитной пусковой системой, которая даром не растрачивала ни единой доли процента механической энергии.

Магнитная петля работала практически бесшумно (шум есть энергия, даром затраченная на сотрясение воздуха). В этом отношении ракообразные попрыгунчики превзошли Живых Богов, но во многом другом их технологии им сильно уступали, что подтверждается фактом: ни один из ракообразных не дожил до счастливого дня победы.

Юп спустился на землю и, придерживая Молнию одной рукой, приготовился наблюдать запуск капсулы. Капсула была грузовая, она несла на борту топливо и запасные части для собравшегося на орбите флота; но по размеру, весу и форме она в точности соответствовала президентской яхте. Сегодня запуск был проверочным, чтобы убедиться — Кастор и его команда наверняка попадут на орбиту. Заняв позицию под прикрытием тишинника (Молния, чтобы убить время, вяло пощипывала свежие побеги), Юпитер убедился, что вид на пусковой комплекс открывается отменный. Контрольная площадка располагалась снаружи сборочного цеха, примерно в полутора километрах от дерева, под которым расположился Юп. С такого расстояния урни и янки, суетившиеся вокруг пультов и приборов, казались крошечными и не имеющими существенного отношения к происходящему. Хотя у руля событий стояли именно они. По ту сторону поля нависал грандиозный входной портал пусковой петли, но все, что там происходило, подчинялось воле крошечных фигурок на контрольной площадке. Вот нажатием клавиш введен в машины набор команд — и громадные захваты, обхватив капсулу, поднимают ее в предстартовую позицию, удерживая непосредственно над плавно струящимися тросами из магнитного сплава. Следующий набор команд, и захваты аккуратно разжимаются, опуская капсулу на трос. Но капсула не прикасается к поверхности троса — магниты удерживают ее над самой поверхностью петли. Трос петли уносится вперед под днище похожей на бочонок капсулы, но присутствие капсулы дает о себе знать, и капсула уже почувствовала, как петля начинает увлекать ее за собой; указатели нагрузки на платформе операторов отмечают — петля вытягивает на три процента больше килоампер, чем до появления капсулы; акселерометры внутри корабля показывают — капсула начинает разгоняться.

Юпитеру не понадобились телеметрические датчики, чтобы увидеть, как корабль тронулся с места. Он с тоской провожал корабль глазами — ведь запуск настоящий, и корабль настоящий (пусть и не самый главный) и участвовать кораблю предстоит в настоящей войне! Юпитер сейчас чувствовал себя малышом на площадке с игрушечными разноцветными танками. Что из того, что была у него собственная, ему подчиненная команда урней в

пятьдесят бойцов с бластерами и ему предстояло высадиться в районе Квайлунга с третьей волной. Третьей волной! К этому времени настоящие сражения давно закончатся!

Взгляд его затуманили злые слезы, и сквозь их дымку смотрел он, как капсула, набирая скорость, плавно удаляется от повисших в воздухе захватов и все быстрее и быстрее несется вдоль трассы петли. Казалось, в ручей бросили кораблик из древесной коры. Капсула промчалась вдоль петли до самого конца, до пусковой впадины и…

Вырвалась в свободный полет.

Приборы на контрольной площадке показали: «запуск завершен». Капсула прочертила небо, короткие маневровые стабилизаторы на хвосте направили ее по нужной траектории — вверх и вдаль. Через мгновение она исчезла из виду. Несколько секунд спустя докатился громоподобный «КРАК-БУМ!» — грохот прорыва сквозь звуковой барьер, и все урни и янки принялись со смехом, с шутками поздравлять друг друга.

Юпитеру поздравлять было некого. И особого желания он тоже не испытывал. Он сам не знал, в чем причина его подавленного настроения — то ли доводившая до бешенства непреклонность Миранды, то ли зависть к тем, кто пойдет в бой с первыми двумя волнами вторжения. И первое и второе изрядно ему досаждало. Опираясь одной рукой на основание крыла своей птицы, он смотрел вдаль, и на душе его скребли кошки. Тошно было Юпитеру. Молния зафыркала, ей не терпелось вернуться к кормежке, если не к спариванию — последняя проблема все сильнее ее беспокоила. Юп сердито посмотрел на свою любимицу. Что толку в верховых птицах! У Настоящих Американцев целый космический корабль! У него тоже должен быть корабль не хуже, по крайней мере…

Он почувствовал, как заиграли под его ладонью мышцы Молнии, одновременно услышал голос, окликнувший его сверху:

— Юп!

Судя по голосу, звала женщина, пожилая; он запрокинул голову и обнаружил губернаторшу, которая выглядывала из сумки своей серебристо-серой верховой птицы. Птица приземлилась рядом, осторожно, чтобы не зацепить случайно какое-нибудь дерево. Потерлась клювом о клюв Молнии — чисто дружеский жест, поскольку обе были самками, а губернаторша тем временем выбралась наружу.

— Почему ты не доложил о разговорю с Мирандой Фенг? — спросила она недовольным тоном.

Юпитер машинально протянул руку, чтобы помочь даме выбраться из набрюшной сумки.

— А о чем же докладывать? — спросил он, искренне озадаченный.

— О том, что она подозревает часть Настоящих Американцев в измене, — уверенно сказала Большая Полли. — Ты обязан был мне доложить до голосования!

— До голосования я сам понятия не имел о подозрениях Миранды!

— Не имеет значения, — с царственным достоинством заявила она. — Ты хоть понимаешь, что теперь весь наш план оказался под угрозой провала?

— Как? Неужели? — воскликнул Юпитер, потрясенный до глубины души. — Нет! Мы должны его спасти!

Она покачала головой.

— Я уже ничего сделать не могу, слишком поздно. Спасать план придется кому-то другому. Я решила, что это будешь ты!

— Я? — В мозгу Юпитера словно вспыхнул разряд молнии. Он, Юпитер, станет спасителем Настоящей Америки!!! Он даже не мечтал о чем-то подобном… — Но как, Полли? Что я должен сделать? — взмолился он.

— Ты полетишь в президентской яхте и… проклятье, этот болван оставит меня в покое или нет? — Она запрокинула голову, потому что с небес послышался пронзительный клекот еще одной приближающейся птицы. Голова, торчавшая над краем сумки, принадлежала не человеку, а старому урню Джачу.

— Погоди! — воскликнул он. — Полли, не посылай его! Я полечу!

Его птица плюхнулась на землю между Молнией и птицей Полли; урень, извиваясь, выбрался из сумки и проворно подбежал к ним, встал на задние лапки.

— Если бы не урни, ничего бы у вас не получилось. В яхте должен лететь урень!

— До чего же ты глуп! — с отвращением процедила Полли. — А что узкоглазые подумают, если заметят тебя на борту?

— Я спрячусь! Не бойтесь, меня не заметят! Я выдам себя за военнопленного! Все, что угодно! Ведь у вас, людей, — вскричал урень, — нет нашего военного опыта!

Свирепый взгляд Полли заставил его затихнуть. Полли в ярости даже топнула ногой.

— Чушь! В человеческой истории войн куда больше, чем в урацкой! На протяжении тысячелетий почти каждый год случалась война! Кроме того, при всем вашем боевом опыте, вы понятия не имеете о маскировке и военных хитростях. В этом деле, — произнесла она с гордостью, — мы, люди, непревзойденные мастера! Решение принято — это будет Юпитер.

Юпитер, все это время стоявший с изумленно раскрытым ртом, вступил в разговор.

— Что будет Юпитер? — поинтересовался он.

— Как что? Тебе поручено важнейшее задание! — пояснила Полли. — Ты полетишь с первым кораблем, с президентской яхтой. Ты получишь необходимое надежное оружие. Если Миранда не ошибается, и остальные Настоящие Американцы задумали измену, ты перехватишь командование яхтой, пристрелишь всех, кто окажет сопротивление, передашь наши требования китайцам…

— Я!!! — воскликнул Юпитер, пьянея от радости.

— Да, ты, — твердо сказала губернаторша. — Теперь мы вернемся в город. Я подготовлю для тебя приказы. Твоя миссия будет оставаться втайне до последнего момента перед стартом. Помни, доверять нельзя никому, кроме Миранды, даже президенту…

— Но лучше бы вы послали командиром урня, — печально прочирикал Джач.

— Нет! Полетит человек! А именно — Юпитер. Все, разговор окончен, — подвела итог Большая Полли. — Джач, ты займешься оружием для Юпитера. Все остальное я беру на себя.

И вот, когда экипаж яхты собирался подняться на борт, к пусковой петле прибыл Юпитер. И не просто прибыл, а что называется, с «большой помпой»! Все, кто его видел, не скрывали восхищения. Во-первых, он не пришел пешком, а приехал на особо выделенном для него одного экипаже на воздушной подушке. Но это не все. Под набедренную повязку был спрятан скорострельный автоматический пистолет; на шее висела граната с ударным взрывателем, наспех замаскированная под амулет; в руке он держал Дорожный чемоданчик, но вместо смены белья в нем лежала пара станнеров. Свой арсенал он был готов использовать на полную катушку, если придется, хотя, исключая станнеры, в тесной кабине корабля остальное оружие было не менее опасно для самого Юпитера, чем для его врагов. Янки и урни приветствовали его появление возгласами и криками «Ура!». На платформе он находился не один. Его сопровождал почетный караул из четырех урней в парадной раскраске. Солдаты-урни, взяв оружие на изготовку, застыли по углам движущейся платформы в позе часовых на почетном посту. Полковник десантного подразделения урней вел платформу вдоль посадочной площадки. Юпитер, небрежно опираясь на поручень, орлиным взором окинул собравшихся его проводить. Когда платформа, развернувшись, прибавила скорости, он на миг потерял равновесие, но крепко ухватился за поручень, уперся

ногами и даже не шелохнулся, когда полковник-урень выдвинул наземные шасси и остановил экипаж. Юпитер величественно-суровым взглядом приветствовал Кастора и прочих членов экипажа и громогласно возвестил:

— Я получил новый приказ, господин президент. В атаку я пойду на вашем корабле.

На лицах, глядевших на него снизу вверх, отразились все заранее предугаданные Юпитером чувства: удивление, беспокойство, раздражение. Преимущественно, удивление. Довольный собой, он продолжил:

— Спорить бесполезно. Мой приказ подписан Джачем, Эй-Белинкой, моим сенатором, старшей сестрой и лично губернатором. Не будем терять времени, пора приготовиться к взлету.

Собравшиеся продолжали смотреть на него. Ни один из них не шелохнулся и не произнес ни слова. Делила ничего не сказала Кастору, Кастор не обратился к Многолицему; но внутри головы последнего поднялась паника, да еще какая! «Они что-то заподозрили!» — простонал имплант, когда-то называвшийся Корелли Анастасио. «Нет, не пускайте его на борт!» — взмолился бывший Су Вонму. «Не пори горячку! — рявкнул Ангорак Аглат. — Мы бессильны ему помешать». А Поттер Алисия постаралась их всех успокоить, и себя в том числе: «Он совсем мальчик, совсем как мой Кастор. Наверное, он нас не тронет… наверное». Но чтобы не кричали голоса внутри головы Многолицего, чтобы не говорили члены экипажа вслух, приказ есть приказ. Изменить приказ времени уже не оставалось.

— Все на борт! — сварливо приказал Эй-Белинка. — Поторапливайтесь! Если не хотите новых осложнений!

И космоплаватели вошли в корабль по одному, сопровождаемые урнями-техниками, которые пристегнули их к полетным креслам, проверили надежность ремней и подсоединений, убедились, что физически и морально экипаж готов к старту. Никого не тошнило от воображаемых приступов космической болезни, никто не бился в истерике.

— Влипли, — громко сказал Кастор, не глядя на Юпитера.

— Заткнись, Кастор, — процедила Цзунг Делила, ни на кого не глядя.

— Ого, нас поднимают! — воскликнул Юпитер радостно. По крайней мере, хотя бы один человек на борту был сейчас счастлив, предвкушая космическое приключение.

Впрочем, все и без его объяснений понимали, что происходит. Все заметили резкий толчок, когда захваты вцепились в корабль, затем пауза ожидания, пока шла проверка систем и проверка

свободного стартового «окна»…

И вдруг всех их упруго подтолкнуло в спины — пусковая петля подхватила яхту и потащила за собой. Давление нарастало, страшная, неумолимая сила, от которой останавливалось дыхание, держала их теперь в своей власти, и с каждой секундой тяжесть наваливалась все сильнее…

И вдруг исчезла.

Яхта перешла в свободный полет. Они покидали густой суп атмосферы Мира, корабль с визгом разрезал воздух.

Они были на пути домой, на Землю.

Пусковая петля забросила яхту в верхние слои стратосферы Мира. На первом этапе взлета не было нужды включать ракеты; магнитная петля разогнала капсулу до скорости убегания и даже чуть больше, про запас. Сопла ракетных двигателей вспыхнут лишь после того, как девяносто девять процентов атмосферы останется внизу, а сотого процента хватит, чтобы наружные стабилизаторы нашли опору и развернули капсулу для суборбитального рывка.

На это уйдет всего несколько минут, но этих долгих минут было довольно, чтобы космические путешественники почувствовали: с Миром они расстаются навсегда. Даже если ни одна рука не коснется пульта, корабль все равно выйдет на орбиту; они уже успели окончательно вырваться из-под власти Мира. Они еще не чувствовали полной невесомости. Слабое, но ощутимое ускорение с отрицательным знаком прижимало их к предохранительным ремням, потому что корпус корабля, из-за трения о воздух, понемногу тормозился, в то время как содержимое его по-прежнему стремилось вперед.

«Шея болит!» — пожаловался Су Вонму. «Мне тоже больно, — поддержала его Поттер Алисия, — скорее бы все кончилось» Но разговаривали они не вслух, конечно. Страдали все составляющие части Многолицего, и комитет пришел к выводу, что лучше всего лежать тихонько, в надежде, что вскоре боль пройдет.

Фенг Миранда чувствовала себя отвратительно, хотя и по другой причине. Она обмочилась. Какое унижение! Она сердито пробормотала себе под нос (но остальные ее тоже услышали): «Малышка Миранда! Что за глупости! Что с тобой приключилось? Ты намочила штанишки, как несмышленыш, а от тебя вот-вот потребуются вся сила и решимость!»

А Цзунг Делила, занятая дыхательными упражнениями, чтобы посредством гипервентиляции насытить жаждущую кислорода кровь, сквозь хрип собственного дыхания услышала горькие слова Миранды и презрительно усмехнулась — мысленно, конечно. Но тут же презрение ее сменило адресата,

теперь она презирала саму себя: «Малышка! Что за глупости!» Очень подходящие слова! Будет урок инспектору народной полиции, зря растратившей уйму времени на муки ревности, и теперь еще и злорадствующей, видя унижение соперницы. Соперницы! Неужели они и вправду соперничали, добиваясь любви какого-то ветреного, эгоистичного мальчишки, который не в состоянии оценить все достоинства зрелой женщины? И это сейчас, когда призывает долг! Делила, нахмурившись, потянулась к навигационной панели. Пальцы, как заметила она с досадой, плохо ее слушались, дрожали, но тем не менее она с безошибочной точностью коснулась соответствующих контактных пластин. На экране вспыхнули цифры и линии: предлагаемый машиной курс. Предполагаемая погрешность — крошечная, степень правильности — почти все сто, и ни малейших признаков бортовых неполадок.

— Приготовились! — громко приказала Делила и нажала на сенсорную пластинку «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ».

Маневровые стабилизаторы корабля выдвинулись на полную длину, сопротивление воздуха развернуло капсулу в нужную для дополнительного разгона позицию. Основные бустеры ожили, выдали мощный двенадцатисекундный импульс. Экран навигационной панели подтвердил соответствие новой «дельта-V» расчетной; маневр завершен. Космический корабль вышел на баллистическую траекторию.

Теперь оставалось просто ждать.

— Отстегните ремни, — посоветовала Делила экипажу. Первой из привязных пут высвободилась, как с ехидной усмешкой отметила Делила, Фенг Миранда, осторожно, без особого удовольствия вытянув ноги, плотно обтянутые тканью скафандра.

— Не горюй, Фенг, — позлорадствовала Делила. — До Земли каких-то пятьдесят восемь часов! — И была вознаграждена испепеляющим взглядом, который метнула в нее девушка.

Делила быстро проверила остальных подопечных. Многолицый, все еще с закрытыми глазами, спокойно лежал в своем кресле. Юпитер-янки аккуратно отстегивал ремни, не забывая поглядывать с опаской на остальных членов экипажа. Кастор… о, Кастор! Кастор сиял, как солнечный зайчик. В путаных, сложных чувствах, которые Кастор вызывал у нее, была изрядная доля материнской заботы, и сейчас радость, сиявшая в глазах Кастора, согрела сердце Делилы.

— Делила, пожалуйста! — взмолился он. — Можно я на минутку возьму управление на себя?

— Пилотировать больше нечего, — терпеливо объяснила она. — До первой коррекции курса мы почти два часа летим

свободно.

Но дело, разумеется, было не в управлении кораблем. Кастору не терпелось ощутить власть, силу, которую Давал послушный его пальцам корабль. Иллюзию силы.

Ему хотелось увидеть самого себя капитаном могучего космического лайнера, выполняющего срочное и рискованное задание, чтобы потом, до конца жизни, он время от времени мог мысленно извлекать эту картинку из тайников памяти и любоваться.

— Ну ладно, почему бы и нет? — уступила она. — Сначала вызови Центр Управления, доложи.

— Сию секунду! — воскликнул Кастор, с готовностью исполняя поручение. Наземный контроль ответил сразу же; они ждали доклада. На экране появилась сама Большая Полли.

— Ваши курс и скорость — в норме, — сообщила она. — Поздравляю с удачным стартом!

Забавно, подумал Кастор, по лицу ее не скажешь, что она радуется нашему успеху. Пухлый подбородок выставлен вперед, слова цедит, как старый скряга, словно затаила какую-то обиду. Дуется, должно быть, что сама не попала в экипаж и не полетела с нами, решил Кастор и тактично заметил:

— Это мы вас поздравляем, Полли. И, прошу вас, передайте нашу горячую благодарность бригаде пусковой петли и всем, кто принимает участие в этом историческом событии.

— Обязательно, — лаконично ответила губернаторша и наклонилась к урну Джачу, который, встав на задние лапки, что-то прочирикал ей на ухо. — Да, хорошо. — Она выпрямилась. — Вас, очевидно, заинтересует сводка последних новостей?

— Еще бы, — включилась в разговор Делила, хмуро глядевшая на экран.

— Так вот… — Полли опять нагнулась к урню. — Джач передает, что в общей сложности у вас остается девять часов и двадцать минут до входа в зону действия переходника. Потом — переход, и вы окажетесь в двух днях пути от Земли.

— Все это мы уже рассчитали, — громко объявила Делила.

— Ну, мы подтверждаем, на всякий случай. Потом… секунду… десять часов спустя за вами последует первая волна вторжения. В ней идут тяжелые дальнодействующие…

— Мы знаем, — фыркнула Делила. — Мы план сто раз проходили. — Чем дальше, тем мрачнее становилось ее лицо. Она вопросительно взглянула на Кастора, затем обратилась к экрану:

— В данный момент мы наблюдаем, как флот выстраивается в атакующий порядок. Есть у вас еще что-нибудь важное?

— Ах, да, — сказала губернаторша. — Получили передачу с

земного разведчика. Похоже, китайцы вновь запускают корабли. Погодите минутку… — Она кивнула урню, потом лицо губернаторши с экрана исчезло, появилась картинка космического пространства. Пространство пространством… нет, поняла Делила, перед ними явно Земля — вот, совершенно явственно, очертания Африки. Голос губернаторши сказал:

— Мы рассчитали время встречи, и раньше, чем через пятьдесят часов, они близко к разведчику не подойдут, не успеют. Но на случай, если они припасли для нас сюрприз, — какое-нибудь новое оружие — мы отводим разведчик прочь от Земли. Под прикрытием зондов-шпионов, они, может быть, вновь отвлекут внимание…

— Дважды китайцев не проведешь на зондах, — насмешливо сказала Делила, внимательно глядя на изображение. Верно, вот они, три пульсирующие точки, выползают вверх с низкой орбиты. Она мысленно прикинула: что за корабли оставались в готовности к старту на Хайнане? Не так уж много. Едва ли они успели снарядить что-нибудь поопаснее корабля Чай Говарда. Нет, тяжелое оружие им в космос явно не поднять. Делила сказала с неохотой: — Что ж, пожалуй, вы правы. Особой опасности они не представляют, но пусть остаются на нашем экране. Продолжайте трансляцию.

— Договорились, — устало сказала губернаторша. — Как на борту, все в порядке? Как там Юпитер?

— Чувствует себя прекрасно, — удивленно ответил Кастор. — Мы на время прервем связь, ладно?

— Ладно, — сказала губернаторша, и наступила тишина.

Делила, извернувшись внутри своего кокона, оглядела остальных.

— Как, по-вашему, что это с ней? — спросила она. — Голос у нее какой-то странный. — Но Кастор ничего ответить ей не мог, и Многолицый — тоже, а Юп и Миранда, разумеется, держали язык за зубами.

Юпитер хранил гордое молчание — враги не должны догадаться о его секретном задании, — но внутри у него все пело. Мысленно Юпитер парил на орлиных крыльях славы. Еще бы, сейчас от него зависела судьба Америки! Он смело встретил пристальный взгляд Делилы, стараясь придать лицу выражение равнодушное и даже безмятежное. Но пальцы его сами собой забарабанили по саквояжу с парализаторами, который лежал рядом. Во время запуска станнеры немилосердно давили ему в бок. Синяки все еще побаливали, но даже кровоподтекам Юпитер был рад, как знакам боевой доблести. Он улыбнулся Миранде, она заговорщицки подмигнула ему. Может, стоило один станнер

отдать ей? Этот вариант обсуждался перед стартом, но остальные американцы Миранде явно не доверяли. Больше одной крапленой карты в колоду не втиснуть. Миранда повернулась к Многолицему, тихо лежавшему в своем кресле рядом с ней, а Юпитер безмятежно глядел на Делилу и Кастора. Кастор осторожно, цепляясь руками, перебирался через пространство между своим креслом и Делилиным. Поскольку корабль находился в свободном полете по баллистической траектории, на борту воцарилась невесомость — вещь довольно коварная. Юпитер усмехнулся, когда Кастор, выпустив ремень, замахал руками, словно мельница, пока Делила не ухватила его…

— Юпитер! Вы, все! — Это был голос Миранды. — Что-то стряслось со стариком!

Все они, хватаясь за все, что под руку попадется, поспешно сгрудились вокруг кресла Многолицего. Делила схватила его за запястье, нащупывая пульс. Кастор оттянул вниз веко, чтобы проверить зрачок.

Пульс оказался слабым, но ровным, дыхание — тоже. Когда Кастор отпустил веко, глаз закрылся и остался закрытым.

Они удостоверились, что Многолицый жив. По всем внешним признакам он мирно спал. Но вот разбудить его никак не удавалось.

5

В лоскутном мозгу, когда-то принадлежавшем Фунгу Босьену, поднялась паника. Часть голосов панически вопила, часть — зловеще молчала. «Что произошло? Почему нам больно?» — нервно вскрикнула Поттер Алисия. Ангорак же Аглат, как всегда сердито, рявкнул: «Старого болвана хватил удар, должно быть! Ну и тряпка, ни на что не годен! Теперь всем нам крышка!» Су Вонму сказал же: «Товарищи, товарищи! Давайте не будем ссориться! Не время сейчас для перебранок. С нашим телом что-то стряслось — это ясно. Но давайте прежде выясним, что натворил Фунг Босьен, а потом уже будем его ругать!» А сам Фунг произнес устало: «Слушайте, заткнитесь вы все. Вы что, не понимаете — это эмболия, закупорился сосуд, а может, аневризма».

Беззвучные вскрики и гневные возгласы: эмболия! Удар! Нет, успокаивать их было делом безнадежным. Сейчас они ничего слушать не желали, не в состоянии понять, что их последняя надежда — хладнокровное спокойствие и сплоченность. Пара имплантов вообще не подавала признаков жизни. «Корелли!» — как мог громко позвал Фунг. «Хсанг!» Они не отзывались. Похоже, комитет поредел. Присутствующие же на собрании вопили все

громче — если слово «вопили» считать подходящим, ведь голоса оставались беззвучными, — забыв о всяком благоразумии, заглушая друг друга, то есть царила совершеннейшая дикая неразбериха. И субличности не просто были напуганы, они кричали и от боли тоже. Череп, ставший для них общежитием, раскалывала жуткая головная боль, она накатывала волнами, и каждый раз голоса вскрикивали все громче. «Умоляю, вас, тише! — обратился к сотоварищам Фунг Босьен. — Не сходите с ума! Паника делу не поможет!» «Но что они там делают с нами?» — запричитала Поттер, не в силах разобраться в путанице ощущений, которые еще просачивались в ее сферу восприятия через органы чувств.

Удивительно, но ответил ей не кто иной, как Шум Хенджу. Бывший сталелитейщик до сих пор лишь скромно выслушивал вопли и тирады всех прочих и вдруг решил взять слово: «Алисия, по-моему, они пытаются оказать нам помощь».

«Помощь!» — насмешливо воскликнуло несколько голосов, но Шум не поддавался.

«Да, мне так кажется, — мягким тоном продолжал он. — Они пытаются оказать первую помощь. Правда, на этом корабле нет полной системы жизнеобеспечения, поэтому ничем существенным они нам не… Но все же, товарищи, послушайте меня. Какой смысл нам горячиться, ведь паника ни к чему нас не приведет».

«Глуп ты, Шум, — презрительно фыркнул Су Вонму. — А что же нас приведет и куда? Что нам делать?»

«Знаете, товарищ Су, — сказал Шум спокойно, — помнится мне, что перво-наперво больной, с которым случился удар, должен успокоиться, расслабиться. Давайте хотя бы этому совету последуем, пока наши спутники пытаются нам помочь».

Удивительно, но на несколько секунд наступила полнейшая тишина. Потом Фунг медленно сказал: «Это добрый совет, Шум. Жизнь он нам не спасет — не всем, по крайней мере, потому что кого-то мы, кажется, уже потеряли. Но это лучше, чем ничего…»

Пауза в одну или две микросекунды, остальные члены комитета ожидали продолжения.

«И все?» — с тревогой произнесла Поттер Алисия.

«Нет, не все. Кажется мне, что не столь уж важно, выживем мы или погибнем. По справедливости говоря, все мы давным-давно могли отправиться на тот свет. Главное, чтобы урни не стерли человечество с лица Земли… и помешать им мы пока совершенно бессильны».

Они уже давно подключили маленький бортовой диагностер к большим машинам на поверхности Мира через канал связи, и сейчас Делила считывала показания.

— В общем, он жив, — доложила она. — Но с мозгом у него что-то не то.

— И довольно много чего, — согласился Юпитер. Он пытался придерживать датчики-электроды на руках, груди, горле и голове пациента — клейкие поверхности оказались недостаточно клейкими, чтобы противостоять непредсказуемым, судорожным движениям Многолицего.

— Передай, что он должен выжить! — приказал он.

Делила бросила на него быстрый взгляд — насмешливый и удивленный одновременно.

— Я хочу сказать, — объяснил он, — нам ведь еще два дня лететь и труп на борту нам ни к чему. Он ведь начнет разлагаться! И запах! — Он недоуменно смотрел на лица спутников по космической экспедиции. — Разве нет? Где ваш здравый смысл! — запротестовал он негодующе.

— Слушай, закрой рот и как следует придерживай электроды, договорились? — процедила Миранда сквозь зубы. Она ласково, как мать младенца, устроила громадную голову старика на своих руках. Голова ничего не весила, конечно, но во время спазмов он мог удариться обо что-нибудь или даже повредить шейные позвонки, а то и просто шею сломать.

— Неужели они нам ничего посоветовать не могут? — вспылила Миранда.

— Советуют, и много чего советуют, — вздохнула Делила, — только нет у нас под рукой подходящих средств. Все советы бестолку пропадают.

— Эх, не тот корабль, — с досадой произнес Кастор. — Вот на втором установлена специальная система жизнеобеспечения, рассчитанная на Многолицего.

— Значит, надо было на втором корабле лететь! — резко оборвала его Миранда. И лишь заметив, как остальные с удивлением на нее взглянули, сообразила, что ее озабоченность судьбой старика выглядела несколько странно. Ведь Многолицый — враг! Юпитер запросто его пристрелил бы в случае чего — она ведь сама позаботилась, чтобы именно так и произошло, если на борту возникнут осложнения. Но сейчас, глядя на сморщенное, дряблое лицо под нависающей выпуклостью лба, Миранда почему-то только одного хотела: спасти старику жизнь.

— Надо бы ему еще дозу антикоагулянтов ввести, — капризно сказала она.

— Чай Говард запретил, — сказала Делила.

— Чай Говард ничего не смыслит в медицине!

— Но медсестры-янки с ним согласны, Миранда. Прошу тебя, успокойся. Мы и так делаем все, что в наших силах.

— Он уже несколько часов без сознания! Сколько он еще продержится?

— Сколько нужно, столько и продержится, — твердо сказала Делила. — Жди. Что там с электродами? Все на месте? Жалуются на нечеткий сигнал.

Юпитер с виноватым видом бросился поправлять вверенные его попечению датчики. Ток, протекавший через них, измерял сопротивление кожи и ее температуру, улавливал альфа - и бета-волны мозговой активности, сообщая все возможное о борьбе, происходившей сейчас внутри громадной выпуклой головы. В тысячах километров внизу, собравшиеся у мониторов Центра Управления урни и люди знали об этой борьбе больше, чем могли видеть члены экипажа.

— Все-таки он был не такой уж вредный старикашка, — всхлипнула Миранда.

И сообразила, что говорит о Многолицем в прошедшем времени.

Субличности, объединенные под черепной крышкой Многолицего, постепенно склонялись к этой же точке зрения на собственную судьбу.

«Как жалко, я так и не увидела ребенка моей Марии», — вздохнула Поттер Алисия.

Остальные молчали, ведь у каждого нашлось о чем пожалеть, пока вновь не заговорил Шум: «Мы ничего не делаем, чтобы спасти Землю — вот о чем, по-моему, нужно пожалеть».

«Мы и сожалеем, лопух, — тут же осадил его Ангорак. Потом ему стало совестно и он извинился: — Прости, Шум. Я погорячился. Я потому и злюсь, что ничего сделать не могу. Мы бессильны».

«Да, — согласился Шум, — мы бессильны, если не можем ни говорить, ни действовать. Если мы начисто отрезаны от внешнего мира, тогда все напрасно. Но так ли это? Неужели мы совершенно лишились контакта?»

Молчание. Потом… Поттер Алисия сказала робко: «Шум? Или мне померещилось, или секунду назад мигнул свет. Ты об этом говоришь?»

Последовал всплеск энтузиазма, окрашенный надеждой, но сам Фунг Босьен сказал устало: «Просто чуть-чуть приоткрылся один глаз — наверное, приподняли веко, и все. Это ничего не значит».

«Не совсем согласен, товарищ Фунг, — скромно сказал Шум. — Наоборот, очень много значит. Наши органы восприятия, наши системы восприятия не разрушились — вот что это значит. По-моему, у нас появилась надежда».

«Надежда на что?» — рявкнул Ангорак.

«Что мы парализованы, но не в коме».

«Ясно и ежу, что мы не в коме! Мы ведь разговариваем между собой, правильно? Эх, Шум, когда ты ума наберешься! Ты называешь надеждой то, что для нас всех — худший конец: мы не умерли, мы не в коме, мы обречены догнивать в этой тюрьме, в полном сознании, до скончания времен!»

«Ангорак, помолчи, — грубо одернул его Фунг. — Шум прав. Слушайте меня все! Если ничего, кроме как рассуждать, нам не остается, так давайте рассуждать логично». Он сделал микросекундную паузу, в молниеносном обмене мыслями между членами сообщества равнозначную многозначительному молчанию; он хотел убедиться, что возражений не последует. Возражений не последовало. «Прекрасно. Подведем итоги. Что мы знаем? Во-первых, мы пережили травму сосудов мозга. Есть возражения?» Возражений не было. Никто не сомневался в природе постигшего их несчастья. «Во-вторых, поражение сосудов не столь уж обширно, как могло бы быть в худшем случае. Шум верно заметил: мы по-прежнему слышим друг друга и можем общаться — по крайней мере, многие из нас, — уточнил он. И вновь все согласились с его мнением. — В-третьих, несколько секунд, может быть, даже минут тому назад мы видели световой проблеск». Одобрено единогласно. «Вопрос заключается в следующем: в состоянии ли мы хоть как-то управлять двигательными функциями тела. Кто-нибудь испытывал кинестетические ощущения?» Все голоса неуверенно дали отрицательный ответ, исключая Поттер Алисию, которая ответила «да», но чувствовалось, что она сильно сомневается. «Попробуем восстановить двигательный контроль?» Уверенное «да», то есть не слишком уверенное, но достаточно твердое. «Ладно, тогда попробуем приоткрыть глаз, — решил Фунг и отдал своей когорте инструкции: — Итак, сейчас мы проверим, в состоянии ли мы, не тратя сил на панику и перебранки, объединившись, открыть глаз. Все готовы? Ладно, начинаем».

«Не могу…» — прошептал Су, но его шепот тут же утонул в возгласах прочих переживших катастрофу субличностей: «Нет, ты можешь, постарайся!», «Ага, надутый дурак, слабо!» «Ну хоть не путайся под ногами, сиди тихо и не мешай остальным!»

Они взялись за дело, и еще как! Вновь и вновь, концентрируя усилия. И время, летевшее внутри черепа Многолицего быстрее самой жизни, казалось, остановилось. Попытка сменялась новой попыткой…

Все было напрасно.

«Давайте попробуем еще что-нибудь, — пропыхтел Су, если

только слово „пыхтел“ применимо к кусочку мозгового вещества. — Речь попробуем. Попробуем остальных предупредить…»

И новые усилия, попытка за попыткой — и опять безуспешно. На этот раз они даже действовали не так слаженно, как в первый, потому что опять перессорились, и все не могли прийти к общему мнению: что же им сказать, в каких словах; и медленно проходили часы, тянулись, как тысячелетия. Вдруг…

«Что это было? — испугалась Поттер Алисия. — Ой, Фунг! Мы… мы умерли?»

Но ответил не Фунг, а Ангорак, как всегда, по-солдафонски грубый. Он тоже почувствовал странную дрожь, которая достигла его осязательной системы через усталые органы чувств старого тела их носителя, Фунг Босьена. Бывший артиллерист сразу же понял, что это такое. «Мы не умерли, глупая женщина! — взревел он. — Если бы мы умерли, как бы мы сейчас разговаривали, а? Это мы сквозь переходник прошли, вот и все… Эх, товарищи, что же получается? Опоздали мы! Может, пока мы сидим в западне, все давно кончилось?»

Кончилось ли? Ответ на сей вопрос интересовал не только сгустки мозговых клеток в голове Многолицего, но и многих членов экипажа президентской яхты. Цзунг Делилу, например, и Кастора, и даже Миранду, и Юпитера, которые явственно занервничали, ощутив непонятного происхождения вибрацию. Переход-поле накрыло корабль без предупреждения, застало его экипаж врасплох, так же, как и Многолицего. Первым побуждением Делилы было как можно незаметнее скользнуть обратно в свое пилотское кресло. Миранда, склонившись над стариком, голова которого покоилась у нее на коленях, пристально всматривалась в его лицо.

— Или у меня галлюцинации, или веко у него приподнялось, — объявила она. — Дрогнуло, но только один раз…

Тут она замерла, потому что по телу вновь прокатилась странная, леденящая, какая-то даже скользкая дрожь.

— Всё, прошли! — ахнула она.

— Да, успешная переброска… Смотрите! — И экран, который затопили статические помехи, вновь ожил, появилось изображение диска Земли, из-за краешка выглядывал яркий кусочек Луны.

Юпитер воскликнул радостно:

— Ага, план сработал! Ух, надоел же мне этот старик! — Он отпустил электроды, сгибая и разгибая с хрустом уставшие пальцы. И вновь удивившись странной реакции спутников, —

отчего они так на него смотрят? — сказал обиженно: — Но мы же потеряли прямую связь с Миром! Какая теперь разница!

— Ну и подонок же ты! — с отвращением процедила Миранда, но мгновение спустя уже забыла о Юпитере. Многолицый открыл глаза.

— Он пришел в себя! — вскрикнула Миранда. — По-моему… он пытается что-то сказать…

— О, это хорошо, — добродушно сказал Юпитер. Значит, им не придется делить кабину с протухшим трупом.

— Заткнись! — приказала Миранда, наклоняясь ниже, к самым губам Многолицего. — Что? — прошептала она, и Многолицый, едва шевеля губами, попытался опять сказать что-то.

— Оста… новите… Кажется, он сказал «остановите» и замолчал. Да, да! — подбодрила его Миранда. — Кого остановить, Фунг? Или что?

— Остановите… урней… спасите… Землю… Они… ее… уничтожат… остановите…

— Что? — изумленно воскликнула Миранда, не поверив собственным ушам. Вопрос был бессмысленный — ведь у старика едва ли оставались силы повторить все сначала. — Он сказал: «Остановите урней, спасите Землю. Они ее уничтожат», — повторила Миранда вслух, чтобы все остальные слышали, потом снова нагнулась к Многолицему. Она сказала встревоженно: — Не волнуйся, Фунг, урни не причинят вреда. Я понимаю, ты патриот своей страны и так далее, но главное, не беспокойся, Китай почти не пострадает… Урни ведь только стремятся освободить Америку, им больше ничего не нужно…

На нее смотрели печальные, скорбные глаза старика. Губы вновь зашевелились, но на этот раз совершенно беззвучно.

— Фунг, ты напрасно теряешь силы, — грустно сказала Миранда. — Не пытайся разговаривать. Я тебе обещаю, все обойдется…

Многолицый с трудом провел по пересохшим губам языком и даже не произнес, не прошептал, а едва слышно выдохнул:

— Пожалуйста…

Миранда покачала головой, потом вдруг удивленно вскинула голову, почувствовав бортовой толчок. Она окликнула Делилу:

— Что ты делаешь?

— Коррекция курса, — отрезала Делила, не оборачиваясь. Пальцы ее проворно бегали по панели управления, она не спускала глаз с приборов. В ее тоне, в ее позе Миранде почудилось что-то странное. И опять-таки, странно, что Кастор, внимательно вслушивавшийся в слова Многолицего, вдруг, как

бы невзначай, переместился и теперь висел в воздухе между Делилой и Юпитером и пристально смотрел на янки, как будто чего-то ожидая…

— В чем дело? Что происходит? — громко спросила Миранда, и Юпитер, который наконец опомнился, схватился за саквояж, выудил из него парализатор и направил оружие на Делилу.

— Измена! — вскричал он. — Замри на месте, Цзунг! Убери руки с пульта!

Делила замерла. Станнеры не убивают, но приятных ощущений тоже не испытываешь, придя в себя после выстрела — кажется, в тело впились тысячи иголок. Не говоря уже о том, что парализованная и оглушенная, она напрочь выйдет из игры и ничем не поможет спасти родную планету. Кастор тоже застыл на месте, и по той же причине. Кроме того, он ведь находился к Юпитеру ближе, чем Делила. Даже Миранда остолбенела с открытым ртом — она совершенно ничего не понимала! — чем вывела Юпитера из себя.

— У вас в Настоящей Америке все сестрицы такие тупые? — громогласно поинтересовался он. — Ты разве не видела, что она делает? Ты была права: они задумали измену!

— Юпитер, послушай… — начала она рассудительным тоном, понятия не имея, как закончить предложение.

— Не пререкаться! И отпусти старика! Садись за пульт вместо Делилы! — Миранда не двигалась с места. — Быстро! — рявкнул он яростно. — Она хотела уничтожить разведкорабль и переходник! Ну, вытащи ее из кресла! Свободу Америке!

6

СВОБОДУ АМЕРИКЕ! Что ж, приказ был ясен и недвусмысленно прост. Слова проникли в подсознание Миранды, привели в действие рефлексы, которые она успела отшлифовать за вею свою жизнь. Она ничего не понимала, она словно отупела, но услышав приказ действовать, она начала действовать. Осторожно опустив голову Многолицего на подголовник кокона, она передвинулась к пилотскому креслу, стараясь не оказаться на одной линии со стволом парализатора и Дзунг Делилой.

— Простите, — рассеяно сказала она и даже не обратила внимания на удивленный взгляд Делилы. Миранда на нее не смотрела. Она смотрела на экран пилотского пульта, где виднелся бело-голубой мраморный шар и его спутница, похожая на замусоленную таблетку аспирина.

— Юпитер! А почему Многолицый сказал, что урни уничтожат Землю? — поинтересовалась она, задумчиво глядя на

шар планеты.

— Глупейший вопрос! — отрезал Юп. — Лучше смотри, что делаешь! Сейчас не время для глупых вопросов — от нас зависит исход величайших событий!

— Конечно, — рассудительно сказала она и кивнула. — Но ума не приложу, о чем это он… Может, ты мне объяснишь?

Делила плавала рядом с креслом второго пилота, ухватившись за петлю на спинке.

— Он мог бы объяснить тебе, Миранда, но не станет, — сказала она.

— А ну тихо! Прекратить разговоры! — приказал Юпитер, но Миранда вскинула руку, успокоила его.

— Почему же он не расскажет мне?

— Потому что сам понятия не имеет о том, что происходит, — в голосе Делилы, которая старалась говорить спокойно, слышалось напряжение. — Не больше, чем ты. Спроси-ка его о предыдущих союзниках урней! Поинтересуйся, кому из них удалось выжить?

— Каких союзников? — Миранда нахмурилась, стараясь сообразить, о чем идет речь.

— Обо всех! Они все погибли — все эти разумные существа, — и нас ждет так же участь, если мы не остановим этого безумца с парализатором!

— Ну ничего себе! — взвыл Юпитер, размахивая парализатором. — Да как ты смеешь! Я не безумец! Ты считаешь меня сумасшедшим, потому что я — верный патриот родной страны!

— Ты — предатель рода человеческого, — фыркнула Делила, но Юпитер не собирался ввязываться в дискуссию.

— Так, вот теперь ты замолчишь, — сказал он с угрозой, — или я тебя заставлю закрыть рот! А ну давай, шевелись, перебирайся вон туда, вместе с Кастором! Миранда, бери управление на себя! И следи, чтобы ни один из них не приближался к пульту! — Его лицо осунулось от гнева, покраснело. Нет, какие наглецы! Но все-таки для Юпа наступил его звездный час, и гнев быстро уступил место другим, более возвышенным чувствам. Он помахал станнерами — сейчас Юп сжимал в каждой руке по станнеру, — загоняя Делилу и Кастора подальше, в задний угол кабины, к самой стенке. — И без фокусов! — предупредил он. — И никаких разговоров!

К досаде Юпитера, они не собирались подчиняться всем приказам без исключения, потому что Кастор заявил:

— Я — Президент Соединенных Штатов. Я приказываю сдать оружие!

Юпитер наморщил лоб.

— Неправильный приказ, не имеет силы, — возразил он.

— Президент является главнокомандующим всех вооруженных сил, — сказал Кастор. — Все мои приказы должны исполняться.

— Значит, ты — неправильный президент! — решил Юпитер. — Оружия я не сдам. Мы будем действовать по плану. Мы свяжемся с китайскими кораблями, отвлечем их внимание, заставим перейти на низкую орбиту, а флот тем временем последует за нами — и тебе нас не остановить!

Кастор покачал головой.

— Ну, хорошо, Юпитер. А что потом?

— Как что? Освободим Америку, ясное дело!

— Но кто ее освободит, Юпитер? Ты об урнях говоришь? Ты хоть понимаешь, что начнется, как только в бой вступят урни?

Юпитер помолчал, поморщил лоб и сказал:

— Господин президент, я бы хотел по-прежнему относиться к вам, как к законному президенту моей страны, но вынужден предупредить — не стоит в таком тоне говорить о наших союзниках-урнях! Это равносильно измене!

Кастор ответил не сразу. Миранда видела, что он взмок от пота. Лицо его побледнело, руки дрожали, но тем не менее он сказал:

— Урни — не американцы, Юпитер. Ты им не присягал в верности.

— Они наши союзники!

— Они никому не союзники! Ты бы хоть раз заглянул в летописи! Знаешь, сколько дров они наломали?

Юпитер сердито повел плечами.

— Ну, старые сказки… Теперь тихо! Смотрите на экран — зонды-разведчики уже рядом с нами… мы вот-вот окажемся в зоне видимости китайских кораблей! — Кастор открыл было рот, но Юпитер прикрикнул на него: — Я сказал — тихо! Не то вырублю надолго!

Делила предостерегающе тронула Кастора за руку; президент нерешительно замер, не зная, что предпринять.

Вдруг заговорила Миранда:

— Юпитер, а почему ты закрываешь ему рот? Что он имел в виду насчет летописей?

— Ерунда! — огрызнулся Юп. — Ну, бывали неудачные операции, конечно. Ничего серьезного.

— Неудачные? А сколько же было удачных? НИ ОДНОЙ! — сказала Делила, побледнев почти как Кастор, с заострившимся лицом. Она не спускала глаз с парализаторов Юпитера. — Всякий

раз, когда в войну вмешивались урни, в конце концов они уничтожали обе стороны. Ты к этому стремишься, Юпитер? Чтобы человечество было навсегда стерто с лица Земли?

— Ложь! — вскричал он, взбешенный нападением на самые святыни своего мировоззрения. — Не будет этого! Просто урням не всегда везло.

— Не везло? — начала Делила, но Миранда остановила ее.

— Расскажи мне, в чем им не везло и как, — потребовала она.

Юпитер обиженно взглянул на нее.

— Да, это правда, все разумные существа, которым урни старались помочь, погибли в этих войнах. — Он пожал плечами. — Но мы ведь не дураки. Мы учли прошлые ошибки, планы разрабатывались годами. Все проще простого. Сперва бомбардируем Китай из космоса — что нам может помешать? Китай будет на коленях, это как пить дать. Если Индия попытается воспользоваться ситуацией, ее даже легче будет поставить на место. Затем высаживаем десантные войска, прочесываем территорию. Разумеется, высадить мы сможем только несколько тысяч, и в наземном бою урни немногого стоят, но ведь из космоса нас будет поддерживать флот! Если местные вдруг заупрямятся и не капитулируют, разбомбим пару городов.

— Юпитер! Ты понимаешь, что говоришь?

Юпитер набычился и упрямо повторил:

— Они сами напросились. — Потом с удивлением заметил, что Делила пробирается к пульту. — Стой!

Миранда слишком поздно сообразила, что корабль, который все это время медленно поворачивался вокруг поперечной оси, сейчас был направлен почти в точности обратно на разведчик, где все еще светился бледный фиолетовый огонек переходника. Она машинально потянулась к пульту, чтобы остановить вращение, а Кастор в этот же миг прыгнул на Юпитера. Треснул высоковольтный разряд — Юпитер выстрелил. Разряд станнера отбросил Кастора на стенку, на лице его застыла изумленная гримаса. Юпитер, разозлившись, направил ствол на Делилу…

Миранда, пальцы которой что-то быстро нажимали на пульте, вдруг попросила его:

— Не стреляй больше. Не нужно. Это уже бесполезно.

Он уставился на нее.

— Как ты сказала?

— Я сказала — это уже бесполезно. Не имеет смысла, — повторила она, глядя, как пальцы, словно сами собой, выстукивают команды. Потом она нажала на клавишу «ПРИВЕСТИ В ИСПОЛНЕНИЕ» и добавила:

— Все. Урни до Земли теперь не доберутся.

Лицо у Юпитера было сейчас столь же сердитое, сколь и испуганное.

— О чем ты лепечешь, глупая сестрица! Почему это они не доберутся сюда? Все предусмотрено планом!

Она покачала головой, глядя на пилотский экран.

— Если и доберутся, то нескоро, Юпи. Сорок два световых года, кажется? Так что без переходника раньше, чем через сорок два года, им в солнечную систему не попасть. — На экране было видно, как белая огненная искорка все ближе подбирается к разведкораблю. — Без корабля — нет переходника. А без переходника — нет и урней. На целых полстолетия или больше. А я, — прибавила Миранда, наблюдая, как искорка сливается с пятнышком урацкого разведчика, — а я стреляю без промаха. Вот, конец кораблю!

Юпитер широко раскрытыми глазами глядел на экран. Впрочем, все остальные — тоже. Даже Кастор (который только глазами и мог двигать), даже Многолицый, который прищурил близорукие старческие глаза. Все они увидели одну и ту же картину.

Корабль урней вспыхнул ярким, бело-фиолетовым светом.

Когда вспышка погасла, на том месте, где находился корабль, больше ничего не было. Облачко распыленного вещества медленно напухало и рассеивалось. И все.

— О Боже! — прошептал Юпитер. — Ты его взорвала, да?

Миранда кивнула. Истина была проста. Она в самом деле взорвала разведкорабль урней.

— Надеюсь только, что правильно поступила, — задумчиво произнесла она.

Цзунг Делила, внезапно придя в себя, сбросив оковы оцепенения, которое поразило их всех, оттолкнулась от стены, подлетела к Миранде и заключила девушку в крепкие объятия, чего последняя никак не ожидала.

— Молодец! Молодец! — всхлипывая, воскликнула Делила. — Ты не промахнулась!

— Предательница! — проскрежетал Юпитер. Он беспомощно взмахнул парализатором, потом посмотрел на оружие и запустил его вдоль кабины. Парализатор едва не угодил в Миранду, которая перехватила его в полете и передала Цзунг Делиле.

— Надеюсь, ты будешь умнее, — сказала она. Потом, помолчав, добавила задумчиво, обращаясь то ли к инспектору народной полиции, то ли ко всему человечеству: — Надеюсь, вы все будете умнее, чем раньше.

— А если нет? — с обидой воскликнул Юпитер. — А если они будут продолжать воевать?

Миранда склонилась над пультом, вызывая далекие китайские корабли. Она бросила через плечо:

— Тогда… что посеем — то и пожнем.

Эра осторожности
(Пер. с англ. Д. Ю. и
Я. Ю. Савельевых)

Глава 1

Падающие лучи высвечивали фигуры людей, находящихся в парке. Вот девушка со сверкающими глазами и светлыми блестящими волосами, одетая в дымчатое платье. Ближе к Форрестеру — мужчина с золотистой кожей и печальным лицом. Мимо них проходили люди с букетами роз, доносились звуки отдаленной музыки.

— Я богат! — пронзительно закричал он. — И жив!

Казалось, что никто не обратил на него внимания. Форрестер подкрепился виноградом, который рекомендовал ему Хара, поднялся и, шатаясь, спустился к бассейну, где плескались и кружились в обнаженной неразберихе отдыхающие. Несмотря на продолжительное инструктирование, которое дало ему возможность узнать много нового и помогло избавиться от дурных привычек, старому Форрестеру захотелось пообщаться с этими нагими людьми.

— Так это же Форрестер-богач! — закричал один из купающихся.

Форрестер улыбнулся и приветственно взмахнул рукой.

— Давайте споем ему песню! — предложила одна из девушек.

— Песню! — И все они начали плескать на него воду и петь о его богатстве.

Умирал он, умирал он, умирал —
Хлоп!
И кричал он, и кричал он, и кричал —
Хлоп!
Непонятен школьникам этот дикий вопль,
Но четверть миллиона баксов он загреб! Форрестер!
Хлоп! Хлоп!

Форрестер нырнул и расслабился. Он с ухмылкой рассматривал обнаженные тела, позволяя обливать себя теплой, приятно пахнущей водой. Бронзовые, гибкие и нежные — все они были прекрасны. Он знал, что девушки не будут возражать, если он их приласкает, поэтому захотел раздеться и присоединиться к ним. Но Форрестер прекрасно знал, что ничем не похож на Адониса и не произведет впечатления на юных Венер. Поэтому он не сдвинулся с места.

— Пейте и веселитесь, так как вчера мы были мертвыми! — воскликнул он.

Форрестер не думал о том, что уродлив по сравнению с окружающими. По крайней мере в этот момент. Он был счастлив и ни о чем не беспокоился. Он не испытывал ни волнения, ни страха, ни тревоги. Совесть его мирно дремала. Он имел право попусту транжирить свое время.

Хара советовал ему расслабиться, акклиматизироваться.

— Ходи осторожней, ведь ты так долго был мертвым, — говорил он Форрестеру.

Форрестер старался следовать его советам. Обычно с утра он воспринимал вещи всерьез: и каждое утро входил в этот новый мир и определял свое место. С высокомерной гордостью он думал о том, что будет работать не потому, что это нужно, ведь у него было двести пятьдесят тысяч долларов, а потому, что всегда получал удовольствие от работы. Он будет хорошим гражданином.

Проверяя себя, он выкрикнул одной из девушек дружеское, но непристойное предложение. Хотя Хара предупреждал его, что в этом веке непристойностей просто не бывает. В ответ девушка сделала чарующий жест, который Форрестер счел непристойным. Ее спутник приподнял свой Джоймейкер и обрызгал его жидкостью. Форрестер почувствовал сексуальное возбуждение, сменившееся томным изнеможением.

Подумав о том, как прекрасна жизнь, он развернулся и пошел прочь. Вслед ему неслась песня.

И он спал, и он спал, и он спал,
И кричал, и кричал, и кричал —
Сам себе дивится: в порядке ль голова?
В зеркало посмотрит: человек ли я?
Форрестер!

Форрестер был уже далеко от бассейна, ему очень хотелось встретить человека, с которым можно было бы просто поговорить.

И тут он увидел девушку. Она была невысокого роста и стояла в одиночестве. Если бы Хара был рядом, то он бы их познакомил.

Обычно Хара всегда знакомил его с девушками, которых знал, но сейчас его рядом не было. Форрестер решил действовать самостоятельно. Он подошел к девушке и дотронулся до ее руки.

— Я Чарльз Форрестер, — представился он. — Мне пятьсот девяносто шесть лет. У меня двести пятьдесят тысяч долларов. Сегодня у меня первый день жизни после холодного сна. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы немного посидели со мной и поговорили или даже поцеловали.

— Хорошо, — ответила она, взяв его руку. — Давайте приляжем на фиалках. Будьте осторожны с моим джоймейкером — он заряжен особым составом.

Когда их нашел Хара, они лежали, нежно обнявшись и смотрели куда-то вдаль.

Форрестер сразу же его заметил, но продолжал разговаривать с девушкой. Они срывали и ели виноград, грозди которого свисали у них над головами. Опьяняющий вкус, непредвиденное событие и хорошее самочувствие — все это изгладило из памяти данные им обязательства. Во всяком случае, Хара поймет и простит его.

— Не обращай на него внимания, дорогая, — сказал Форрестер девушке, — ты говорила мне, что это не жертвоприношение?

— О, это как игра. Многие новички идут на это, чтобы получить деньги. Но они не догадываются, что все может плохо для них кончиться.

— Это очень интересно, — сказал Форрестер. Затем, вздохнув, отвернулся от девушки и кивнул Харе. — Знаешь, а ты здесь лишний.

— А ты пьян, — ответил Хара. — Привет, Тип. Кажется, вы довольно хорошо проводите время вдвоем.

— Он такой славный, — промурлыкала девушка. — А ты мне тоже нравишься, Тип. Не пора ли нам выпить шампанского?

— Как раз пришло время. Вот почему я ищу тебя. Я с большим трудом достал шампанское. На вечере Форрестер выпьет его немного и продемонстрирует остальным, как это делается.

— Наклонить и выпить, — сказал Форрестер.

Хара внимательно посмотрел на него и, покачав головой, крепко сжал джоймейкер.

— Разве ты не помнишь, что я тебе говорил? — упрекнул он Форрестера, обдав его стимулирующими брызгами. — Много не пить. Управлять собой. Не забывать, что вы были мертвыми. Делать то, что я вам говорю, не так ли? А сейчас посмотрим, что у нас получится с шампанским.

Форрестер поднялся и, как послушный ребенок, последовал за Харой, обняв одной рукой девушку.

Казалось, что светлячки гнездились в ее бледных волосах с пушистым венцом наверху.

Форрестер думал: если когда-нибудь увидит свою жену Дороти, то такого больше делать не будет. Но сейчас ему было приятно. Ему трудно было вспомнить, когда он в последний раз обнимал хорошенькую девушку. Ведь девяносто дней назад его тело находилось в камере с жидким гелием, сердце его было

неподвижным, а легкие представляли собой бесформенный кусок ткани, покрытый рубцами.

Он умело открыл бутылку, провозгласил тост и выпил. Прежде он никогда не видел на шампанском такую этикетку. По просьбе Хары и под громкие аплодисменты Форрестер прочитал стихотворение «Внебрачный король Англии». И хотя он все время запинался, никто не обращал на это особого внимания.

— Ублюдочные декаденты! — восторженно завопил он. — Вы много знаете, но не умеете напиваться!

Потом они танцевали, образовав замкнутый круг из двадцати человек, топая ногами и резко меняя направление. Это напоминало танец героев легенды о Робин Гуде, исполняющийся под музыку виолончели и пискливой флейты. Девушка восклицала: «О, Чарльз! Чарльз Форрестер! Ты почти сделал меня обитательницей счастливой Аркадии!» Он кивал головой и ухмылялся, держась слева за нее, а справа — за огромное создание человека, про которого кто-то сказал, что это марсианин и он еще не привык к земной гравитации. Но он смеялся, и все смеялись. Казалось, что большинство из присутствующих смеялись над Форрестером, возможно, потому, что он старался неуклюже шагать за другими. Но никто не смеялся громче его.

Это было почти все, что он запомнил. Были различные предложения насчет того, что с ним делать. Некоторые предлагали отрезвить его, другие были против. А он во время продолжительных хихикающих рассуждений счастливо кивал и кивал головой, как глиняный болванчик на пружинке. Он не знал, когда закончилась вечеринка. Остались только сказочные воспоминания о девушке, которая вела его по безлюдной дороге между высокими темными строениями, похожими на могильные плиты, от которых его крики и пение отражались гулким эхом. Он помнил поцелуи девушки, бессвязный шепот, брызги джоймейкера, добавившие в его эмоции страх. Но он не запомнил, как вернулся домой и лег спать.

И когда Форрестер проснулся, то был бодрым, отдохнувшим, энергичным и одиноким.

Глава 2

Кровать, в которой проснулся Форрестер, мягко урчала. Стоило ему пошевелиться, как звук прекратился и начался легкий массаж. Зажегся свет. Вдали тихо заиграла прекрасная музыка, напоминавшая цыганское трио. Форрестер потянулся, зевнул, провел языком по зубам и сел.

— Доброе утро, Человек Форрестер, — сказала кровать. — Время: восемь пятьдесят. У вас назначена встреча на девять пятьдесят семь. Хотите ли вы прослушать поступившие сообщения?

— Позже, — ответил Форрестер.

Хара предупредил его о говорящей кровати, поэтому Форрестер не испугался; он как-то сразу осознал, что это не опасность, а очередное преимущество, составная часть комфорта нового приветливого мира.

Форрестер, сгоревший заживо в возрасте тридцати семи лет во время пожара, по-прежнему считал, что не состарился даже на год. Он закурил сигарету, тщательно, как решил с вечера, проанализировал ситуацию и заключил, что впервые в истории мира человек средних лет находится в столь удивительном положении. Это чудо. Жизнь. Здоровье. Хорошая компания. И четверть миллиона долларов.

Разумеется, он не был уникален, как сам себя воспринимал. Но только полностью восприняв факт своей смерти и воскрешения, не думая о миллионах и миллионах ему подобных, он мог чувствовать свою уникальность. Это чувство было прекрасным.

— Только что поступили новые сообщения, Человек Форрестер, — сказала кровать.

— Погоди, — ответил Форрестер. — Сначала я выпью чашку кофе.

— Вы хотите получить чашку кофе, Человек Форрестер?

— Ты мне надоела, я сам скажу, если мне чего-нибудь захочется. Ясно?

По-настоящему Форрестеру хотелось только немного полентяйничать. Ему нравилась свобода. Это напоминало ему первую неделю службы в армии, когда он осознал, что есть два способа отбарабанить срок: легкий и тяжелый. Легкий путь уничтожал собственную инициативу. Ты подчиняешься приказам, а само пребывание в армии сопоставимо с продолжительным уик-эндом в плохо оборудованном туристическом лагере.

Здесь он не чувствовал дискомфорта. Но принцип поведения

оставался армейским. Форрестеру незачем нагружать себя обязательствами. У него их просто нет. Он не должен тревожиться о том, чтобы дети не опоздали в школу, ведь у него не было больше детей. Он не должен больше ломать голову над тем, чтобы у жены было достаточно денег на ежедневные расходы, ведь у него не было больше жены. И если бы он захотел, можно было снова лечь, натянуть одеяло на голову и заснуть. Никто не остановит его, и никто не обидится. Если надумает, то он может напиться, может поухаживать за девушкой, может написать поэму. Все его долги уплачены или забыты. Все его обещания исполнены, а неисполненные лежат вне пределов вероятного исполнения. Ложь, сказанная им Дороти об уик-энде 1962 года, больше не должна его беспокоить. Даже если правда и откроется, то она никого не заинтересует, но сам факт того, что правду узнают, являлся бы чудом.

Короче говоря, можно было начинать новую жизнь.

К тому же у него были солидные гарантии продолжительной жизни. Он здоров. Его жизни ничто не угрожает. Даже опухоль, которую он заметил на ноге за несколько дней до смерти, не могла и далее оставаться злокачественной или хоть как-то угрожать его жизни; в противном случае врачи из дорма удалили бы ее. Ему не стоило беспокоиться даже о неприятной перспективе попасть под автомобиль — если они еще существовали, — ведь даже при самом плохом раскладе это могло означать не более чем несколько столетий в ванне с жидким гелием, а затем возвращение к жизни, еще более прекрасной!

Сейчас у него было все, что ему хотелось.

Единственное, что он больше не хотел иметь, потому что некогда уже имел… Семья. Друзья. Положение в обществе.

А в этой жизни, в год 2527 от Рождества Христова, Чарльз Форрестер был совершенно свободен. Но радость не затмила осознание факта, что у монеты две стороны. При внимательном рассмотрении он был здесь никому не нужен.

— Человек Форрестер, — повторила кровать. — Я настаиваю. Получено сообщение категории «срочно» и уведомление о личном визите. — Матрац под Форрестером выгнулся и сбросил его на пол комнаты.

Ошеломленный Форрестер проворчал:

— Что за срочность?

— Человек Форрестер, на тебя выдана охотничья лицензия. Лицензент — Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор, мужчина, дипаразаниец, утопист, восемьдесят шесть прохождений, рост шесть футов четыре дюйма, импорт-экспорт. Человек внеземного происхождения. Причины не указаны. Страховые и гарантийные

письма разосланы. Вы все еще хотите кофе?

Кровать говорила и одновременно закатывалась в стену. Когда она исчезла в отверстии, мембрана затянулась, не оставив никакого следа. Это разочаровало, но Форрестер вспомнил инструкции Хары, огляделся, увидел джоймейкер и сообщил ему:

— Я хочу получить завтрак. Ветчина и яйца. Тосты и апельсиновый сок. Кофе. А также пачку сигарет.

— Будет сделано за пять минут, Человек Форрестер, — сказал джоймейкер. — Могу ли зачитать остальные сообщения?

— Подожди минутку. Я думал, что сообщение передавала кровать.

— Мы все одно целое, Человек Форрестер. Сообщения такие. Уведомление о личном визите — Тайко Хироniби присоединится к вашему завтраку. Доктор Хара прописал эйфорик. Принимать по необходимости. Его доставят вместе с завтраком. Эдна Бенсен посылает вам поцелуй. Первый Трест торговли и аудиторства рассчитывает на ваше покровительство. Общество Древности подтверждает, что ваша кандидатура одобрена для приема, как и льготы на переезд. «Зиглер, Дюрант и Колфакс, адвокаты»…

— Рекламы не надо. Что ты можешь рассказать об охотничьей лицензии?

— Человек Форрестер, на тебя выдана охотничья лицензия. Лицензент — Хайнзлихен Джура де…

— Ты уже говорил. Подожди минуту.

Форрестер задумчиво взглянул на джоймейкер, принцип работы которого предельно прост: дистанционный терминал ввода-вывода, связанный с сетью общих программ. Он был оснащен приспособлениями, служащими то флягой, то аптечкой, то косметическим набором. Он напоминал палицу или скипетр. Форрестер настойчиво убеждал себя, что разговаривать с палицей так же естественно, как говорить по телефону. Но на другом конце провода возле трубки находился человек… или запись голоса человека… В любом случае, он не должен замечать данной странности. Он сдержанно произнес:

— Я этого не понимаю. Я даже не знаю людей, которые звонили.

— Человек Форрестер, привожу список звонивших вам лично. Тайко Хироniби: мужчина, дендрит-конфуцианец. Аркадианист, пятьдесят одно прохождение, шесть футов один дюйм, организатор, политический бизнес. Он захватит свой завтрак с собой. Эдна Бенсен. Женщина. Универсалист. Аркадианист — Триммер, двадцать три декларации, пять футов семь дюймов, квалифицированная домохозяйка, дело не указано. Поцелуй прилагается.

Форрестер не знал, чего ожидать, но был приятно готов ко всему.

Это в самом деле был поцелуй. Он привел его в замешательство. Целующих губ не было видно. Пронесся легкий аромат, затем легкое прикосновение к его губам, приятное, теплое и сладостное.

Удивленный, он коснулся своих губ.

— Черт, что это такое? — закричал он.

— Сенсорная стимуляция через осязательную сеть, Человек Форрестер. Вы готовы принять Тайко Хироniби?

— Ладно, — сказал Форрестер, — вообще-то я не знаю. О черт! Возможно, да. Пусть войдет… Погоди. А не следует мне одеться?

— Ты хочешь получить другую одежду, Человек Форрестер?

— Не перебивай. Подожди, — сказал он сердито и растерянно. Он поразмышлял с минуту. — Я не знаю, кто такой этот Хиро…

— Тайко Хироniби, Человек Форрестер. Мужчина, дендрит-конфуцианец…

— Заткнись! — Форрестер тяжело дышал.

Внезапно джоймейкер выпустил на него струю быстро засыхающей жидкости.

Форрестер расслабился. Он был не против воспользоваться транквилизатором, но ему не понравилось, что машина самостоятельно приняла решение.

— О Боже, — сказал Форрестер, — какая мне разница, кто он? Пусть заходит. А ты приготовь мне завтрак побыстрей, ясно?

— Ты нам подходишь! — закричал Тайко Хироniби. — Великолепно. И такой черепной индекс! Ты выглядишь… умопомрачительно! Я не могу правильно сказать, но похоже, что у тебя хорошо развиты мозги. Но ты ловелас.

Чарльз Форрестер серьезно, но приветливо предложил ему присесть.

— Присаживайтесь. Я не знаю, что вы намерены предложить, но тем не менее я готов обсудить это. Знаете, впервые в жизни вижу натурального японца.

— Серьезно? — мужчина смутился. По виду он вовсе не напоминал японца: коротко постриженные волосы с золотистым оттенком, голубые глаза, — Они меня сильно изменили, — извиняющимся тоном произнес он. — Возможно, что раньше я выглядел по-другому. Скажи! Неужели я первым успел к тебе?

— Как раз перед тем, как я собирался позавтракать.

— Чудесно! Действительно чудесно. Сейчас мы обсудим кое-что. Все вокруг гниет, ты должен с этим согласиться. Люди — это

овцы. Они знают, что их экспроприируют и что из этого? Они просто сидят и ничего не делают. Именно поэтому мы и организовали общество Неда Луда. Я не знаю твоих политических симпатий, Чарльз…

— Я считаю себя демократом.

— Можешь забыть об этом. Сейчас это не имеет значения. Я зарегистрирован как аркадианин разумеется, но, как и многие другие, отношусь к триммерам… — он подмигнул. — Возможно, что они настроены еще более радикально, понимаешь? Мы все в одной лодке. И дружно тонем. Если твоих детей воспитывают машины, то они становятся их рьяными поклонниками, правильно? Поэтому…

— Эй! — сказал Форрестер, глядя на стену. В той точке где, как он помнил, стояла кровать, открылась диафрагма. Из нее вытолкнуло столик на двоих. На одной стороне столика дымился его завтрак, на другой стояли только чистые тарелки.

— А, завтрак, — заметил Тайко Хирониби. Он достал из кармана своего килта небольшую закрытую чашку и пластиковую коробку, в которой лежало что-то вроде крекеров, и шар, из которого, надавив, Тайко вылил в чашку горячий зеленоватый чай. — Не хочешь ли маринованную сливу? — вежливо спросил он, открутив крышечку в Углублении коробки.

Форрестор покачал головой. Около стола появились стулья, и он быстро сел перед яичницей с ветчиной.

Рядом с дымящейся тарелкой был небольшой хрустальный поднос с капсулой и клочком золотистой бумаги, на котором было написано:

«Я мало что знаю о шампанских винах. Если почувствуешь себя плохо, то проглоти капсулу.

Хара».

Форрестер прекрасно себя чувствовал, но капсула выглядела очень соблазнительно. Он проглотил ее, запив апельсиновым соком и моментально расслабился. Ему было очень приятно. Он даже почувствовал прилив симпатий к блондинистому японцу, грызущему темный, сморщенный плод.

Форрестеру пришла в голову мысль, что капсула и струя из джоймейкера совместно могут оказать самый неожиданный эффект. Голова у него пошла кругом. Нужно держать себя в руках, подумалось ему, и неприятным, приказным голосом он сказал:

— Кто послал тебя ко мне?

— Контакт был установлен через Эдну Бенсен.

— Я ее не знаю, — рявкнул Форрестер, пытаясь спрятать улыбку.

— Ты ее не знаешь? — это поразило Тайко настолько, что он

даже перестал жевать. — Пот, она сказала мне, что ты…

— Это не имеет значения, — закричал Форрестер и задал убийственный вопрос, прежде чем Тайко успел подготовиться. — Объясни мне, какие преимущества мне даст членство в вашем обществе?

Блондин был явно рассержен.

— Послушай, я ведь не заставляю тебя. Мы занимаемся полезным делом. Если хочешь вступить — вступай. Захочешь выйти — выйдешь…

— Это не аргумент. Отвечай на вопрос. — Форрестер сумел прикурить сигарету и выпустил струйку дыма в лицо Тайко. — Например, — продолжил он, — принесет ли это мне деньги?

— Разумеется. Всем нужны деньги, верно? Но это не единственная вещь…

Форрестер ответил вежливо, но жестко, пытаясь подавить глупое хихиканье.

— Знаешь, я ожидал чего-то подобного.

Два транквилизатора плюс то, что еще осталось в организме от предыдущей ночи, довели его до состояния приличного опьянения. Но чувствовал он себя превосходно. Умение вести дела, даже если пьян в стельку — это был девиз всей предыдущей жизни Форрестера.

— Ты ведешь себя так, будто мы пытаемся из тебя что-нибудь вытянуть, — недовольно произнес Тайко. — Что с тобой? Неужели ты не видишь, что машины лишили нас всех прав, данных от рождения? Делать то, что мы хотим, ошибаться и забывать? Разве ты не понимаешь, что луддиты хотят, уничтожив машины, вернуть мир людям? Я думаю, что, конечно, не все машины обязательно уничтожать.

— Понятно, — согласился Форрестер, вставая и слегка покачиваясь. — Спасибо. Вам лучше уйти, Хирониби. Я подумаю над вашим предложением и, возможно, мы встретимся довольно скоро. Но не надо мне звонить. Я свяжусь с вами сам.

Форрестер выпроводил Тайко за дверь и вежливо раскланялся по-японски.

Затем Форрестер согнулся пополам от приступа смеха.

— Аферист! — выкрикнул он. — Посчитал меня легкой добычей! Проклятие богатых — из них вечно пытаются выманить деньги!

— Не понимаю, Человек Форрестер, — сказал джоймейкер. — Вы обращаетесь ко мне?

— Ни за что в жизни, — посмеиваясь, ответил устройству Форрестер. Его переполняла растущая гордость. Пусть он походил на провинциала, но этот жулик не смог из него ничего выдавить.

Его интересовало: кто эта Эдна Бенсен, направившая мошенника и пославшая электронный поцелуй? Если она Целует в жизни, как и через сенсорную стимуляцию рецепторной сети, то эта женщина достойна, чтобы с ней познакомиться. Проблем не будет. Тайко не самое худшее проявление этой эпохи, подумал радостно Форрестер, зато его четверть миллиона осталась цела!

Двадцатью минутами позже Форрестер выбрался из здания на улицу. Джоймейкер пытался возражать.

— Человек Форрестер, — обреченно повторял он, — лучше вызвать такси. Пешком лучше не идти. Гарантии не действуют в случае провокации или неосторожности пострадавшего.

— Ты можешь помолчать хоть минуту? — Форрестер едва успел открыть дверь и оглядеться.

Город 2527 года был очень большим, быстродвигающимся и шумным. Форрестер остановился на какой-то разновидности подъездной дороги. Заросли двадцатифутовых папоротников частично скрывали двадцатирядное шоссе, по которому во всех направлениях стремительно проносились машины. Время от времени какая-нибудь из них ненадолго останавливалась возле здания, после чего стремительно уносилась прочь. Такси? Форрестер задумался. Попыток воспользоваться этим видом транспорта он не предпринимал.

— Человек Форрестер, — сказал джоймейкер. — Я вызвал реанимационную службу, но они смогут прибыть только через несколько минут. Я должен предупредить, что возможные последствия должны регулироваться бонами.

— Замолчи.

День обещал быть теплым, и голова у Форрестера кружилась от избытка чувств. Ему очень захотелось просто прогуляться. Решение всех вопросов можно было отложить. Даже нужно отложить, сказал он сам себе. Очевидно, что первое, что он должен сделать, это научиться самостоятельно ориентироваться. И тут он почувствовал гордость, до смерти он был космополитом и чувствовал себя как дома в Сан-Франциско или Риме, в Нью-Йорке или Чикаго. И он всегда находил время, чтобы просто побродить по городу.

Он и сейчас решил сделать то же самое. Пусть джоймейкер провалится ко всем чертям, подумал Форрестер. Он прикрепил аппарат к поясу и с решительным выражением лица быстро зашагал по тротуару.

Он заметил всего лишь несколько пешеходов. Не стоит их строго осуждать, подумал Форрестер, хотя люди и выглядели слишком изнеженными. Но, может быть, для этого времени это и было нормой. После некоторого размышления Форрестеру

пришло в голову, что он сам выглядит, наверное, как троглодит — грубый, дикий и волосатый.

— Человек Форрестер! — закричал прикрепленный к поясу джоймейкер. — Я должен информировать вас о том, что Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор отклонил протест по регуляции бонами. Реанимационная служба уже в пути.

Форрестер встряхнул джоймейкер, и вопли протеста стихли. Впрочем, даже если джоймейкер и продолжал что-нибудь говорить, то его нельзя было расслышать из-за грохота оживленного движения на трассе. Выхлопных труб у машин не было. Очевидно, они работали не на бензине. Неприятных запахов в воздухе тоже не наблюдалось. Вокруг царил шум проносящихся машин. Дорога проходила между двумя освещенными зданиями, одно из которых испускало оранжевый свет, а второе — прозрачно-хрустальный. Иногда, сквозь просветы между машинами Форрестеру удавалось рассмотреть внутри зданий деревья со странными плодами. На балконах струями играли фонтаны.

Джоймейкер снова обратился к нему, но расслышать удалось только окончание фразы:

— …в принятой позиции, Человек Форрестер.

Сверху появился белый аэрокрафт с крыльями. Он направился по диагонали прямо к Форрестеру. Эмблема на его борту — рубиновый жезл — чем-то напоминала эмблему медицинской службы его времени. В стеклянной кабине сидела молодая женщина в белом, лениво наблюдая за экраном, невидимым для Форрестера. Она взглянула на него, проговорила что-то в микрофон и вернулась к своему прежнему занятию. Аэрокрафт занял позицию над головой Форрестера и сопровождал его в течение всей прогулки.

— Забавно, — громко сказал Форрестер.

— Это забавный мир, — согласился кто-то рядом.

Он развернулся. Четверо мужчин стояли рядом. Они смотрели на него открыто и доброжелательно. Один из них выглядел высоким и тяжелым. То есть просто толстым. Опираясь на трость, он с интересом и настороженностью Изучал Форрестера.

Форрестер понял, что эти слова произнес он. К тому же его лицо было знакомым.

— Разумеется, — сказал он. — Марсианин в оранжевом трико.

— Очень хорошо, — сказал марсианин и кивнул. Оранжевого трико на нем уже не было. Он был одет в широкую белую тунику и серые шорты. Марсианин не слишком отличался от людей.

Форрестер припомнил, что предки нынешних марсиан все же были землянами.

Один из мужчин пожал руку Форрестеру.

— Это ведь у тебя четверть миллиона долларов, — сказал он. — Рад тебя видеть. Очень бы хотелось узнать, что ты думаешь о нашем мире.

И он изо всей силы ударил Форрестера коленом в пах.

Форрестер почувствовал, что мир вокруг него взорвался. Он заметил, что мужчина отошел и продолжал смотреть на него все так же доброжелательно и с интересом. Но так как мир встал на дыбы, то продолжать наблюдение Форрестер не смог. Тротуаром его ударило по лбу. Он покатился, держась за пораженные органы. После того как остановился, он мог только смотреть вверх.

Человек с Марса доверительно сказал:

— Можно не торопиться. Времени хватит для каждого.

Он поднял трость и двинулся вперед. По его походке Форрестер понял, что тот не привык к земной гравитации. Удар трости пришелся на плечо и руку. Затем трость начала двигаться медленно, но сильно. По всей видимости, марсианин ее намеренно утяжелил. И теперь работал ею, как бейсбольной битой.

Боль для Форрестера была невыносима. Ему хотелось умереть. Своей руки он уже вообще не чувствовал.

Но все же он мог видеть движение трости, переходящей из рук в руки, белый аэрокрафт и абсолютно безучастное лицо женщины в кабине. Однако он неожиданно для себя обнаружил, что теперь может относительно спокойно переносить боль. Возможно, это был результат действия некоторых лекарств, которыми его лечил Хара. Или это было последствие шока.

— Вы получили предупреждение, Человек Форрестер, — где-то недалеко от головы послышался тихий голос джоймейкера.

Он попытался ответить, но легкие отказывались работать. Он сохранял ясность сознания, хотя и очень хотел забыться. Возможно, это было действие одного из эйфориков Хара. Вдруг он почувствовал, что боль в животе постепенно начала утихать и физические страдания закончились.

Но в голове боль осталась. Она взрывала его мозг бесконечно повторяющимся вопросом.

Почему? Почему я?

Глава 3

Звуки приближающегося смеха заставили Форрестера очнуться. Девушка радостно кричала:

— Он вращает! Он вращает! Кажется, я вижу патрон!

Форрестер открыл глаза. Он лежал на чем-то покачивающемся и мурлыкающем. Девушка в голубом костюме сидела к нему спиной и внимательно наблюдала за экраном. Экран показывал арену, где женщина с возбужденным и радостным лицом топталась рядом с мужчиной, у которого была повязка на глазах. В руках тот держал оружие.

Ссадины и ушибы напомнили Форрестеру о происшедшем. Для него было сюрпризом, что он все еще жив.

— Эй! — позвал он.

Девушка в голубом посмотрела на него через плечо.

— С тобой все в порядке, — сказала она. — Успокойся. Мы прибудем через минуту.

— Куда?

Она раздраженно передернула плечами. Арена с мужчиной и женщиной исчезла. Мужчина в этот момент как раз стал поднимать оружие. Форрестер видел теперь только голубое небо и облака.

— Немного приподымись, — сказала девушка в голубом. — Теперь можешь взглянуть. Туда.

Форрестер приподнялся и, прежде чем рухнул обратно на спину, успел заметить рощу возле домов пастельной окраски.

— Я не могу подняться, черт побери! Меня ведь чуть не убили.

Он чувствовал, что лежит на каком-то подобии носилок. Рядом находились такие же. Лежащий на них человек был полностью накрыт простыней.

— Кто это? — закричал он.

— Откуда я знаю? Я только занимаюсь перевозкой, а не пишу его биографию. Ты должен расслабиться, или я тебя усыплю.

— Глупая сволочь, — четко произнес Форрестер. — Я не желаю, чтобы со мной так поступали. Я требую… Подожди! Что ты делаешь?

Девушка обернулась, держа в руках что-то наподобие джоймейкера.

— Ты не хочешь молчать и лежать спокойно?

— Я предупреждаю тебя! Ты не посмеешь…

Она вздохнула и брызнула ему на лицо чем-то холодным.

Форрестер попытался собраться с силами, чтобы высказать

все, что о ней думает. О ее сексуальной жизни. О ее мире. И еще множество вещей. Но горло отказало. Он смог произнести только что-то вроде:

— Аргх.

Сознания он не потерял, но был очень слаб.

Девушка сказала:

— Ты заставляешь меня попотеть, зеленушка. Ты ведь новичок? Вот что я хочу тебе сказать. Люди из дормов частенько считают себя богами. Мамочка! Разумеется, ты ожил. И конечно, ты очень рад такой удаче. Но почему мы должны этому радоваться тоже?

В это время аэрокрафт разворачивался и заходил на посадку. Девушка, которую Форрестер посчитал пилотом, не обращала на это внимания. Она была сильно рассержена.

— Я знаю свою работу, — сказала она, — и моя работа заключается в том, чтобы доставить тебя живым, или твой труп, к тем, кто будет тобой заниматься. Я не обязана с тобой разговаривать. И вовсе не хочу тебя слушать.

— А-р-рр, — ответил Форрестер.

— Ты мне не нравишься, — уточнила она. — И я пропустила свою любимую программу. Лучше спи.

Когда аэрокрафт приземлился, девушка подняла джоймейкер, и Форрестер снова потерял сознание.

При температуре жидкого гелия химические процессы останавливаются.

На этом факте, так же как и надежде, в конце двадцатого века образовалась гигантская индустрия.

Надежда основывалась на том, что прогресс медицины будет весьма значительным. И в будущем будет возможно исправить любые повреждения человеческого организма (в том числе и от глубокого переохлаждения), вызванные болезнями, неизлечимыми в двадцатом веке.

При замораживании время останавливалось.

И индустрия стала называться «Бессмертие Инкорпорейтед».

Шогго, где воскрес Форрестер, был городом с восьмивековой историей, озером, с находящимся посредине искусственным холмом и расположенными вокруг жилыми зданиями. Под холмом располагался Анабиозный центр, который обслуживал определенный регион планеты.

Сто пятьдесят миллионов кубических ярдов грунта было извлечено, чтобы создать этот гигантский морозильник для людей. После завершения строительства большая часть этого грунта была насыпана в виде холма для дополнительной теплоизоляции.

Практически режим работы центра определяла разница в температуре между холодильными камерами и поверхностью холма. Обычно она составляла около пятисот градусов по Фаренгейту, или около трехсот по Цельсию.

Когда Форрестер понял, куда его доставил белый аэрокрафт, то его поразил неудержимый ужас. Очнувшись, он почувствовал слабость, как будто джоймейкер девушки высосал из его мышц девяносто процентов силы (приблизительно так оно и было). Когда он увидел над головой светлую равнодушную поверхность, услышал щелчки и лязганье тысяч инструментов, возвращающих людей к жизни, то почувствовал дикий ужас при мысли о том, что сейчас может быть подвергнут повторному замораживанию. Он стонал, когда им начали заниматься.

Но они вовсе не собирались его замораживать.

Они начали его лечить. Кровь смыли с тела. Скребком, сделанным из чего-то, похожего на металл, обработали его ссадины. Затем нанесли на тело какой-то гель, выдавливая его из серебристой трубы, как губную помаду. Его бедро было зажато какими-то сияющими экранами. Он понял, что это какая-то разновидность рентгена. Потом нанесли на кожу в области сердца блестящий черный раствор.

После всего этого он почувствовал себя лучше. Даже попытался разговаривать.

— Спасибо вам, — сказал он.

Молодой краснолицый мужчина, который в этот момент им занимался, кивнул и приложил к его животу серебряный зонд. Посмотрев на показания, он заметил:

— Хорошо. Я думаю, что больше с вами работать не надо. Давайте посмотрим, сможете ли вы подняться и пройти в кабинет Хары.

Форрестер перебросил ноги через бортик кровати и с удивлением отметил, что к нему вернулась способность двигаться. Ушибы тоже его не беспокоили, хотя боль начинала возвращаться.

Краснолицый мужчина сказал:

— С вами все в порядке. Держитесь от меня подальше, понятно? И отправляйтесь к Харе, потому что у вас неприятности.

Он отвернулся и бросил через плечо в ответ на немой вопрос Форрестера.

— Откуда я знаю? Спросите у Хары.

Тонкая цепочка указательных зеленых огоньков сопровождала его прямо до кабинета. Однако Форрестер не обращал на них внимания, пытаясь найти дорогу самостоятельно. Выйдя из операционной, он понял, что эта часть дорма ему

знакома. Именно здесь он очнулся от продолжительного холодного сна. Здесь каждый день на протяжении недели он принимал процедуры в ванне, которая своим пощипыванием и вибрацией прибавляла ему сил. Все это находилось этажом ниже и было в здании напротив ярко-золотистых клумб, где Форрестер спал.

Ему захотелось узнать, как сложилась судьба его товарищей по несчастью. Людей оживляли группами. Его команда состояла из пятидесяти человек. Они провели вместе немного времени, но быстро перезнакомились.

Но после окончания лечения они разошлись в разные стороны и перестали контактировать. Форрестер иногда сожалел об этом.

Затем он громко рассмеялся. Женщина в голубой курточке шла по вестибюлю и разговаривала с каким-то инструментом, закрепленным на руке. Она взглянула на него с любопытством и презрением.

— Извините, — сказал он ей, пытаясь подавить смех. Зеленая указательная стрелка двинулась за угол, и он последовал за ней. Он не сомневался, что выглядит странно. Да и чувствовал он себя тоже странно. Его удивило свое воспоминание о товарищах по фризариуму. Раньше с таким же чувством он вспоминал своих школьных товарищей. А ведь с тех пор, как он покинул дорм, прошло всего сорок восемь часов.

Целых сорок восемь часов, подумал Форрестер. И очень тревожных. Он ошибался, думая, что богатство послужит буфером между ним и окружающим миром.

Прыгающие зеленые огоньки привели его прямо к кабинету.

Хара стоял у открытых дверей и явно его ожидал.

— Проклятый камикадзе, — сказал он дружелюбно, — неужели тебя нельзя даже на минуту оставить без присмотра?

Форрестер не считал себя эмоциональным, но сейчас горячо схватил руку Хары и пожал ее.

— Господи, я так рад тебя видеть! Я не могу понять, что здесь творится и…

— Держись подальше от неприятностей, понятно? А теперь присядь.

Хара дал указание, и раздвинувшаяся стена выдала бутылку прямо на стол. Хара вытащил пробку и налил Форрестеру, приговаривая:

— Я надеялся увидеть тебя сегодня утром. Но не в реанимации. Разве центр не предупредил тебя?

— Представь себе, нет! — Негодование переполняло Форрестера. — Что ты имеешь в виду насчет предупреждения? У

меня даже в мыслях не было…

Неожиданно пришло понимание.

— Возможно, — задумчиво закончил он. — Кажется, джоймейкер что-то бормотал. Какие-то боны, гарантии и кто-то по имени Хайнз из Сиртис Майджор. Это где-то на Марсе? Говори!

— Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор, — подсказал Хара, поднял бокал в честь Форрестера и сделал маленький глоток. Форрестер сделал то же самое. Это было шампанское. Хара вздохнул и заметил: — Даже не знаю, Чарльз, но мне кажется, что я начал привыкать к этому вину.

— При чем здесь это! Марсианин! В оранжевом трико! Он избил меня вместе со своими гангстерами!

Хара озадаченно посмотрел на него.

— Разумеется.

Форрестер поднял бокал из рубинового хрусталя и допил шампанское. Оно было не очень хорошим. Наверное, Харе было тяжело его достать после того, как Форрестер назвал его одним из лучших напитков. Но сейчас оно было кстати. Пузырьки щекотали нос. В нем также был алкоголь, столь необходимый сейчас Форрестеру.

— Пожалуйста, объясни мне, — попросил он.

— Пот, Чарльз, с чего я должен начать? Что ты сделал Хайнзи?

— Ничего! Вернее, ничего такого. Я просто наступил ему на ногу во время танца.

— Марсианину? Ты наступил ему на ногу? — рассердился Хара.

— А что здесь плохого? Даже если это и так, в чем я не совсем уверен. Неужели из-за такой мелочи ты будешь убивать?

— Марс — это не Шогго, — сказал Хара терпеливо, — и, возможно, я поступил бы так же. Ты уже прочитал ориентационную книгу?

— Что?

— Книгу с информацией о 2527 годе. Ты ее получил, когда уходил из центра.

Форрестер попытался вспомнить.

— Да. Кажется я оставил ее на вечеринке.

— Ладно, это случается, — сказал Хара с некоторым оттенком недовольства… — Я тебя прошу запомнить следующее. Первое. В какой-то мере ты под моей опекой. Второе. Что ты знаешь об окружающем мире? Я прослежу, чтобы тебе дали копию книги. Читай! Зайдешь ко мне завтра. Сейчас у меня много работы. По дороге отсюда, когда будешь выписываться, заберешь

свои вещи.

Он проводил Форрестера до двери, обернулся и после непродолжительной паузы сказал:

— Да, Эдна Бенсен передавала тебе привет. Она симпатичная девушка. Ты ей нравишься.

После чего закрыл дверь.

…Форрестер закончил свои дела в медицинском отделении и после выписки получил белую папку, на которой золотыми буквами было написано его имя.

В ней лежало четыре документа. Медицинское освидетельствование. И книга, о которой говорил Хара. На ее бронзовом переплете светящимися буквами было написано:

«ВАШ ГИД ПО XXVI ВЕКУ (предназначено для 1970–1990 годов)».

Третий документ был официальным. Во всяком случае, лист из голубоватого материала напоминал повестку. Форрестер вспомнил, что доктор говорил о каких-то неприятностях. В документе это явно упоминалось, хотя Форрестер ничего не понял.

«Вы, Чарльз Дэлглиш Форрестер, неприобщенный, незаявленный, в возрасте тридцати семи лет, ожидающий безработный, примите поздравления и указания. Требование. Вы должны присутствовать на слушании. Время 10.25, день 15, месяц 9…»

Его стошнило от такой официальной абракадабры. Весь лист был покрыт мелким неразборчивым почерком, похожим на надписи на чеках. Форрестер понял, что не может самостоятельно разобраться в этом документе.

На бумаге стояла дата. По прикидкам Форрестера это должно было наступить через неделю. Он с облегчением отложил лист в сторону и приступил к изучению четвертого документа.

То был финансовый отчет. К нему прилагалась пластинка, похожая на металлическую, исписанная мелкими буквами. Форрестер определил ее как чек.

Он в недоумении провел по ней пальцами.

Чек был выписан на его имя. Сумма эта составила 231 057, 56 долларов.

Форрестер скомкал его, но чек, как пружина, снова расправился. Тогда он просто сунул его в карман.

Он не мог понять, куда девалось двадцать тысяч долларов. По сравнению с его богатством эта сумма была невелика. Но, как он сам себе объяснил, возможно это была просто какая-то разновидность налога. Двадцать тысяч можно было рассматривать как разновидность вступительного взноса.

Почувствовав себя увереннее, Форрестер вышел на освещенное солнцем пространство и осмотрелся.

Был уже вечер. Солнце находилось справа от него. Полоска голубой воды была слева. К югу располагались жилые здания.

Аэрокрафт пролетел у него над головой. В кабине было заметно какое-то движение. Солнечные блики плясали по стеклу и металлу. Несмотря на солнечные лучи, город уже насыщался неоновой флюоресценцией.

Около десяти миллионов людей проживало в Шогго. Здесь было множество театров, клубов и домов. Мест, где каждый мог найти себе друга или любовницу. А также врага. Где-то там внизу девушка, которая целовала его прошлой ночью (Тип?) и сумасшедший марсианин со своими гангстерами, вынашивающий планы убийства.

Но где?

Форрестер не знал, с чего нужно начинать.

Живой, здоровый, с четвертью миллиона долларов в кармане, он оказался на обочине жизни. Форрестер находился на планете, где проживало семнадцать миллиардов человек и еще вдвое больше спали в холодных гелиевых ваннах. И все же он был одинок.

Подвешенный на поясе джоймейкер сказал:

— Человек Форрестер. Будете ли вы слушать поступившие сообщения?

— Да, — ответил Форрестер и тут же передумал. — Нет. Подожди минуту.

Он достал из пачки последнюю сигарету и закурил. Он размышлял.

Джоймейкер напоминал ему маленького джина, выполняющего три желания. Его быстрота и реакция озадачивали. Форрестер понимал, что должен относиться к джоймейкеру без предубеждения, но пока был к этому не готов.

Он печально улыбнулся сам себе, представив неловкое положение, в которое он попал по милости этого говорящего радио, состоящего из кучки транзисторов и ферристовых катушек. Затем сказал:

— Смотри. Ты. Я думаю, что должен вернуться в свою комнату и начать все сначала. Можешь провести меня самой короткой дорогой?

— Человек Форрестер, — ответил джоймейкер, — лучше всего воспользоваться такси, которое я могу для вас вызвать. Но комната уже занята. Хотите ли вы прослушать сообщения?

— Нет. Минуту! Что значит занята? Я не собирался ее покидать.

— Это не обязательно, Человек Форрестер. Комната автоматически освободилась после того, как вы из нее вышли.

Подумав, Форрестер решил, что ничего страшного в этом нет. Он там ничего не оставил. Ни вещей, ни денег. Даже бритвы, поскольку Хара предупреждал его, что бриться не придется пару недель.

Он оставил в комнате только одежду, в которой гулял прошлой ночью. Но он вспомнил, что она была одноразовой… И скорее всего, ее сразу же выбросили.

— А как же счет? — спросил он.

— Он оплачен Западным Филиалом Центра Выписки. Это отмечено в вашем финансовом отчете, Человек Форрестер. На ваше имя поступило два личных сообщения, одно официальное и семь коммерческих…

— Я не хочу их сейчас слушать. Подожди.

Форрестер попытался поточнее сформулировать вопрос.

У него не получилось. Он не был специалистом по компьютерному программированию и не мог разобраться в таких тонкостях. Глупо, наверное, просить устройство об оценке событий, но…

— Проколоть, — сказал он, — подскажи мне. Как бы ты поступил на моем месте?

Джоймейкер ответил так спокойно, будто подобные вопросы задавались ему каждый день:

— На вашем месте, Человек Форрестер, то есть если бы я был человеком после размораживания, бездомным, без важных социальных контактов, безработным, неквалифицированным…

— Все правильно, — перебил его Форрестер. — Отвечай на вопрос.

Что-то зашевелилось у него под ногами. Он отошел в сторону, и рядом прополз какой-то металлический предмет.

— Я выпил бы чаю, Человек Форрестер. После этого взял бы ориентационную книгу и за легким ужином прочитал бы ее. Потом подумал. И…

— Хватит.

Металлический предмет подобрал выброшенную Форрестером сигаретную пачку и засосал внутрь. Форрестер с интересом наблюдал за этим, потом кивнул.

— Ты подала мне хорошую идею, машина, — сказал он. — Пошли пить чай!

Глава 4

Джоймейкер вызвал для Форрестера такси. Вскоре прибыл автомобиль, чем-то напоминающий реанимационную машину, доставившую Чарльза утром в центр. Только расцветка была другой — оранжево-черная вместо белой. Это напомнило ему праздник Хэллоуина. Такси направилось в чайную, согласно рекомендации джоймейкера.

Это было странное место. Чайная находилась в просторном холле огромного, напоминающего паука, здания, расположенного в самом сердце города. Кэб пролетел через отверстие, которым могли бы воспользоваться только птицы, ангелы и люди в аэрокрафтах, так как оно находилось на высоте двадцати футов. Затем такси остановилось возле балкона, увитого розами, и Форрестеру пришлось переступить через открытое пространство. Такси даже не шелохнулось, хотя Форрестер весил немало.

Девушка, волосы которой были сделаны как будто из целлофана, приветствовала его:

— Я зарезервировала для вас место, Человек Форрестер. Не будете ли вы любезны проследовать за мной?

Он пошел за ней по вымощенному кварцем дворику и, любуясь ее покачивающимися бедрами, оказался в чайной. Его очень заинтересовала форма ее прически, напоминающая матовый зонтик.

Девушка присела рядом с ним возле бассейна, в котором медленно перебирали плавниками серебряные рыбки. Несмотря на странную прическу, девушка выглядела превосходно. У нее были ямочки на щеках и темные глаза.

— Я сам не знаю, чего хочу, — сказал Форрестер. — Может, подскажите, кому здесь можно сделать заказ?

— Мы все готовы услужить вам, Человек Форрестер, — ответила она. — Хотите, чтобы я сделала для вас заказ? Чай и кекс?

Он кивнул. Девушка ушла. Форрестер проводил ее покачивающиеся бедра уже без прежнего интереса.

Он вздохнул. Что за странный мир!

Форрестер взял книгу, выданную ему в Западном Филиале Центра Выписки и положил ее на стол. Слова, написанные на обложке, были для него понятны.

«Ваш гид по XXVI веку (предназначено для 1970–1990 годов)

Куда идти Как жить Как распоряжаться своими деньгами Законы, обычаи, национальные особенности».

На титульном листе были проставлены пометки: КАК

ПРИОБРЕСТИ ДРУЗЕЙ, ПЛАНИРОВАНИЕ БЮДЖЕТА, КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ДЖОЙМЕЙКЕРОМ, КАК НАЙТИ РАБОТУ, КАК ПРИОБРЕСТИ НОВУЮ ПРОФЕССИЮ…

И так далее. Форрестор перелистал страницы, пораженный объемом книги.

На ее прочтение он потратит как минимум неделю. По всей видимости, для начала надо проштудировать то, что понадобится в первую очередь.

Друзья могут и подождать. В процессе ассимиляции он уже достаточно заимел не только друзей, но и врагов.

Планирование бюджета? Он с улыбкой похлопал себя по карману с чеком.

А вот джоймейкером действительно необходимо научиться пользоваться. Это самое лучшее для начала, подумал Форрестер. Он открыл книгу на нужной странице и принялся за чтение.

«Компьютерный терминал дистанционного управления, называемый джоймейкером, наиболее ценное приобретение в вашей новой жизни. Представьте себе комбинацию из телефона, кредитной карточки, будильника, портативного бара, справочника и секретаря, и вы поймете тот объем работы, которую может сделать ваш джоймейкер.

Основная функция терминала заключается в обеспечении связи с центральным компьютером города, в котором вы проживаете, на принципе общей базы данных и самопрограммирования. Под общей базой данных подразумевается, что около десяти миллионов джоймейкеров в Шогго являются общими пользователями единой информационной базы центрального компьютера. При переезде в другой город джоймейкер продолжает обслуживать вас, но он должен быть перенастроен на новую частоту и пульсо-код. На общественном транспорте перенастройка производится автоматически. Однако, если вы используете иные способы передвижения, или если по каким-либо причинам вы проведете некоторое время в сельской местности, то вы должны предупредить джоймейкер о своих планах. В свою очередь, он своевременно уведомит о необходимых процедурах, которые должны проделать вы.

Самопрограммирование означает, что данный программный пункт включает…»

Самопрограммируемая круглосуточная девушка с темными серьезными глазами принесла Форрестеру чай и кекс.

— Спасибо, — кивнул он. Затем, решив проверить свои дедуктивные способности, он решился на эксперимент.

— Можете ли вы зачитать мне вновь поступившие

сообщения? — спросил он.

— Разумеется, Человек Форрестер, слушайте, — спокойно ответила она. — Альфред Гайсман хочет вас видеть по политическому делу. Эдна Бенсен спрашивает: попало ли к вам ее утреннее сообщение. Девятнадцатый Хроматический Трест информирует, что достигнута договоренность об использовании вами его банковской системы…

— Хватит, — сказал Форрестер, восхищенный прекрасным внешним видом терминала. — Остальное я заслушаю позже.

В чае сахара не было, но он был физически горячим и химически холодным в одно и тоже время, и напоминал ментоловую сигарету. Правда, вкус у чая был неопределенный. Форрестер вернулся к книге.

«Самопрограммирование означает, что программный продукт включает трансляцию нормальных вариаций голоса, идиом, акцента и остальных модификаций в ориентационно-компьютерное изложение и далее в математические выражения, на которых работает компьютер. Если джоймейкер находится вне пределов досягаемости вашего голоса, вы можете, при желании, общаться опосредованно через другие терминалы общего пользования. Соответствующая модуляция будет автоматически установлена. Однако не пытайтесь использовать чей-либо персональный джоймейкер, когда ваш находится вне досягаемости. Соответствие кодировки не гарантируется. В случае потери или повреждения персонального джоймейкера…»

Форрестер вздохнул и надкусил кекс. Он почувствовал аромат масла, корицы, но остальные вкусовые добавки не смог идентифицировать. Вкусно, но странно.

Все это очень напоминало окружающий его мир.

— Человек Форрестер, — послышался приглушенный одеждой и скатертью голос джоймейкера, — вам необходимо прослушать два сообщения. Уведомление о личном визите и…

— Посмотри, я ведь тебя послушался, верно? — прервал его Форрестер. — Я читаю книгу. Дай мне немного опомниться и не забрасывай меня сообщениями. Если только, — добавил он, немного подумав, — это не касается моей жизни или смерти.

— У меня нет упомянутых вами сообщений, Человек Форрестер.

— Тогда помолчи. — Он вдруг услышал приятную мелодию, исполняемую на неизвестном ему инструменте. Приятную, но странную. В такт мелодии со стороны стены подул легкий холодный ветерок, тоже приятный, но странный.

— Джоймейкер, ответь мне на один вопрос. Почему этот Хайнзи со многими именами меня избил? — запинаясь спросил

Форрестер.

— Я не могу идентифицировать индивидуума, Человек Форрестер. Во время вашего избиения было зафиксировано четыре личности. Их имена: Шлома Касаветес, Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор, Эдвардино…

— Именно он. Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор. Или даже его команда… Почему они меня избили?

— Я имею приоритетное сообщение, касающееся Хайнзлихена Джура де Сиртис Майджора, Человек Форрестер.

Возможно, оно содержит интересующую вас информацию. Хотите ли вы его прослушать?

— Черт! Почему бы и нет?

— Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор опротестовал гарантии и получил запрет на выплату под свой бон. Вы извещены, Человек Форрестер.

— И это ты называешь информацией? Не надо этих чертовых сообщений, лучше отвечай на вопрос. Что им было от меня надо? — вскричал Форрестер.

— Вы задали три вопроса, Человек Форрестер. Могу ли я дать краткую справку?

— Давай, дружище.

— Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор, гость реп-комнат, утилизируемых Элин Хара, имеет на вас жалобу. Причины не указаны. Он организовал ассоциацию с Шломо Касаветесом, Эдвардино Раем и Эдвардето Раем. Вместе они составили клуб и официально зарегистрировали боны и гарантии. Намерение убийства — это первая фаза. Мотивом, является жалоба Хайнза Джура де Сиртис Майджора и развлечение для остальных. Соглашение зарегистрировано. Его объект, Чарльз Форрестер, уведомлен. Удовлетворены ли вы моим ответом на ваши три вопроса, Человек Форрестер?

— А ты как думаешь? — зарычал Форрестер. — Ладно, удовлетворен. Частично. Ты имеешь в виду, что три вонючки избивали меня просто ради шутки?

— Согласно их заявлению — да, Человек Форрестер.

— И они продолжают спокойно разгуливать?

— Желаете узнать, где они сейчас находятся, Человек Форрестер?

— Нет… хотя, может, они в тюрьме или в каком-то подобном заведении?

— Нет, Человек Форрестер.

— Джоймейкер, я должен побыть какое-то время в одиночестве, — сказал Форрестер. — Я хочу основательно проштудировать ориентационную книгу. И, видишь ли, я должен

немного подумать.

И запивая кекс чаем, Форрестер продолжил изучение своей книги.

«Использование джоймейкера в качестве телефона: вы должны знать точное имя и идентификационный спектр личности, с которой собираетесь вести переговоры. Сообщенную информацию джоймейкер хранит в памяти. В следующий раз, когда вы захотите позвонить данной личности, вы просто называете реципрокальное имя или другую персональную идентификацию, заложенную в программу вашего джоймейкера. Если позвонят вам, то джоймейкер занесет в память точное имя и идентификационный спектр позвонившего. После этого достаточно будет только дать указание джоймейкеру, с каким человеком вы конкретно хотите поговорить. Если вы хотите создать приоритетный канал связи, то абонент должен информировать свой джоймейкер. В другом случае ваши сообщения могут либо задерживаться, либо вообще отменяться.

Использование джоймейкера в качестве кредитной карточки: вы должны знать фискальный адрес и спектр счета…»

Запоздалая мысль пришла в голову Форрестера. Сообщения. Финансовые учреждения. Кажется, одно из сообщений пришло именно оттуда.

Он вздохнул и осмотрел комнату. Большинство столиков пустовало. Но в большом зале за столиками группами по двое-трое сидело около пятидесяти человек. Поскольку работала глушилка, то он не слышал их разговоров. Только тихая мелодия флейты и всплески рыб в бассейне нарушали тишину.

Его заинтересовало, как будут реагировать эти люди, если он попытается с ними познакомиться.

Потрогав свои синяки и ссадины, он решил не рисковать. Но тут ему пришла в голову одна идея, и он раскрыл книгу на оглавлении «КАК ПРИОБРЕСТИ ДРУЗЕЙ».

— У меня срочное уведомление о личном визите, — прервал его размышления джоймейкер.

— Позже, — ответил Форрестер, увлеченный чтением. Он был ошеломлен длинным списком, в котором перечислялись многочисленные способы завязывания знакомства. Кроме того, существовало множество клубов. Клубов было так много, что казалось, что каждый из семнадцати миллиардов людей состоял по крайней мере в двух. Социальные клубы, гимнастические клубы, профессиональные клубы. Политические группы, религиозные группы, терапевтические группы. Было Общество Первопоселенцев Марса, Лояльный Орден Барсумских Фанатиков. Сорок восемь групп насчитывалось только в Шогго. Были

филателисты и нумизматы и даже коллекционеры обменных талонов на реактивные автомобили.

Его внимание привлекло Общество Древности, которое объединяло людей наподобие Форрестера, проведших длительное время в морозильниках. В конце списка значились такие странные организации как Б. П. О. Е. и Индустриальные Рабочие Мира (Мемориальная Ассоциация), в которую входило множество маленьких секций.

Странно, количество членов этой организации должно было быть больше миллиарда.

Очевидно, что это было не так, но…

— Человек Форрестер, — заорал джоймейкер. — У меня информация о личном визите…

— Минуту, — сказал Форрестер, уставившись в пустоту.

В воздухе появился еле заметный аромат духов.

Форрестер положил книгу на стол и нахмурился. Что-то знакомое. Что же это может быть? Очередная пленка с сообщением от Эдны Бенсен?

И тут он понял, что это не сенсорное послание.

Не слишком это похоже на пленку, подумалось ему. Он ощутил прикосновение нежных рук. Краем глаза он заметил их и, готовый к схватке, развернулся.

Он увидел лицо девушки с вечеринки, которая ему так понравилась.

— Тип! — закричал он. — Как я рад тебя видеть!

Она присела рядом. Форрестер не мог похвастаться тем, что хорошо знает девушку. Если не принимать в расчет дружеские поцелуи на вечеринке, они были практически не знакомы. Но сейчас она была очень дорога ему. Это напоминало встречу на Тайване с человеком, с которым вы вместе ехали в поезде в прошлом году. Не друг и даже не знакомый, но при встрече принимаемый за самого близкого человека. Он привстал со стула и крепко ее обнял. Девушка засмеялась и высвободилась из его объятий.

— Дорогой Чарльз, — промурлыкала она. — Не так сильно.

— Извини.

Она села напротив. Форрестер любовался ее волосами, темными глазами и бледной кожей, ее лукавым приятным лицом и стройной фигурой. Некоторые в чайной повернулись и посмотрели на них. Затем, утратив интерес, вернулись к собственным делам.

— Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть, Тип, — сказал Форрестер.

Девушка опешила.

— Мое имя Эдна Бенсен, дорогой Чарльз. Называй меня Эдна, — произнесла она с легким упреком.

— Но прошлой ночью Хара называл тебя… да! — воскликнул он, припоминая. — Так это ты та девушка, которая посылала мне сообщения?

Она кивнула.

Очень красивое сообщение, — заметил Форрестер. — Не хочешь ли ты выпить чаю?

— Спасибо, нет, — ответила девушка. — Во всяком случае, не здесь. Я пришла пригласить тебя поужинать вместе.

— Да!

Эдна рассмеялась.

— Ты очень импульсивный, Чарльз. Наверное, поэтому вас называют камикадзе? Я имею в виду твое время.

— Трудно сказать, Эдна. Я не знаю, — ответил он. — Потому что раньше не задумывался над этим. Я не знаю, как меня здесь называют. Честно говоря, я в растерянности. Это одна из причин моего поведения. Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась. Затем все-таки решила выпить чаю. Чашку чая тут же подали. Наверное, джоймейкер следил за разговором и, как хороший официант, сделал выводы. Эдна сняла накидку, легким облаком опустившуюся на стул. С первого взгляда Форрестер остолбенел, увидев вырез ее платья.

Со второго взгляда вырез ошеломил его еще больше.

— Дорогой Чарльз, — сказала она. — Почему ты ничего не заказываешь джоймейкеру?

— Я просто не знаю, что у него спрашивать.

— Все что угодно! Что ты хочешь? Ты уже имеешь график интересов?

— Думаю, что нет.

— Боже! Ты должен немедленно заложить это в программу. Тогда тебя будут приглашать на вечеринки и легче будет знакомиться. Наверное, ужасно действовать импульсивно, Чарльз, — сказала она сочувственно. — Да поможет тебе джоймейкер.

Он увидел, что его чашка снова полна и сделал маленький глоток.

— Ничего не понимаю, — заметил он. — Ты хочешь сказать, что джоймейкер сам выберет для меня способ поразвлечься?

— Разумеется. Столько возможностей. Откуда ты можешь знать, что тебе больше понравится?

Он покачал головой…

На этом разговор неожиданно прервался. Его джоймейкер

заговорил металлическим, дребезжащим голосом:

— Приоритетное уведомление! Это тренировка! В укрытие! В укрытие! В укрытие!

— О, дорогой, — произнесла, поморщившись, Эдна, — пошли.

— В укрытие! — надрывался джоймейкер, и Форрестер понял причину металлического звука. Джоймейкеры всех людей, сидящих в зале, повторяли этот призыв.

— В укрытие! Начинается отсчет! Сто секунд. Девяносто девять. Девяносто восемь.

— Куда мы идем? — спросил Форрестер, стараясь не отставать от девушки.

— Разумеется, в убежище! Поторапливайся, Чарльз, ясно? Терпеть не могу попадать в общественных местах в подобную ситуацию.

— …Девяносто один. Девяносто. Восемьдесят девять…

Он спросил, с трудом проглатывая застрявший в горле ком:

— Воздушный налет? Война?

Она, взяв его за руку, потащила в дальний конец чайной, куда уже стремительным потоком направились все остальные посетители.

— Не совсем так, дорогой Чарльз. Неужели ты вообще ничего не знаешь?

— Что именно?

— Чужаки. Монстры. И тому подобное. Поторопись, иначе нам негде будет сесть.

Глава 5

Спустившись на лифте и пройдя через освещенный коридор, они попали в полутемное большое помещение. Освещения хватало только на то, чтобы найти свободные места. Зал быстро заполнился, и вскоре двери с глухим стуком закрылись.

После того как три четверти мест были заняты, на сцену вышел человек в черном и сказал:

— Благодарю вас за сотрудничество. Рад сообщить, что в этом здании достигнута мягкость в четыре девятых за сто сорок одну секунду.

Аудитория заинтересовалась. Форрестер вытянул шею, пытаясь найти расположение динамиков, звук которых заполнял все помещение. Лишь когда мужчина вновь заговорил, он понял, что динамиком является его собственный джоймейкер, который как и все остальные джоймейкеры в зале повторял слова ведущего.

— Эта тренировка — одна из лучших, — гордо произнес он. — Я рад, что это произошло именно сегодня. Теперь вы свободны.

— Это все? — спросил Форрестер у девушки.

— Разумеется. Поедем ко мне домой?

— Но, — продолжал он, — если предполагается, что будет налет, если существует какая-то вероятность, то, может, нам лучше задержаться?

— Зачем, дорогой Чарльз? Зачем уподобляться кротам, ведь это обычная проверка.

— Да, но… — немного помедлив, он покинул зал вслед за ней.

Форрестер был сконфужен. Никто ничего не рассказывал ему о войне.

Но когда он поделился своими сомнениями с Эдной, та лишь рассмеялась.

— Война? О Чарльз! Какой ты забавный, настоящий камикадзе! Мы и так потеряли много времени. Так ты будешь ужинать со мной или нет?

— Разумеется, — сказал он, пытаясь улыбнуться.

В своей жизни, начатой в 1932 году и завершившейся тридцать семь лет спустя глотком пламени, Форрестер был преуспевающим, обеспеченным и прочно стоящим на ногах человеком.

Он был женат на Дороти, маленькой блондинке чуть моложе его, и имел трех сыновей. Форрестер возглавлял технический

отдел и имел репутацию хорошего товарища и отличного игрока в покер.

Он не был на фронте, но в детстве участвовал в кампаниях по сбору металлолома и антияпонских демонстрациях. Юность его прошла в атмосфере атомной истерии. В те годы все дома были оборудованы убежищами. Он просмотрел достаточно учебных фильмов, чтобы понимать важность мероприятий по гражданской обороне.

Форрестер был разочарован увиденным. Он попытался объяснить это Эдне, которая переодевалась за ширмой, но та не заинтересовалась. Учебные тревоги раздражали ее, но она не принимала их всерьез.

Она вышла из-за ширмы. Ее красивое платье явно не подходило для приготовления ужина. Тут Форрестер поправился. Кто знает, как обстоят дела на современной кухне? Эдна быстро подошла к нему, поцеловала и села рядом. Но продолжения не последовало.

— Извини меня, дорогой Чарльз, — сказала она и повернулась к своему джоймейкеру, который лежал рядом. — Слушаю поступившее сообщение.

Форрестер не расслышал сообщения, потому что Эдна держала аппарат возле уха и снизила громкость до минимума. Он прислушался, но слова, которые Эдна произносила в ответ, были ему непонятны.

— Отмена. Удержать три. Переслать четыре, две программированы, две А — вариации.

И наконец:

— Ну вот и все. Не хочешь ли чего-нибудь выпить?

— Отлично!

Она достала стаканы из чего-то похожего на столик. Он заметил, что девушка все время смотрит на стопку свертков в противоположном конце комнаты.

— Извини меня, — сказала она, наливая в бокалы зеленоватую жидкость ему и себе. — Я должна посмотреть на поступления.

Эдна сделала небольшой глоток и направилась к столику.

Форрестер с удовольствием дегустировал напиток, который был весьма приятен на вкус, хотя и слишком переслащен. Затем он поднялся и подошел к девушке.

— Прикупила чего-нибудь? — спросил он.

Эдна разворачивала пакеты и доставала одежду, небольшие пакетики и какие-то устройства, похожие на бытовую утварь.

— О нет, мой дорогой Чарльз. Это моя работа. — Она взяла в руки мягкую зеленую вещь и приложила ее к щеке. Затем

задумалась. Через некоторое время она плавным движением накинула ее себе на плечи и вещь превратилась в жабо времен Елизаветы.

— Нравится, дорогой?

— Нормально, то есть очень нравится.

— Как пух. Дотронься. — Она поднесла жабо к его лицу. Материал был очень мягким, но как только он отнимал руки, то ворсинки сразу становились жесткими. — А вот еще, — сказала она и сменила жабо на шелк, который практически растворился на ее плечах, придав им необыкновенный блеск. — А вот…

— Очень красиво, — восторгался Форрестер, — но как понимать, что это твоя работа?

— Я реализатор, — с гордостью сказала Эдна. — Связана с пятьюдесятью миллионами с надежностью два — девять.

— Что это значит?

— О, ты знаешь, если мне нравится вещь, то с вероятностью в девяносто девять она понравится и другим.

— Пятидесяти миллионам?

Она кивнула, покраснев от удовольствия.

— Этим ты зарабатываешь себе на жизнь?

— Я становлюсь богаче, — поправила она его. — Скажи! — Она посмотрела на него задумавшись. — Я подумала, ведь таких, как ты, много выходит из дормов? Ты тоже можешь так работать. Я могу спросить…

Он снисходительно погладил ее по руке.

— Нет, спасибо, — произнес он, пытаясь сдерживать воспоминания о своем богатстве, хотя у него и промелькнуло в голове, что на вчерашней вечеринке он себя так скромно не вел. Наделал кучу ошибок. Например, с марсианином…

— Я еще не спрашивала. — Эдна запнулась и отодвинула вещи в сторону. — Как же ты умер, Чарльз?

— Как? — повторил он и, дождавшись, когда она уселась рядом, продолжил: — погиб в огне. И, как я понимаю, вел себя при этом героем.

— Неужели? — она была поражена.

— Я был пожарником-добровольцем. Загорелась квартира. Было очень холодно. Январь. За две минуты вода замерзала. В доме оставался ребенок, а я был ближе всего к лестнице.

Он глотнул из бокала, восхищаясь его молочно-золотым цветом.

— Я забыл свой воздушный баллон, — признался он, — и задохнулся в дыму. Или меня убило сочетание дыма и жара. К тому же я возвращался с вечеринки и был пьян. Хара сказал, что я буквально дышал огнем — легкие полностью обгорели. Лицо,

разумеется, тоже полностью сгорело. Сейчас я выгляжу совершенно иначе. Не такой полный и помолодевший. Да и глаза у меня были не ярко-голубыми.

Она хихикнула.

— Хара проявил инициативу. Но большинство людей не возражает против усовершенствований.

Ужин, как и завтрак утром, подавался через дверцу Б стене. Эдна вышла из комнаты, пока стол сервировался.

Она отсутствовала всего несколько секунд, а когда вернулась, то выглядела очень удивленной.

— Вот и все, — сказала она. — Теперь ужинать.

Форрестер не смог узнать ничего из блюд на столе.

Больше всего это напоминало восточную кухню. Смесь хрустящих орешков и вязкая клейковина, напоминающая крахмал. На вкус пища была пикантной. За ужином Форрестер рассказывал о себе, о жизни писателя-техника, о своих детях, о своей смерти.

— Ты, наверное, был одним из первых замороженных, — прокомментировала она. — 1969 год? Эксперименты начались всего на пять лет раньше.

— Первым в квартале, — согласился он. — Я думаю, что компания постаралась. А недалеко находилась реанимационная машина, подарок местного миллионера. Но я не думал, что окажусь первым клиентом.

Он попробовал что-то, напоминающее пирожок с луком, затем сказал:

— Для Дороти это было очень неприятно.

— Твоя жена?

Форрестер кивнул.

— Интересно было бы узнать, как сложилась ее жизнь. Как она умерла. Что случилось с нашими детьми? Когда я погиб, она была еще молодой… Да. Тридцать три года. Не знаю, имея умершего, но замороженного мужа… Может, она снова вышла замуж… Надеюсь, она так и поступила. Я думаю…

Он покачал головой, пытаясь все это представить.

— Кстати, — продолжил он, — у Хара есть архив. Она прожила еще пятьдесят лет и умерла после восьмидесяти от третьего инфаркта. А незадолго перед этим ее разбил паралич. — Он снова покачал головой, пытаясь представить малышку Дороти древней, парализованной старухой.

— Ты сыт? — спросила Эдна.

Он испуганно вернулся к ней в комнату.

— Ужин? Да, было вкусно.

Эдна нажала кнопку, и стол исчез. Потом она встала.

— Пошли пить кофе. Я заказала его специально для тебя. Может, послушаем музыку?

Он хотел сказать: «Не стоит», но она уже включила какой-то проигрыватель. Форрестер был готов ко всему, но в глубине души надеялся, что это будет Барток и musique concrete. Но музыка оказалась скрипичным концертом интроспективного Чайковского.

Эдна прижалась к нему, теплая и приятно пахнущая.

— Тебе нужно жилье, — сказала она.

Форрестер обнял ее.

— Наш кондоминиум заполнен, — задумчиво произнесла она, — но можно найти что-нибудь приличное. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

— Я слишком мало для этого знаю, — он погладил ее волосы.

Эдна сказала:

— Это хорошо… — немного погодя добавила: — Должна тебя предупредить. Я естественно-природная личность. Сегодня день М минус четыре, и я мечтаю, чтобы Меня приласкали. — Она зевнула и прикрыла рот Рукой. — О, прости меня.

Она заметила недовольное выражение его лица.

— Ты не возражаешь? — спросила она и присела. — Я хочу спросить тебя, почему твое лицо вдруг стало такого странного цвета?

— Ничего страшного, все в порядке.

Извиняющимся тоном она сказала:

— Прошу прощения. Я мало знаю о традициях камикадзе. Может, ритуальное табу… Прости.

— Это не табу. Просто недоразумение. — Он взял стакан и протянул его Эдне. — Может, добавим?

— Чарльз, дорогой, — ответила она потягиваясь. — Этого вполне достаточно. У меня появилась идея.

— Выкладывай.

— Я сама найду тебе жилье! — торжествующе воскликнула она. — Ты можешь остаться здесь. Делай все, что тебе хочется. — Она нажала кнопку и добавила: — Если тебе будет что-то непонятно, то можешь спросить детей. Они составят тебе компанию.

В стене открылся большой дверной проем. За ним была ярко освещенная комната, в которой пара малышей бегала вокруг непонятного сооружения.

— Мы поужинали, Мим, — крикнул один из них, толкнув соседа локтем. Оба молча и оценивающе смотрели на незнакомца.

— Надеюсь, ты не возражаешь, милый Чарльз? — спросила Эдна. — Это одно из проявлений естественноприродной

личности.

Их было двое, мальчик и девочка. Форрестер прикинул, что им где-то около семи и пяти лет. Они не задавали лишних вопросов.

Хотя, подумалось Форрестеру, вопросов могло быть очень много.

— Чарльз, правда, что раньше люди ужасно воняли?

— Чарльз, ты катался на автомобилях?

— Чарльз, когда маленькие дети работали в шахтах, они хоть что-то ели?

— А с чем они играли? С куклами, которые не умели разговаривать?

Он пытался что-то объяснять.

— В мои дни детей-рабочих уже не было. А куклы разговаривали, хотя и не очень разумно.

— Когда твоя жизнь кончилась, Чарльз?

— Я сгорел в 1969 году…

— За колдовство! — вскрикнула маленькая девочка.

— О, этого не проделывали уже лет сто до моего рождения. — Форрестер сдерживал смех. — В мое время горели только дома.

— Пожар в Шогго! — крикнул мальчик. — Корова мистера Лири и землетрясение!

— Что-то похожее. Но существовали люди, которые тушили пожары, и я был одним из них. Только я попал в огненный капкан и погиб.

— Мим однажды утонула, — похвасталась девочка. — А мы никогда не умирали.

— Но ты однажды плохо себя чувствовала, — серьезно произнес мальчик. — И тоже могла умереть. Я слышал, как Мим разговаривала с медоком.

— Дети, вы ходите в школу? — спросил Ферестер.

Они посмотрели на него и переглянулись.

— Я хотел спросить, достигли ли вы уже школьного возраста?

— Разумеется, Чарльз, — ответил ему мальчик. — Тант как раз должна отправиться на урок.

— И ты! Мим сказала…

— Мы должны уважать гостя, Тант. — Мальчик обратился к Чарльзу. — Чем мы можем вам помочь? Еда? Выпивка? Посмотреть программу? Секс-стим? Хотя, я думаю, ты должен знать, — сказал он извиняющимся тоном, — что Мим, как естественно-природная личность…

— Да-да, разумеется, я знаю, — поспешно произнес Форрестер, подумав про себя: «Милостивый Боже!»

Нужно следовать местным обычаям, вздохнул про себя он и твердо решил перенять манеру и поведение людей Двадцать пятого века.

Все это напоминало сборы на вечеринку. Опаздывая, вы приходите только к десяти, одежда на вас не по теме, и весь вы взъерошены, поскольку в последний момент пытались заставить детей почистить зубы. Гостей встречает Ларина Сэм, весьма противный тип, и его жена Мойра с апломбом новоиспеченных нуворишей. Они демонстрируют вам новую посудомойку. Затем начинаются политические дискуссии, в которых Сэм проявляет потрясающую Тупость…

Но затем выпивается вторая порция виски. Затем третья. Лица меняют окраску. Начинается веселье и дуракаваляние. Все дружно смеются над одной из ваших шуток. Скучная музыка сменяется фокстротом. И вы втягиваетесь в попойку…

О, я буду стараться, клялся Форрестер, присоединяясь к детям в их настольной игре против джоймейкеров. Я приспособлюсь к этому миру, даже если это меня убьет. Приспособлюсь…

Глава 6

Встал он рано, решив покорить мир.

Форрестер был очарован квартирой, которую выбрала для него Эдна. В ней были раздвижные стены, за которыми скрывались всевозможные шкафы и кладовки. Окна напоминали экраны телевизоров, но Форрестер не стал все это подробно исследовать. После скверно проведенной ночи он решил прогуляться — изучить новый мир и научиться в нем жить. Дети были замечательными. Он выпросил их у Эдны для того, чтобы они стали его гидами. Они показали ему офис, Девятнадцатого Хроматического Треста, где толстый старый Эбенезер Скрудж с пристрастием изучил чек Форрестера, а затем тщательно объяснил как им пользоваться, педантично проконтролировал подписание необходимых документов и только на прощание улыбнулся:

— Всего хорошего, Человек Форрестер.

Дети затащили его на ленч в титанианский ресторан. Привычное для них дело превратилось для Форрестера в тяжелое испытание, поскольку титанианцы употребляли только живую пищу. Он еле справился с омерзительно шевелящейся и все время пытающейся покинуть тарелку едой. Затем они отвели его в игровую школу, где три часа в неделю дети соревновались и играли с товарищами (эти уроки транслировались домой через джоймейкер детской модификации). Форрестер тоже поиграл в Упавший Лондонский Мост с четырнадцатью детьми и одним взрослым, символически проиграл ритуальное убийство и захоронение в фундаменте моста, что полностью соответствовало детской песенке. Они провели его туда, где жили бедняки и нервно хихикали под запретом разговаривать с кем-либо.

Там Форрестер потратил всю мелкую монету на бедных созданий, рассказывавших ему душераздирающие истории о пожарах на Меркурии и обанкротившихся фирмах. Затем дети отвели Форрестера в парк, где подземный пейзаж был топографически гротескным: ручеек протекал сквозь подножие холма, взбираясь вверх по склону. Они показали ему уток и лягушек, необычную венерианскую рыбу, хватающую брошенную пищу прямо на лету. Они провели его в музей, где увеличенные клетки демонстрировали стадию митоза, разрываясь со звуком вытаскиваемой из трясины коровьей ноги. А воссозданный тираннозавр рычал и топал лапами, с вожделением поглядывая на Форрестера своими глазами цвета спелого апельсина. Они показали ему многое, но тщательно обходили стороной заводы,

офисы и тому подобные заведения. Они кружили его по Шогго, пока джоймейкеры не сделали им строгий выговор. А джоймейкер Форрестера сухо сообщил:

— Человек Форрестер! Дети должны быть возвращены для отдыха. А вы должны прослушать сообщения.

Дети расстроенно посмотрели на него.

— Нормально, — сказал Форрестер. — Продолжим это в другой день. Как мы можем добраться домой?

— Кеб, — нерешительно произнесла девочка, но мальчик перебил ее громким криком: — Пешком! Можно дойти пешком! Я знаю, где мы сейчас. Можно дойти за десять минут. Спроси у джоймейкера, если не веришь.

— Я тебе доверяю, — сказал Форрестер.

— Идем этой дорогой, Чарльз. Пошли, Тант.

И мальчик повел их по узкой дорожке между двумя высокими домами. Над их головами с сумасшедшей скоростью проносились ховеркрафты.

Неожиданно заговорил джоймейкер:

— Человек Форрестер, я имею дихотомические инструкции. Помогите мне в их выполнении.

— О Боже, — сказал Форрестер, вздохнув. — Что у тебя за проблемы?

— Вы дали мне инструкцию запоминать сообщения, но некоторые из них идут как приоритетные и срочные. Пожалуйста, подтвердите свое указание, дайте лимит времени или выслушайте их.

Мальчик хихикнул.

— Ты знаешь, что случилось, Чарльз? - заявил он. — Их бесит невозможность выдать информацию. Что-то вроде необходимости сбегать в туалет.

Джоймейкер сказал:

— Аналогия неправильная, Человек Форрестер. Однако прошу разрешения выдать имеющиеся сообщения.

Форрестер вздохнул и приготовился созерцать окружающую местность, но вдруг что-то отвлекло его внимание.

За завыванием пролетающего ховеркрафта, за церковным пением из ближайшего собора слышался какой-то странный звук. Форрестер взглянул.

Тихий писк систем связи слышался из стеклянной кабины повисшего над его головой белого аэрокрафта, на борту которого был нарисован сверкающий рубиновый жезл. Из-за стекла на Форрестера мрачно смотрел мужчина в голубом.

Форрестер сглотнул.

— Джоймейкер, — в приказном тоне спросил он, — это

реанимационная машина?

— Да, Человек Форрестер.

— Означает ли это… — тут он запнулся, — означает ли это, что сумасшедший марсианин меня преследует?

— Человек Форрестер, — официальным тоном заявил джоймейкер, — среди срочных приоритетных сообщений находится и официальное уведомление. Суточный период истек, и предприняты активные действия человеком Хайнзлихеном Джура де…

— Остановись! Он меня преследует?

— Человек Форрестер, — ответил джоймейкер, — да. Предупредительный период закончился семнадцать минут назад.

Хорошо, что этого сумасшедшего марсианина нет рядом, подумал Форрестер. Но присутствие реанимационной машины было признаком того, что его дела плохи.

— Дети, — сказал он. — У нас неприятности. За нами погоня.

— О Чарльз! — всхлипнул от восторга мальчик. — Ты будешь убит?

— Я этого не допущу! Послушай. Может, ты знаешь отсюда какую-нибудь дорогу покороче. Что-нибудь вроде тайных проходов через чердаки или… ну, ты знаешь.

Мальчик посмотрел на девочку. Ее глаза стали большими и круглыми.

— Тант! — прошептала она. — Чарльз хочет спрятаться!

— Совершенно верно! — сказал Форрестер. — Ну так что, сынок? Ты должен знать какое-нибудь потайное место. Как всякий мальчик.

— Чарльз! — ответил тот. — Разумеется, знаю… но ты уверен…

— Уверен, уверен, — перебил его Чарльз Форрестер. — Пошли. Куда?

Мальчик капитулировал.

— Следуй за мной. И ты, Тант!

Они забежали в какое-то здание. Форрестер оглянулся назад, но не заметил Хайнзлихена с дополнительными именами. Он был напуган. Но на улице виднелась только реанимационная машина… да человек в ее кабине, наблюдавший за ним с явным недоумением и недовольством.

Когда он очутился в своем кондоминиуме, дети уже вернулись домой, где ждали возвращения матери. Форрестер проскочил в свою комнату и тщательно запер за собой дверь.

— Джоймейкер, — сказал он, — ты был прав. Признаю. Зачитывай сообщение и помедленнее, чтобы я мог в нем разобраться.

— Человек Форрестер, — ответил джоймейкер, — слушайте сообщения. Винченцо де Ангостура предлагает вам свои услуги, но не будет вам больше звонить, согласно уставу Ассоциации юристов. Тайко Хираниби считает, что был понят неправильно и предлагает личную встречу. Эдна Бенсон шлет вам свои объятия. Пакет прилагается. Вы готовы принять объятия?

— Минутку, оставим это на потом. Есть еще что-нибудь важное?

— Человек Форрестер, у меня нет необходимых параметров для определения.

— Да, плохой помощник, — сказал Форрестер, вздохнув. — Дай мне виски, пока я буду думать. Лучше джин с тоником.

Он дождался стакана и сделал из него большой глоток.

Нервы его немного успокоились.

— Хорошо, — сказал он. — Что там за пакет?

— Пакет лежит на столике, Человек Форрестер. Это конверт. Приблизительно девять на двадцать пять сантиметров, толщиной в полсантиметра, весом около одиннадцати граммов. Надпись: «Мистер Чарльз Далглейш Форрестер, номер социального страхования 145-10-3088, последний адрес при жизни: Далсимер Драйв, 252, Эванстон, Иллинойс. Скончался от ожогов 16 октября 1969 года. Доставить в момент оживления. Содержание неизвестно».

— Хм-м. Это все, что там сказано?

— Нет, Человек Форрестер. Есть почтовые отметки. Я постараюсь их расшифровать: сигма, трифаза, точка, ноль, алеф, парафраза…

— Хватит. Есть там еще что-нибудь по-английски? Чтобы было мне понятно.

— Нет, Человек Форрестер. Есть следы карбонизации. Небольшие пятна, возможно, отпечатки пальцев. На пакет была пролита антикоррозийная жидкость..

— Знаешь, джоймейкер, — заметил Форрестер, — у меня появилась замечательная идея. Почему бы мне этот пакет не открыть. Так где, ты говорил, он находится?

Вскрыв конверт, он обнаружил в нем письмо от своей жены.

Форрестер смотрел на него и чувствовал, как в глазах появляются слезы. Почерк был ему незнаком. Подпись гласила: «Всегда твоя Дороти». — Но буквы были дрожащими, старческими. А как она гордилась своим каллиграфическим почерком! Читать письмо Форрестеру было невыносимо трудно.

«Дорогой Чарльз!

Это, кажется, уже десятый или одиннадцатый раз, как я пишу тебе письмо. Я пишу тебе всякий раз, когда у меня неприятности

или плохие новости, как будто это может иметь отношение к тебе в будущих столетиях, которых пройдет так много. Это не твои неприятности, разумеется. Они касаются только меня.

Должна сказать, что жизнь не была ко мне слишком сурова. Я помню как была с тобою счастлива. Мне ужасно тебя не хватало. Но должна признаться, что я к этому приспособилась.

Я знаю, ты захочешь узнать о своей смерти и, вероятно, люди, окружающие тебя там, не смогут рассказать об этом (я думаю, что тебя оживят, тогда я в это не верила, но недавно узнала об успешных экспериментах).

Ты погиб в огне во время пожара на Кристи-стрит, 16 октября 1969 года. Доктор Тэн Эйк, работающий на „Скорой помощи", дал заключение о твоей смерти и с большим трудом уговорил нас использовать реанимационную машину для твоего замораживания. Не было *глицерина для перфузии, но пожарные, ты был бы рад узнать это, пошарили по карманам и скинулись на несколько бутылок бурбона, который и использовался как буферный раствор (если ты страдал от похмелья после воскрешения, то теперь знаешь почему).*

Возник вопрос: не слишком ли поздно? Врачи думали, что твое тело уже непригодно и много спорили. Но был октябрь, и стояла на удивление холодная погода, так что они решили попробовать. Они поместили тебя в дорм, где заморозили в жидком гелии. Сейчас, когда я пишу, ты все еще лежишь там… и скоро я туда тоже направлюсь.

Я ничего не платила за это. Страховка пожарной компании покрыла все расходы, она ведь для Этого и предназначалась. Сама я не стала бы все это оплачивать. В конце концов, Чарльз, мне нужно было еще воспитывать детей.

Что я могу тебе о них рассказать? Они очень в тебе нуждались.

Вэнс, кстати, целый месяц не ходил в школу. Он подделывал записки учителям и даже подговорил какого-то взрослого (я думаю, что это была убирающая наш дом женщина), позвонить директору и от моего имени объяснить его отсутствие. Я узнала об этом позже. Потом он стал бойскаутом, и у него появились другие интересы.

Дэвид все время молчал. Я не думаю, чтобы он оправился. Во всяком случае, на протяжении своей недолгой жизни. Он вступил в Корпус Мира четыре года спустя и участвовал в боях с восставшими Хаками в ВТГД. Тело его было слишком изуродовано и не годилось для заморозки. Мы его больше никогда не увидим.

Вэнс снова женат и уже дедушка. Это его второй брак, первый был аннулирован. До замужества его жена работала школьной

учительницей… Сейчас они очень счастливы. Я думаю, что больше мне о нем рассказывать не надо, иначе придется объяснять причины развода с первой женой и почему его нынешняя супруга не смогла жить в Соединенных Штатах. Я надеюсь, что вы когда-нибудь встретитесь и ты расспросишь его сам.

Билли, ты будешь очень удивлен, стал великим человеком.

Сейчас вспомню. Ему было два года, когда ты умер. Сейчас он является сенатором от штата Гавайи и в один прекрасный день может стать президентом. Я думаю, о том, что я тебе рассказала, ты прочитаешь в книгах по истории. Да, кстати, только один факт из его биографии. Его предвыборная программа была основана на создании фонда для бесплатного замораживания на основе службы социальной защиты, и он вспоминал о тебе в каждой своей речи. Билли легко победил соперников.

А я… мне уже семьдесят девять лет.

Прошло сорок лет со дня твоей смерти, Чарльз, но я часто вспоминаю тебя. Ты уже догадываешься, что я расскажу дальше. Через три года после твоей смерти я снова вышла замуж. Мой муж, мой второй муж, был врачом, но сейчас не практикует. Мы были счастливы. У нас двое детей. Это девочки. Ты его не знаешь, но он хороший человек, хотя и сильно пил одно время. Немного он похож на тебя…

Если я вспоминаю правильно, то действительно немного похож.

В последнее время, когда здоровье мое пошатнулось, я пишу тебе это письмо. Возможно, мы еще встретимся. Это будет просто здорово.

Всегда твоя Дороти»

Форрестер положил письмо и крикнул:

— Джоймейкер! Был ли президент с фамилией Форрестер?

— Президент чего, Человек Форрестер?

— Президент Соединенных Штатов!

— Какие Соединенные Штаты вы имеете в виду, Человек Форрестер?

— Боже мой! Соединенные Штаты Америки. Погоди минутку. Для начала, ты знаешь президентов Соединенных Штатов Америки?

— Да, Человек Форрестер. Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон…

— Стоп! Начинай с середины двадцатого века!

— Да, Человек Форрестер. Гарри Трумэн, Дуайт Эйзенхаузер, Джон Кеннеди…

— Еще, дальше! Начинай с девяностых годов.

— Да, Человек Форрестер. Харрисон Вильямс, Леонард

Кнапп, Карэн Станчэн, Уилтон Форрестер, Леон Черки…

— Боже мой! — тихо произнес Форрестер, изумленно присев.

Джоймейкер перечислил всех президентов до конца двадцать первого века и замолк.

Маленький двухлетний Билли. Малыш Билл. Сенатор… и президент. Этот факт было трудно переварить.

— Человек Форрестер! — сказал джоймейкер. — Уведомление о физическом визите. Эдна Бенсон желает с вами встретиться. Цель встречи неизвестна. До ее прибытия осталась одна минута.

— Хорошо. Пригласи ее.

Форрестер лихорадочно пытался приготовиться к неприятному разговору. Вряд ли Эдну заинтересует его генеалогическое древо. Она была слишком рассержена.

— Ты! — крикнула она. — Как ты смеешь обращаться так с моими детьми?

— Ничего не понимаю. Что ты пытаешься сказать?

— Собачий пот! — Дверь с грохотом захлопнулась. — Трясущийся камикадзе!

Она сорвала плащ и бросила его на стул, где тот аккуратно сложился.

— Извращенец! Теперь ты доволен! Хочешь сделать моих детей похожими на себя? Хочешь, чтобы они стали дрожащими, работающими руками потными собаками, трусливыми…

Форрестер провел ее к креслу.

— Медовая, — сказал он, пытаясь налить ей настойку, — помолчи минутку.

— Пот! Отдай мне… — она быстро выпила, не прерывая своей речи. — Мои дети! Ты хочешь погубить их? Ты не принял вызов!

— Извини, я не хотел, чтобы они подвергались опасности…

— Опасность! Извивайся! Я не говорю об опасности.

— Я сделал так, чтоб они не пострадали…

— Пот!

— Я не виноват, что этот сумасшедший марсианин…

— Собачий пот!

Она была одета в плотно облегающее трико, сделанное из идущих сверху параллельных нитей, которые крепились Бог знает как. При ее движениях грудь то подымалась, то опускалась, и сквозь нити виднелись нежные участки кожи.

— Ты не мужчина! Что ты знаешь о…

— Я сказал, что извиняюсь. Послушай, я не понимаю, где совершил ошибку, но попытаюсь ее исправить.

Она оскалилась.

— Нет, я обязан!.. Я знаю. Всегда можно определить, чего хотят дети. У меня куча монет, так что…

— Чарльз, ты меня растрогал. Твоих денег не хватит, чтобы накормить и вылечить щенка и тем более — воспитать настоящую собаку. Загнивай!

— Подожди минутку! Мы не женаты. Ты не можешь так со мной разговаривать!

Он встал, забыв про стакан, который держал в руке. Навис над Эдной, приготовившись поскандалить. Решительно взмахнул руками и…

Шесть унций ледяной, липкой жидкости выплеснулось ей прямо в лицо.

Она взглянула на Форрестера и рассмеялась.

— Чарльз! — Она поставила стакан на пол и попыталась вытереть свое лицо. — Ты ведешь себя как идиот.

Но голос ее стал ласковым.

— Я извиняюсь, — ответил он, — трижды извиняюсь! За пролитую настойку, за прогулку с детьми, за этот скандал…

Она встала и вдруг жгуче поцеловала его. Ее одеяние приподнялось, обнажив голое тело. Форрестер замер в восхищении, но Эдна развернулась и проследовала в многоцелевой санитарный узел.

Форрестер выпил из ее стакана и заказал новую порцию. Лоб его наморщился в раздумье.

Когда Эдна вернулась, он сказал:

— Медовая, одну минусу, что ты имела в виду, когда сказала, что у меня мало денег?

Она причесывалась с отсутствующим видом.

Он повторил более настойчиво:

— Это важно для меня. Я думаю, что вы с Хара добрые знакомые. Он много рассказывал тебе обо мне.

— Да, разумеется.

— Послушай. Я был застрахован перед смертью. Деньги положили в банк под проценты, и прошло шесть столетий. Это напоминает историю про доллар Джона Джонса. Начальный капитал был небольшим, но сейчас на моем счету должно быть четверть миллиона долларов.

Она взяла новый стакан и неторопливо выпила. Затем сказала:

— Может, это тебя удивит, но денег было намного больше. Хара сказал, что два миллиона семьсот тысяч. Неужели ты не посмотрел документы?

Форрестер поперхнулся.

— Два миллиона сем… Два мил…

— Да, — кивнула Эдна. — Посмотри сам. Я видела документы вчера у тебя в комнате.

— Но, Эдна!. Странно… дети видели, как мне выписывали чек! Он был на двести с чем-то тысяч.

— Дорогой Чарльз. Может, ты все же посмотришь документы?

Она, похоже, была немного раздражена.

— Какого черта, куда делась папка? Я хочу положить конец Этой глупой шутке.

Ошеломленно он встал, ошеломленно нашел папку Западного филиала центра выписки и сунул бумаги ей в руки. Это шутка? Если это была шутка, то он ее не понял. Это было за пределами его восприятия.

Эдна достала из папки бланки финансово-отчетных документов и протянула ему. На первом красовалась надпись: «КРИОТЕРАПИЯ, ТЕХОБСЛУЖИВАНИЕ, ПЛАН 1». На бланке были расписаны статьи расходов: годовая аренда, биотесты, восстановление клеток, детоксикация, а также множество других непонятных названий, таких, как Процедура Шлик-Толхауза, гомилектия и многих других. На втором бланке были статьи расходов, предположительно связанных с финансовыми операциями с его капиталом. На третьем бланке были диагностические процедуры, хирургия, использованные лекарства… Всего там было около тридцати страниц, в конце каждой были подбиты ошеломляющие суммы. Но итог сразил Форрестера наповал.

Это были обычные арифметические выкладки:

«Совокупный конвертируемый доход 2 706 884. 72

Совокупность расходов 1 — 27 2 443 182. 09

Выплаченный остаток по сумме 263 702. 63».

Форрестер поперхнулся и сдавленно крикнул:

— Два с половиной миллиона долларов за медицинские… Милостивый Боже! — Он проглотил слюну и взглянул на Эдну, все еще не веря. — Кто может потратить такие деньги?

— Ты можешь, — сказала Эдна. — Иначе до сих пор был бы замороженным.

— Иисусе! И… — пришло ему в голову. — Смотри! Они продолжают мне врать! Здесь сказано, что мне положено двести шестьдесят тысяч, а выдано только двести тридцать!

Эдна снова рассердилась.

— Послушай, Чарльз. Вчера ты оказался в госпитале. Может, тебе удастся выбить какую-то компенсацию у Хайнза, не знаю… Разумеется, он не будет платить, потому что ты нарушил процедуру.

Он глянул на нее осоловевшими глазами и вернулся к

документам. Затем застонал.

— Побольше выпивки, — попросил он и присосался к ‘стакану. Потом заныл: — Сумасшедший дом. Миллионы долларов на врачей. Люди не имеют так много денег.

— У тебя они были, — заметила Эдна. — Если соблюдать определенные условия, то деньги восстанавливаются. Со временем.

— Но они… они бандиты от медицины. Я не знаю, что они со мной сделали, но следует обязательно восстановить контроль за расценками!

Эдна взяла его за руку и притянула к себе на диван. Потом сказала еще терпеливо, но с нарастающим напряжением:

— Дорогой Чарльз! Прежде чем критиковать ошибки нашего мира, надо знать много маленьких вещей. Ты знаешь, что они сделали с тобой?

— Не совсем. Но я знаю о ценах на медицинское обслуживание! — Он нахмурился. — Тех, что были раньше. Наверное, инфляция?

— Я так не думаю. Точнее, наверно, слово подобрано неправильно, — сказала она. — Ты думаешь, что деньги обесценились, верно? Но это не так. Операции стоили бы столько же, как и в девятнадцатом веке, но…

— В двадцатом!

— Не вижу разницы! Хорошо, двадцатом. Если бы эти операции могли делать тогда, то они стоили бы столько же, сколько и сейчас. Разумеется, этого не было.

Форрестер согласился.

— Хорошо, наверное, глупо, ожив, бросаться на своих спасителей, но…

Девушка терпеливо отыскала нужный документ и подала его Форрестеру. Бросив на бумагу взгляд, тот почувствовал, что ему дурно. Яркие цвета, размер в натуральную величину создавали впечатление, что перед ним Лон Чейни в роли Призрака Оперы.

Но это был не грим. Это было лицо. Вернее то, что от него осталось.

— Что… что… — выдавил он.

— Видишь, Чарльз, ты был в тяжелом состоянии.

— Я?

— Да, дорогой. Внимательно прочти рапорт. Здесь… видимо, ты упал прямо в огонь. Мало того, что ты погиб, но и мягкие ткани тоже сильно обгорели… Да… тебе повезло, что уцелел мозг.

Форрестер испуганно смотрел, как девушка спокойно разглядывает снимок. Будто на нем не страшный кошмар, а

баранья отбивная. Она продолжила:

— Ты заметил, как изменился цвет твоих глаз? У тебя новые глаза.

— Убери эту вещь! — простонал Форрестер.

Он выпил и сразу же об этом пожалел. Потом достал сигарету из второй пачки и закурил.

— Я все понял, — сказал он чуть позже.

— Да, дорогой? Прекрасно. Ты знаешь, я думаю, что над тобой работало человек четыреста — пятьсот. Квалифицированные специалисты в самых разных областях. Использовалось дорогостоящее оборудование. Ты напоминал груду мусора, из которой нужно было сделать конфетку. Они заменили многие органы… Разумеется, что-то испортилось, но они старались…

— Хватит!

— Ты, как сжатая пружина, Чарльз.

— Хорошо! Я пружина! — Он затянулся и задал вопрос, над которым думал минут десять. — Скажи, если я буду ограничивать себя в расходах, надолго ли мне хватит четверти миллиона?

Она смотрела на него, постукивая ноготками по губе.

— Существует много соблазнов для тебя, — сказала она задумчиво. — Дорого стоят сигареты, которые ты куришь, отвратительные яйца и, наверное, множество других вещей. Например, апельсиновый сок…

— Не надо деталей! Надолго ли хватит денег?

— Это зависит… — она поджала губы.

— Не томи! Так на сколько их хватит?

— Будет хорошо, если их хватит тебе до конца недели.

Он посмотрел на нее, с трудом сдерживая смех, готовый перейти в плач.

До конца недели?

Он был готов к неприятностям, но слова Эдны сразили его наповал. Он заискивающе спросил:

— Эдна, что мне делать?

— Хорошо, — сказала она, — ты всегда можешь найти себе работу.

— Конечно, — горестно сказал он. — У тебя есть что-нибудь на примете? Этак на миллион долларов в неделю?

К его удивлению, она восприняла это всерьез.

— Чарльз! Не так много. Ты ведь ничего не умеешь. Двадцать, двадцать пять тысяч в день — это, я думаю, для тебя реально.

— Ты можешь мне найти такую работу? — спросил он.

— Да, интересно, сколько хотел предложить Тайко?

— Минутку! Ты хочешь сказать, что Тайко предлагал мне

работу? Но я думал… я думал, что это просто клуб. Кажется, он назвал его обществом Неда Луда?

— Да, разумеется, — кивнула она. — Чарльз, как ты думаешь, для чего существуют клубы?

— В них объединены люди по интересам. Там они проводят свободное время.

— А что вы тогда называете финансовой компанией?

— Ну, это фирма, которая что-то производит. Что-то, что можно продать.

Она фыркнула.

— Мы так не считаем. Есть соглашение, по которому всякая работа должна оплачиваться.

— Боже! — ахнул Чарльз Форрестер.

— Тайко был весьма удивлен твоими действиями, Чарльз. Не знаю, может быть, даже рассердился. Но я не думаю, что он снова тебе что-то предложит.

— Скорее всего, — мрачно произнес Форрестер, сожалея об упущенных возможностях.

— Человек Форрестер!

Голос джоймейкера напоминал сигнал утренней побудки в армии. Прошло несколько секунд, прежде чем Форрестер понял, что к нему обращаются. Затем он сказал:

— Минутку, машина. Эдна, если я понял правильно…

Но она глядела на него смущенно и резко прервала:

— Чарльз, дорогой, ты должен прослушать это сообщение.

— Человек Форрестер. Я имею приоритетное уведомление о личном визите!

— Да, но, Эдна…

— Чарльз, — сказала она, — пожалуйста, выслушай. Или… не надо. Я попытаюсь все растолковать сама. — Она смотрела вниз, на руки, стараясь не смотреть ему в глаза. — Я думаю, что нужно было рассказать тебе раньше. Я думаю, что это Хайнзи.

— Хайнзи? Марсианин? Тот…

Она извиняющимся тоном сказала:

— Я позвонила ему, дорогой Чарльз. Ты должен его впустить.

Глава 7

Когда Форрестер увидел лицо человека по имени Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор, то был в состоянии «готов ко всему». Что на самом деле означало, что он был в полной растерянности. Он не знал, как может повернуться разговор. Его сердце бешено колотилось, а руки дрожали, как будто он прикоснулся к змее. Глядя на него Эдна вытащила что-то из джоймейкера. Транквилизатор? Нет, скорее что-то стимулирующее, подумал Форрестер. Она закинула лекарство в рот и проглотила, после чего сказала:

— Привет, Хайнзи. Заходи. Я думаю, что вы с Чарльзом уже знакомы.

Форрестер взглянул на нее, затем повернулся к Хайнзлихену. Он нерешительно застыл в позе раздумывающей змеи, не зная, то ли пожать протянутую руку, то ли применить прием карате.

— Мы знакомы, черт побери, слишком хорошо.

Хайнзлихен зашел в комнату, и дверь за ним закрылась. Он остановился, изучая Форрестера, как музейный экспонат. Эдна развлекалась с освещением, и красно-желтые пятнышки бегали по его лицу. Они отлично соответствовали его личной цветовой гамме. Это был высокий и толстый мужчина. Волосы его были красноватого оттенка. Небрежно подстриженная рыжая бородка закрывала все лицо, за исключением носа, губ и глаз. Все это напоминало маску шимпанзе. Задумчиво подергивая себя за бороду, он внимательно разглядывал Форрестера, его руки, тело, положение ног, затем кивнул, словно подведя какой-то итог. Он снова взглянул на Форрестера и ткнув в него пальцем, рявкнул:

— Вот сюда я убью тебя. Сюда. В сердце.

Форрестер резко выдохнул воздух через нос. Что-то неприятное появилось у него внутри. Адреналин превратил его кровь в сосудах в разъяренный поток. Он открыл рот, но Эдна успела вмешаться:

— Хайнзи, дорогой! Ты обещал.

— Обещал? Что обещал? Обещал поговорить, вот и все. Ну так давай разговаривать.

— Но Чарльз всего этого не понимает. Сядь. Возьми выпей.

— Разумеется, я выпью. Выбери что-нибудь по своему вкусу. Но только быстрей, у меня на счету каждая минута. — Он развернулся к Форрестеру. — Ну? Ты хочешь разговаривать?

Форрестер вызывающе ответил:

— Твоя правда, черт побери, я хочу поговорить с тобой. Я не хочу пить. Сейчас, посмотри, ты… — он запнулся, не зная, как

точнее выразиться. — Ладно, вот что я хочу знать, какого черта ты хочешь меня убить?

Марсианин опешил. Он взглянул беспомощно на Эдну, затем на Форрестера.

— Пот! Я не знаю! — сказал он. — На вечеринке ты наступил мне на ногу… И вообще, ты мне не нравишься. Почему ты задаешь такие вопросы?

— Почему? На карту поставлена моя жизнь!

Марсианин прорычал:

— Я думаю, что это была плохая идея. Медовая, я ухожу. Чем больше я на него смотрю, тем больше он мне не нравится.

Но Эдна взяла его за руку.

— Пожалуйста, Хайнзи, возьми. — Она подала ему бокал с пенящимся оранжевым напитком. Бокал напоминал по форме емкость для бренди. — Ты знаешь, что Чарльз только вышел из холодного сна. Мне кажется, он слишком медленно учится.

— Это его дело. А вот убить его — мое дело!

Но хотя марсианин и рассердился, выпил он с удовольствием. Девушка явно имела на него влияние.

— Да, но Хайнзи, дорогой, какое удовольствие в том, что ему ничего не известно?

— Триммер! — проворчал Хайнзлихен. — Именно в этом. Я не сомневаюсь, что многие важные вещи теряются из-за того, что убийство приходится совершать по определенным правилам.

— Хорошо, Хайнз, может, ты и прав, но есть еще такая вещь, как честная игра. Я думаю, что Чарльзу неизвестны все его права.

Марсианин покачал головой.

— Это тоже не мое дело. Пусть пользуется джоймейкером и тогда узнает все, что ему нужно.

Хотя Эдна подмигнула Форрестеру, тот не почувствовал уверенности. Но зато она полностью успокоилась.

Эдна откинулась на спинку дивана и, прилаживаясь к бокалу, подсказала:

— Будет красивее, если ты сам все объяснишь Чарльзу. Расскажи ему о том, что ты собираешься делать, ладно?

— Ладно, думаю, что все будет в порядке. — Марсианин опрокинул бокал и, немного подумав, сказал: — Все просто. Я хочу все сделать хорошо: буду бить его ногами, пока не сломаю грудную клетку, пока ребра не проткнут сердце. Будет много боли, но мозг останется нетронутым, разумеется. Придется ему больше заплатить, но зато какое я получу удовольствие! Это всегда недешево. — Затем лицо его прояснилось. Ведь борода сильно скрывает мимику. — Кстати, — добавил он. — Возможно, я не буду ничего оплачивать. Я разговаривал с адвокатом, и он

сказал, что Форрестер кой-чего не предпринял, и я могу оспорить счет. Но это не имеет значения. Чёрт побери, деньги есть деньги.

Форрестер задумчиво кивнул и присел.

— Я, наверное, все-таки еще выпью, Эдна, — сказал он.

Вдруг неожиданно он осознал тот факт, что сейчас абсолютно спокоен.

Причиной этому послужило то, что во время речи марсианина, он тоже решил пошутить. Хотя Хайнз вовсе не намерен был смеяться. Действительно, когда он рассказывал о том, как будет убивать Форрестера, то выглядел искренним. Но в жизни нельзя оценивать всех последствий собственных решений. Иногда приходится думать, что фишки пластиковые не стоят ничего, чтобы не поддаться панике в игре.

Именно факт, что все ставки были чрезвычайно важны для Форрестера, заставлял его притворяться весьма серым и безобидным.

Он взял у Эдны бокал и рассудительно произнес:

— Хорошо, расставим все по местам. Надеюсь, я вас правильно понял? Ты советовался с адвокатом, прежде чем попытался меня убить?

— Нет! Когда ты уже очнешься? Я всего лишь зарегистрировал документы.

— Но ты сказал…

— Ты слушаешь меня или нет? Я подготовил документы на убийство обычным порядком: боны, оплачивающие реанимацию, гарантии целостности мозга и прочее. Адвокат появился вчера и подсказал мне мысль, как я могу сохранить деньги, вложенные в боны и гарантии.

— Извини, я не понял.

Форрестер дружелюбно улыбнулся, при этом усиленно размышляя. Он уже знал, как должен действовать. Ему пришло в голову, что смерть для этих людей не реальное состояние, а что-то вроде трагедийной пьесы в театре. Он сказал:

— Как я понял, если только понял правильно, то по закону ты гарантируешь оплату замораживания после убийства.

— Нет! Только своему!

— Боюсь, что мне нечего сказать. Закон разрешает меня убить и поделать с этим я ничего не могу.

— Совершенно правильно.

Форрестер задумчиво сказал:

— Но ведь это не совсем честно по отношению ко мне.

— Честно? Разумеется, честно! В этом и состоит смысл гарантий.

— Да, разумеется. При нормальных обстоятельствах. Но если

реанимация под вопросом…

Марсианин опешил.

— Ты что, сумасшедший?

— Нет, к сожалению, — продолжил Форрестер. — Ты сказал, что не хочешь оплачивать счета. Ты знаешь, что делаешь. Ну а если твой план удастся?

— О, парень! Тогда вместо меня ты все оплатишь сам.

Форрестер доверительно сообщил:

— К сожалению не могу. У меня нет денег на это. Спроси Эдну.

Марсианин посмотрел на Эдну полным праведного гнева взглядом, но она ответила:

— К сожалению Хайнзи, это факт. Чарльз говорит правду. К сожалению. Я не проверяла его банковский счет, но думаю, что денег там мало.

— К дьяволу его счет! Какого пота это должно меня беспокоить? Я хочу его убить!

— Видишь ли, Джура, если ты меня убьешь…

— Заткнись, ты!

— Но при таком стечении обстоятельств…

— Собачий пот! — Лицо марсианина превратилось в злобную маску. Он был сконфужен и чувствовал себя слегка помешавшимся, — Что с тобой, Форрестер? Почему ты не хочешь работать?

— Я буду. Как только смогу.

— Пот! Трус, ты хочешь увильнуть!

— Я все еще не разобрался в своем финансовом положении. Я не думал, что так получится. Извини, Джура, но…

— Заткнись! — рявкнул марсианин. — Я и так потратил много времени на этот разговор. Я спешу на репетицию, где должен солировать в импровизациях Шумана. Отвечай на вопрос. Ты собираешься увильнуть?

— Хорошо, — сказал Форрестер, покачивая бокалом и косясь в сторону Эдны. — Да.

— Вонючка! Потливая вонючая собака!

— Я понимаю ваши чувства. И сочувствую.

— Черт бы побрал твои чувства! Хорошо. Я ничего не обещаю до встречи с адвокатом. Ну а ты в это время должен найти себе работу, понял?

Форрестер проводил марсианина взглядом. Несмотря на все неудобства в такой ситуации, вопреки всякой логике, он чувствовал себя великолепно.

Он задумчиво постоял возле двери, анализируя свои ощущения. Для человека, который стал бедняком и заимел врага-

убийцу, Форрестер чувствовал себя достаточно хорошо. Возможно, это иллюзия, подумал он с фатальной решимостью.

Эдна, улегшись на диване, внимательно его изучала. Она вновь что-то сделала с освещением, и комнату затянуло туманно-голубой дымкой. Ее кожа эротически мерцала. Наверное, она что-то сделала со своей одеждой. Казалось, ее тело стало более заметным. Форрестер извинился и прошел в ванную, где ополоснул лицо холодной водой. И только тогда понял причину своего настроения.

Он выиграл часть партии.

Он не был уверен, что это важная часть, и не понимал, какие преимущества это ему даст. Но хорошо это или плохо, он одержал маленькую победу над Хайнзлихеном Джура де Сиртис Майджором. Прошедшие дни Форрестер ощущал себя пробкой, болтающейся на волнах, но теперь он был готов отразить удар. Радостно вернулся он в комнату и крикнул:

— Я хочу выпить!

Эдна, не изменив позы, перешептывалась со своим джоймейкером.

— …и не забудь все проверить, — говорила она, — сделай профилактику и пожелай мне спокойной ночи, Мим. — Она положила джоймейкер и посмотрела на Форрестера. Она была угрюма, но явно заинтересована.

— Дети?

Она кивнула.

— Мой Бог, неужели уже так поздно?

Он практически забыл о времени.

— Я извиняюсь. Может быть, организовать ужин?

Она удивленно взглянула на него.

— О Чарльз! Ты думаешь я варю овсянку или чищу картошку? Они, разумеется уже поужинали.

— Хорошо. Я думаю, теперь мы должны позаботиться о себе.

— Не надо.

Форрестер, быстро сориентировавшись, сказал:

— Ладно. Может еще выпьем?

— Я не хочу, дурачок. Садись. — Она взяла джоймейкер, прищурилась, поцеловала Форрестера в ямочку на шее, затем приложила к ней аппарат.

Форрестер ощутил странное удовольствие. Это напоминало слабый электрошок, чистый кислород в легких, запах мускуса.

Эдна критически изучала его, затем пригнулась и поцеловала в губы.

В следующее мгновение он попросил:

— Еще. Продолжай.

Она послушалась. Прислонилась к нему и положила голову на плечо.

— Чарльз, дорогой, — проворковала она, — ты ничего не умеешь.

Он гладил и целовал ее волосы. Поток блестящих нитей был практически неощутим.

— Я не знаю, правильно ли ты поступил с Хайнзи, — медленна произнесла Эдна. — Это похоже… Знаешь… На увиливание… — Она развернулась и лукаво сначала укусила, а потом поцеловала его ухо. — Я знаю, ты удивлен, но я обычная естественно-природная девушка. Ты понял?

— Разумеется, — солгал он, смутно различая ее голос.

— Конечно, ты можешь принять таблетки или хемостимуляторы, но это будет то же самое. Если ты собираешься, то действуй по полной программе или воспользуйся джой-аппаратом.

— Я понял, — начал было Форрестер.

Но она его перебила:

— Не надо тормозиться. Иногда, если ты подавлен, может появиться желание резко улучшить настроение. Тогда ты просто принимаешь таблетку, понятно?

— О да! — возбужденно воскликнул Форрестер. — Это великолепно! Не хочешь ли ты принять таблетку прямо сейчас?

Она привстала и обвила его руками.

— Это лишнее, — сказала Эдна, прижимаясь к его щеке, я уже приняла ее, пока ты впускал Хайнзи.

«Две победы в один день», — триумфально и устало думал Форрестер, этот мир напоминал его первоначальные предвкушения и надежды. Эдна ушла, а он проспал добрых десять часов с ощущением, что все нормально. Отец президента и любовник Эдны Бенсен — он значительно вырос в собственных глазах. Разумеется, было еще много проблем. Но он с ними справится.

Он заказал завтрак и спросил:

— Машина! Как мне устроиться на работу?

— Заявите параметры, Человек Форрестер, я подберу по ним подходящие вакансии.

— Ты хочешь знать, какая работа меня устраивает? Неважно, лишь бы хорошо платили. — Немного помедлив, он добавил. — Около десяти миллионов долларов в год.

Джоймейкер не смутился.

— Да, Человек Форрестер. Пожалуйста, проинформируйте о желаемых параметрах запрашиваемой работы. С выездом или на дому. Какая оплата. Наличными или комбинированная. В случае

комбинированной укажите — получение акций, непосредственное участие в прибыли, вложение премиальных в оборот или другие условия. Укажите категории, не указанные в личной анкете, — религиозные, моральные или политические мотивы, ограничивающие характер предполагаемой работы…

— Помедленней, машина. Дай мне подумать.

— Разумеется, Человек Форрестер. Желаете ли выслушать поступившие сообщения?

— Нет. Хотя, — он добавил, — если в них не затрагиваются вопросы моей жизни или смерти. Вроде этого марсианина-убийцы.

Таких сообщений не было. И это, как радостно подумалось Форрестеру, выгодно отличало начинающийся день от остальных.

Он поел, задумчиво и экономно, искупался, выкурил дорогую сигарету и только после этого обратился к джоймейкеру:

— Расскажи мне, машина, о всех имеющихся рабочих вакансиях.

— Я не могу рассортировать их, без указанных вами пожеланий, Человек Форрестер.

— Ладно, можешь не сортировать. Зачитывай все подряд.

— Хорошо, Человек Форрестер. Я выдаю вам не обработанный список всего, что имеется в наличии на данный момент. Внимание. Пункт. Специалист по криволинейному фазоанализу. Семьдесят пять тысяч. Пункт. Общественный контроль. Умение пользоваться аппаратами стресс-контроля. Неквалифицированный. Шесть тысяч. Пункт. Кулинар. Полностью ручная работа. Знание французской кухни. Восемнадцать тысяч. Пункт. Уход за ребенком. Но, Человек Форрестер, — перебил сам себя джоймейкер, — здесь требуется женщина. Можно ли не зачитывать явно не подходящие пункты?

— Нет, то есть да. Можешь не продолжать. Я понял. — Но тут сконфуженному Форрестеру подумалось, что расценки не слишком отличаются от принятых в его время, и это создавало чувство дискомфорта. В настоящее время радостной экстравагантности на эти деньги нельзя было содержать даже комнатную собачку.

— Я думаю, что мне нужно повидаться с Эдной. — Неожиданно громко заявил он.

После небольшой паузы джоймейкер ответил:

— Хорошо, Человек Форрестер, но должен предупредить вас о тревоге класса Гамма. Ваш транзит из здания будет использован для тренировки.

— О Боже! Это напоминает мне недавний воздушный налет.

— Тренировка, Человек Форрестер.

— Разумеется. И как долго это будет продолжаться?

— Около пяти минут, Человек Форрестер.

— Не так уж и плохо. Ну давай, пока я буду ждать, зачитывай мне сообщения.

— Да, Человек Форрестер. Одно персональное и девять коммерческих. Передается персональное сообщение от Эдны Бенсен.

Форрестера коснулась легкая рука Эдны, и послышался ее нежный голосок.

— Дорогой Чарльз, — прошептал голос, — мы должны поскорее встретиться, мой дракон! Мы должны подумать об одной вещи, понимаешь? Мы должны подобрать имя.

Глава 8

Когда Форрестер добрался до апартаментов Эдны, его встретили дети.

— Привет, Тант, — сказал он, — привет, Мим.

Они переглянулись, а потом посмотрели на него, как на курьез. Снова ошибся, с досадой подумал Форрестер. Наверное, Тант — это девочка, а Мим — это мальчик. Но он решил не обращать внимания на мелкие промахи, ведь на их исправление уйдет все время, а нужно целенаправленно продвигаться вперед.

— Где ваша мама? — спросил он.

— Ее здесь нет.

— Вы знаете, где она?

— Ага.

Форрестер терпеливо сказал:

— Может быть, вы мне все-таки расскажете, где она?

Дети задумчиво переглянулись. Затем мальчик сказал:

— У нас нет такой возможности, Чарльз. У нас дела.

Форрестер всегда думал, что любит детей, но сейчас он почувствовал, что сдерживается с большим трудом.

— Я хочу поговорить с ней через джоймейкер, — сказал он.

Мальчик недоуменно посмотрел.

— Прямо сейчас? Когда у нее кровлинг?

Форрестер вздохнул.

— Мне нужно кое о чем поговорить с вашей мамой. Как я для этого должен поступить?

— Я думаю, ты можешь подождать ее здесь, — неохотно ответил мальчик.

— Если это тебе действительно нужно, — добавила девочка.

— Мне кажется, что вы пытаетесь меня выпроводить. Чем вы сейчас занимаетесь?

— Ну… — мальчик взглядом заставил сестру замолчать. — У нас встреча.

— Но ты не должен рассказывать об этом Тайко! — закричала девочка.

— Он не любит наш клуб, — уточнил мальчик.

— В котором только вы вдвоем?

— Пот, пот, нет! — засмеялся мальчик. — Одиннадцать!

— Двенадцать! — добавила девочка. — Я думаю, что ты забыл про робота.

— Не может быть. Послушай, Тант. Четыре мальчика. Три девочки. Взрослый. Марсианин… и робот. Да, двенадцать.

— Вашего марсианина зовут случайно не Хайнзлихен или как

там его еще?

— Нет, Чарльз. Хайнзи — кретин, но этот вообще не человек. Он большой, зеленый, и у него четыре руки.

Форрестер опешил, потом сказал:

— Вы наверное любите читать Эдгара Райса Бэрроуза? Но я не думал, что то, что он описал реально.

Мальчик посмотрел на него с интересом.

— Да? Что ты имеешь в виду?

— Что ты понимаешь под словом «реально», Чарльз? — спросила девочка.

В старые добрые времена, до того как Форрестер умер, он обожал науку. Прекрасно и занимательно было жить в мире, где электричество поступало из розетки и живые картинки появлялись на экране телевизора. Он думал с иронией и шаловливо о том, как глупы были великие умы прошлого — Ньютон и Архимед, которые без его письменных разъяснений не смогли бы даже включить телевизор или управлять его игрушечным электрическим поездом. А сейчас, с содроганием подумал он, я похож на бушмена в Таймс-сквер. И это печально.

Задавая наводящие вопросы, он все-таки частично смог понять то, о чем ему рассказывали дети. Их товарищи по играм были не «реальными», но в то же время более настоящими, чем скажем, кукла Бетси-Ветси. Они были аналогами, симуляторами. Дети называли их «симулогами». Маленькая девочка гордо сообщила, что они хорошо помогают развитию межличностных отношений.

— Все понятно, — сказал Чарльз, — во всяком случае, я так думаю. Но какое отношение имеет к этому Тайко?

— А, он!

— Он ненавидит все, что касается таких игр.

— Он сказал, что мы не сможем воспринимать объектив… Ну в общем, то о чем ты говорил, Чарльз. Реальность…

— И чтоб его пот побрал, — добавила девочка, — хотите послушать о чем он нам рассказывает?

Она взглянула на видеостену, на которой было изображение лесной опушки и маленьких мохнатых зверьков.

— Вы покажете это по телевизору? — спросил Форрестер.

— Что, Чарльз?

— Ну это.

— Будет сделано, Чарльз.

— Ладно, — сказал Форрестер…

И подумал, что все не так уж плохо. Если все будет хуже, то он согласится на работу, предложенную Тайко, если вакансия не занята. Но прежде, чем он попытается это сделать, ему не

помешает побольше узнать о Тайко.

— Включайте дисплей, — сказал Форрестер, — Что мне терять?

Видеостена отреагировала на приказ маленькой девочки, смывая лесную опушку и воздвигая сцену. По сцене прыгал и громко кричал мужчина в косматом парике.

С большим трудом Форрестер узнал блондина, непрошеного визитера, которого он так бесцеремонно выгнал. Когда? Неужели это было лишь два дня назад? Тайко исполнял какую-то разновидность церемониального степа — два шага в одном направлении и притоп, два шага в другом направлении и опять притоп. То, что он при этом распевал, было для Форрестера полной абракадаброй.

— Луд, лорды, ведут гордо! (Стук!) Пусть Луд впереди, лорды! (Стук!) Чтоб забытые, забитые, не попали прямо… (Стук!) В ад! (Стук!) — Он повернулся к зрителям и распростер руки. Камера показала его бесстрастное измученное лицо. — Милые дети! Вы хотите, чтобы вам полоскали мозги? Вы хотите быть противными медузами? Если нет, то пусть вас ведет Луд! (Стук!) Пусть Луд нас ведет! (Стук!) Пусть Луд нас…

Мальчик крикнул, заглушая видеостену.

— Сейчас он попросит, чтобы зрители комментировали. Мы обычно подкидываем ему такое, от чего он бесится, вроде «Возвращайся в морозильник, старый ледяной обломок» или «Тайко, грязный старый Утопист». Конечно, мы не подкидываем ему наш домашний адрес.

— Сегодня я собираюсь ему передать: «Если бы люди тебя послушались, то прыгали бы по Деревьям, как обезьяны», — задумчиво сказала девочка, — но боюсь, что это не доведет его до бешенства.

Форрестер закашлялся.

— Актуально, но я не могу доводить его до бешенства. Я собираюсь у него работать.

Дети разочарованно посмотрели на него. Мальчик энергично уничтожил изображение Тайко на видеостене и закричал:

— Пожалуйста, Чарльз, не надо! Мим сказала, что ты отказался!

— Но мне придется передумать. Мне нужна работа. Только поэтому я пришел сюда.

— Хорошо! — сказала девочка — Мим найдет для тебя работу! Верно, Тант?

— Если она сможет, — неуверенно сказал мальчик, — Слушай, Чарльз, а что ты можешь делать?

— Это одна из моих проблем. Не самая страшная, но мне

нужны деньги.

Они посмотрели на него смущенными глазами. После паузы девочка вздохнула и сказала:

— Чарльз, ты так потлив и глуп, что я чуть не замерзла. Я никогда не слышала, чтобы у кого-нибудь не было денег, разве что у Забытого Человека. Неужели ты не знаешь, как найти работу?

— Не представляю.

— Ты можешь воспользоваться джоймейкером, — терпеливо сказал мальчик.

— Конечно. Я пытался так сделать.

Мальчик оживленно взглянул на него.

— Ты… ты хочешь, чтобы я помог тебе? Я согласен. Мы изучали это в прошлом году в пятой фазе. Вот что ты должен сделать…

Неожиданно в голосе его проскочило лукавство.

— О, пот, Чарльз, — сказал он небрежно, — вот что я для тебя сделаю. Скажи, чтобы он меня слушался.

Форрестер даже не обратил внимания на ошарашенную девочку, пытавшуюся его предупредить.

— Нет, — небрежно сказал он, — подождем, пока придет домой ваша мама.

Мальчик улыбнулся, но продолжил сопротивление.

— Хорошо, Чарльз, я только хотел узнать у него кое-что о Мим… ладно, сделай вот что. Скажи машине, чтобы она тебя протестировала на профпригодность, и затем пусть она даст тебе рекомендации.

— Я не знаю, что из этого может получиться, — осторожно произнес Форрестер.

Мальчик вздохнул.

— Ты и не должен этого понимать, Чарльз. Делай. Какого пота, для чего еще нужен джоймейкер?

Процедура была довольно простой, хотя в анкете на профпригодность вопросы были довольно странными…

Что есть «Бог»?

Ваш стул темный или коричневый?

Хотите ли вы быть женщиной, если вы уже мужчина?

Представьте себе плутониан. Представьте себе эльфов. Если эльфы атакуют Плутон без объявления войны, то чью сторону вы примете?

Почему вы лучше остальных?

Большинство вопросов были такими же. Одни были глупы, другие непонятны для Форрестера или смущали его и заставляли неловко оглядываться на детей. Но те воспринимали все как само

собой разумеющееся и очень скоро, заскучав, включили видеостену, чтобы посмотреть программу новостей. Форрестер тщательно взвешивал ответы, понимая, что машина прекрасно знает, что делает. Ответы, разумеется, были лишены смысла, как и вопросы. Он понял, что джоймейкер проверял его нервную систему, и по импульсам в его мозгу узнавал больше, чем из ответов. Это подтвердилось, когда в конце анкетирования, джоймейкер сказал:

— Человек Форрестер, мы будем наблюдать за вами, пока вы полностью не успокоитесь. Затем я дам информацию о вашей профпригодности.

Форрестер встал, потянулся и окинул взглядом комнату. У него было чувство, что он прошел через испытание. Воскрешение было таким же хлопотным, как и первое рождение.

Дети обсуждали сцену на видеостене. Это было крушение авиалайнера. Он врезался в гору, вокруг велись спасательные работы. Люди и машины заливали его струями химикатов, уносили раненых и мертвых, — если они и замечали разницу! — на носилках к реанимационным машинам с рубиновыми жезлами на борту. Над горным склоном завис ярко раскрашенный прогулочный аэрокрафт, набитый зеваками. Форрестера это не удивило. Он вспомнил толпы любопытных, собравшихся в ту ночь, когда он погиб в огне. Ни ледяные струи, ни пронизывающий ветер, ни усилия полицейских их не разогнали.

— Старый Хэп никогда не сможет; их сделать, — сказал мальчик девочке, затем поднял глаза и обратил внимание на Форрестера. — Все?

Форрестер кивнул. Видеостена продолжала говорить.

— …заканчивается, со счетом в эту минуту тридцать один и пятьдесят пять из девяноста восьми возможных. Неплохо для Старого Мастера! А Хэп все еще тянется за зеленым Маори из Порт Морсби…

— Что вы смотрите? — спросил он.

— Это полуфиналы, — ответил мальчик, — как закончились твои тесты?

— Результатов еще нет. — Экран мигнул и показал новую картину: разновидность звездной карты, усеянной зелеными и золотистыми точками и стрелками. — Десять миллионов в год, это не слишком много?

— Пот, Чарльз! Откуда мы знаем? — Мальчик больше интересовался видеостеной, чем Форрестером, но вежливо добавил: — Тант имеет прожиточный уровень около двенадцати миллионов в год. Мой больше пятнадцати. Но, разумеется, мы имеем много преимуществ, — заметил он деликатно.

Форрестер присел и стал терпеливо дожидаться результатов. Стрелки и круги двигались по звездной карте и голос сообщал:

— Данные зонда из 61 Лебедя, Проксимы Центавра, эпсилон Индейца и Кордоба 31353 показывают отсутствие искусственной активности и изменений в системах энергетических уровней.

— Идиоты! — резко сказала маленькая девочка. — Они не найдут марсианина даже в матрасе!

— Возле Грумбриджа 1, 8, 3, приблизительно шесть дней назад обнаружен неизвестный объект. Следов эмиссии нет. Предварительно идентифицирован, как большая комета. Эклиптическая орбита и большая масса представляют потенциальную опасность для данного пространственного сектора. Излишне говорить, что ведется постоянное наблюдение и СЕПФ, расположенный в Федерал Сити заявил об активизации двух мониторов на пассивных орбитах…

— Что они пытаются объяснить? — спросил Форрестер мальчика.

— Война, разумеется. Ты можешь немного помолчать?

— …Есть хорошие новости, полученные сегодня ночью из 22 Н Камелопардиза! Последняя сводка, полученная из штаб-квартиры сорто-контроля, показывает, что процедура замены поврежденного зонда с большими трудностями завершена! Первая замена, прибывшая из Б07899 поставлена на круговую орбиту, все системы в порядке. Семь запасных систем…

— Пот, — сказала девочка, — какая скучная война! Чарльз, вы это проделывали получше, правда?

— Что ты имеешь в виду?

Девочка посмотрела на него недоуменно.

— Больше убивали, разумеется.

— Если ты считаешь, что это «получше», я согласен. Во Второй мировой войне погибло двадцать миллионов человек.

— Да-а, Двадцать миллионов, — прошептала девочка. — Но у нас тоже были убитые, правда, Тант? Двадцать два?

— Двадцать два миллиона? — спросил Форрестер.

Мальчик с отвращением покачал головой.

— Двадцать два индивидуальных сирианина. Не правда ли отвратительно?

Но Форрестер не успел ответить, так как заговорил его джоймейкер:

— Человек Форрестер, ваши тесты проинтегрированы и проверены. Могу ли я воспользоваться экраном детей Бенсен?

— Пусть, — угрюмо согласился мальчик, — вряд ли будет скучнее этой программы.

Звездная карта исчезла с экрана, сменившись мерцающими

синусоидальными волнами. Все это сопровождалось цифрами, непонятными для Форрестера.

— Вы можете пересмотреть отдельные элементы вашего профиля. Хотите, Человек Форрестер?

— Нет, черт побери!

Цифры и графики для него были непонятны, но вселяли беспокойство. Форрестер вспомнил, как в давние времена обратился в государственное учреждение в поисках работы. Это было во время мирного периода после корейской войны когда он уволился из армии. Он отстоял длинную очередь среди безработных, чтобы попасть на прием к клерку госдепартамента. Он разглядывал квадраты линолеума на полу, окружающих людей, которые как и он сам, хотели получить пособие по безработице, надеясь, что когда-нибудь наступят лучшие времена.

Но джоймейкер продолжил:

— Ваш профиль, Человек Форрестер указывает на возможность получения работы в области личного сервиса и адвокатуры. Я отобрал девяносто три открытых вакансии. Хотите заслушать?

— Мой Бог, нет. Выбери сам что-нибудь получше.

— Ваш оптимальный вариант, — Человек Форрестер, таков: оклад семьдесят тысяч пятьсот. Это не соответствует вашим требованиям, но…

— Минутку! Это вообще не то! Я заказывал десять Миллионов!

— Да, Человек Форрестер. Вы хотели десять миллионов в год. При нормальной четырехдневной рабочей неделе, при предполагаемых переработках с ущербом для здоровья — три миллиона восемьсот тысяч долларов в год. Сюда же включена оптимизация на уровне пяти миллионов плюс прибавка к зарплате.

— Минуту! — эти цифры его поразили. Он обратился к детям. — Это почти девять миллионов в год. Мне этого хватит?

— Пот, Чарльз, конечно, если захочешь.

Форрестер сделал глубокий вдох.

— Согласен, — сказал он.

Джоймейкер монотонно продолжил:

— Хорошо, Человек Форрестер. Ваши обязанности таковы: Беседа. Брифинг. Дискуссия. Ориентировано без временных ограничений, статус размороженного вам не помешает. Вы должны отвечать на вопросы, принимать участие в дискуссиях. Этим обязанностям не будет мешать ваше местожительство. Возможность путешествий оговаривается.

— Пот. — Дети Бенсен посмотрели на него с интересом.

Мальчик даже присел, а девочка смотрела на Форрестера широко раскрытыми глазами.

— Дополнительная информация, Человек Форрестер. Ваш босс отказался от автоматического сервиса во избежание огласки. Ему требуется ваша субъективность, даже в ущерб точности. Наниматель фактически не знаком с историей человечества, культурой и традициями…

—. Да! — крикнула девочка.

— …в добавление к вашим услугам будет пользоваться компьютерной информацией.

Форрестер вмешался.

— Хватит. Когда я смогу с ним поговорить?

— Человек Форрестер, вы уже приняты на работу.

— Ты хочешь сказать, что я уже получил работу? Но… что я должен делать?

— Человек Форрестер, я дал вам описание процедуры. Пожалуйста, возьмите на заметку следующий сигнал. — Послышался легкий четкий перезвон. — Он указывает на сообщение вашего нанимателя. Согласно условиям вы не можете отказаться от приема сообщения с десяти утра до четырнадцати в течение рабочего дня. В остальное время и выходные вы обязаны прослушать сообщение не позднее, чем через двенадцать часов после его поступления. Спасибо, Человек Форрестер.

Вот и все, подумалось Форрестеру.

Теперь нужно было узнать причину беспокойства детей. Он спросил:

— Хорошо, что вас взволновало?

Они тихонько переговаривались не сводя глаз с Форрестера. Наконец после паузы мальчик переспросил:

— Что значит «взволновало», Чарльз?

— Почему вы себя так ведете? — поправился Форрестер.

— О, чепуха!

— Важная чепуха, — поправила его девочка.

— Выкладывайте!

— Просто мы впервые увидели человека, согласившегося работать на этих, — сказала девочка.

— Работать на кого?

— Джоймейкер тебе все рассказал, Чарльз! Почему ты его не слушал? — спросил мальчик и девочка согласно кивнула:

— Пот, Чарльз! Разве ты не знаешь на кого согласился работать?

Чарльз глубоко вздохнул и пристально посмотрел на детей. Он уговаривал себя, что перед ним всего лишь дети, которые ему симпатичны, но которые по непонятной причине решили довести

его сегодня утром до безумия. Он присел и взял джоймейкер. Внимательно изучив пульт управления, он нашел нужную кнопку, круглую и прозрачную, и направил струю на открытый участок руки, предварительно нажав ее.

К счастью, он не ошибся. Он не мог определить, какая дымка окутала его руку, но нужный эффект был достигнут. Это напоминало супертранквилизатор: сознание прояснилось, пульс замедлился. Форрестер громко сказал:

— Машина! Ты можешь показать мне этого черта, который нанял меня на работу?

— Вы хотите увидеть его изображение на экране, Человек Форрестер?

— Черт побери, да!

— Пожалуйста, посмотрите на видеостену, Человек Форрестер.

Изображение поразило Форрестера. Он с трудом проглотил подступивший к горлу ком.

Давая джоймейкеру свои запросы, Форрестер как-то выпустил из виду претензии к нанимателю. Он был готов ко всему, но это было для него сюрпризом.

Он не ожидал, что у его нанимателя будет ярко-зеленая шерсть или диадема из маленьких глаз ниже головы или, возможно, щупалец. Он не думал, что это будет один из врагов, чье присутствие в космосе заставило человечество заниматься бесконечными тренировками по отражению воздушных налетов, разработкой военных программ и космического оружия… короче, это был сирианин.

Глава 9

Форрестер мог выполнять свои новые обязанности в любом месте. Но он решил вернуться домой, где при помощи джоймейкера и видеостены получил представление о том, кто такие сириане и что они делают на Земле.

Он выяснил, что их было одиннадцать. Они не являлись туристами или дипломатами. Они были пленными.

Тридцать лет назад первые человеческие звездолеты вошли в контакт с форпостами цивилизации сириан. Эта цивилизация по технологическому развитию была похожа на земную, но отличалась негуманоидностью и социальным развитием. Экспедиция землян, исследуя планеты других звездных систем, обнаружила сирианский корабль в районе орбитального круга.

Форрестер, получив эту информацию, обнаружил в своих знаниях огромный пробел. Почему никто никогда не рассказывал ему о межзвездных исследовательских полетах? Где находились эти планетные системы? Что такое орбитальный круг? Все это озадачило и сконфузило Форрестера. Очевидно, круг не принадлежал ни сирианам, ни землянам. Но он решил не перегружать себя такими вопросами и сосредоточился на первой встрече с сирианами.

Земной корабль напоминал зверолова. И когда зверь был обнаружен, то нажали на все кнопки. Командир вряд ли имел подробные инструкции на случай встречи с чужаками, но времени не терял. Он не стал подробно рассчитывать все возможные варианты. Земной корабль обрушил на сириан всю свою мощь: лазеры и снаряды, ракеты и энергоэмиттеры и многие другие приспособления для уничтожения. Сириане не имели никаких шансов. За исключением немногих, находившихся в космических резервуарах (аналогах земных скафандров), сириане погибли вместе со своим кораблем.

Земляне погрузили на борт корабля уцелевших и вернулись на родную планету. (Годы спустя, исследовательский зонд осторожно обследовал место происшествия. Он обнаружил, что осколки сирианского корабля исчезли, очевидно их забрали спасатели… или что-то вроде этого. После этого зонд вернулся к Земле.)

Четырнадцать сириан уцелели после нападения. Одиннадцать из них до сих пор жили на Земле.

Форрестер, просматривая пленку на экране видеостены, под бодрое бормотание джоймейкера, почувствовал симпатию к чужакам. Тридцать лет плена! Сейчас они уже состарились. На

что они надеются? «Может они уже отчаялись вернуться домой или в то место, что было для них домом?

Джоймейкер об этом не рассказывал. Он известил только о том, что сириан внимательно изучили и после дискуссий… освободили. Под домашний арест.

Парламент Движений принял закон относительно сириан. Первое. С этого момента им запрещены всякие контакты с родной планетой. Можно было считать, что сириане, может быть, и не стали бы нападать на Землю, если бы не такой трагический первый контакт. Второе. Сириане никогда не вернутся домой. Третье. Подготовиться к отражению нападения с надеждой, что оно не состоится.

Сириан распределили по всей планете, по одному в крупном городе. Их обеспечили крупными субсидиями, хорошим жилищем, всем, кроме свободы передвижения и общения. За каждым велось непрерывное наблюдение и не только при помощи джоймейкеров. Трансляторы, вживленные в нервную систему, постоянно поддерживали связь с центральной компьютерной сетью. В любую секунду можно было определить точное местонахождение каждого из них. Для них установили запретные зоны: ракетодромы, атомные электростанции и дюжина других подобных объектов. В случае неподчинения им» посылалось предупреждение. Если это не давало результатов, то в их нервную систему посылался болевой импульс. А если и это не помогало или транслятор терял связь с компьютерной сетью, они уничтожались. Трое чужаков уже погибло по этим причинам.

Раздался мелодичный сигнал. На видеостене замелькали изображения, и Форрестер лицом к лицу встретился со своим боссом.

Он внимательно разглядывал изображение. Возможно, это тот самый сирианин. Но теперь он рассматривал его дюжиной маленьких глаз, расположенных вокруг шеи. Сирианин сказал:

— Ваше имя, — голос звучал глухо и без акцента, — Чарльз Дэлглиш Форрестер, и вы работаете на меня и называете меня Эс-Четыре.

Голос напоминал речитатив робота. Джоймейкер работал лучше..

— Хорошо, Эс-Четыре, — сказал Форрестер.

— Вы расскажите мне о себе.

Это было понятно и закономерно.

— Хорошо, Эс-Четыре. С чего я должен начать?

— Вы расскажите мне о себе.

Щупальца медленно извивались, глаза мигали, словно лампочки на компьютере. Он допустил ошибку с голосом,

подумалось Форрестеру. Он напоминал дубляж фильма на последнем просмотре… словно вернулись иностранные фильмы и последние просмотры…

— Хорошо, — сказал Форрестер задумчиво. — Я начну с момента своего рождения. Это было девятнадцатого марта 1932 года. Мой отец, архитектор, был тогда безработным. Позже он контролировал работу над проектом для ВПА. Моя мать…

— Ты расскажи про ВПА, — прервал его сирианин.

— Это государственное агентство, предназначенное для решения вопросов безработицы во время депрессии. Понимаешь, в те годы циклические колебания в экономике…

— Мне не нужны лекции, — снова прервал сирианин. — Объясни сущность букв ВПА и их функции.

Растерянно Форрестер попытался объяснить сущность и задачи программы. Но нужны были только конкретные факты. Сирианина не интересовали экскурсы Форрестера в экономическую теорию. Возможно, у него были собственные и получше. Но его явно заинтересовали несколько шуток от ВПА, вроде уборки мусора, когда один из сотрудников упал, из-за того, что товарищ выбил у него швабру из-под локтя. Сирианин бесстрастно слушал Форрестера. Но когда тот дошел до школьного выпускного бала прервал его, сказав:

— Вы расскажете мне это в другое время, — после чего исчез.

Форрестер получил огромное удовольствие. Раньше он никогда не разговаривал с сирианином.

Несмотря на романтический восторг детей, Эдна не одобрила поступок Форрестера. Категорически.

— Дорогой Чарльз, — патетически сказала она, — они же враги. Люди могут сказать, что ты поступаешь плохо.

— Если они представляют опасность, то почему они не в концентрационном лагере?

— Чарльз! Ты снова поступаешь, как камикадзе!

— Или почему нет закона, запрещающего на них работать?

Она отломила кусочек, напоминающий засахаренную орхидею, и с нежностью посмотрела на Форрестера.

— Чарльз! Человеческое общество это не только законы. Ты должен помнить о принципах. Есть стандарты хорошего и плохого, и цивилизованные люди им следуют.

Форрестер проворчал:

— Да, понятно. Хорошо, когда на меня нападают. Плохо, когда я пытаюсь защищаться.

— Чарльз, камикадзе! Я только хотела объяснить, что тот же Тайко платил бы тебе не меньше сирианина. Но эта работа была бы важна для общества…

— Потный Тайко! — выругался Форрестер, вызывая смех у Эдны. — Я сам во всем разберусь!

Эдна дружески выпроводила его, сославшись на важную встречу. Он не задавал вопросов, плохо понимая, над чем она работает. Он не стал расспрашивать ее о кровлинге и не напомнил предложение о выборе имени. Он был доволен, что сама она об этом не вспомнила.

К тому же он хотел побольше поговорить с детьми.

Они помогли ему узнать о сирианине больше, чем сирианин мог узнать о Форрестере. Дети буквально забросали его информацией. Было нетрудно получить полное представление. Но существенных фактов было мало. Так, все пленники были одного пола. Ученые до сих пор вели жаркие дискуссии, пытаясь выяснить, какой же это пол. Неизвестна была структура и устройство семьи. Но, по всей видимости, сирианина на Земле этот вопрос никак не беспокоил, во всяком случае внешне. Форрестер недовольно дослушал информацию, так как ему показалось, что некоторые факты опущены. Он сказал:

— Вы утверждаете, что единственный контакт закончился убийством и больше никаких попыток не было?

— Нет, Чарльз! — снисходительно заметил мальчик. — Мы дистанционно исследовали их родную планету. Но это опасно, если верить официальным сообщениям. Такие попытки прекратили. Но я бы их продолжил.

— Как и в хромосфере Мира Цети, — оживленно добавила девочка.

— Что?

Мальчик усмехнулся.

— Да. Это было весело. Это было экзаменационное путешествие в нашем классе.

— Пот! — возбужденно крикнула девочка. — Было бы хорошо, если бы Форрестер попутешествовал с нами. Ему бы это понравилось!

Но Форрестер не хотел ничего обещать. Он неуверенно сказал:

— Да, разумеется. Но сейчас у меня мало времени. Но может мне и удастся выкроить часок…

— Пот, Чарльз, — нетерпеливо сказал мальчик, — это совсем не займет времени. Ты же не отправишься в космос. Это модель.

— Но все очень натурально, — добавила девочка.

— Все записано на пленку, — пояснил мальчик покровительственно.

— Запускай, — возбужденно попросила девочка. — Пожалуйста, Тант, ты ведь обещал!

Мальчик пожал плечами и хитро скосил Глаза на Форрестера. Затем взял детский джоймейкер и нажал кнопку на приборной доске.

Детская комната исчезла. Их окружила серая раскаленная стена. Это было очень правдоподобно.

Форрестер и дети находились на мостике космического корабля. Игрушки исчезли, появились блестящие металлом приборы и странного вида механизмы. Через кристаллические иллюминаторы была видна звездная хромосфера.

Форрестер инстинктивно отпрянул от жара звезды, но вскоре успокоился. Это всего лишь иллюзия. Но очень правдоподобная.

— Боже! — воскликнул он. — Но как все это делается?

— Пот, я не знаю, — поморщился мальчик. — Это девятифазный уровень. Спроси свой джоймейкер.

— Эй, машина! Что это такое?

Голос джоймейкера был спокоен.

— Феномен, изучаемый вами, Человек Форрестер, это световая проекция вибрационной занавеси. Интерференция продуцирует виртуальное изображение на поверхности оптической сферы, в геометрическом центре которой находитесь вы с компаньонами. Наблюдаемая вами модель — это отредактированное и упрощенное изображение сканирования сирианским кораблем атмосферы звезды…

— Хватит! — вмешался Форрестер. — Мне больше нравятся ответы детей.

Но мальчик строго сказал:

— Приготовься, Чарльз. Сейчас стартуем. Смотри, сирианский термоустойчивый разведывательный корабль, сейчас мы его перехватим.

Резкий голос прохрипел:

— Буксировщик «Джиммел»! У соседнего корабля неполадки. Приготовьтесь к стыковке и эвакуации!

— Да! — закричал мальчик. — Начинай поисковую процедуру, Тант. Веди наблюдение, Чарльз!

Его руки замелькали над клавиатурой, которая появилась всего мгновение назад. Действовал он оперативно, и когда активизировал контур, то корабль начал производить маневры. После разворота воображаемый корабль пронзил фонтаны горящего газа.

Форрестер восхищался совершенством иллюзии. Здесь все, кроме тепла и движений, было выполнено безупречно. Он почти чувствовал движение корабля, подчинявшегося легким прикосновениям к клавишам.

Очевидно, они являлись частью эскадры, участвовавшей в

авантюрной, беспорядочной миссии. Форрестер не видел ничего похожего на сириан. Только похожие на змей клубы газа, сквозь который они продирались. Но он ощущал присутствие иллюзорных кораблей вокруг. Динамик доносил команды, переговоры между «кораблями» и прочие звуки. Панель показывала их положение, высоту и траекторию полета в атомарных газах раскаленного океана пламени Мира Цети.

Форрестер спросил:

— Тант! Что я должен делать дальше?

— Смотри глазами! — прошипел мальчик, все внимание которого занимал пульт управления. — Не мешай мне, человек!

Но его сестра крикнула:

— Я вижу! Я вижу, Тант! Посмотри туда!

— О, пот, — простонал он. — Когда ты научишься правильно докладывать?

Она сдержалась.

— Цель обнаружена. Вектор семь, кажется. Наклонение… мгм… небольшое.

— Приготовиться к стыковке, — скомандовал мальчик.

Из-за фонтана красного пламени показалось и вновь исчезло червеобразное тело корабля. Струи огня раскачивали их буксировщик. Черная металлическая обшивка, порталы иллюминаторов, черная корма, где сопла выбрасывали черный шлейф в ослепительно яркую хромосферу. Двигатели смолкли, и голос прохрипел:

— Поторопитесь, «Джиммел»! Мы долго не продержимся!

Они приблизились к отбившемуся «кораблю». Струи раскаленного газа раскачивали их буксировщик. Форрестер остолбенел. Беспомощно застыл искалеченный «корабль». Но за ним сквозь хромосферу, затмевая вспышки радиации, надвигалось нечто страшное, враждебное…

— Боже! — закричал он. — Это сириане!

И тут изображение задрожало и исчезло.

Они вернулись в детскую комнату. На мгновение Форрестер ослеп, но затем его усталые оптические центры начали восстанавливаться. Он увидел видеостену, обстановку, знакомые детские лица. Экспедиция закончилась.

— Весело? — спросила девочка, радостно подпрыгивая. — Правда, Чарльз? Правда, весело?

Но ее брат с отвращением считывал результаты.

— Тант! — прошипел он. — Ты бы лучше помолчала! Неужели ты не видишь? Мы опоздали. Из экипажа в три человека двое погибло… а мы так и не настигли сириан. Из-за него.

— Извини, Тант, в следующий раз я буду смотреть лучше, —

сказала покаянно девочка.

— Это не из-за тебя, — он посмотрел на Форрестера и с горечью сказал: — Нормативы установлены для трех человек. Будто он мог помочь.

Задумчиво Форрестер взял джоймейкер, выбрал кнопку, приставил отверстием к точке под ухом и включил. Он не был уверен в том, что выбрал подходящую для данного случая смесь, но надеялся, что получит спокойствие, счастье и уверенность. Вместо этого он получил дозу эйфорика, но сейчас годилось и это.

Он робко сказал:

— Извините, что я вам помешал.

— Твоей вины нет. Просто нам было лучше не брать тебя с собой.

— Но я так и не увидела сириан, — грустно заметила девочка.

— Я думаю, что видел. Большой блестящий корабль? Двигавшийся на нас?

Мальчик оживился.

— Серьезно? Может быть, все не так уж и плохо. Ты слышал монитор?

Он слушал обучающую машину, косясь на Форрестера, и улыбнулся, когда утих металлический голос.

— Мы получили условное разрешение, — счастливо сказал мальчик. — Продолжим на следующей неделе, Тант. На результат.

— Прекрасно!

Форрестер, покашливая, прочистил горло.

— Теперь вы расскажете мне о своих занятиях? — спросил он.

Голос мальчика приобрел наставительный оттенок:

— Это была имитация экспедиции к сирианской исследовательской партии в хромосфере Мира Цети. Я думал, что ты об этом знал. Основано на реальных наблюдениях, но вариационно смещено в направлении конфликта между кораблями.

— Ну…

Мальчик озадаченно посмотрел на него и добавил:

— Понимаешь, Чарльз, мы получаем оценки в этих имитациях. Но все было в порядке. Ты нас не подвел.

— Понятно. — Форрестеру пришла в голову новая Идея. Конечно, спокойствие — результат действия струи джоймейкера, но… — Не могли бы вы показать мне что-нибудь другое о сирианах? Чтобы я мог рассмотреть получше. Вроде первого контакта?

— Нет. — Мальчик посмотрел на сестру. — Это вина Тант, разумеется. Она плакала, когда убивали сириан. Теперь мы должны немного подрасти, чтобы снова это посмотреть.

Девочка наклонила голову.

— Я тогда огорчилась, — сказала она виновато. — Но, Чарльз, — мы можем показать тебе что-нибудь другое. Хочешь увидеть кокосовый орех на Дуне?

— Что?

— О, пот. Смотри. — Мальчик задумчиво почесал ухо и что-то сказал детскому джоймейкеру. Видеостена снова затуманилась.

— Предположительно это артефакт, похожий на тот, что разыскивали сириане в Мире Цети, — сказал он, оглядываясь и манипулируя с обучающей машиной. — Мы, к сожалению, о нем мало знаем. Он не сирианский. Он не наш. Никто о нем толком ничего не знает, но их много. И сириане тоже о них ничего не знают. Они древние. И этот самый ближний.

Видеостена показала обратную сторону Луны. Они увидели терминатор, который разделял хрустальные пики между кратерами и черноту лунной ночи. Они увидели котловину в кратере, в которой передвигались какие-то фигуры.

— Это запись, — сказал мальчик. — Без эффекта присутствия. Можно смотреть ее сколько хочешь.

Они увидели в кратере купола. Наверное, это были лаборатории или жилища ученых, изучавших «артефакт», расположенный в центре экрана… или тех, кто пытался изучать его раньше.

С первого взгляда предмет напоминал кокосовый орех. Но можно было сравнить его и с чем-нибудь другим.

Больше всего он напоминал волосатое яйцо. Повисшие усики были явно не органическими. Во всяком случае, так показалось Форрестеру. Они напоминали стекло своей яркостью, зеркальностью и рефракцией в солнечном свете, разноцветный фонтан. Размером лежавший на скале объект был с локомотив.

— Он пуст, — сказала девочка. — Так же, как и все остальные.

— Но кто они такие?

Девочка хихикнула.

— Если узнаешь, то расскажи нам. Мы сразу получим двенадцатую фазу.

Но мальчик мягко добавил:

— Ты знаешь теперь о них столько же, сколько и все остальные.

— Но сириане…

— Нет, Чарльз. Сириане появились позже. А этой вещи не менее двух гигалет. — Он погасил экран и радостно сказал: — Чтобы ты еще хотел узнать?

Но сделать ничего не смог. У Форрестера было слишком много вопросов. Сейчас он понял, какими ничтожно малыми были его знания.

Странно, что до этого он не задумывался о том, как много происходит событий за то время, пока человек спит в гелиевой ванне Западного Филиала. Ему нравились журнальные истории: переворачиваешь страницу — и сразу прошло десять лет, и у тебя возникает уверенность, что прошедшие годы не имеют никакой ценности. Ведь если бы это было не так, то автор постарался бы их описать.

Но прошло гораздо больше десяти лет. И эти годы были важны. И нет автора, который бы их описал.

Глава 10

Был всего лишь третий день его работы и шестой после пробуждения, а Форрестеру казалось, что прошло миллион дней.

Но он учился. Да, внушал он себе, хоть как-то, но он справлялся с домашним заданием. И пройдет не так много времени, когда он найдет ответы на множество вопросов и займет подобающее место в Обществе Вольных Каменщиков.

Между тем работать на сирианина было вовсе не неприятно. Социального недовольства вроде того, что высказала Эдна в первый день, больше не было. Он с ней не виделся, так как Эдна была слишком занята. Сирианин разрешил Форрестеру считать его особой мужского пола, хотя и не отрицал возможности других вариантов, не вдаваясь в подробности. Форрестер не мог ответить на множество его вопросов, но сирианин был терпелив и давал ему время на обдумывание. Ориентация вопросов, к удивлению, касалась только прошлого. Он даже не пытался как-то объяснить свою заинтересованность. По всей видимости, он считал, что настоящее время есть результат развития предыдущего. И, узнавая прошлое, сирианин пытался понять настоящее.

Форрестеру казалось, что в качестве пленного на незнакомой планете в окружении врагов лучше было бы интересоваться вооружением и стратегической обороной. Но он не был сирианином и не мог представить, что у того на уме. У него не было способностей, чтобы понять. Поэтому он и отвечал на вопросы о рекламных агентствах Мэдисон-авеню и футбольной лихорадке. Тем не менее он каждый день звонил в банк, проверяя состояние своего счета.

Наконец Форрестер понял, что деньги остаются деньгами. На его четверть миллиона долларов тоже можно было жить, хотя и плохо. Эти деньги дали бы ему множество развлечений, в двадцатом веке, но сейчас они давали только минимум. Это вовсе не означало, что доллар обесценился. Возрос жизненный стандарт.

Множество вещей все еще можно было купить за доллар… и Форрестер этим старательно занимался.

Как он понял, можно было прожить и на четверть миллиона долларов, но только в 1969 году или, сохранив потребности 1969 года. Без слуг-роботов. Без медицины: замораживания и сопутствующих этому орган-банков протезирования, антиэнтропийных химических микстур и так далее. И он не должен потреблять натуральные продукты, путешествовать, покупать электронные аппараты… Короче, если вести жизнь

крестьянина двадцатого века, то можно было бы выкрутиться.

Но не сейчас. Только не сейчас. У него осталось только пятьдесят тысяч в Девятнадцатом Хроматическом и та ежедневная плата, которую ему перечислял сирианин.

Этого хватило бы только на оплату пользования джоймейкером в течение пары недель. И это было все.

Но Форрестер смирился с ситуацией. Он ни о чем не беспокоился. Он не мог обанкротиться, ведь сейчас он получил работу и зарабатывал такую кучу денег, о которой раньше не мог и мечтать. Но его беспокоила мысль о шутке, о тех людях, которые хорошо посмеялись над ним и его четвертью миллиона долларов. И больше всего ему не нравилось, что в этой шутке поучаствовала и Эдна.

Неопределенно, как предрассветные блики в пустыне, он надеялся на то время, когда Эдна займет в его жизни важное место.

Но она уже важна для него, подумал он с иронией. Во всяком случае, она единственный претендент. И в который уже раз он думал о ее предложении выбора имени… И, черт побери, могла же она ему позвонить?

Но то что важно для него, вполне возможно не интерес сует остальных. Сейчас он только учился жизни. Ждал, работал, учился. Вот что было важно для него.

Главное, чему Форрестер научился, это скромности.

Форрестер еще не знал, что вступил на путь, ведущий его к роли самого важного человека в мире.

Форрестера озадачило то, что сирианин выражал явные признаки озабоченности. Он даже спросил об этом джоймейкера.

— Не можете ли вы уточнить вопрос, Человек Форрестер? Что именно в поведении Алфарда Четыре Зеро — Зеро вам непонятно?

— Ты можешь называть его просто сирианином? Похоже, он сильно изменил манеру разговора.

— Возможно, дело в моем переводе, Человек Форрестер. Сирианский язык относится к квази-Булин. Я делаю возможную апроксимацию и приближаю перевод к нормам английского языка двадцатого века, но если вы желаете, то возможен дословный пересказ или…

— Нет, здесь что-то другое. Он словно что-то пытается от меня скрыть.

Последовала пауза секунду или две. Форрестер уже достаточно знал, чтобы понять: такая задержка компьютера объяснялась неординарностью поставленной задачи, проблема для него была слишком сложной. Джоймейкер спросил:

— Можете ли вы привести пример, Человек Форрестер?

— Нет. Но он проделывал странные штуки. Имеет ли он право меня гипнотизировать?

После новой паузы джоймейкер сказал:

— Не могу ответить, Человек Форрестер. Но вы должны быть осторожней.

Форрестер и сам это понял. Но сейчас он был в замешательстве.

Сирианин больше не пытался гипнотизировать Форрестера — «чтобы выяснить кое-что из прошлого и проверить старые психологические травмы», — но его по-прежнему было трудно понять. Это можно было назвать курьезом. То он начинал расспрашивать о двадцатом веке и тут же переходил к арианоатазианским войнам родной планеты. Причиной этих войн было различное понимание двух слов, что казалось Форрестеру довольно странным. Или просил о том, чтобы Форрестер прогулялся по Шогго, транслируя свою прогулку через джоймейкер. Или требовал объяснить позицию Форрестера относительно строительства новых станций в районе Сатурна. Одно слово «курьез».

В то же время сирианина все меньше интересовал сам Форрестер. Все чаще он требовал рассказать о так называемых компатриотах Земли.

— Объясните основные законы института брака?

И Форрестер игриво пытался объяснить неотвратимость сексуальных влечений и их последствия, которые послужили введению института — брака.

— А торговые скидки? — раздался гулкий пустотелый голос.

И Форрестер пытался объяснить механизм торговли в супермаркетах.

— Нарушали ли вы законодательные принудительные программы? — спросил сирианин, и это было совершенно не к месту.

В этот день их собеседование длилось очень долго. Форрестер так и не смог объяснить принципы личной этики, которыми руководствовались в своей жизни люди.

Он сочувствовал сирианину и поэтому старательно работал над домашними заданиями.

Но он не забрасывал и свои дела. Он приказал джоймейкеру показать результаты дистанционных исследований сирианской планеты.

Он думал, что сириане — это бумажные тигры, но у них оказались мощные клыки. Окруженная космическими крепостями, обладая верткими, похожими на ос, кораблями,

сирианская система имела мощную оборону. Там было около дюжины планет, две из которых располагались на троянских орбитах возле Сириуса Б, а остальные вращались вокруг большой белой звезды. Все они были населены. И защищены.

Земным зондам удалось наблюдать военные учения. Сириане вели свои военные игры весьма серьезно. На сокращенной и смонтированной записи можно было увидеть гибель техники и живых существ, что объяснялось, наверное, воинственностью сириан. Сотни больших кораблей были повреждены, часть полностью уничтожена. Флотилии сцепились возле ледяного спутника одной из планет… И спутник был уничтожен прямо на глазах у Форрестера.

На этом пленка кончилась. Очевидно, наблюдатели сами прекратили съемку из опасения, что это привлечет к зондам внимание сириан.

Форрестер больше не приглашал сирианина в гости.

На пятый день своей новой жизни кровать бесцеремонно разбудила Форрестера. Он заказал дешевый завтрак (который оказался вкуснее, чем его прежние деликатесы), прослушал сообщения и начал работать.

Гордясь своими новыми способностями, он дал указание джоймейкеру выбрать и оформить маршрут к хранилищам Американского Архивного Института. Зеленые светящиеся стрелки показывали ему дорогу. Он открыл двери разновидности лифта (который мог передвигаться не только по вертикали, но и горизонтально) и перебрался в соседнее здание. Форрестер пересек фойе, наполненное гулом работающих машин, и оказался в архивном помещении, где хранились заинтересовавшие сирианина документы.

Из джоймейкера раздался голос:

— Дайте мне информацию относительно термина «космическая экспансия».

Форрестер оторвался от просмотра старого микрофильма.

— Привет, сирианин Четыре, — сказал он. — Сейчас я просматриваю историю Общества Неда Луда, о котором ты меня спрашивал. Это интересно. Когда-то они ломали компьютеры и…

— Ты прекращаешь исследование Общества Неда Луда и объясняешь мотивы соперничества двух регионов этой планеты в попытке достичь Луны.

— Хорошо. Минуту. Дай мне закончить просмотр.

Ответа не было. Форрестер пожал плечами и вернулся к проектору. В начале своей деятельности луддиты были настроены очень серьезно: если Тайко кривлялся и уговаривал, то его предшественники вели целую кампанию. Они уничтожали

компьютеры с воинственным криком:

— Человеку — человеческую работу! Машины в бухгалтерию!

Пока он читал, то забыл о запросе сирианина. Вдруг…

— Человек Форрестер! — заорал джоймейкер. — Получено два срочных сообщения о намерениях относительно вас!

Это был голос компьютерного центра, а не сирианина. Форрестер застонал:

— Неужели снова!

— Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор…

— Я догадался, — пробормотал Форрестер.

— …заявляет, что восстановил охотничью лицензию. Вы оповещены, Человек Форрестер, пожалуйста, действуйте правильно.

— Да. Да! Что там у нас еще?

— Человек Форрестер, от Алфарда Четыре Зеро — Зеро Тримейта, — сказал джоймейкер и добавил: — Вы называете его Эс-Четыре. Уведомление о прекращении найма. Гарантии соблюдены, уведомление оплачено. Причина: отказ от приемлемого требования нанимателя исследовать вопрос соперничества США и СССР в космических исследованиях.

Форрестер запротестовал:

— Минуту! Это похоже… думаю… бред! Я уволен!

— Человек Форрестер, — сказал джоймейкер, — верно. Вы уволены.

…Испытав шок, Форрестер не испытывал особого сожаления, несмотря на чувство обиды. Он не сомневался в том, что хорошо справлялся со своей работой. Учитывая ее характер. Учитывая особенности нанимателя.

Нужно сказать, что труд имел определенные недостатки, включая выпады Эдны и реакцию ребятишек по поводу работы на врага. С легким сердцем Форрестер забыл о сирианине и информировал джоймейкера о желании найти новую работу.

Получить ее было довольно легко: дублирование наблюдений монитора за уровнем радиации энергостанции под озером Мичиган. Оплата была высока, а работа — на удивление легкой.

Не прошло и двадцати четырех часов, как Форрестер сделал потрясающее открытие. Уровень премиальных зависел от количества выбросов жесткой радиации, которые случались через неравномерные промежутки времени. Его предшественник по работе (так же как и все остальные) сейчас существовал в виде ледяного блока в дроме, ожидая открытия способа вывода радиации из пораженных клеток. Джоймейкер откровенно информировал, что период такого ожидания может продлиться как минимум две тысячи лет.

Форрестер взвился.

— Спасибо! — рявкнул он. — Я увольняюсь! Какого черта здесь вообще должны работать люди?

— На случай кибернетических неполадок, — ответила машина, — органический наблюдатель сохраняет потенциал голосовой связи с центральным компьютером, предусматривая аварийное реагирование…

— Это всего лишь риторический вопрос. Можешь о нем забыть. Скажи, — сказал Форрестер, нажимая кнопку лифта, доставлявшего его к платформе на поверхности озера. Платформа должна была доставить его домой. — Почему ты не предупредил меня, что эта работа может убить?

— Человек Форрестер, — ответила машина. — Вы об этом не спрашивали. Извините, Человек Форрестер, но вы вызвали лифт. Вы должны выполнять свои обязанности еще три часа. Вы не должны оставлять станцию без присмотра.

— Согласен. Но все равно ухожу.

— Человек Форрестер! Я должен предупредить вас…

— Взгляни. На этой табличке написано, что установка функционирует сто восемьдесят лет. Я уверен, что за это время контрольные установки ни разу не отказали. Верно?

— Вы правы, Человек Форрестер. Тем не менее…

— Не морочь мне голову. Я ухожу. — Дверь лифта открылась, он зашел, и створки за ним захлопнулись.

— Человек Форрестер! Вы создаете угрожающую обстановку…

— Замолкни. Опасности нет. Самое плохое, что может произойти, — это кратковременный перерыв в работе. А энергия будет поступать в город от других генераторов, верно?

— Да, Человек Форрестер, но опасность…

— Ты много разговариваешь. Хватит, — сказал Форрестер. — Да, чуть не забыл, найди мне другую работу.

Но джоймейкер ничего не сделал.

Прошло время, и ничего не изменилось. Он даже с ним не разговаривал. Вернувшись в комнату, Форрестер спросил у джоймейкера:

— Объясни, в чем дело? У компьютеров нет человеческих эмоций, верно? Если я тебя чем-нибудь обидел, то прошу прощения.

Но тот не ответил. Джоймейкер отказывался разговаривать. Видеостена не работала. Ужин, который он заказал, тоже не появился.

Комната умерла.

Форрестер, плюнув на гордость, отправился к Эдне Бенсен.

Дома ее не было, но дети пригласили его в квартиру. Он сказал:

— Дети, у меня проблема. Кажется, я что-то испортил в своем джоймейкере.

Они смущенно на него посмотрели. Спустя мгновение Форрестер понял, что опять сделал что-то не так.

— Что такое, Тант? У вас опять заседание клуба? Что скажешь, Мим?

Они весело рассмеялись. Форрестер рассерженно, сказал:

— Хорошо. Я пришел сюда не посмеяться, но, может, вы мне объясните соль шутки?

— Ты назвал меня Тант! — продолжал смеяться мальчик.

Сестра хихикала вместе с ним.

— И это еще не все, Тант! Он назвал меня Мим! Чарльз, неужели ты ничего не знаешь?

— Я знаю, что у меня неприятности, — сухо ответил Форрестер. — У меня не работает джоймейкер.

Они вытаращили глаза и раскрыли рты от удивления.

— О Чарльз! — Очевидно, масштабы катастрофы пробили брешь в их защите. Они отложили в сторону все свои дела и уделили внимание Форрестеру.

Он нерешительно сказал:

— Я хочу узнать, в чем причина поломки?

— Определим! — закричала Мим. — Быстрее, Тант! Бедный Чарльз! — Она смотрела на него с ужасом и состраданием, как на прокаженного.

Мальчик имел кое-какие практические навыки, во всяком случае, достаточные, чтобы найти ошибку Форрестера. Через обучающую машину он связался с центральным компьютером, широко раскрыв глаза, выслушал ответ и повернулся к Форрестеру.

— Чарльз! Большой пот! Ты без разрешения бросил работу!

— Да, было дело, — сознался Форрестер. И нарушая тишину, добавил: — Я сделал ошибку? Наверное, я сделал глупость, что так поторопился.

— Поторопился?

— Сглупил, — уточнил Форрестер. — Прошу прощения.

— Прощения!

— Если ты будешь все за мной повторять, — заметил Форрестор, — то я могу сойти с ума, но вы ведь хотели мне помочь. Я глупец. Хорошо. Я это признаю.

Мальчик сказал:

— Да, Чарльз, но ты, наверное, не знаешь, что потерял всю оплату? У тебя совсем ничего не осталось. Может быть, немного бонов для оплаты замораживания, но на счету пусто. И вот… —

Мальчик замялся, тщательно подбирая слова. — Ты разорен, — прошептал он.

Форрестер раньше слышал слова и похуже, но сейчас не мог опомниться. Разорен? В годы изобилия и безостановочного потребления? Словно наступила смерть. Он отрешенно откинулся в кресле, и девочка предусмотрительно заказала выпивку. Форрестер с благодарностью отпил и стал ждать результатов.

Напрасно. Разумеется, это было лучшее из того, что могла заказать девочка через детский джоймейкер. Но спиртного здесь было не больше, чем в лимонаде.

Он поставил бокал и сказал:

— Я понял все это так. У меня отключили джоймейкер из-за отсутствия оплаты. Верно?

— Да, можно сказать и так.

— Отлично, — кивнул Форрестер. — Первое, что я должен сделать, это восстановить кредитную карточку. То есть заработать побольше денег.

— Правильно, Чарльз! — закричала девочка. — Это решит всё проблемы!

— Но как мне это сделать?

Дети беспомощно переглянулись.

— Так что я должен сделать?

— Как что, Чарльз? Пот, это так просто! Найди тебе работу.

— Но джоймейкер не хочет мне в этом помочь.

— Пот! — мальчик задумчиво повертел свой джоймейкер в руках и положил его обратно. — Это плохо. Может, когда вернется Мим, то она тебе поможет.

— Правда? Ты действительно думаешь, что поможет?

— О, нет. То есть я не знаю.

— Так что мне делать?

Мальчик выглядел озадаченным и слегка напуганным. Форрестер был уверен, что и сам выглядит не лучше. Самочувствие у него было не очень хорошее.

Разумеется, думал он, Хара может ему помочь, благо опыт у того имелся. Или Тайко, проявив спортивное благородство, снова пригласит его поработать на луддитов.

Но он не питал особых надежд относительно этих двух возможностей.

Девочка, подумав и даже не посмотрев на Форрестера, начала разговаривать с джоймейкером. Вернулась к прерванной игре, с горечью подумалось ему. Он знал, что несправедлив к ним. Они всего лишь дети, и не могут решить все его проблемы. Неожиданно мальчик сказал:

— Еще кое-что, Чарльз. Мим сказала, что Хайнзи снова тобой

занялся.

— Как будто это мне неизвестно.

Но это не имело такого значения, как надвигавшаяся угроза нищеты.

— Я смотрю, у тебя новые проблемы, — сказал мальчик. — Твой джоймейкер не работает и не может тебя предупреждать. Возможно, ты не все знаешь о реанимации. Если у тебя нет кредита, то тебя не заморозят в случае смерти. Понимаешь? Но у тебя есть шанс аннулировать боны. Тогда Хайнзи, опротестовывая выплаты, будет иметь неприятности. Я думаю, они не захотят иметь на руках неплатежеспособный труп.

— Я сочувствую их трудностям.

— Я думал, что тебе будет интересно об этом узнать.

— Ты прав, — Форрестер отвел взгляд. — Мим, или как там твое имя. Ты! Что ты делаешь?

Девочка оторвалась от джоймейкера, покраснев от возбуждения.

— Это ты мне, Чарльз?

— Да. Я слышал, ты вроде упоминала мое имя?

— Разумеется, Чарльз. Я предложила, чтобы ты стал членом нашего клуба. Помнишь, мы тебе о нем рассказывали?

— Прекрасно, — горестно вздохнул Форрестер. — А столовая там имеется?

— Это не тот клуб, Чарльз. Ты не понял. Клуб поможет тебе. Уже поступили кое-какие предложения.

Он скептически улыбнулся.

— И в чем будет заключаться помощь?

— Пот, да! Послушай. Таре Таркас сказал: «Пусть он посетит мертвые моря и древние города. Пусть встретится с призраками старого Джесума».

Форрестер устало попытался сообразить.

— Это абсолютная чепуха, — наконец сказал он.

— Разумеется, нет! Это так же ясно, как щупальца кокоса на обратной стороне Луны, помнишь, ты их видел? Он думает, что ты должен спрятаться среди Забытых Людей!

Глава 11

Подземные площади и тоннели, где жили Забытые Люди, находились в десяти минутах ходьбы. Но Форрестер потратил времени значительно больше, так как не мог рассчитывать на помощь джоймейкера и не видел указательных зеленых стрелок. Он осторожно пересек улицу, с трудом увернувшись от ховеркрафта. Теперь позаботиться о себе мог только он сам. Он подошел к стоэтажной башне, из которой навстречу ему вышел человек. Его лицо показалось Форрестеру знакомым.

— Незнакомец, — просительно сказал мужчина. — У меня было поганое житье. Это началось с закрытия шахт и болезни моей жены Мэри…

— Дружок, — сказал Форрестер. — Ты обратился не по адресу.

Мужчина отодвинулся и смерил его взглядом. Сам он был высокий, тощий и темнокожий. Лицо у него было терпеливое и интеллигентное.

— Не тебя ли я так подловил, когда ты шлялся здесь с двумя молокососами? — обвиняюще сказал он. — Похоже, подкинул мне тогда с полсотни баксов.

— У тебя хорошая память. Но тогда у меня были деньги, а сейчас я банкрот. — Форрестер окинул взглядом окружающие дома и скверы. — Я был бы вам весьма обязан, если бы вы подсказали мне, где можно переночевать.

Мужчина подозрительно осмотрелся, пытаясь обнаружить ловушку. Затем улыбнулся и протянул руку.

— Добро побаловать в наш клуб, — сказал он. — Меня зовут Витлоу. Джерри Витлоу. Что случилось?

— Меня уволили, — без увиливаний ответил Форрестер, затем представился.

— Это может с каждым случиться, — посочувствовал Витлоу. — Я вижу, что ты без джоймейкера, но как-то сразу не сообразил. Подумал, что новичок мог его просто забыть. Но ты должен побыстрее раздобыть себе эту штуковину.

— Почему?

— Почему? Пот, человече! Ты хочешь поработать дичью для охотников? Они приезжают сюда, осматриваются, замечают человека без машинки… черт, это будет твой последний денек. — Он снял джоймейкер (или что-то похожее на джоймейкер) и гордо его протянул. — Фальшивый, видишь? Но очень похож на настоящий. Кого хочешь одурачит. Спорим, ты тоже не разобрался.

Действительно, это было так. На когда Форрестер начал его разглядывать поближе, то сразу понял, что здесь что-то не так. Штука была полегче джоймейкера, наверное, сделана из пластмассы и была очень правдоподобно раскрашена.

— Разумеется, не работает, — улыбнулся Витлоу. — Но он имеет преимущество, за него не надо платить! И никто тебя не трогает. Но без него тебя быстро пристукнет какой-нибудь извращенец.

Он взял пульт из рук Форрестера и оценивающе его осмотрел.

— Ты должен достать себе такой же. И, черт побери, тебе жутко повезло. В двух домах отсюда живет человек, который их изготавливает и продает. Мой друг. Спорим, он тебе его уступит за… черт… меньше, чем за сотню. — У Форрестера отвалилась челюсть от изумления. — Даже за восемьдесят!.. Семьдесят пять?

— Вит, — честно признался Форрестер. — У меня нет и дайма.

— Пот! — Витлоу был поражен. Затем пожал плечами. — Вот черт, нельзя, чтобы тебя шлепнули за паршивые пятнадцать баксов. Придется тебе помочь.

— Пятнадцать?

Витлоу улыбнулся.

— Остальные комиссионные. Отдашь мне их потом, парень. Тебе нужно иметь здесь знакомства!

Забытые Люди ютились на помойках большого мира. Но как показалось Форрестеру, они не слишком бедствовали. Джерри Витлоу, по крайней мере, не голодал. Его одежда была чистой, манеры не так уж плохи. Возможно, мне тоже здесь понравится, если поживу подольше, подумалось Форрестеру…

Витлоу был первоклассным учителем, но болтал он без перерыва. Он провел Форрестера через подземные лабиринты и мосты, о существовании которых Форрестер даже не подозревал, и все время беспрерывно болтал. В основном он рассказывал различные случаи из своей жизни.

— …и вот выгнали меня из шахты. И остался я, Чак, без работы. А у меня семья. Кое-как сводили концы с концами, пока не заболела Мэри и не пришлось обратиться в агентство. Они отправили меня на учебные курсы и закидали тестами. Поверишь, Чак, у меня даже голова разболелась. Затем вернулся в школу и…

Он остановился и осторожно взглянул вверх. Они находились между двумя зданиями под крохотным квадратом чистого неба. Он схватил Форрестера и потащил в подвал, где находился магазинчик производителя джоймейкеров.

— Смотри в оба! — прошептал он свирепо. — Они поджидают наверху!

Форрестер ничего не понял, но оценил важность происходящего по интонации Витлоу. Он побежал в одну сторону, а Витлоу в другую. Магазинчик располагался в небольшом тупичке огромного комплекса, в лабиринтах которого могла затеряться даже космическая эскадра.

Низенький мужчина, продававший джоймейкеры, занимал три комнаты на разных уровнях. Каждая комната имела тоннель шириной в четыре фута. В один из таких тоннелей и побежал Витлоу. Форрестер последовал за ним. Было темно. Потолок был низко. Форрестеру все время приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой. Наконец темнота и ямы его остановили. Он присел на жесткий каменный пол.

Он не знал, зачем бежит, но Витлоу заразил его своим страхом. Он пробудил сотню старых ужасов. До этого момента Форрестер не вспоминал свое избиение в первый день после размораживания. Но сейчас каждая ссадина напоминала о себе. Его бока судорожно подергивались, а голова раскалывалась.

Он был Забытым Человеком в течение всего двух часов.

Вокруг была тишина и темнота. Преследователи, которых опасался Витлоу, тоже не появились. Только человек-горностай мог настигнуть человека-кролика в таком лабиринте, но в такой темноте даже кролик мог огрызаться. Форрестеру с головой хватило и сумасшедшего марсианина. Сейчас…

Он вздохнул и повернулся на жестком каменном полу.

Интересно, что сделают с его имуществом и квартирой. Может быть, ему положены какие-то выплаты?

Он не сможет даже получить компенсацию. У него не было под рукой джоймейкера с его необходимыми пояснениями. Интересно, мог ли ему помочь Хара. Нужно разыскать доктора. Ведь в таком положении Форрестера была вина и Хара…

— Нет, — сказал Форрестер громко и отчетливо прямо в темноту.

Хара был ни при чем. Во всем был виноват он сам.

За два часа среди Забытых Людей он понял, что сам должен отвечать за все происходящее. В мире не существовало такого общества, которое охраняло бы каждого человека. Он попал в общество индивидуалистов. Он капитан своей судьбы, начальник своей души…

И пленник собственных ошибок.

Когда Витлоу тихо и осторожно его позвал, Форрестер уже смирился с фактом своего одиночества в этом холодном и беспощадном мире.

Он осторожно перебрался через трубы, пересек ховер-шоссе и направился к зданию, тысячи колонн которого вонзились в газон.

Необходимый для растущей травы свет поступал из спрятанных светильников на десятиакровой крыше строения.

Витлоу, вновь самоуверенный, довел Форрестера до двери в одной из колонн, на которой красными буквами было написано: «АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД». Он открыл дверь, протолкнул Форрестера вперед и тщательно запер ее за собой.

— Прелестно, — радостно сказал он. — Чуть не поймали, но сейчас все хорошо. Хочешь перекусить?

Форрестер хотел получить от него ответы на многие вопросы, но такая бесцеремонность отвлекла его внимание.

— Да!

Витлоу улыбнулся.

— Поймался, — сказал он. — Сейчас что-нибудь для тебя сообразим. Раньше мы работали здесь с одним человечком в лабораториях. Сейчас он программирует диеты и из экспериментальных продуктов что-нибудь оставляет и для меня. Поглядим….

Он открыл шкаф и вытащил две тарелки в термоупаковке. Они раскрылись от прикосновения, превратившись в завтрак для двоих.

— Черт, сегодня он подготовился получше! Вкусом напоминает миланские устрицы! Не стесняйся, Чак, гарантирую, что даже лучше, чем в сенате двенадцати апостолов!

Накинувшись волком на еду, Форрестер тщательно изучал окружающую обстановку. Вентиляционный канал вел в бомбоубежище, расположенное под зданием. Оно было заброшено, так как в связи с сирианской угрозой были построены новые убежища, расположенные глубже. Это маленькое убежище сохранилось как напоминание о прошлом. Витлоу приспособил его для своих нужд. Температура регулировалась, было освещение, и работал водопровод. Как заметил Форрестер, оно было переоборудовано для хранения пищи. Витлоу требовалось только забить все здесь едой. Форрестер откинулся в кресле и расслабился, наслаждаясь шоколадным муссом. Он отвлеченно слушал стремительный поток болтовни Витлоу:

— …После окончания М. А. Т. для меня не нашлось работы по специальности горного инженера, понятно. Пришлось вернуться и выучиться твердоструктурной электронике. Когда Лаборатория Белла сделала мне предложение, то я его принял и начал работать на них, получив девять тысяч для старта. Пот, парень, все выглядело прекрасно. Мэри временами толстела, и с ребятишками все было в порядке. Но я начал немного покашливать и…

— Вит, — перебил его Форрестер. — Подожди минуту,

хорошо? Я хочу тебя кое о чем спросить. Почему мы прятались от репортера?

Витлоу опешил.

— Извини, — сказал он через минуту. — Я забыл, что ты новичок. Ты ничего не знаешь об этих репортерах?

— Нет.

— Ты должен знать, что это одна из разновидностей отравы. Это самое важное. Они похожи на стервятников. Свобода слова, видишь ли. Кто-нибудь получает лицензию на убийство и немедленно оповещает об этом репортеров. Он сообщает им подробный план своих действий, чтобы репортеры успели полюбоваться кровью. Заснимут на пленку и показывают через видеостены. Особенно если убийца участвует в каком-нибудь турнире. Один такой из Открытого Национального был здесь на прошлой неделе. Боже, репортеры глазели из-за каждого облака.

— Кажется, я понял, — сказал Форрестер. — Если наши дороги не пересекаются с репортерами, то не пересекутся и с дорогами ассассинов.

— Логично.

— Я не знаю, есть ли в этом логика, — скромно сказал Форрестер. Он уже сожалел, что послушался детей, не поговорив с Эдной. Он почувствовал прилив злобы. Да как посмел этот мир так легкомысленно обращаться с его жизнью!

Но именно в этом мире его и вернули к жизни. Столетия назад он умер, задохнувшись в дыму и пламени. Его тело уже давно могли переработать черви на кладбище. Форрестер устроился поудобней и продолжал слушать бесконечную историю приключений Витлоу.

— Направился я к местному доктору, и тут он мне сказал: «Большой Р». Отлично! Рак? Но компания имела план заморозки для сотрудников. И направился я к медикам. «Черт, — сказали они. — Рак легких? Отлично, ложись сюда, мы заморозим твои кости…»

Уставший Форрестер слушал все это с трудом. Странный день, подумалось ему, после чего всякие мысли пропали, и он сладко уснул.

Чтобы хорошо жить, надо тщательно подбирать «клиентов», говорил Витлоу. Ошибка может привести к плохим результатам. Конечно, можно найти такого, который безропотно оплатит все расходы. А можно и нарваться на маньяка: он только обрадуется, узнав, что ты останешься трупом навеки.

Чтобы избежать подобного, они тщательно изучали каждую потенциальную жертву. Серьезные деловые люди здесь не появлялись. Лучшим материалом были разношерстные туристы.

Они ходят парами. Как правило, более опытный приводил размороженного новичка либо только что вернувшегося космонавта. В любом случае второй из пары для убийства не годился. Сложнее было оценить более опытного.

— Вот поэтому я и пристал к тебе, Чак. Я не беспокоился насчет маленького мальчика. Хотя, конечно, можно напороться на сюрприз.

И разумеется, поскольку они действовали нелегально, то нужно было остерегаться копов.

Копы, как правило, не вмешивались, если нё видели явных нарушений закона или не замечали кого-то, находящегося в розыске. Вот тогда могли возникнуть неприятности. Первый контакт Форрестера с копами произошел, когда он в одиночку попытался обработать женщину. Витлоу прятался за кустом и шепотом ему подсказывал.

— Видишь, Чак? Подкинула на сигареты. Десять против одного, что она из восьмидесятых, приступай, парень!

Не успел Форрестер пройти и двух шагов, как раздался возглас:

— Коп!

Семифутовый коп в голубой униформе небрежно помахивал дубинкой. Форрестера предупредили: это разновидность джоймейкера, напичканная снотворным и разным оружием. И коп направлялся к нему.

Дойдя до Витлоу, который прятался за кустом, он остановился и посмотрел.

— Доброе утро, Человек Витлоу, — поздоровался коп и повернулся к Форрестеру.

Затем внимательно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Хороший день, Человек Форрестер.

После этого он ушел прочь.

— Откуда он узнал? — растерянно спросил Форрестер.

— По сетчатке глаз. Не обращай внимания. Он бы тобой заинтересовался, если бы ты числился в розыске. Подожди немного, пока он отойдет подальше.

Но женщина тоже ушла. Правда, было нетрудно найти других клиентов.

Обходя десятой дорогой копов, старательно выслушивая поучения Витлоу, Форрестер забыл о времени. Нельзя было сказать, что день прошел плохо. Погода была теплая и сухая, приятно пахло травой, а прохожие приносили неплохой доход. Форрестер выпросил пять долларов у девушки в ярко-зеркальном бикини, затем еще пятьдесят у мужчины, прогуливавшего непонятное животное, по-видимому, серебристую макаку.

Форрестер содрал с него деньги якобы за пользование подземным парком и сразу же отдал Витлоу долг за джоймейкер. С деньгами в кармане он почувствовал себя нормально.

Орлиные глаза Витлоу блеснули, и он напряженно прошептал:

— Класс! Видишь? Похоже, нам повезло!

Возле клумбы с высокими гладиолусами из ховер-крафта выбирался мужчина. Он был молод, во всяком случае, с виду. Мужчина стал не спеша прогуливаться по траве. Их прямо затрясло от радости.

— Посмотри на его походку! — ликовал Витлоу.

— Вижу. Что в ней такого?

— Чак, он был в невесомости! Вернулся после долгого полета с большими деньгами. Давай!

Форрестер слепо подчинился Витлоу. Он подошел к космонавту и сказал:

— Меня зовут Чарльз Д. Форрестер, из-за моего незнания обычаев этого времени я потерял все деньги, и у меня нет работы. Буду вам очень признателен, если вы дадите мне что-нибудь.

Витлоу волшебным образом уже очутился рядом.

— Это касается и меня, босс, — сказал он печально. — У нас большие неприятности. Если вы нам поможете, то мы будем вам очень признательны.

Человек остановился, держа руки в карманах. Он не был удивлен и выглядел флегматично. Повернувшись к ним лицом, он заинтересованно спросил:

— Простите меня, джентльмены. В чем ваши проблемы?

— Наши? У нас удивительно схожи судьбы. Меня зовут Витлоу, Джерри Витлоу. Это началось после моего первого рождения. Я работал на шахтах Западной Вирджинии. Когда их закрыли…

Космонавт был не только вежлив, но и терпелив. Он внимательно выслушал длинную историю Витлоу, а также Форрестера. Он посочувствовал им, записал их имена и пообещал вновь разыскать их, когда вернется. Короче, это была идеальная перспектива. Космонавт был членом экипажа спутника связи, вращавшегося по эклиптической орбите вокруг Солнца и обеспечивавшего радиосообщение внутри солнечной системы. Работа оплачивалась хорошо, но занимала много времени. Они возвращались на Землю с деньгами в кармане и сразу же искали себе компанию для общения. Витлоу и Форрестер за долгий разговор получили две тысячи долларов. Вечером они ужинали в ресторане. Несмотря на протесты Витлоу, за все платил Форрестер.

Ресторан был убежищем для Забытых — мужчин и женщин. Он сочетал домашний уют и автоматический сервис. Посетителей обслуживал джоймейкер, у которого было специальное отверстие для приема монет. Цены ужаснули Форрестера, но он решил, что это стоит новых связей и приобретения опыта. По предложению Витлоу они начали попойку с веселящей смеси (пятьдесят долларов), коктейля (сорок), затем наваристый суп (двадцать пять) и еще одна порция выпивки, после которой Форрестер перестал считать деньги. Он смутно припоминал порцию мяса, напоминавшего ванильное мороженое с кровью внутри, а после этого началась беспробудная пьянка.

Они были не одни. Все места оказались занятыми, причем Витлоу, вероятно, был знаком со всеми посетителями. Здесь собрались люди из шести столетий, с семи континентов, а также с далеких планет и спутников.

Форрестер испытал шок, увидев лицо Кэвина О'Рурка на Солис Ласис, которое очень напоминало Хайнзи — убийцу. В этом не было ничего удивительного, потому что тот тоже был марсианином. К тому же поэтом. Согласно своим принципам он не принимал подачки от меднолобых чиновников. Однако, как выяснил Форрестер, речь шла лишь о государственных стипендиях. Но марсианин был разгневан. Недолго он сотрудничал с Обществом Неда Луда, но, как он объяснил, оно тоже было переполнено меднолобыми. Земля — это район бедствия. Пусть сириане ее завоевывают!

— Но почему ты не вернешься на Марс? — поинтересовался Форрестер, но марсианин счел это оскорблением, покраснел и отошел.

— Не обращай на него внимания, — сказала маленькая смуглая девушка, которая, прильнув к Форрестеру, помогала уничтожать выпивку. — Он вернется. Обязательно.

Это собрание напоминало ООН. За исключением марсианина, все эти люди были современниками Форрестера. Они не смогли приспособиться и с трудом зарабатывали немного денег. Но это касалось не всех. Маленькая смуглая девушка, балерина из Чехословакии, была убита китайскими большевиками как контрреволюционерка в 1961 и заморожена хрущевским подпольем с большим риском. Она умирала семь раз в различные периоды времени. Но она была среди Забытых Людей вовсе не по причине отсутствия денег. Как сказал Витлоу, она собрала коллекцию золота и драгоценностей, подарки многочисленных поклонников из дюжины стран и столетий, и ее капиталы вырастали, как египетская пирамида, за счет начисленных процентов. Но после очередного убийства в ее мозгу произошли

какие-то сдвиги. Она твердо решила, что сталинские агенты начали за ней охоту, и каждое утро их ожидала. Она их не боялась. Ее неприятие смерти напоминало посещение дантиста. Не приятно, но не смертельно. Форрестера она заинтересовала, как прожившая семь веков. Кроме того, она была красива. Но она быстро напилась, и ее речь стала бессвязной.

Форрестер встал и двинулся за очередной выпивкой. Не думал, что так пьян, пришло ему в голову, когда он споткнулся и пролил жидкость из стакана прямо На голову лысого старика. Тот кивнул и улыбнулся.

— Tenga dura, signore! Eprecioso! (Держитесь крепче, синьор! Осторожно!)

— Вы правы, — сказал Форрестер и присел рядом с ним.

Витлоу показывал ему старика как достопримечательность. Старик родился задолго до Форрестера и умер в 1988 от эмболии в возрасте ста семи лет. Тогда уже умели лечить эту болезнь, но не было лекарства от старости. После шести веков сна в жидком гелии, когда его капиталы достигли определенной отметки, его решили оживить. Денег хватило только на хирургическое омоложение. Но не на косметическую операцию.

— У вас была интересная жизнь, — торжественно сказал Форрестер, допивая из стакана.

Старик согласно кивнул:

— Signore, durante la vita mia prima del morte, era un uomo grande! Nel tempo del Duce — ab! Un maggiore dei ager-cito, io, e dappertuto non mi dispacciono le donne! (Синьор, во времена моей первой жизни была эпоха великого человека! Эра Дуче! Я служил в чине майора и не раз доставлял ему депеши!)

Витлоу похлопал старика по плечу и увел Форрестера.

— Травма мозга, — прошептал он.

— Но он говорил по-итальянски.

— Разумеется, Чак. Он не смог учиться, поэтому и оказался здесь. Существует не слишком много видов работы, не требующей общения.

Рядом прошел марсианин, поглядывая в их сторону.

Может, он услышал часть разговора, потому что продекламировал:

— Говори, как нравится всем! Живи, как нравится всем. Живи для государства, которое знает, как о тебе позаботиться.

И все-таки жизнь продолжается, подумалось Форрестеру, вокруг все счастливо веселились. Маленький человек в зеленом костюме, имитирующем окраску сириан, крикнул:

— И как? Адольф Берле спросил полтысячи лет назад: «Что хочет корпорация?». И государство стало корпорацией.

Балерина вытаращила остекленевшие глаза.

— Сталинисты, — прошипела она и снова заснула.

Форрестер скормил джоймейкеру стодолларовые бумажки, заказывая для всех выпивку.

Форрестер понимал, что и второй тысяче долларов скоро придет конец. Но ему нравилась такая жизнь. Он был уже достаточно пьян и в эйфории совершенно не боялся завтрашних неприятностей. Вряд ли день будущий окажется намного хуже для настоящего. Среди Забытых Людей было невозможно обанкротиться, у него не было даже кредита. Мудрый Таре Таркас! Хорошие дети дали ему прекрасный совет.

— Ешьте! — крикнул он, не обращая внимания на предостерегающий шепот Витлоу. — Пейте! Веселитесь! Завтра мы все умрем!

— Domani morire! (Умрем завтра!) — вторил ему старик, поднимая бокал с неизвестно, по какой цене, но очень дорогой граппой в честь Форрестера.

— Слушай, Чак, — тревожно сказал Витлоу. — Притормози. Такие клиенты, как космонавт, не попадаются каждый день.

— Заткнись! Не ворчи, как старуха, ясно?

— Ладно, это твои деньги. Но, оказавшись завтра на мели, меня не обвиняй.

Форрестер улыбнулся.

— От тебя тошнит.

— Не тебе такое говорить! — вспыхнул Витлоу. — Что бы ты без меня делал? Черт побери, я не собираюсь такое выслушивать и…

Но тут вмешался марсианин с ирландским именем.

— Прекратите! Довольно. Не надо портить нам выпивку.

Витлоу умолк, а Форрестер развернулся, внимательно рассматривая марсианина.

— Ты, — сказал он. — Где ты научился так говорить?

— Что значит «так»? Вы считаете, что я сказал что-то неправильно?

— В некотором роде.

Но лицо марсианина изменилось, и он щелкнул пальцами.

— Минуту, Форрестер, если я правильно расслышал твое имя?

— Правильно. Но мы как раз разговаривали о тебе…

— Невежливо так перебивать собеседника, — сказал Кевин О'Рурк на Солис Ласис. — Вот что я хотел тебе сказать. Какой-то сирианин тебя ищет.

— Сирианин? Один из этих зеленушек? — Форрестер попытался сосредоточиться. — Его случайно зовут не Эс-Четыре?

— Откуда мне знать, какой у него номер? На нем была изолирующая накидка, но я опознал сирианина. Мне они прекрасно известны.

— Возможно, он хочет взыскать с меня за нарушение контракта, — с горечью сказал Форрестер. — Пусть попытается. Может, собрать и всю остальную компанию?

— Нет. Я так не думаю, потому…

— Хватит, — перебил Форрестер. — Знаешь, мне противно смотреть, как марсиане меняют тему для разговора. Я хочу знать: почему ты так разговариваешь? Тот, который собирался меня убить, говорил с немецким акцентом, правда, у него и имя было немецкое. Ты разговариваешь похоже, но ты ведь ирландец, верно?

Кевин возмущенно посмотрел на него.

— Форрестер, ты пьян. Что такое, черт побери, «ирландец»?

Как еще долго продлилась пьянка, Форрестер не знал. Он помнил пьяные разговоры балерины, пытавшейся объяснить, что акцент был марсианский, а не немецкий. Что гелиево-кислородная смесь при давлении в шестьсот миллибар не позволяет им воспользоваться некоторыми звуковыми частотами. Он хорошо помнил, как, не обнаружив в кармане денег, испытал некое подобие ужаса.

Но все это было так отдаленно и туманно, что вспоминались только отдельные эпизоды.

Утром он очнулся в туннеле рядом с магазином джоймейкеров. У него не было никакого представления о том, как он сюда попал. И он был один.

К тому же у него раскалывалась голова от похмелья.

Он смутно вспомнил, что Витлоу предупреждал и об этом. Он говорил, что в общественных джоймейкерах нет системы автоматического мониторинга. Нужно было стараться следить за собой самому, так как джоймейкер продолжал обслуживание до тех пор, пока в него бросались монеты.

Может быть, он бросал их очень долго.

Он печально покачал головой. Это простое движение обрушилось на его затылок каскадом боли.

Что-то было не так. Он попытался припомнить, но в памяти возникала только мозаика охваченных ужасом лиц. Это разогнало пьяных мужчин и женщин, повергнув их в ужас. Даже итальянец и балерина бежали в панике. Что это было? Форрестер не знал. Но у него появилась уверенность, что об этом лучше и не вспоминать.

Пошатываясь, он побрел к выходу из тоннеля, прошелся по металлическим ступенькам и открыл дверь. Он стоял и смотрел на зеленый газон, морщась от ласковых прикосновений теплого

ветерка. Был солнечный день, и, если не считать далеких завываний проносившихся ховер-крафтов, вокруг была тишина. Неправильно делать выводы на основании двадцатичетырехчасового опыта. Несомненно, во всем виноват был он сам. Форрестер понимал, что даже среди Забытых Людей для него не нашлось места в этом новом мире.

И вряд ли такое место существует.

Неожиданно он увидел Витлоу, счастливого и довольного, как будто в мире не было неприятностей. Форрестер, взглянув на него, понял, что пока ты жив, то нужно продолжать жить.

— Как ты себя чувствуешь в это прекрасное утро? — весело спросил Витлоу. — Человече! Вчера ты был бесподобен.

— Догадываюсь, — мрачно сказал Форрестер. — На слово поверю всем подробностям, которые ты опишешь. Витлоу, как бы мне снова устроиться на работу?

— Для чего?

— Я думаю, что с меня довольно, — заявил Форрестер. — Я тебя не осуждаю, но жить, как ты, не хочу.

— Для старта тебе нужно немного денег, — посоветовал Витлоу. — Если, конечно, хочешь, чтобы с тобой хотя бы разговаривали.

— Отлично. А для начала я должен заниматься попрошайничеством?

— Конечно! — вскричал Витлоу. — Я хочу тебя обрадовать, Чак! Космический парень неподалеку. Как ты смотришь на то, чтобы снова с ним поговорить?

Они двинулись прямо через газон под пилонами, высматривая открытое пространство. Витлоу подсмотрел, что космонавт в одноместном флайере бесцельно шатается по окрестностям. Витлоу решил, что он снова намерен навестить заброшенные районы, но сейчас его не было видно.

— Извини, — сказал Витлоу. — Но мне кажется, что он где-то поблизости.

Форрестер пожал плечами. По правде говоря, он никому не хотел причинять неприятностей. Даже если он прав, то общество не заставишь вернуться к старому. Жалкие попытки Тайко и его соратников затеять революцию вызывали лишь сочувствие. Форрестер подумал, что если он подберет себе подходящую работу, найдет достойное занятие, то…

— Послушай, Чак! — завопил Витлоу. — Видишь? Там?

Форрестер посмотрел вверх и убедился в правоте Витлоу. Космонавт выглядывал из кабины флайера. Глаза его были задумчивыми.

Он поднял джоймейкер и что-то ему приказал. Флайер пошел

на посадку.

— Он сейчас приземлится, — глубокомысленно заметил Форрестер.

Витлоу, потирая подбородок, внимательно наблюдал за прибытием аппарата на посадочную площадку.

— Да, — оживленно сказал он. Глаза его тревожно блестели.

— Что-то не так? — спросил Форрестер.

— Что? — Витлоу поморщился и вновь стал наблюдать за флайером. — Ничего, Чак. Всего лишь нехорошее предчувствие.

— Это как?

— Да… Ничего, Чак. Иногда у этих летающих парней бывают странные развлечения… Слушай, Чак. Быстро уходим отсюда. — Он схватил Форрестера за руку и потянул за собой.

Тревога Витлоу передалась Чарльзу и заставила его ускорить движение. Витлоу не был храбрецом, что являлось типичным для этого трусливого века, где предвкушение бессмертия постоянно подвергалось испытанию на прочность со стороны необратимой смерти. Форрестер и сам ощутил страх.

Флайер кружил над ними, неотвратимо приближаясь.

— Это он! — закричал Форрестер. — Ты прав, ему нужны именно мы!

Он побежал, Витлоу тоже, правда, в другом направлении. А над их головами все вился флайер, постепенно сужая круги…

Форрестер неожиданно понял, что лицо в кабине флайера было ему незнакомо.

В этот момент он услышал крик Витлоу. В кабине не было живого человека. И не могло быть, потому что пилот поджидал их неподалеку, предварительно включив на флайере автопилот. В руках у него был кнут.

Витлоу попытался ускорить бег, тщетно стараясь что-нибудь выгадать. Раздался свист кнута. Космонавт что-то сделал с его ручкой, и он змеей обвился вокруг шеи Витлоу. Тот дернулся и упал на землю.

Форрестер развернулся и побежал. Впереди на ховер-шоссе пулями проносились машины. Он мог погибнуть под колесами с не меньшей вероятностью, чем от руки убийцы. Но ждать было нельзя, и он рванулся вперед. Полицейский с любопытством наблюдал за Форрестером.

Космонавт еще раз взмахнул кнутом. На лице у него застыло выражение безграничного удовольствия. Грохот ховершоссе не смог заглушить отчаянный вскрик Витлоу. Благодетель из космоса вновь и вновь взмахивал кнутом. Витлоу пытался встать, но новые удары снова бросали его на землю. Из-под кнута брызнула кровь. Он снова попытался встать и снова упал. И затих.

Форрестер отвернулся, по его лицу потекли слезы.

Я имею на это право, твердил он как сумасшедший. Нельзя равнодушно смотреть, как друг принимает смерть в таких муках. Особенно если сам можешь оказаться в роли очередной жертвы. На его месте мог оказаться и он сам. Форрестер попытался бежать и оказался в стальных объятиях полицейского.

— Человек Форрестер, — сказал тот, глядя ему в глаза. — Доброе утро. Я имею для вас сообщение.

— Оставь меня в покое! — прорычал Форрестер.

— Зачитываю сообщение, — непоколебимо продолжал коп. — Человек Форрестер, желаете ли вы получить прежнюю работу? Предложение поступило от сирианина Четыре.

— Оставь меня в покое, черт побери! — орал Форрестер. — Нет. Или, да… Я не знаю! Я хочу убраться отсюда!

— Ваш возможный будущий наниматель, Человек Форрестер, — сказал коп, отпуская его, — недалеко. Он готов встретиться с вами.

— Пусть отправляется в ад! — прошипел Форрестер.

Но ему все равно пришлось пойти в направлении, указанном полицейским. Другого пути не было. А там его поджидал аэрокрафт сирианина. За ним Форрестер увидел что-то похожее на гриб или хромовую трубочку для мороженого. Выхлоп из сопел машины пригнул маковые головки в сторону Форрестера. Аппарат стремительно приближался. Форрестер застыл как вкопанный, заметив за стеклом скафандра ожерелье зеленых глаз. Это его сирианин. Какая-то блестящая вещь протянулась и ужалила его.

Форрестер очнулся на земле и смотрел на движения скафандра с реактивной тягой.

— Я не говорил, что готов вернуться и работать на тебя, — сказал он.

Но ответа не последовало. Вялое щупальце сирианина, так неожиданно ужалившее Форрестера, бессильно обвисло.

— И вообще, мне работа не слишком нужна, — пробормотал он, пытаясь закрыть глаза. Он понял, что сирианин ввел ему какое-то парализующее вещество. Форрестер не мог двигаться. И сирианин неожиданно начал изменяться. Он уже ничем не напоминал сирианина.

Глава 12

Через некоторое время Форрестер вновь обрел способность двигаться. Он обнаружил себя в флайере. Он беспричинно хихикал, наблюдая внизу идиллические сельские пейзажи.

Сзади раздался голос:

— Дорогой Чарльз, вы в порядке?

Он обернулся улыбаясь.

— Разумеется, только кое-что вылетело из головы.

— Что именно, дорогой Чарльз?

Он рассмеялся.

— О, например с сирианином. Последнее, что я помню, — это то, что он дал мне хорошую порцию гипнотика. Потом мы куда-то двинулись, и я не помню, как оказался здесь. И я не понимаю, почему ты так странно одета.

Эдна молчала, лукаво посматривая на него зелеными глазами.

Форрестер уже не мог смеяться.

— Это так неприятно, — сказал он. — Извини, я, наверное, снова что-то напутал.

Она была слишком занята, чтобы ответить. Девушка тщательно изучала приборную панель флайера, где на экранах высвечивался маршрут их полета.

— Дорогой Чарльз, — строго сказала она, — готов ли ты к выполнению запрограммированного задания?

— Какого запрограммированного задания?

Но этот вопрос стал ошибкой. Непереносимая боль, взрывом возникшая в его голове, разлилась по всему телу до кончиков пальцев и, круша нервную систему, эхом вернулась обратно. Он закричал. Это была знакомая боль. Он вспомнил. А также вспомнил о запрограммированном задании.

— Тебя зовут Эдна Бенсен. Ты хочешь, для шутки, чтобы я провел тебя на космический корабль. На борту я должен присоединить командный блок к корабельному компьютеру и никому об этом не рассказывать. Иначе шутка не получится. И тогда будет больно.

— Дорогой Чарльз, — пробормотал холодный, резонирующий голос, — ты готов к выполнению запрограммированного задания.

Боль исчезла. Форрестер устроился поудобнее. Самочувствие было отвратительное. Кружилась голова, подташнивало. Он был сломлен. Мозг его отказывался работать после всех этих испытаний.

Шутка Эдны вовсе не была смешной. В данный момент

Форрестер просто ничего не соображал. Возможно, это и не была шутка — смотря как оценивать. Он чувствовал, что сходит с ума. Ужасная сонливость сочеталась со странной бессонницей. Он напоминал человека, который всю ночь не спал и теперь смотрит с ненавистью на ярко освещенное окно. Глаза слипались, но стоило их закрыть, как веки поднимались снова. Форрестер был напуган.

И он не мог сориентироваться во времени и пространстве.

Голова была абсолютно пуста. Он осознавал, что за бортом флайера простирается ночная тьма. Что случилось? Время убегало мимо его сознания. Его удивляли странно зеленые и блестящие глаза Эдны, но немного погодя это уже не выглядело странным. Иллюзия. Может быть, Эдна сделала ему инъекцию? Но зачем ей было это надо? Почему она все время повторяла свое имя? (Как будто он его плохо помнил.)

Разве он мог забыть девушку, одетую в странный сирианский скафандр, которая непрерывно его инструктировала, подкрепляя свои указания вспышками боли?

Он закрыл глаза, застонал.

Они летели над открытым пространством, но уже не на флайере. Временами он чувствовал какие-то прояснения. То он стоял на черной, высохшей, мертвой траве. То слышал металлический лязг открывающегося люка и шипение выходящего газа. Он открыл люк, пропихнул тело в конусообразном скафандре и присоединил какую-то коробку к приборной панели. И вот он снова снаружи, направляется к флайеру, а над головой сияют звезды.

Но где Эдна?

Он сел в кресло. Его голова раскалывалась от боли.

— Черт бы тебя побрал, — сказал он и заснул.

Когда он проснулся, флайер стоял на обочине ховер-шоссе, напротив конусообразного желтого шпиля. Двигатели не работали. Он сразу вспомнил это место. Именно здесь и проделал сирианин с ним операцию.

Он выбрался из кабины и глубоко вздохнул. С другой стороны дороги доносился визг шин пролетавших ховер-крафтов. Больше до него никаких звуков не доносилось. По всей видимости, наступило утро.

— Эдна? — громко позвал он.

Ответа не было. Но он его и не ждал, а только надеялся.

Двадцать четыре часа исчезли из его жизни, и он был голоден. Он порылся в карманах, пытаясь обнаружить остатки денег своего друга. Ничего. Разумеется, он этого ожидал. Его ресурсы были полностью выработаны. Денег не было. Кредит

исчерпан, Витлоу, его учитель в мире Забытых Людей мертв, необратимо мертв. Форрестер подумал, что время стерло в людях этой эпохи всяческие инстинкты.

Он надеялся на Эдну, и только на Эдну. Он немного постоял, подумал и направился в ее кондоминиум.

Форрестер прекрасно понимал, пробираясь через дороги и увертываясь от проходящих машин, насколько призрачны его притязания на Эдну. Ее могло не быть дома, она могла его попросту не впустить.

Но она была дома и открыла дверь. Правда, не проявила никакого энтузиазма.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она, стараясь не смотреть ему в глаза. — Ладно, заходи.

Он присел, чувствуя себя не в своей тарелке. Дети внимательно смотрели на видеостену. Они взглянули на него и снова уставились на экран. Впрочем, Эдна поступила так же.

Форрестер прочистил горло. Помимо мыслей о еде и деньгах у него было к тому же страстное желание принять ванну. Он просчитывал варианты, при которых Эдна пригласила бы его на обед или, хотя бы, позволила умыться.

— Я попал в странную историю, — робко сказал он.

— Подождать немного можешь, Чарльз? — недовольно ответила Эдна.

Она явно чем-то огорчена, подумал Форрестер, наблюдая, как Эдна нервно нажимала кнопки на джоймейкере, поглядывая на меняющиеся картинки на видеостене.

— Я думал, что ты вчера была со мной, — отчаянно заговорил он. — Но это было либо безумием, либо галлюцинацией. Я встревожен. Тебя ведь там не было, правда?

— Чарльз, неужели ты не можешь минуту подождать? — она внимательно смотрела на стену. Форрестер взглянул тоже…

И увидел знакомую сцену. Это было открытое пространство, покрытое засохшей травой. И след, оставленный на земле тяжелым предметом. Происходящее комментировалось мужским голосом с притворно-скорбными интонациями:

— Челночный корабль избежал встречи с орбитальными патрулями и уже находится на пути к Сириусу. Радарная сеть зафиксировала старт и послала предупреждение, но ответа не последовало.

Форрестер с трудом сглотнул.

— Неужели сирианин… неужели один из них совершил побег?

— Пот, Чарльз! Где ты был? Это уже длится несколько часов! — зашипел мальчик.

Форрестер закрыл глаза и попытался восстановить самоконтроль. Мужской голос продолжал вещать:

— Разумеется, правительство крайне обеспокоено происшедшим. Несомненно, кто-то из людей участвовал в организации этого побега. Мониторы джоймейкеров подобных действий не зафиксировали. Мотивы также не выяснены. Альянс Сол-Сирианской дружбы предложил своим членам добровольно пройти психопробы. Восемь зарегистрированных нигилистических организаций на вопросы ответили различными формулировками, что человечество должно совершить самоубийство. Но информации о их причастности нет. Отвлекаясь от рассмотрения вопроса о виновности, нужно верно оценить последствия. Но самым сильным аргументом является тот факт, что сирианин начал свое долгое возвращение на родную планету, располагая информацией об ответственности Земли за уничтожение сирианского космического корабля. Эксперты по сирианской психологии утверждают, что результатом подобного сообщения будет война. Весь мир в этот час…

— Ничего нового, Мим, — проворчал мальчик. — Мы прослушали это уже дважды. Может, выключить?

Эдна кивнула и поудобнее устроилась в кресле. Лицо ее стало отрешенным. Видеостена показывала теперь декоративную картину джунглей.

Форрестер кашлянул.

— О, — сказала Эдна. — Я совсем о тебе забыла. Так о чем ты хотел спросить?

— Ничего особенного, — замялся Форрестер. — Думаю, что сейчас это не важно.

— Да, по сравнению с этим, — согласилась Эдна. — И все же?

— Пустяк. Я хотел спросить, была ли ты со мной вчера, но теперь и так все ясно. Я знаю, кто со мной был.

Глава 13

Однажды много лет назад (несколько веков, учитывая пребывание в холодном сне), Чак Форрестер был виновником аварии с тремя автомобилями, после которой два человека попали в больницу.

Он лежал с рогаткой, скрываясь в траве возле своего дома в Эванстоне и постреливая по проезжавшим по шоссе машинам. Он метко попадал. В любую цель. Однажды он попал в глаз полицейскому. Машина потеряла управление, выехала на встречную полосу, сбила в кювет автомобиль и врезалась в прицепной вагончик. Погибших не было. Даже глаз полицейского остался цел, хотя его и собирались удалять. К счастью, никто не расспрашивал соседских мальчишек с рогатками. Инцидент объяснили камнем, вылетевшим из-под колес встречной машины. Но Чак этого не знал и просыпался каждую ночь в холодном поту, ожидая неминуемого ареста.

Сейчас он испытывал примерно то же.

Не было сомнений, что именно Форрестер помог сирианам обмануть электронную защиту, удерживавшую чужаков на Земле. Форрестер шаг за шагом анализировал свои действия. Сирианин после упорных поисков нашел ничего не подозревающего человека, достаточно мягкого и невежественного. Он ввел Форрестеру гипнотик и внушил ему образ Эдны Бенсен, заставивший его перелететь на космодром, где находился дряхлый, негодный корабль. Сирианин был в бессознательном состоянии, поэтому не сработала электронная система контроля. Он приказал Форрестеру занести его на корабль и произвести запуск. И тот, загипнотизированный, послушно выполнил приказ.

Как просто! Форрестер отчетливо видел каждый свой шаг. И так же видели это и остальные. Они просто должны были хорошо поразмыслить. И несомненно, весь мир сейчас думает о сирианах. Видеостены выплескивали новости, специально обученные команды обшаривали место старта, и сотни зондов встали в дозор по периметру солнечной системы. Была объявлена Желтая Тревога, и каждый должен был находиться вблизи убежища.

Форрестер ждал, когда тяжелая рука опустится ему на плечо и строгий голос скажет:

— Вы, Форрестер! Вы ведь были человеком!

И ничего нельзя вернуть…

Но в побеге ЭС-4 были и хорошие стороны. Эдна, заинтересованная происходящим, проявила дружеское участие. Она накормила его, позволила искупаться в ванне. А когда дети

со своими сверстниками отправились на учебу, уложила его спать в детской комнате, заметив его шоковое состояние.

Его разбудил разговор Эдны с каким-то мужчиной.

— …только ради детей, разумеется. Я не слишком беспокоюсь о себе.

— Несомненно, дорогая. Боже! Что за время! Как только общество подготовилось к сексуальному раскрепощению. Это ничего не значит, но заставляет подумать. Как они позволили зверю совершить побег?

Мужской голос ворчливо ответил:

— Как? Неужели ты не понимаешь? Машины делают человеческую работу! Мы слепо отдали себя в руки микросхем, чего же еще ожидать? Помнишь мой прошлогодний доклад? Я сказал: «Охрана человеческой свободы — это почетный пост, и только достойные должны этим заниматься».

Форрестер сел, узнав голос. Голос Тайко Хирониби, луддита.

— Я думала, что ты говоришь о полицейских, — отозвалась Эдна.

— Какая разница! Машины должны делать работу для машин, а люди — человеческую… Что это?

Форрестер понял, что его обнаружили. Он встал, чувствуя себя дряхлым и уставшим, но все же получше, чем перед сном, и вышел из комнаты раньше, чем Эдна ответила Тайко.

— Это Чарльз. Почему ты не входишь?

Тайко стоял перед видеостеной, держа в руках джоймейкер. Его палец прижимал кнопку. Очевидно, он ввел себе смесь, вызывающую эйфорию. Тем не менее, Форрестеру он не обрадовался.

— Я вижу, тебе это не нравится, — заметила Эдна.

— Ага, — ответил Тайко.

— Если я его простила, то ты можешь простить. Ты должен понять, что он из эпохи камикадзе.

— Ага, — проворчал Тайко. Но эйфория перевесила. Может, ее вызывала струя джоймейкера, может, состояние опасности в окружающем мире. Тайко пристегнул к поясу джоймейкер, погладил себя по подбородку и улыбнулся:

— Почему бы и нет? Сейчас все люди должны сплотиться, верно? Все вместе.

Они пожали друг другу руки. Форрестер оказался в дурацком положении. Он не понимал, чем обидел Тайко, поэтому равнодушно воспринял восстановление дружеских отношений. В конце концов, когда-то Тайко предлагал ему работу. И хотя нападение сириан могло начаться в любую минуту, обществу Неда Луда, возможно, требовались рабочие руки…

Терять было нечего, и Форрестер быстро сказал:

— Я много думал над твоими словами, Тайко. Ты оказался прав, разумеется.

Тайко широко открыл глаза.

— Насчет чего?

— Насчет опасности от машин. Я думаю, что человеческую работу должны делать люди, а машины — только машинную. Можно доверять только одному компьютеру, — Форрестер постучал себя пальцем по голове, — который здесь.

— Разумеется, но…

— Меня бесит, — резко сказал Форрестер, — мысль, что охрана нашей планеты поручена микросхемам. Если бы люди тебя слушали!

Форрестер проигнорировал смешок Эдны.

— Я хочу, чтобы ты знал, — кричал он. — За последние дни я стал сторонником общества Неда Луда на сто процентов. Прими мою помощь, Тайко! Можешь на меня рассчитывать!

Тайко озадаченно посмотрел на девушку и повернулся к Форрестеру.

— Хорошо, — сказал он. — Я рад это слышать. Я свяжусь с тобой, если понадобится.

Форрестер с трудом сохранил самообладание и продолжал демонстрировать дружелюбие и доброжелательность. Почему Тайко повел себя так? Но Эдна выручила его. Подавляя смех, она заметила:

— Скажи, Тайко! Почему ты не примешь Чарльза в свое общество? Я думаю, он этого очень хочет.

Тайко нахмурился и поежился, но Форрестер продолжал гнуть свою линию.

— Я хочу присоединиться, — гордо сказал он. — Я в здравом уме. Рад буду помочь.

Тайко пожал плечами и через секунду сказал:

— Хорошо, Форрестер. Разумеется, денег будет немного.

— Какая разница! — крикнул Форрестер. — Мне это просто нравится! Кстати, сколько это «немного»?

— Ладно. Базисная шкала двадцать шесть тысяч.

— В день?

— Разумеется, Форрестер.

— Не имеет значения, — великодушно сказал Форрестер. — Всегда готов услужить.

И решил отметить радостное событие выпивкой.

Эдна наблюдала за происходящим снисходительно.

Все это время видеостена демонстрировала сцены тревоги и паники. Форрестер помнил о том, что отдал Землю сирианам. Но

всячески старался все забыть, празднуя свое освобождение из мира Забытых Людей. Он пил напиток — теплый, мятный и пенистый, закусывая его шариками, по вкусу напоминавшими жареного поросенка. После мимолетной струи из джоймейкера Эдны к нему как бы снова вернулась семнадцатилетняя юность. Завтра придет время покаяться перед миром, подумалось ему. Сегодня он будет радоваться прекрасной еде и новому месту в обществе.

Но тревога вернулась, как только он услышал свое имя. Это заговорил джоймейкер Тайко:

— Человек Хироniби! Извините за беспокойство. Находится ли рядом с вами Человек Форрестер, Чарльз Дэлглиш?

— Да, разумеется, — сказал Тайко до того, как Форрестер успел открыть рот.

— Можете ли вы попросить Человека Форрестера вслух произнести свое имя, Человек Хироniби?

— Давай, Форрестер. Это идентификация, понимаешь?

Форрестер отставил чашку с напитком и глубоко вздохнул. Розовое облако радости исчезло. Он сразу почувствовал вес годов его жизни и столетий, проведенных в холодном сне. Поскольку причин для отказа не наблюдалось, он сказал:

— Хорошо. Чарльз Дэлглиш Форрестер. Что вы хотите?

Джоймейкер ответил мгновенно:

— Спасибо, Человек Форрестер. Ваш акустический образец идентифицирован. Хотите ли вы прослушать сообщение о фискальных изменениях?

Быстро, подумал Форрестер. Машина хотела лишь выдать подтверждение его новой работы!

— Разумеется.

— Человек Форрестер, — произнес джоймейкер Тайко, — ваш последний наниматель, в настоящее время удалившийся, оставил инструкции по распределению его состояния следующим образом: Лиге Космического Содружества — один миллион долларов, Шоггской Центральной Гильдии Джильберта и Салливана — один миллион долларов. Объединенному Содружеству Мирных Клубов — пять миллионов долларов. Остаток в сумме девяносто один миллион семьсот шестьдесят три тысячи сто сорок два доллара на данный момент переводится последнему работнику, то есть вам. Сейчас я перевожу деньги на ваш счет, Человек Форрестер. Вы уже можете им пользоваться.

Форрестер обессиленно присел на подушки яркой, воздушной кушетки Эдны. Он потерял дар речи от неожиданности.

— Благословение Божье! — крикнула Эдна. — Ты снова богат, Чарльз! Счастливчик!

— Разумеется, — эхом ответил Тайко, горячо пожимая ему руку.

Форрестер мог только кивать. Но Форрестер не был уверен в своей удаче. Девяносто один миллион долларов! Это были большие деньги, даже для эпохи больших чисел. Они обеспечат ему длительное комфортабельное существование. Финансируют его прихоти и развлечения. Избавят от причуд Тайко и не дадут снова попасть к Забытым Людям. И все же Форрестера мучил вопрос. Если его будут расспрашивать о последнем нанимателе? Как он объяснит щедрость сирианина, вернувшегося на родную планету?

Видеостена продолжала выплескивать новости о всевозрастающем потоке паники и ажиотажа. Форрестер, наблюдая за реакцией Тайко и Эдны на новости, не мог определить, действительно ли те испуганы.

Неужели разрушение Земли сирианами реально? Что может быть предпринято? Он попытался спросить, но Тайко в ответ только рассмеялся.

— Избавимся от машин, — патетично сказал он, — а потом уж разберемся со змеями или осьминогами в Галактике! Но сперва нужно навести порядок в собственном доме.

— Почему ты не присоединишься к нам и не расслабишься? — добавила Эдна. — Присоединяйся и увидишь.

Испытывая неприятные чувства, Форрестер не хотел привлекать внимания к своему особому интересу к сирианам. Но все же спросил:

— Но почему ничего не делается?

— Будет делаться, — сказал Тайко. — Не волнуйся, парень! Сейчас начнется массовое бегство в морозильники. Люди, видишь ли, трусливы. И лозунг: «Это дело для Джорджа!». Затем, когда придут сириане, ими займутся компетентные люди. Или не займутся.

— Кстати, у меня с Тайко кровл, — сказала Эдна, — можешь присоединиться к нам, отдохнешь.

— Кровл?

— Обязанность каждого — быть в хорошей форме. Особенно сейчас, — убежденно заметил Тайко.

— Вы очень добры ко мне, — с благодарностью сказал Форрестер.

Но сейчас ему хотелось остаться одному, наедине с видеостеной. Передавали сообщение с наблюдательной станции оборонительной системы Земли. И хотя все время повторялось: «Бежавшего сирианина не обнаружено», Форрестер предпочел бы остаться и дождаться других новостей. Ему хотелось убедиться,

что Земля в безопасности. Или хотя бы сразу узнать, если пойманный сирианин начнет рассказывать о сообщнике…

— Ладно, мы пошли на кровлинг, — сказала Эдна. — И мы должны двигаться прямо сейчас.

Форрестер раздраженно заметил:

— Подождите, что там говорилось о Грумбридже 1830?

— То же самое, что и неделю назад, дорогой Чарльз. Это всего лишь комета. Так мы пойдем на кровл или нет?

Тайко рассмеялся.

— Чарльз все еще не может опомниться, пытаясь переварить свой новый статус. Но видишь ли, старина, существуют еще и другие дела.

Форрестер отвел глаза от звездной карты на видеостене и взглянул на Тайко. Тот подмигнул и добавил:

— Сейчас ты уже в нашей команде, так что приступай к делу.

— Команда? — недоуменно переспросил Форрестер. — Дела?

— Я должен выступить от имени общества, — пояснил Тайко. — Ну, ты знаешь. Раньше это называлось публичным заявлением. И поскольку мы тебе уже платим, ты должен ознакомиться с процедурой, потому что… — Он похлопал Чарльза по плечу. — Вскоре тебе придется действовать самостоятельно.

— Но сперва мы поползаем, — заметила Эдна. — Какого пота мы еще здесь?

Они потянули растерянного и бормочущего Форрестера за собой. Вскоре тот понял, что подобным поведением может привлечь к себе внимание. А это ему было ни к чему.

Наверное, думал Форрестер, самым правильным было бы сдаться властям, которые более компетентны в таких вопросах. Для этого можно было бы воспользоваться джоймейкером и сказать: «Видите ли, сэр, я совершил дурной поступок и должен сделать официальное заявление. Я предполагаю, что в состоянии гипноза помог сирианину совершить побег, поставив человечество перед лицом грозной опасности».

Возможно, наказание будет легким, может, его просто подвергнут медицинскому освидетельствованию.

Да, в другое время так и надо было бы ему поступить. Но не сейчас.

А пока нужно не выделяться из толпы. Опасность вторжения испугала землян. Они в панике смотрели на небо, ожидая появления сириан. Они знали, что в любой момент на Землю могут прийти смерть и разрушение. И он должен был вести себя точно так же.

— Отлично, — беспечно сказал Форрестер. — Мы хорошо

потратили наши деньги! Получше многих старых цивилизаций! Может быть, на наше место придет раса получше, верно?

Эдна посмотрела на него, потом на Тайко. Тот пожал плечами и сказал:

— Мне кажется, что он до сих пор не оправился от потрясения.

Форрестер замолчал и начал сосредоточенно обозревать окружающую местность. Тайко и Эдна завезли его в ту часть Шогго, где он раньше никогда не был. Вокруг были строения, чем-то напоминающие павильоны Всемирной Ярмарки. Когда кэб остановился, они вышли и смешались с группой людей. Вокруг царило праздничное настроение. Даже строения выглядели нарядно. Все это напоминало карнавал радости. Струи аэрозоля из индивидуальных джоймейкеров проносились в воздухе. Витрины и уличные видеостены шокировали Форрестера. Но после нескольких глотков ароматного воздуха он повеселел.

— Так-то лучше! — крикнула Эдна, хлопнув его по плечу. — Нам сюда, мимо Машины Радости.

Форрестер последовал за ними. Рассеянно озирая окрестности, он чувствовал нарастающее удовольствие. В отличие от других аттракционов, это место выглядело более культурно. Цветы и травы стелились у него под ногами. Они росли вдоль тротуара и свисали с карнизов. Вились виноградные лозы со спелыми гроздьями, правильными геометрическими узорами украшая стены домов. Даже на дороге, среди счастливых людей, он видел кустики с желто-оранжевыми ягодами, которые медленно передвигались.

— Сюда, — сказала Эдна, хватая его за руку.

— Быстрей! — проорал Тайко, заталкивая его внутрь.

Они вошли в здание, похожее на форт и спустились по пандусу, по краям которого сияли небольшие огоньки. Концентрация аэрозолей из джоймейкеров в дюжину раз превышала ту, что была на открытом воздухе. Форрестер почувствовал интерес к Эдне, намного больший, чем вызывали у него сириане. Эдна наклонилась и ласково укусила его за ухо. Тайко с удовольствием рассмеялся. Они были не одни. Вокруг стремительно несся людской поток, в водовороте которого были видны раскрасневшиеся лица.

Форрестер полностью отдался празднику.

— После всего, — закричал он Эдне, — это не имеет значения. Ведь у нас нет будущего, верно?

— Дорогой Чарльз, — ответила она, — замолкни и снимай с себя одежду.

Ничуть не удивленный подсказкой Форрестер внимательно

смотрел за поведением остальных. Накидки, платья, нижнее белье летели на пол, где подбирались маленькими металлическими агрегатами.

— Почему бы и нет? — засмеялся он и швырнул ботинок в один из агрегатов.

Тот, как котенок, поднялся на задние колеса и поймал предмет в воздухе. Все спускались ниже, теряя последние остатки одежды на каждой ступеньке. И вот зал с высокими сводами, где смех и разговоры напоминали линчевание.

Дверь закрылась. Струи джоймейкеров исчезли. Водопады резкого, холодного вещества обрушились на людей, отрезвляя их.

Чарльз Форрестер не прожил и сорока лет фактической полноценной жизни — когда бьется сердце и работают легкие. Первая, большая часть его жизни, протекала в двадцатом веке. Вторая, измеряемая днями, началась после долгого пребывания в морозильной камере.

Но пять столетий, которые незаметно прошли для Форрестера, были реальны для всего остального мира. В каждом столетии — сто лет, в каждом году — 365 дней, в каждом дне — двадцать четыре часа.

Из всех событий, пронесшихся за пять веков, Форрестер мог усвоить немногое. Он не мог понять принципа действия аэрозолей. Играя кнопками джоймейкера и следуя советам друзей, Форрестер попробовал эйфорики и психостимуляторы, тонизирующие и снотворные коктейли. Но впервые он попробовал смесь, не оглупляющую, а улучшающую восприятие. В этом зале, куда его затащили Эдна и Тайко, находились сотни мужчин и женщин. А он, впервые в жизни, начал полностью воспринимать их чувства.

Он обернулся и посмотрел на Эдну. На ее лице не было косметики. Глаза ее были холодны и не мигали.

— Как ты противен внутри, — сказала она.

Слова прозвучали так, будто она ударила его по лицу.

Но Форрестер не удивился. Его переполнял гнев. Он выкрикнул:

— Ты шлюха. Я думаю, что твои дети будут такими же. — Он даже не думал, что может сказать что-либо подобное.

— Молчи и ползи, — вмешался Тайко.

Форрестер небрежно заметил:

— Ты беспринципен, мягкотел и продажен. Не правда ли?

Неожиданно Эдна кивнула, соглашаясь, но сказала:

— Бедный камикадзе, любящий покопаться в дерьме. Вульгарный и глупый. — Он растерялся, но она нетерпеливо продолжила. — Иди сюда, камикадзе. Очистись. Может быть, ты

ревнуешь?

Вокруг не было дискуссий, только бессмысленные оскорбления и ругань. Форрестер всего этого не замечал. Все его внимание было сосредоточено на Эдне. На девушке, которая ему нравилась, но которую он хотел оскорбить и унизить. Он прошипел:

— Я уверен, что ты не беременна!

— Что? — опешила она.

— Эти разговоры насчет выбора имени! Решила меня обмануть, чтобы женить на себе.

Она с отвращением посмотрела на него:

— Пот! Я имела в виду наше реципрокальное имя. Чарльз, ты разговариваешь, как идиот.

— Вы оба идиоты! Ползите! — взвизгнул Тайко. Форрестер взглянул на него. Тайко стоял на коленях в жидкости. Не в жидкости — в грязи! Она сочилась из отверстий в стене. Остальные тоже барахтались в грязи. В тысячный раз после холодного сна Форрестера снова мучили вопросы. Что здесь происходит? И что, черт побери, Эдна понимала под реципрокальным именем.

Но она настойчиво тянула его вниз, на пол, залитый кашеобразной субстанцией.

— Сюда, — кричала она, — ты не прав, но все равно иди сюда, потливый камикадзе.

В этот момент воздух перезарядили на стимулятор, открывший ворота чувств Форрестера. Он напоминал ЛСД или супербензедрин. Он увидел новые краски спектра, мог слышать летучих мышей в ультразвуковом диапазоне, новые запахи, вкусы, которых он раньше не знал. Он прекрасно понимал, что это какая-то разновидность организованного ритуала, целью которого являлось полное расторможение человеческих чувств, тщательно скрываемых в обычной обстановке. Сдержаться? Он не мог остановиться! Он понимал, что позже будет сожалеть о своих словах, будет испытывать отвращение к самому себе. Но сейчас он говорил все, что накопилось.

Эдна кивала, отвечая тем же:

— Ревнивец, — визжала она, — типичный грязный собственник! Грязный внутри, мусор!

— Почему бы мне и не ревновать? Я любил тебя.

— Гаремная любовь, — бесцеремонно вмешался Тайко. Какой-то мужчина с грязным лицом пытался его остановить. — Она безмозглый сгусток похоти, но она человек, и как ты смеешь претендовать на нее?

— Вранье! — взревел Форрестер. — Ты, претендующий на

звание мужчины! Лучше бы ломал свои машины! — Он был взбешен, но часть его сознания спокойно анализировала обстановку. Он был крайне удивлен своим оскорблением в адрес Тайко. Или Эдны, в конце концов. Ему вовсе не хотелось так говорить. Он осмотрелся и увидел, что он единственный, кто еще стоит на ногах. Остальные валялись в грязи, извиваясь и ругаясь. Форрестер опустился на колени.

— Что это за дуракаваляние? — спросил он.

— Молчи и ползай, — заявил Тайко, — уничтожь в себе хоть часть животного.

И Эдна вторила ему:

— Ты портишь настроение окружающим, если не ползаешь! Научись ползать, только тогда научишься ходить.

— Я не хочу ползать, — отрезал Форрестер.

— Ты должен. Помоги себе очиститься. Тайны, как нарывы… Разумеется, вы, камикадзе, любите загнивать.

— Но я не должен…

Форрестер смолк, но не потому, что ему так хотелось. Он не мог сказать правду и соврать тоже не мог. Чарльз собирался только заявить, что никаких тайн у него нет.

Если бы он начал говорить, то рассказал бы много лишнего. Все частицы его мозга в протесте кричали «нет»!

Если бы он еще хоть немного задержался в этом зале, то все услышали бы о его соучастии в побеге сирианина. Что по его вине человечество может быть уничтожено.

Стирая грязь и разговаривая сам с собою, Форрестер побежал. Он увертывался от цепких рук недовольных, перепрыгивал через корчащиеся тела и, наконец, выскочил в раздевалку. Там он умылся душистым аэрозолем и стал обсыхать под ярким светом. Появилось чистое белье, но это его не порадовало. Он восстановил самоконтроль, но вернулись воспоминания.

Он был человеком, уничтожившим Землю. В любой момент об этом узнают все… Он боялся даже думать о том, каким будет наказание.

— Человек Форрестер, — раздался голос джоймейкера, — за период временного прекращения обслуживания поступило несколько сообщений. Из них три приоритетных и относятся к классу срочных.

— Подожди, — насторожился Форрестер. Но нет. Порывшись в карманах футболки и турецких шаровар, он обнаружил коробку джоймейкера. — Ага, вот ты где.

— Да, Человек Форрестер, — невозмутимо заметил джоймейкер, — желаете ли вы прослушать поступившие сообщения?

— Ага, — сказал Форрестер. Затем добавил. — Разумеется, если они действительно так важны. Надеюсь, что никто не собирается вышибить из меня мозги, пока я с тобой разговариваю.

— Это маловероятно, — гордо заметил джоймейкер. — Тем не менее, Человек Форрестер, эти сообщения действительно важны.

Форрестер сел на теплую скамейку и вздохнул.

— Дело в том, джоймейкер, — задумчиво произнес он, — что я не могу найти ответа на один вопрос. Возникают вопросы новые, а на самый первый я до сих пор не получил ответа. Давай сделаем так. Подай мне чашку черного кофе и пачку сигарет! Прямо сюда, в эту теплую прекрасную комнату. Я выпью кофе, выкурю сигарету и задам тебе несколько вопросов. Надеюсь, что моей жизни ничего не угрожает?

— Да, Человек Форрестер. Кофе и сигареты будут доставлены через несколько минут. В этом здании их нет и доставить их нужно с дальних складов.

— Я все понял. Давай все сюда. Немедленно. — Форрестер встал и в раздумье начал одеваться. Потом кивнул сам себе.

— Первый вопрос, — сказал он. — Я только что пришел из зала, где Эдна Бенсен с компанией развлекались, валяясь в грязи. Что это значит? Я прошу, — уточнил он, — в нескольких словах рассказать мне, чем эти люди занимаются?

— Функция называется «сеанс кровла», Человек Форрестер, или попросту «ползание». Процесс предназначен для терапевтического высвобождения напряженности. Применяются два основных вида терапии. В первом случае для погашения факторов сдержанности применяются химические реагенты, которые раскрепощают речь. Во втором случае сам факт ползания позволяет человеку как бы начать все сначала. Человек Форрестер, у меня есть список тридцати восьми работ по процессу кровла. Хотите ли вы его прослушать?

— Лучше не надо, — сказал Форрестер. — Идею я понял. Теперь второй вопрос.

Раздался лязг, и открылась крышка передатчика. Форрестер достал оттуда большую чашку кофе с пластмассовой крышкой. Он взял пачку сигарет и зажигалку. Затем вынул сигарету, с наслаждением закурил, выпил немного кофе и сказал:

— Эдна Бенсен говорила о выборе имени. Я, естественно, подумал, что она беременна. То есть это должно было быть имя для ребенка, но это оказалось не так. Реципрокальные имена. Что это такое?

— Реципрокальные имена, Человек Форрестер, — начал свою

лекцию джоймейкер, — выбираются двумя индивидуумами, реже — большими группами, для личного общения. Подобное было в ваше время, Человек Форрестер. Это уменьшительные имена или прозвища, придуманные вами для своей жены, детей или друзей. Однако реципрокальное имя используется только для личного общения и не предназначено для других.

— Приведи пример, — вмешался Форрестер.

— Например, — покорно сказал джоймейкер, — во вселенной Эдны Бенсен и ее детей реципрокальными именами являются «Тант» — как форма обращения детей друг к другу — или «Мим», когда мисс Бенсен обращается к детям или дети обращаются к ней. Но данная ситуация не типична, так как задействованы больше двух объектов. Лучшим примером может послужить общение Эдны Бенсен с доктором Хара. Их реципрокальное имя «Тип». Все ли вы поняли, Человек Форрестер?

— Да, но при чем здесь Хара? Ты говоришь, что у него с Эдной есть ласкательное имя?

— Да, Человек Форрестер.

— Да, но… Ладно, не важно. — Форрестер чуть не подавился своим кофе. Он уже не получал от напитка никакого удовольствия.

— Странно, — пробормотал он.

— Что значит «странно», Человек Форрестер?

— Если мы выбираем имя, то тогда… Подожди. Я понял. Поскольку это мы выбрали имя, то ты имеешь в виду меня. Надеюсь, что понял правильно.

— Правильно, Человек Форрестер. На практике, как правило, путаницы не бывает.

— Ладно, к черту эти имена.

Форрестер с отвращением посмотрел на сигарету. Он уже не мог понять, что было хорошего в кофе и сигаретах. Может быть, они были просто плохого качества или у него просто испортилось настроение. Он отставил сигарету и кофе в сторону и мрачно заметил:

— Вопрос три. Поскольку у меня теперь много денег, то посоветуй, где их можно получше разместить. Может разработаем бюджет?

— Разумеется, Человек Форрестер. Секунду. Да. Спасибо за ожидание. Я разработал схему вложения и предварительно рассчитал возможную прибыль. Вложите часть средств в компанию «Си оф соуп», а также в энергетику, компьютеры и эйфорики. Ваш годовой доход составит около одиннадцати миллионов четырехсот тысяч. Он может выплачиваться еженедельно или ежедневно. Устанавливаются автоматические

лимиты расходных сумм. Поэтому будет возможно… Человек Форрестер!

Форрестер насторожился.

— Что, черт побери, случилось?

— Ваши инструкции, Человек Форрестер! Срочное приоритетное изменение. Заявление о вашей безопасности больше не соответствует истине. Человек Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор вновь зарегистрировал боны и гарантии…

— О нет! — вскричал Форрестер. — Только не этот сумасшедший марсианин!

— Да, Человек Форрестер! Он проходит через зал кровла. У него оружие и броня. Он ищет вас!

Глава 14

Форрестер потуже затянул пояс просторных коротких брюк и заправил в них пуловер, надел на ноги сандалии и пристегнул к ремню джоймейкер.

— Уходим! — отрезал он. — Какой дорогой?

— Вот этой, Человек Форрестер.

Стена раскрылась, как двери лифта, и Форрестер быстро туда проскочил. Помещение, пандус, открытая двойная дверь — и вот он выбежал на дорогу под слепящие солнечные лучи, под вопросительные взгляды прохожих.

Он огляделся вокруг: туда! Белые борта реанимационной машины сверкали над его головой. Водитель отрешенно смотрел вперед.

— Где Хайнзи? — закричал Форрестер.

— Преследует вас, Человек Форрестер. Вы хотите сражаться с ним здесь?

— Черт! Нет!

— Какое место вы предпочитаете, Человек Форрестер?

— Ты идиот, я вообще не хочу с ним сражаться. Я хочу убежать от него подальше.

Он заметил, что привлекает внимание людей. Равнодушные лица стали враждебными.

— Человек Форрестер, — неуверенно сказал джоймейкер. — Уточните. Вы хотите избежать встречи с Человеком Хайнзлихеном навсегда?

— Это мысль, — с горечью сказал Форрестер. — Но, пожалуй, слишком поздно.

Марсианин уже стоял в двойных дверях здания для кровлинга и затем направился к Форрестеру.

— Ладно, — сказал Форрестер. — Легко пришло, легко ушло.

Марсианин, тяжело дыша, остановился перед Форрестером.

— Привет, — сказал он. — Прости, что заставил тебя так долго ждать.

— Ты мог бы особенно не торопиться, — уточнил Форрестер.

Он сканировал марсианина, искал оружие, но ничего не мог обнаружить. Тот теперь носил парик, короткие белокурые локоны которого прилипли к черепу, ушам, свисали до нижней челюсти, спускались до плеч. Но в остальном его внешность не изменилась, насколько он запомнился Форрестеру. Сейчас марсианин был уже без трости. Джоймейкер был пристегнут к ремню, а руки свободно висели по бокам.

— Ты был среди Забытых Людей, — сказал марсианин. — Ну

а я был занят. Теперь, когда мы встретились, желательно быстрее все закончить, согласен?

— Я не знаю, что мне надо делать, — доверительно заметил Форрестер.

— Драться, дурак! — закричал марсианин. — Черт подери, что же еще?

— Я не сумасшедший, — возразил Форрестер.

— Собачий пот! — взревел марсианин. — Зато я сошел с ума! Иди сюда и дерись, понятно? — Но руки его даже не шевельнулись.

Форрестер осторожно переменил позицию, внимательно озираясь вокруг. Заинтересованная толпа окружила их плотным кольцом. Форрестеру показалось, что зеваки делали ставки на победителя, как в тотализаторе. Утешает одно, подумал Форрестер, если его убьют, то сразу заморозят, а потом воскресят. Возможно фризариум окажется не таким уж плохим местом, где можно отлежаться, пока забудется вся эта история с сирианином…

— Ты будешь драться или нет? — спросил марсианин.

— Только один вопрос, — сказал Форрестер.

— Какой?

— Твоя манера говорить. Недавно был спор…

— Чем тебе не нравится моя манера говорить?

— Мне показалось, что у тебя немецкий акцент. Но другой марсианин с ирландской фамилией говорил так же…

— Ирландский? Немецкий? — Хайнзлихен недоуменно посмотрел на него. — Форрестер, на Марсе давление около шестисот миллибар. Понял? Теряются некоторые высокие частоты. А что такое «ирландский» или «немецкий», я не знаю.

— Это интересно! — закричал Форрестер. — То есть, по-вашему, это совсем не акцент?

— По-моему, ты потратил много времени! — взревел марсианин и вцепился в горло Форрестеру.

И посреди ярко освещенной дороги со снующими мимо кустарниками и под крики и веселье толпы Форрестер начал сражаться за свою жизнь. Марсианин был не только больше его, но и намного сильнее! Форрестер рассердился: как посмел марсианин быть сильнее? А как же предположение, что слабая гравитация уменьшает силу мускулов? Почему он не может одним ударом сокрушить существо, привыкшее к слабому тяготению?

Но он не смог. Марсианин подмял его, колотя головой о дорогу. Фортуна улыбнулась Форрестеру, покрытие было сделано не из бетона, а из упругого, вроде резины, вещества. Но тем не

менее он начинал ощущать боль, чуть не потерял сознание. К тому же марсианин всячески его оскорблял.

— Встань и дерись! — кричал он. — Нечего разлеживаться!

Эти выкрики смели с Форрестера последние остатки цивилизованности. Он яростно закричал и поднялся на ноги. Марсианин бросился бежать. Форрестер нагнал и повалил его на землю, придавив горло коленом. Он заметил висевший на поясе джоймейкер марсианина, схватил его и принялся, как палкой, обрабатывать череп Хайнзи. Джоймейкер звенел медью. Форрестер изумился. Парик с короткими белокурыми волосами оказался бронированной каской.

— Подонок! — взревел Форрестер. Марсианин хорошо подготовился к этой битве! Форрестер ударил прямо в лицо марсианина. Брызнула кровь, сломались зубы. Еще удар и еще. Марсианин тщетно пытался закричать, еще, еще…

Сзади послышался голос пилота реанимационного аэрокрафта.

— Достаточно. Теперь он мой.

Форрестер отпрянул назад и в ужасе уставился на окровавленное лицо марсианина.

— Он… он мертв? — задыхаясь, спросил Форрестер.

— Мертвее мертвого, — ответил пилот. — Не могли бы вы немного отодвинуться? Спасибо. Теперь он мой. Пожалуйста, подождите полицейского для составления протокола.

Форрестер был как под наркозом. Он смутно помнил, как вернулся в зал кровлинга; душ, чистая одежда, клубы стимулирующего газа. И снова вернулось забытье. И не физическое истощение помутило рассудок, не головная боль от ударов Хайнзи. Это был психический шок.

Он уничтожил человеческую жизнь. Но не навсегда, сказал он сам себе. Короткий отдых во фризариуме пойдет марсианину на пользу!

Но одно Форрестер не мог понять. Почему ему так легко удалось убить марсианина. Создавалось такое впечатление, что тот и не думал оказывать серьезного сопротивления. Может быть, он и хотел, чтобы его убили?

Эдна и Тайко поджидали его. Они видели драку и остались помочь уладить формальности. Помочь ему или марсианину, с горечью подумал Форрестер. Вероятно, это им безразлично. Но тем не менее он с благодарностью принял помощь. Эдна отвезла его к себе домой, ненадолго вышла и вернулась с новостью, что его прежняя квартира подготовлена для въезда; затем отвезла его туда и оставила с Тайко, который захотел поговорить.

— Прекрасный бой, Чарльз. Разумеется, это тебя встряхнуло.

Черт, я вспоминаю свое первое убийство. Ничего постыдного в этом нет. Но если ты собираешься работать на общество, мой совет — возьми себя в руки.

Форрестер сел и посмотрел на Тайко.

— Какого черта ты решил, что я буду работать на луддитов?

— Успокойся, Чарльз. Прими какую-нибудь микстуру из джоймейкера. Зеленая кнопка на ручке…

— Можешь ты убраться отсюда и оставить меня в покое?

— Потливое ничтожество! — раздраженно заорал Тайко. — Ты ведь собирался помочь нашему обществу, верно? Нельзя терять времени! Мы долго ждали подобного шанса! Все напуганы сирианами и скрываются в морозильниках, с этой толпой медперсонал не сможет справиться. У нас появился шанс начать активные действия. Мы уничтожим машины, мы…

Тайко остановился и задумчиво посмотрел на Форрестера.

— Ладно, давай выясним. Ты с нами или против нас?

Форрестер никак не мог решить эту проблему. Как объяснить Тайко, что его интерес к обществу Неда Луда был вызван чисто меркантильными соображениями. Ему нужно было зарабатывать на жизнь. Но после того как сирианин оставил ему девяносто один миллион, то в этом уже не было необходимости. Но он не стал вдаваться в подробности и просто сказал:

— Считайте, что я против вас.

— Чарльз, — сказал Тайко, — ты мне противен! Ты ведь не такой, как все. Тебе ведь плохо в этой эпохе. Неужели ты не хочешь уничтожить зло машинного господства? Неужели ты не хочешь…

— Знаешь, что я хочу, — гневно сказал Форрестер, — выбросить тебя отсюда вон!

— Ты не в своем уме! — произнес Тайко. — Ладно, когда успокоишься, можешь мне позвонить. Правда это будет трудно, потому что… Ладно, это неважно. Я оставлю для тебя специальный канал. Потому что я знаю, Чарльз, что ты захочешь положить конец этим трусливым временам и вернуть человеку… Ладно. Я ухожу!

Когда дверь захлопнулась за Тайко, Форрестер просидел около часа неподвижно. Затем поднялся и отправился спать. Он сожалел только о том, что вскоре придется проснуться.

Глава 15

Форрестер никак не мог сообразить, отчего не торопятся с его арестом.

Он начинал понимать, почему преступники приходят с повинной. Ожидание было невыносимым. Десять раз в час он говорил джоймейкеру: «Я помог сирианину. Уведоми об этом полицию». И так же десять раз в час отменял приказание. Чуть позже, говорил он себе. Завтра, через несколько минут, но только не сейчас.

Время от времени джоймейкер информировал его о поступающих сообщениях. За первый день их было сорок пять. Форрестер отказался их выслушать. Пока что он не хотел никого видеть… пока… и вообще сейчас он ни с кем не хотел встречаться. Он не мог решить, в какой момент мир перед ним раскроется, когда у него снова появится желание жить. Но он знал, что это время еще не пришло. Он тщательно изучал квартиру, джоймейкера и самого себя. Он дегустировал фантастические блюда и пил странные пенящиеся сливки, которые напоминали по вкусу старое пиво и топленые сливки. Он слушал музыку и просматривал фильмы. Ему очень хотелось получить колоду карт, но джоймейкер не понимал его объяснений, так что игру в солитер пришлось отложить. В основном ему помогало забыться чтение, и только чтение. Он прочитал все, что было под рукой. Он выучил наизусть письмо жены. Справочник по этому веку он изучал так, что даже пальцы болели от переворачивания страниц.

На второй день поступило семьдесят сообщений. Форрестер опять отказался их прослушать.

По его указаниям джоймейкер транслировал выпуски новостей через видеостену. Единственный вопрос, который интересовал сейчас Форрестера, как продвигается дело с сирианином. Таких новостей после первого дня было на удивление мало. Отрицательные сообщения патрульных зондов поступали из всех секторов пространства. Практически прекратились прогнозы и оценки последствий возможного вторжения сириан. Все пришли к выводу, что это может состояться не раньше, чем через несколько недель. Форрестер не мог этого понять. Он помнил, что Сириус находится на расстоянии пятидесяти световых лет, а джоймейкер подтвердил, что световой барьер до сих пор непреодолим. В конечном итоге он пришел к выводу, что сириане овладели сверхсветовой связью так же, как и земляне. Сирианин, даже не вернувшись на родную

планету, мог послать туда сообщение. И существовала вероятность, что сирианский военный патруль находится в окрестностях солнечной системы.

Но ничего не произошло. На третий день поступило около дюжины сообщений, и Форрестер опять отказался их прослушивать.

У него был девяносто один миллион долларов и прекрасное здоровье. Но он не мог придумать, что со всем этим делать.

…— Джоймейкер! Объясни, где я ошибся в случае с Эдной?

— Что значит «ошибся», Человек Форрестер? У меня нет данных о ваших антисоциальных поступках.

— Ты не понял. Я хочу знать, почему я ей перестал нравиться после первых пяти дней знакомства?

Джоймейкер начал отвечать с определения гормонального баланса, который сильно влиял на эмоции, но Форрестер резко его прервал.

— Дай мне пива, — приказал он. — И объясняй нормально. Ты ведь полностью контролируешь информацию, верно?

— Правильно, Человек Форрестер. За исключением специального запрета.

— Хорошо. Я обидел ее. Но как?

— Я не могу оценить понятие обиды, Человек Форрестер, но я могу предоставить перечень причин, которые могли вызвать подобное чувство. Пункт. Вы отказались обсуждать с ней реципрокальное имя.

— Неужели это плохо?

— Исходя из специфических социальных условий, Человек Форрестер, да.

Стакан с пивом появился рядом с Форрестером. Он поморщился.

— Не то, — сказал он, — может, есть другое, помнишь то пиво с малиновым привкусом?

— Berlinerweisse, Человек Форрестер?

— Вот именно это. И побыстрей.

— Пункт. Ваши действия относительно Человека Хайнзлихена Джура де Сиртис Майджора, который собирался вас убить, тоже признаны недостойными.

— Неужели она не понимает, что я еще не привык к таким вещам?

— Да, Человек Форрестер, она все поняла. Тем не менее она посчитала ваше поведение недостойным. Пункт. Вы стали нищим. Пункт. Вы критиковали ее отношения с другими мужчинами.

Рядом с Форрестером появилась большая кружка с пивом и маленькая фляга с темно-красным сиропом. Форрестер смешал

пиво с сиропом и отпил глоток. Это было ужасно, но выбора больше не было, и он продолжил пить.

— Я всего лишь ее любил, — раздраженно сказал он.

— Некоторые аспекты и симптомы «любви», Человек Форрестер, не поддаются диагностике.

— Черт побери, это не удивительно. Ты машина. Но я думал, что Эдна женщина.

— Я анализирую ее ответы и поступки и прихожу к выводу, что она полностью не одобряла ваше поведение, Человек Форрестер.

— Мне кажется, что ты прав, — согласился Форрестер и отставил кружку с пивом. — Хотя это не имеет значения.

Расхаживая по комнате, он задумчиво почесывал подбородок. Затем принялся внимательно изучать свое отражение в зеркале. Выглядел он ужасно. Всклокоченные волосы, небритый подбородок.

— Вот черт, — сказал он.

Джоймейкер молчал.

Форрестеру очень нужно было знать, известно ли уже о его соучастии в побеге сирианина, но он не решался об этом спросить. Он спрашивал про другое и получал малопонятные ответы. Такие же, как и вопросы. Он спрашивал о своем друге среди Забытых Людей, Джерри Витлоу. Для него не было неожиданностью известие о том, что Витлоу мертв, он сам присутствовал при его смерти. Его реанимация была весьма проблематичной, но джоймейкер сделал малопонятное заявление, что Витлоу «возвращен в резерв». Может быть, тело Витлоу использовалось компанией «Си оф соуп» в качестве исходного сырья для создания продуктов, но Форрестер не стал этого уточнять.

— Сколько сообщений поступило сегодня, джоймейкер? — отрешенно спросил он.

— Сегодня не было сообщений, Человек Форрестер.

Форрестер обернулся и посмотрел на аппарат. Это был сюрприз. Любые изменения приятны, но он был обеспокоен. Может, о нем все забыли?

— Нет сообщений?

— Вы сами отказались от общения, Человек Форрестер.

— Никто не хочет со мной поговорить?

— Поступало лишь одно сообщение, Человек Форрестер, что Человек Хироniби хотел с вами что-то обсудить. Он оставил специальные инструкции о возможности с ним связаться. Но это было шесть дней назад.

Форрестер насторожился.

— Как долго я здесь пробыл?

— Девятнадцать дней, Человек Форрестер.

Он глубоко вздохнул.

Девятнадцать дней! И все его друзья пропали! Хотя он сам не хотел с ними разговаривать. Но, в конце концов, они должны были попросту взломать дверь.

Но может быть, все не так уж и плохо. Девятнадцать дней? Его уже должны были арестовать за соучастие в побеге сирианина, расследование не могло длиться так долго. Может быть, это их уже не интересует? Может ли он вернуться в мир людей?

Он принял решение и быстро приказал:

— Джоймейкер! Приготовься к обслуживанию. Бритву, ванну, новую одежду. Я выхожу прогуляться!

…Он решительно закончил туалет, но, спустившись в холл кондоминиума, почувствовал неуверенность.

В холле никого не было. Кругом царила тишина. Но Форрестеру казалось, что он находится на тропе в джунглях, где опасность может обрушиться с любой стороны. Он приказал кэбу доставить его к движущейся дороге. Когда дверцы кэба распахнулись, его все еще не покидало ощущение, что вокруг притаились враги.

Но внутри было пусто. На ховершоссе тоже никого не было. И ничего не было.

Форрестер озирался вокруг, не доверяя своему зрению. Нет пешеходов, ладно, это можно объяснить. На улицах всегда было мало людей. К тому же Форрестеру пришло в голову, что он даже не знает, сколько сейчас времени. Но ховеркрафты? Это было объяснить труднее. В конце концов, он не слышал даже отдаленного рева пролетающих машин. Во всем городе было тихо. Он взглянул на небо, но там не было и аэрокрафтов.

Куда все подевались?

— Пришлите мне кэб, — сказал он с дрожью в голосе.

— Он прибудет через две минуты, Человек Форрестер.

И вот наконец прибыл стандартный автоматический аэрокрафт. Вокруг по-прежнему никого не было. Он быстро проскочил внутрь и захлопнул дверцу. Форрестер приказал машине подняться повыше, не указав конечной цели, чтобы осмотреть окрестности.

Но сколько он ни смотрел, ничего нового увидеть не удалось.

Форрестер непроизвольно спросил:

— Джоймейкер! Что здесь случилось?

— Что вы имеете в виду, Человек Форрестер? — спокойно произнесла машина.

— Куда все подевались? Эдна? Дети?

— Эдна Бенсен и ее дети, Человек Форрестер, готовятся к процессу замораживания в Центре Неотложной Помощи Номер Девять. Однако вопрос о том, где будут храниться их тела, еще не решен. До подготовки дополнительных центров…

— Ты хочешь сказать, что они мертвы?

— Клинически мертвы, Человек Форрестер. Да.

— А как насчет… — Форрестер призадумался, — марсианина. Не Хэйнзи, а этого, с ирландским именем, Кэвина О'Рурка. Он тоже мертв?

— Да, Человек Форрестер.

— А как итальянец и балерина, которые были в ресторане среди Забытых Людей?

— Тоже мертвы, Человек Форрестер.

— Что, черт побери, случилось? — закричал он.

Джоймейкер спокойно ответил:

— Если говорить объективно, Человек Форрестер, резко возросло число желающих получить место во фризариумах. Девяносто восемь и одна десятая от общего числа человеческой расы хотят заморозиться. Причины неоднозначны и неопределенны. По всей видимости, это связано с возможным вторжением в солнечную систему, предположительно, сириан.

— Ты хочешь сказать, что все решили покончить жизнь самоубийством?

— Нет, Человек Форрестер. Многие предпочли быть убитыми. Например, Человек Хайнзлихен Джура де Сиртис Майджор. Он предпочел, чтобы его убили вы.

Форрестер откинулся на спинку кресла.

— Потные небеса, — пробормотал он. — Мертвы! Вся человеческая раса мертва! — Все это не укладывалось в голове. Он невидящими глазами уставился в пространство. Неожиданно раздался голос джоймейкера:

— Человек Форрестер, вы уже выбрали направление?

— Нет, подожди-ка, да! Возможно. Ты сказал, что девяносто восемь процентов людей мертвы.

— Девяносто восемь и одна десятая, Человек Форрестер. Да.

— Но ведь кто-то должен оставаться в живых? Кто-то, кого я знаю?

— Да, Человек Форрестер. Большие группы живы, так увеличилась потребность в их услугах. Большинство из них работают во фризариумах. Но есть и другие. Человек Хироniби, например. Он не только жив, но и, как вы знаете, оставил специальные инструкции, чтобы вы могли с ним связаться.

— Отлично! — закричал Форрестер. — Немедленно доставь

меня в Тайко! Я хочу увидеть кого-нибудь из живых!

Его гнал какой-то ограничитель — он не хотел видеть руины, оставленные мертвыми. Во всяком случае пока не убедится, что именно он убил человечество.

Глава 16

Но он так и не смог добраться до Тайко.

Согласно программе джоймейкера, Форрестер оказался перед зданием из рубинового стекла, на входной двери которого была надпись: «Общество Неда Луда». Он зашел в современное подобие офиса: сыроватое помещение с фонтаном среди мха. Вокруг никого не было.

— Что это значит, джоймейкер? — спросил он. — Где Тайко?

— Человек Форрестер, — ответил джоймейкер, — это аномалия. Мои датчики отмечают присутствие Человека Хирониби в этом месте, но это явная ошибка. Такого раньше никогда не было.

— Хорошо, но мне необходимо с ним поговорить. Он ведь должен был оставить специальные инструкции.

— Да, Человек Форрестер.

Пауза. Затем послышался голос Тайко.

— Это ты, Чарльз? Рад тебя слышать. Сейчас у меня дела, но я переговорю с тобой в ближайшее время, хорошо?

И это было все.

— Минутку! — закричал Форрестер. — Тайко!

Неожиданно вмешался джоймейкер.

— Человек Форрестер, это была запись.

Форрестер грубо выругался. Он прогулялся по офису, тщательно высматривая что-нибудь, что помогло бы ему найти Тайко.

— Ладно, черт, — сказал он, — из моих знакомых кто-нибудь еще жив?

— Человек Форрестер, Эдвардино Рой доступен для связи. Является ли он одним из тех, о ком вы спрашивали?

— Не думаю. Впервые слышу об этом… Погоди. Это не один из избивших меня?

— Да, Человек Форрестер.

— Хорошо, я не хочу его видеть. Запомни это, джоймейкер, — сказал Форрестер. — Я предпочитаю дождаться Тайко.

Три или четыре раза ему казалось, что перед ним люди, но когда он приближался, то в ответ слышал:

— Мы не люди, Человек Форрестер. Мы специально подготовлены для дополнительного обслуживания холодильных агрегатов.

Перед ним была молоденькая блондинка в бикини, по всей видимости, из сферы обслуживания. Кроме этих подобий людей в Шогго никого не было.

Он растерянно бродил, в недоумении покачивая головой.

За долгие дни самоизоляции чувство вины притупилось. Он не боялся разоблачения и унижений; сирианин использовал его как слепое орудие, правда, если бы не было Форрестера, то нашлись бы другие. Он переживал за этот мир. 2527 год принес ему разочарование. Реакция населения на угрозу смерти не укладывалась ни в какие определения. Это было повальное безумие…

Разумеется, он понимал, что они принимают смерть как развлечение. Смерть была явлением бессмертия. Так же, как в двадцатом веке, люди скрывались от ужасов войны в нейтральных странах, так сейчас они прятались в дормах.

Мир 2527 года, по мнению Форрестера, был просто труслив.

Форрестер напряг легкие и закричал:

— Вы все слюнтяи! Мир без вас лучше! — И голос его эхом отразился от фасадов домов.

— Человек Форрестер, — сказал джоймейкер, — вы обратились ко мне?

— Нет! Замолчи! — ответил Форрестер. — Стоп. Вызови такси.

Когда оно прибыло, он отправился на ховершоссе, где раньше он и Джерри Уитлоу прятались, пребывая среди Забытых Людей. Но Забытые Люди, похоже, тоже исчезли. Он никого не увидел, и никто не отозвался на его призывные крики.

— Доставь меня домой к Эдне Бенсен, — скомандовал он, и такси послушно залетело на стояночную площадку среднего уровня дома, где они жили.

Здесь тоже никого не было. Ни на улицах, ни в холле, ни в квартире, куда, согласно распоряжению, проводил джоймейкер Форрестера.

Он приказал джоймейкеру открыть квартиру, заказал еду и грустно присел на диван в детской комнате. Закончив есть, Форрестер сказал:

— Джоймейкер, свяжись еще раз с Тайко.

— Да, Человек Форрестер… Новых сообщений не поступало, Человек Форрестер.

— Оставь меня в покое! Укажи на приоритетность, как ты любишь делать для меня.

— Вы не имеете достаточной классификации для приоритетных сообщений, Человек Форрестер.

— Может, я собираюсь его убить, — хитро сказал Форрестер, — ты ведь должен его предупредить, правда?

— Да, Человек Форрестер, но вы не имеете предварительных бонов и гарантий. Пока вы не начнете юридическую процедуру,

ваше заявление не будет эффективным. Желаете зарегистрироваться, Человек Форрестер?

— Ладно, — сказал Форрестер, представив себе всю эту тошнотворную бюрократию, — пожалуй, нет. Как я еще могу связаться с Тайко?

Джоймейкер ответил:

— Я имею видеосообщение от него, которое могу передать через экран видеостены, Человек Форрестер. Но оно не является адресованным вам лично.

— Воспользуйся экраном, — приказал Форрестер, — и побыстрей!

— Да, Человек Форрестер.

Когда видеостена засветилась, то возник на ней отнюдь не Тайко Хирониби. Это была высокая крупная женщина начальственного вида. Она сказала:

— Девочка Голдилокс и террор медведей!

Джоймейкер меланхолично заметил:

— Неисправность, Человек Форрестер. Выясняю причину.

Форрестер напрягся.

— Что за дьявол! — закричал он.

Голос продолжал.

— Медведи! Думай о медведях. Громадные, жестокие существа, косматые, воняющие звериным потом и гнилью. Медведь может убить человека — крак, раздавил голову, шмяк, сломал спину, зип, вырвано сердце.

Каждое слово женщина сопровождала давящими, ломающими, вырывающими движениями рук.

— Эй! Я не просил колыбельных историй.

Джоймейкер произнес извиняющимся тоном:

— Человек Форрестер, технические неполадки анализируются. Я предлагаю посмотреть вам эту пленку до конца.

Тем временем женщина продолжала декламировать:

— Маленькая девочка, такая же, как и вы. Еще меньше. Меньше, чем вы в детстве. Назовем девочку… выберем ей имя… назовем ее Голдилокс. Рыжие волосы, золотые локоны. Маленькая, беззащитная девочка.

Форрестер рявкнул:

— Убери это с экрана!

— Человек Форрестер, — сообщил джоймейкер, — я не могу. Пожалуйста, потерпите.

— И вот эта девочка сделала плохую вещь! — кричала женщина. — Представьте себе, она пошла туда, куда ходить было нельзя, туда, куда запрещали ей ходить мама и папа. Представьте себе, она их не послушалась!

Форрестер лег на диван и мрачно сказал:

— Если ты не можешь это отключить, то приготовь мне выпивку, пока я жду. Виски с содовой.

— Да, Человек Форрестер.

Видеостена показала настоящих медведей, больших и свирепых гризли. Женщина продолжала:

— И Голдилокс попала в логово медведей — страшных, когтистых, острозубых! Но их не было дома. Их нет, а она ест их пищу. Она сидела там, где сидели они, легла там, где ложились они, и уснула. Она спит, а медведи вернулись домой!

Появилась заказанная выпивка. Форрестер отхлебнул и нахмурился. Это было не виски. По вкусу это напоминало соленую яблоневую настойку.

— Медведи вернулись домой! Медведи вернулись домой, и пена текла у них изо рта. Они приготовились напасть, они вернулись, и пасти их широко открыты! Глаза их налились кровью (она спит и ничего не знает). Когти готовы разорвать (неужели, это конец?), лапы готовы все сокрушить (она начала просыпаться), клыки готовы вцепиться… И Голдилокс открыла глаза, громко закричала, вскочила на ноги и бросилась прочь.

Женщина на видеостене печально посмотрела в глаза Форрестера. Она уже не ораторствовала, глаза ее утратили блеск, а голос потерял драматический оттенок. Уже спокойно она продолжила.

— Теперь вы видите? Вот какая ужасная история произошла с маленькой девочкой, которая не слушалась своих родителей. Она бежала и бежала, бежала и бежала долгое-долгое время и вернулась к своим папе и маме, пообещала их слушаться и вести себя хорошо. А сейчас, пожалуйста, приготовьтесь ответить на вопросы по теме: «Нужно ли посещать места, куда вам запретили ходить папа и мама?»

Женщина улыбнулась, раскланялась и исчезла.

— Человек Форрестер, — сказал джоймейкер, — спасибо за ожидание. В настоящее время неполадка все еще не устранена, и мы приносим извинения за допущенные неудобства.

— Что это было? Колыбельная для детей Эдны?

— Правильно, Человек Форрестер. Наши извинения. Попытаться вывести на экран пленку Тайко?

— Я думаю, — сказал Форрестер с нехорошим предчувствием, — что начинаю чувствовать себя одиноким.

— Это не является следствием наших неполадок, Человек Форрестер, — гордо отметил джоймейкер. — Причина в том…

Тишина.

— Что ты хотел сказать? — взорвался Форрестер.

— Причина в том… Причина в том… — джоймейкер издал непонятный звук. — Причина в том, что многие из обслуживающего персонала поступили во фризариумы.

— Мне кажется, что ты сломалась, машина, — заметил Форрестер и насторожился.

— Нет! Человек Форрестер! Вышли из строя некоторые микросхемы, что вызвало алгоритмические сбои. Это временные технические трудности.

Машина сделала паузу и продолжила в совершенно другом тоне:

— Технические неполадки повлекли неисполнение приоритетных программ. Мои извинения, Человек Форрестер.

— Что такое?

— Не оглашено приоритетное сообщение о вашем немедленном аресте.

Форрестер остолбенел.

— Что за чепуху ты несешь!

— Нет, Человек Форрестер. Это правильное сообщение. Полицейские сейчас придут за вами.

Глава 17

Дверь с треском распахнулась, и в комнату ворвались два копа. Один из них схватил его (весьма грубо, как подумалось Форрестеру) и посмотрел в глаза.

— Человек Форрестер! — закричал коп. — Вы арестованы на достаточных основаниях и можете не делать заявлений!

Как будто это возможно, подумалось Форрестеру, пока, копы скрутив ему руки, тащили его мимо стены в коридор, а потом ниже, прямо в поджидавший полицейский флайер.

Он крикнул им:

— Подождите! Что вам от меня надо?

Они не ответили, запихнули в кабину и закрыли дверцу. Наверное, все это проделки сириан, подумалось Форрестеру. Он стал наблюдать за стоящими на площадке копами. Но почему сейчас?

— Я ничего не сделал! — крикнул он, прекрасно понимая, что врет.

— Это будет определено, Человек Форрестер, — сказал зарешеченный громкоговоритель прямо над его головой. — А сейчас любезно пройдите с нами.

Слово «любезно» не имело никакого смысла, разумеется. Но у Форрестера не было ни малейшего шанса.

— Но что я сделал? — жалобно проблеял он.

— Вы арестованы на основании приказа, Человек Форрестер, — сказал равнодушный металлический голос Центрального Компьютера. — Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

— Могу поспорить! — Форрестер затравленно осмотрелся. Он не увидел контрольного пункта, по всей видимости, тот был не нужен. Машина, быстро рассекая воздух, неслась вперед.

— Вы арестованы на основании приказа, Человек Форрестер, — повторил голос компьютера. — Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

— Черт побери, разумеется, да!

Они быстро пролетали над голубым водоемом. Форрестер безуспешно пытался высадить рукой иллюминатор, но стекло отказывалось разбиваться. Может быть, и к лучшему, все равно далеко убежать он не мог.

— Вы арестованы, — сказал спокойно компьютер, — на основании приказа. Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

Форрестер яростно и безнадежно выругался. Они

приближались к металлическому острову посреди озера, быстро снижаясь.

— Разумеется, хочу, — сказал он. — Какого дьявола все это происходит? Джоймейкер! Ты можешь это объяснить?

Но жезл, прикрепленный к его поясу, произнес:

— Мы едины, Человек Форрестер. Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

Когда аэрокрафт произвел посадку, Форрестер уже восстановил душевный контроль. По всей видимости, неполадки были в самом Центральном Компьютере, но здесь он был бессилен. Он не сопротивлялся, когда двое копов вытащили его из кабины. Сопротивление было бесполезным, те были слишком сильны. Он не увидел ни одного человека или автомата на своем пути. Его протащили по коридорам и запихнули в камеру, надежно закрыв дверь.

Он осмотрелся. Кровать, стол, стул — вот и все. И начиненные электроникой стены, из которых раздался голос:

— Человек Форрестер, сообщение.

— Заткнись, — сказал Форрестер. — Не желаю слушать никаких сообщений.

Но сообщение не было новым повторением заезженной пластинки компьютера. Раздался голос Тайко, после чего показалось его лицо.

— Салют, Чак! — сказал он. — Ты говорил, что хочешь на меня посмотреть?

Форрестер облегченно вздохнул.

— Слава Богу! Смотри, Тайко, в результате ошибки машины я оказался в заключении.

Лицо Тайко довольно расплылось.

— Во-первых, — сказал он, — с машинами все в порядке. Во-вторых, разумеется, ты в заключении. Как ты думаешь, кто тебе в этом помог?

— Ты? Твоих рук…

Тайко улыбнулся и кивнул.

— Нас разделяют меньше пятидесяти метров, дружок. Учитывая то, что компьютеры дают сбои, самым простым выходом, для того чтобы доставить тебя сюда, был арест. Я так и сделал. Теперь попытаюсь тебе все правильно объяснить. Ты поддерживаешь Общество Неда Луда или нет? Потому что нам дан шанс. Мир в смятении, он панически боится вторжения сириан, и мы можем повести его по правильному пути. Понимаешь ли ты, что я называю правильным путем?

— Уничтожить машины? — высказал догадку Форрестер. — Ты считаешь, что мы вместе должны сломать Центральный

Компьютер?

— О, не только мы! — триумфально заявил Тайко. — Очень многие будут нам помогать. Хочешь взглянуть?

Тайко прикоснулся к джоймейкеру, и обзорное поле расширилось. Форрестер увидел просторную комнату, в которой толпилось множество людей.

У Тайко действительно было много помощников. Их было около дюжины, Форрестер не смог подсчитать точнее. Он испытал шок, когда обнаружил, что только двое из «помощников» были людьми. Совсем непохожими на людей. Они смотрели на Форрестера множеством глаз, точнее множеством кругов зеленых блестящих точек. Они были сирианами.

— Видишь, дружок, — беспечно сказал Тайко, — ты немного удивлен. Признаю, наши друзья непривычны для взгляда. Но они органические.

Форрестер остолбенел. Сириане, одетые в конусообразные скафандры, очень напоминали ему друга и благодетеля Эс-Четыре. Идея о сотрудничестве с чужаками была для него отвратительна. Не потому, что он видел в них врагов, просто общение с Эс-Четыре убедило его, что люди и сириане никогда не смогут понять друг друга.

Тайко засмеялся.

— Я смотрю, ты удивлен. Но это было просто, очевидно, необходимым для нашего дела. Эти ребята гении в электронике, абсолютные гении. Они дали нам возможность воплотить идеалы Общества Неда Луда на практике… Я смотрю, ты заинтересовался, или нет? Я ведь легко могу отправить тебя туда, откуда ты пришел.

— Я заинтересован, все хорошо, — ответил Форрестер.

Тайко проницательно уловил подтекст.

— Заинтересован работать? Или вредить? — Но он не стал дожидаться ответа и продолжил. — Какая разница? — весело звучал его голос. — Что ты можешь сделать? Поднимайся наверх, поговорим…

Со слабым щелчком дверь камеры Форрестера распахнулась, и вспыхнула линия зеленых огоньков, указывая дорогу.

Жаль, подумалось ему, что нельзя поговорить с Эдной.

Но Эдна спала в жидком гелии сном смерти, со своими детьми, рядом со знакомыми Форрестера в этом веке. И они не могли ничего ему посоветовать.

Он шел вдоль зеленой линии, и лампочки на ней, казалось, исполняли какой-то танец. Это неверно, думалось ему, что путями развития мира могут управлять существа с другой звезды. Здесь нарушались принципы равноправия и человеческих прав.

С другой стороны, в действиях Тайко был какой-то смысл. Разве правильно вручать судьбы мира горстке компьютеров?

Хотя, думалось Форрестеру, делая свою домашнюю работу, люди представляют государство и управляют им. Действительно ли компьютеры управляют миром? Кто принимает фундаментальные решения? Может ли государство быть богатым, если нет механизма принятия фундаментальных законов? Не существует возможности использования их на практике, если люди не интересуются этими законами?

Он покачал головой. Нет смысла решать глобальные проблемы в такой ситуации. Он находился в сотне метров под озером, в мире, не принявшем его, а сейчас агонизирующем.

Зеленая линия уперлась в дверь, которая при его приближении открылась. Перед его глазами предстала виденная им на экране комната.

— Вовремя! — сказал Тайко, улыбаясь, и похлопал его по плечу. — Знаешь, Чарльз, ты должен мне доверять. Если бы не мои друзья, — он показал на сириан в конусообразных скафандрах, — я никогда бы не узнал о том, как ты нам помог. Ха! Ты говорил, что поможешь нашему обществу, если оно тебя примет. Это была великолепная мысль!

— Ты знаешь, что Эс-Четыре обманул меня, — сказал Форрестер.

— Не прибедняйся! Это был благородный поступок, даже если сирианин и переусердствовал в твоей обработке. Я удивляюсь, — доверительно продолжил Тайко, — как я не додумался до этого сам. Очевидно, таков путь воплощения идей Неда Луда — вынудить перетрусившее человечество забраться в холодильники и передоверить свою судьбу более достойным. Нас мало, и мы смогли действовать только сейчас.

Один из сириан беспокойно зашевелился. Поблескивающий овал зеленых глаз слегка затуманивался стеклом скафандра, защищавшего от сокрушительной атаки земного воздуха. Сириане не могли разговаривать, но Тайко прекрасно понимал, что они думают.

— Они не хотят тебя здесь видеть, — сказал он, указывая большим пальцем в сторону сирианина. — Их нельзя назвать неблагодарными. Они уже выразили свою благодарность в полном объеме. Но они не хотят лишних неприятностей, это уменьшает их шансы.

— Должен ли я буду дать обязательство о невмешательстве? — изумленно спросил Форрестер.

— Нет! Кто поверит, что ты его сдержишь? В любом случае это не имеет значения. Что ты можешь сделать?

— Я не знаю.

— Ничего! Мы полностью контролируем компьютерный центр и прервали всю связь. За исключением полиции — она нами контролируется — и реанимационных аппаратов. На этом я настоял. — Он сделал паузу. — Потому что, естественно, не хочу вредить людям. Я хочу им помочь. Пот! Я хочу их спасти!

— А что думают по этому поводу твои друзья?

— Забудь, Чарльз, — беспечно сказал Тайко. — Не переживай, они всего лишь технические эксперты. Я полностью контролирую ситуацию, и когда мы разрушим машины, то они отправятся домой.

— Откуда ты знаешь? — спросил Форрестер.

— О, пот, Чарльз, — вздохнул Тайко. Он посмотрел на сириан, покачал головой, затем взял Форрестера за руку и провел его к обзорному экрану.

— Изображение мелковато и расплывчато, — извинился он. — Поскольку Центральный Компьютер не может его качественно обрабатывать. Но взгляни. Ты видишь, как сейчас выглядит мир?

Форрестер смотрел. Он видел опустевшую ховертрассу и машину, застывшую посредине, все вокруг замерло. Изображение сменилось. Теперь было желто-красного цвета пламя, жадно пожирающее центральную часть города. Кажется, это был не Шогго.

— Ты думаешь сириане будут бояться Земли без Центрального Компьютера? — спросил Тайко. — Пот, нет! После того как компьютерные системы будут разрушены, они будут рады убраться домой. Земля больше не будет им угрожать. А они существа не воинственные.

— Ты в этом уверен?

— Перестань, Чарльз. Некоторые вещи приходится принимать на веру.

Форрестер осторожно заметил:

— Ты, наверное, хороший эксперт по сирианам? Извини, я не хочу тебя унизить. Я хочу знать. Откуда у тебя такая уверенность?

— Логика! — отрезал Тайко. — О, Чарльз, я знаю, ты думаешь, что я своими действиями напоминаю клоуна, идиота, который думает, что только один человек из ста тысяч боится и понимает опасность, которую несет в себе изобилие… Но я не дурак. Я быстро и решительно действовал, а ты мне в этом содействовал, правда? Я использовал все возможности, чтобы не упустить свой шанс. Доверься мне. Я уверен, что сириане не станут завоевывать Землю. Зачем им это делать? Они не смогут здесь жить без скафандров. Они могут покорить тысячи планет,

но Земля им не нужна.

Послышался сигнал из звукового модулятора одного из сириан. Тайко подпрыгнул и развернулся, затем сказал:

— Все в порядке, подождите минуту. — И снова обратился к Форрестеру. — Пусть так. Я сентиментальный болван. Я хотел бы, чтобы ты к нам присоединился, ведь ты нам уже помог. Решай. Или — или?

— Я не знаю, — честно ответил Форрестер.

— У тебя есть время, — улыбнулся Тайко. Подумай. Но помни, что ты ничем не сможешь нам навредить. У тебя нет связи, нет транспорта. У тебя вообще ничего нет.

Форрестер вышел в освещенные, пустые коридоры шоггской подводной тюрьмы. Никто его не остановил. Не было и зеленых указательных цепочек. Он пошел влево, затем вернул вправо. Он думал. Тайко прав? Основываясь на собственном опыте, он мог предположить, что это общество наполнено жестокостью и трусостью. Но может ли Тайко распоряжаться судьбами этого мира?

Он увидел источник яркого света и подошел к нему. Это были лучи солнца! Они заливали туннель, а немного вдали виднелся ожидающий реанимационный аэрокрафт.

Пилот, который издали так напоминал человека, вызывающе проговорил, глядя в глаза Форрестеру:

— Человек Форрестер! Вы арестованы на основании приказа. Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

— Машина! — сказал он. — Ты испорченная пластинка! — Затем ему кое-что пришло в голову. — Увези меня отсюда! — приказал он, забираясь в р-флайер.

— Человек Форрестер! Вы арестованы на основании приказа. Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

Безнадежно, разумеется. Но стоило попытаться. Автомат оставался недвижим и вовсе не собирался пилотировать р-машину. Форрестер выбрался оттуда и пошел прочь.

— Наверное, стоило согласиться, — произнес он.

Но он этого не хотел. Он не собирался успокаиваться, он должен был помешать планам Тайко. Его бесила вероятность только одного выбора.

Но Форрестер не мог ничего сделать. Он мысленно перебирал множество вариантов, пытаясь найти единственный, правильный. Но в голову не приходило ничего подходящего. Никаких возможностей. Его джоймейкер онемел. Из тюрьмы не было выхода. А р-машина вывезет его отсюда только тогда, когда он умрет, или…

В случае гибели?

Быстрыми шагами он вернулся к р-машине. Как он и думал, на ее борту красовалась эмблема Западного Центра Выписки. Он спросил:

— Машина, ты можешь доставить меня в Западный Центр?

Робот посмотрел ему в глаза.

— Человек Форрестер! Вы арестованы на основании приказа. Желаете ли вы выслушать выдвинутые против вас обвинения?

— Разумеется, — твердо сказал Форрестер, — не помешал бы страховой полис. Но придется без него обойтись. Надеюсь, что у тебя неисправны только речевые центры.

Он забрался в машину и принялся искать так необходимую ему сейчас вещь. Она обнаружилась в аптечном ящике.

Когда он его вскрыл, то в глаза сразу бросился блестящий скальпель. Форрестер мрачно осмотрел его, затем оторвал кусок картона и прислонил его к борту машины. Крупными буквами он написал:

НЕМЕДЛЕННО ОЖИВИТЕ МЕНЯ! Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ О СИРИАНАХ!

Он тщательно приколол картон к своей рубашке. Затем…

— Машина! — закричал он. — Исполняй свои обязанности!

И резким движением перерезал себе горло.

Появилась боль, но стихла через мгновение. А затем краски и голоса мира выпали из его сознания.

Глава 18

Мне приснилось, — бормотал Форрестер в теплой, уютной темноте, — что я покончил жизнь самоубийством. Похоже, что перерезал себе горло. Я хочу жить…

— Ты будешь жить, Чак, — послышался знакомый голос. Форрестер поднял веки и увидел перед собой глаза Хары.

Он попытался встать.

— Тайко! — кричал он. — Сириане! Я должен рассказать о том, что они делают!

Хара силой уложил его обратно на кровать.

— Ты уже все рассказал, Чак. Ими уже занимаются. Неужели ты не помнишь?

— Помню?

Но он вспомнил все. Он вспомнил пробуждение и кошмарную боль в перерезанном горле. Свои попытки объясниться. Тогда кто-то подсунул ему бумагу и карандаш. И он написал все. Форрестер громко рассмеялся.

— Весело! Никогда не думал, что с перерезанным горлом можно разговаривать.

— Но ты сумел объяснить, Чак. Сириане взяты под наблюдение людей, и к ним приставлена охрана. Каждому из них запрещено передвигаться и связываться с коллегами. И Тайко очень быстро все рассказывает компьютерной команде, так что они скоро устранят все поломки.

Основные системы уже восстановлены. — Хара сделал паузу, достал пакет и вытащил из него пачку сигарет. — Давай, — продолжил он. — Сейчас мы посмотрим на поведение твоего нового горла.

Форрестер с благодарностью закурил. Чувствовал он себя прекрасно. Он пощупал свое горло и обнаружил на нем пластиковую повязку.

— Мы ее снимем завтра, — отреагировал Хара, — и ты будешь готов вернуться к людям. Мы уже разморозили двадцать пять процентов клиентов фризариумов. Они тобой очень интересуются.

— О! — подавленно ответил Форрестер. — Так и должно быть. Какое наказание ждет меня за соучастие в побеге сирианина.

— Равное награде за информацию о делах Тайко, — улыбаясь, сказал Хара. — Так что пусть это тебя не беспокоит.

— Но если все-таки начнется вторжение сириан? — спросил Форрестер.

Хара махнул рукой.

— Это не моя работа. Во время саботажа на Центральном Компьютере маленькие друзья Тайко были в хорошей форме, что в будущем такого больше не предвидится. Я не думаю, что они смогут нас легко победить.

Он развернулся и направился к двери.

— Готовься к выписке, — бросил он напоследок. — Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

— О моем горле?

— О твоей девушке, — сказал Хара и удалился.

Через несколько часов Форрестер уже стоял у входа в Западный Филиал Центра Выписки. Вспоминая старые времена, он бросил окурок и наблюдал, как маленький блестящий робот его засасывает.

Очевидно, Центральный Компьютер возобновил свою работу.

Он развернулся и пошел навстречу Харе.

— Так что там насчет моей девушки? — спросил Форрестер.

— Видишь ли… — Хара замялся. — Трудно разговаривать с людьми эры камикадзе. Вы чувствительны к довольно странным вещам. Например, Эдна сказала мне, что у нее возникло ощущение, что тебе неприятно знать о том, что я отец одного из ее детей.

— Только одного! — Форрестер чуть не порвал свои новые голосовые связки. — Отец небесный! Я думал, что у них только один отец!

— Почему, Чак?

— Почему? Неужели не понятно почему? Да она просто шлюха.

— Что ты понимаешь под словом «шлюха»? — Хара усилил нажим на замолчавшего Форрестера. — Разумеется, в твое время это было очень плохо. Наверное. Я не специалист по истории древнего мира. Но сейчас время другое, Чак.

Форрестер задумчиво посмотрел на уставшее лицо Хары. Но все его существо протестовало против сказанного.

— Мне все равно, — прорычал он. — Иногда мне кажется, что Тайко прав. Человеческая раса где-то допустила ошибку в своем развитии!

— Ладно, — сказал Хара, — об этом я и хотел с тобой поговорить. Чак, не может быть ошибки в развитии. Нельзя перекроить историю расы. Она уже произошла. Результат этого вокруг тебя. Он может тебе не понравиться, но если ты хочешь изменить мир, то начинать нужно с убеждения. Убеди людей, что что-то другое будет лучше! То, чего хочешь ты. Но прошлое вернуть нельзя.

Он похлопал Форрестера по плечу.

— Думай, — посоветовал Хара. — Пусть твой мозг сам решает правильно или ошибочно все вокруг. Не надо придерживаться застарелых догм. Потому что это смерть… Да. Еще кое-что, — вспомнил он. — Я видел список. Весь процесс оживления займет несколько дней. Эдна выйдет из фризариума через два дня.

И Хара ушел.

Форрестер проводил его взглядом. Будет трудно, подумалось ему, но возможности есть. И у меня нет выбора.

Форрестер вызвал флайер и приказал доставить его в какую-нибудь приличную квартиру в Шогго. Он смело смотрел в лицо будущему. Надеясь на удачу, он решил заглянуть за все его грани. Не через годы или дни пройдет он. Через тысячелетия Форрестер пронесет свое здоровье, свою энергичность и обеспеченность. В этом ему помогут фризариумы.

После всего этого он жил счастливо. Как и все вокруг.

Замечания автора

Давным-давно, четверть века назад, я был метеорологом ВВС США в Италии. Это был мой первый опыт в искусстве предсказания реальных событий, что-то вроде прорицания результатов пари, где имели место деньги и человеческие жизни.

Это было задолго до того, как появились компьютеры, ксероксы и все другие маленькие штучки, которые превратили метеорологию в действительно точную науку. Правда, уже тогда у нас были свои приборы, пусть примитивные, но были. В нашем подразделении офицеров-метеорологов пятнадцатой дивизии ВВС был взъерошенный капитан, который часто кивал и улыбался, но редко говорил. Он мог бубнить себе под нос час или два, склонившись над телетайпными сообщениями или метеорологическими картами. Потом он мог пойти на склад и уронить психрометр или барометр-анероид небрежным движением пальца. Затем он вылезал на крышу станции и торчал там, изучая горизонт, рассматривая облака, величиной с детскую ладошку. И после всего этого мог воскликнуть: «Эй! Кажется, дождь собирается!». После чего слезал и давал скверную метеосводку для пилотов Б-24. Так вот, именно так пишется научная фантастика (ну ладно, один из ее видов, потому что существует множество разновидностей НФ!). Поначалу вы делаете свое домашнее задание при помощи книг и научно-популярных журналов. Потом вы разговариваете с астрономами, биохимиками, компьютерщиками. Если вам повезет, они дадут вам поиграться своими машинками и даже посмотреть в линзы оптических приборов. А затем вы карабкаетесь на высокую вершину, где обозреваете окружающий мир.

«Эра осторожности» была создана именно по такому методу. Очень малая часть является чистой выдумкой и только сейчас, в 1968 году, каждый аспект видится правильно, как облако с детскую ладошку. И я тоже предсказываю дождь!

Джоймейкер? Проект МАК, созданный в Мичиганском технологическом институте, является прообразом того, что я назвал джоймейкером. Ну ладно, не совсем так, я придумал его еще до того, как ученые данный проект разработали. Но просто МАК — пещерный предок моей игрушки. В Мичиганском технологическом два огромных IBM-7094 плюс полдюжины вспомогательных компьютеров имеют нечто вроде единого пульта управления. Все это хозяйство занимает целое здание. Теперь такие управляющие консоли могут быть размещены везде, где есть телефонные розетки, в Европе или Антарктиде. Сам я

додумал лишь радиоуправление. В настоящее время панель управления МАК размерами превышает печатную машинку. Я выбрал микроминиатюризацию и сделал ее еще более портативной. А уж поскольку я туда влез, то добавил несколько штучек совершенно необходимых в современной жизни (содовые таблетки, противозачаточные средства, аспирин и прочее, прочее, прочее). Я думаю, что в будущем фармакология достигнет невиданных высот, по-моему, это бесспорно.

Бессмертие путем замораживания? Р. С. В. Эттинджер в течение пяти лет ведет крестовый поход за претворение этой программы в жизнь. Самое смешное, что скорее всего это сработает (разумеется, я не стану гарантировать этого своими финансами, но я так считаю. Это мнение разделяет такой уважаемый тип, как Жан Ростон — известный биохимик). Другая смешная вещь состоит в том, что желающих получить бессмертие плоти таким путем очень мало. Как говорит Боб Эттинджер, многие в холоде, но совсем мало замороженных. Меньше чем полдюжины тел находятся в постоянном глубоком охлаждении, хотя несколько сотен или даже тысяч лиц выразили желание подвергнуть себя подобной процедуре после смерти. Существуют устройства для замораживания, включая три линии термосов человеческого размера с танками жидкого газа, которые при соответствующем финансовом вливании способны принять всех желающих умереть и снова возродиться. В своем романе я назвал подобные устройства реанимационными машинами. Несколько лет назад я видел неопубликованную рукопись, внушающую доверие, что в СССР имеются машины для подобных целей. В рукописи указывается, что подобный аппарат сохранил жизнь известного русского физика Ландау (он умирал четыре раза, но его возвращали к жизни в больнице). И три месяца назад, паркуя машину возле штаб-квартиры Нью-Йоркской академии наук, я видел первый американский реанимационный автомобиль. В романе я провернул маленький трюк и разместил реанимационный механизм на геликоптерах. Но с другой стороны — какая разница!

Это правда, хотя еще ни один человек, замороженный в таких машинах, не был возвращен к жизни и нет твердой уверенности, что это когда-нибудь произойдет. Но это может случиться и завтра. Все идет к тому, что это может случиться в любой момент, и, согласно моему знанию человеческой психологии, одна минута, проведенная в холодном сне, сравнима с открытием Чероки Стрип. Я предположил, что мы все, начиная с рождения, остаемся при мнении, что обязательно умрем и не сможем воспринять идею бессмертия в реальном мире, пока она не будет

показана в действии. Продемонстрируйте, как эта идея работает один раз, и мы ухватимся за нее, как мы хватались за множество вещей до того… А потом мы выстроим нечто подобное «Эмпайр стейт билдинг».

Экономические, социальные и культурные «предсказания» в романе, возможно, не очень точны. Но я считаю, что причиной этого является то, что в настоящее время экономика и социология значительно менее точны, чем математика. Тема денег в романе гораздо более реальна. Вполне возможно, что будут два вида инфляции, уже известных в нашей истории. Это уменьшение стоимости (римский солид, который две тысячи лет назад стоил несколько сотен долларов, превратился во французское су, не стоящее даже чиха). Появилось множество новых возможностей потратить деньги, что является психологическими корнями «процветания» нашей нации в настоящем (американский бедняк имеет денег достаточно, чтобы выжить, но видит вокруг себя столько вещей, которые не в состоянии купить, что чувствует себя нищим).

Нужно заметить, что зарплата будет тратиться на вещи, которые нам сейчас не нужны. Мы стали свидетелями оплаты постоянного безделья, оплаты бешеных налогов, оплаты благотворительных программ. Стали свидетелями того, как стали создаваться профессии для обустройства всего этого. Кто платил зарплату лыжному инструктору в средние века? А в США сейчас каждое общественное объединение имеет хорошо оплачиваемый персонал (кстати, в Европе это практически неизвестно). Я только хочу подчеркнуть, что само членство, равно как и председательство, в таких организациях, может хорошо оплачиваться.

Что же касается путей развития личности в двадцать пятом веке, то тут я, честно признаюсь, находился в подвешенном состоянии. Я не могу быть уверенным, что все это пойдет таким путем, но после функций приходит форма. Даже сейчас для семьи необходимо обустроить гнездышко для воспитания детей, и нет сомнений, что и в далеком будущем такое положение сохранится. Но не думаю, что потребности в будущем будут такими же, как и сейчас. В доме будет достаточно работы для крепкой здоровой Женщины, и пахать ей придется от зари до зари. Муж, разумеется, будет работать в фирме или на производстве. Чем больше производительность труда, тем больше свободного времени и денег хватает на оплату внешней помощи (детские сады, школы и т. д.). Но и потребности семьи становятся другими. Наша социальная структура пока еще не совсем приняла этот факт, хотя знаки изменения уже заметны. Я всегда лишь хотел подчеркнуть,

что за пятьсот лет будет сделано очень много.

Вопросы обороны могут рассматриваться каждым читателем этого романа по-своему, включая присутствие сириан (или же врагов, роль которых исполняют сириане). Только в нашей Галактике существуют сто миллиардов звезд, могу дать голову на отсечение, что у многих есть обитаемые планеты). Честно признаюсь, что в романе есть два места, в которых я беззащитен.

Первое я сознательно опустил: я не коснулся широкомасштабной угрозы применения ядерного оружия, которое может отбросить нас в пещеры. Этот роман и так во многих отношениях спорен, и я не стал касаться этой темы.

А второе, в чем я не могу защититься, — это масштаб времени.

Если вы соедините вместе проект МАК, замораживатели Боба Эттинджера и нежелание платить налоги, вы получите нечто весьма похожее на эру осторожности… созданное из материалов, имеющихся в нашем распоряжении сейчас. В романе масштаб времени огромен — пять столетий. Воскрешение Чарльза Форрестора отстоит от нас так же далеко, как путешествие Христофора Колумба. Честное слово, я не думаю, что пройдет так много времени. Это случится не через пятьсот лет, но и не через пятьдесят.

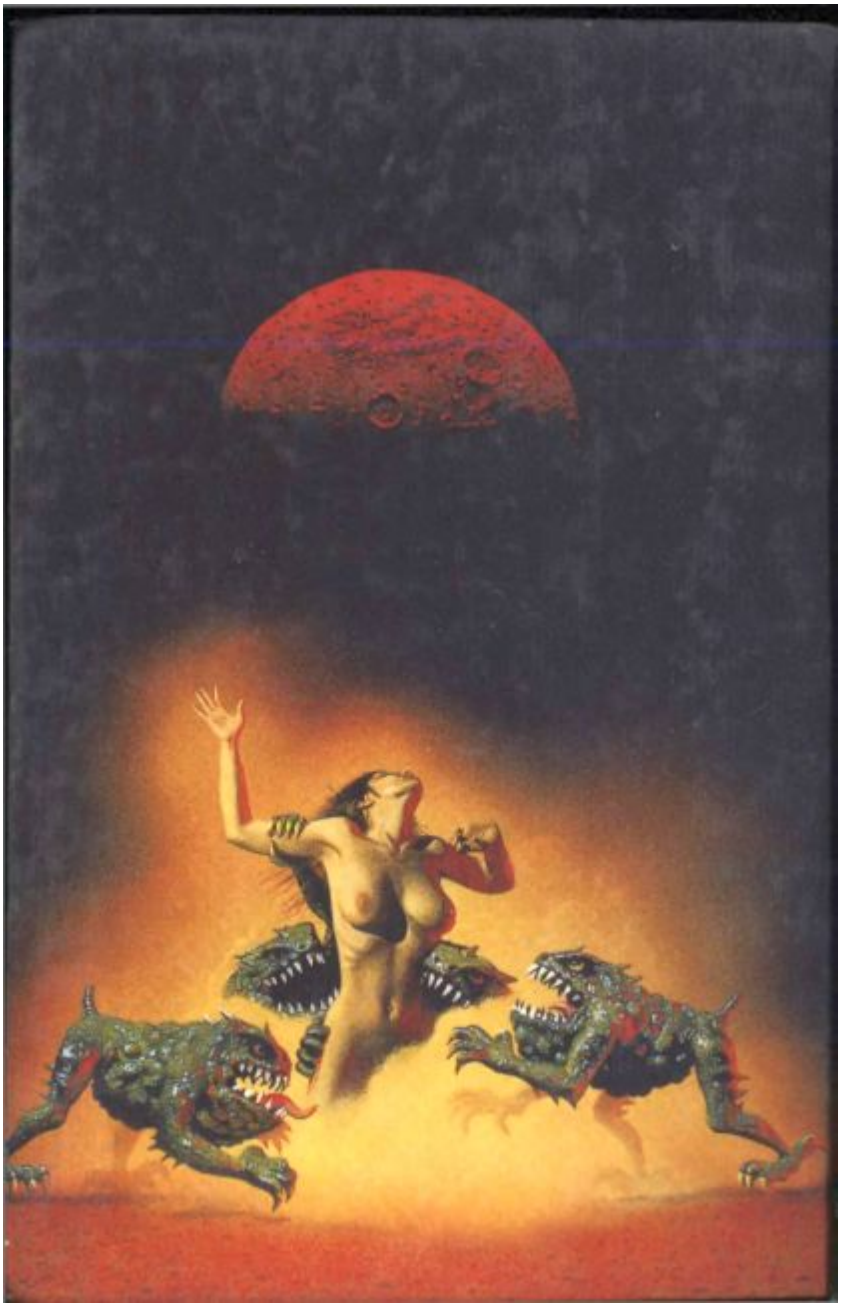
Ф. Пол

П24 Собрание сочинений. Том пятый. Восход Черной Звезды: Роман. Эра осторожности (Кискин век): Повесть.— М.: Сигма-пресс, Ангарск: Амбер, Лтд; 1995.— 448 с.

П $\frac{4703010100}{ОД4(03)-95}$ без объявл.

ISBN 5-85949-056-9

BLACK STAR RISING
© By F. Pohl, 1985 г.
© Перевод В. Жураховский
THE AGE OF PASSYFOOT
© By F. Pohl, 1969 г.
© Перевод Д. и Я. Савельевы, 1995 г.
© Оформление издательства «Сигма-пресс», 1995 г.
© Составление издательства «Амбер, Лтд.»



notes

Примечания

1

Х а н е ц — китаец. Китайцы собственно «китайской» национальности называют себя ханьцами (ханями). Название идет от китайской императорской династии Хань (206 г. д. н. э — 220 г. н. э), значит расширившей границы империи (Прим. перев.)

Ренминь (кит.) — народный. (Прим. перев.)
Имеется в виду штат Алабама. — (Прим. перев.)

3

Ренминь (кит.) — народный. *(Прим. перев.)*

Имеется в виду штат Алабама. — ***(Прим. перев.)***

5

Этсетера (франц.) — и так далее.

ФАИ — Международная авиационная федерация.

7

Мармит — стол для сохранения пищи в горячем состоянии в столовых, ресторанах. (Прим. перев.)

8

Постройки XIII в. в Новом Орлеане. Город был основан в 1718 г. французами. (Прим. перев.)

9

О. Хайнань — о-в в Южно-Кит. море, к югу от полуострова Лэйчжоу (наименьшая ширина пролива — 18,5 км). Площадь 34 000 кв. км. Рельеф гористый на юге и в центре, равнинный на севере. Главн. город — Хайкоу. (Прим. перев.)

10

Вайкики — курорт на о. Оаху (Гавайские острова), центр туризма. Палм-Спрингс — курорт в США к в. от Лос-Анджелеса. ***(Прим. перев.)***

11

В о г (англ. — wog, мн. ч. — воги) — английское слэнговое словечко, презрительный термин, обозначающий выходцев из восточных стран (индийцев, арабов и т. д.) Предполагаемое происхождение — аббревиатура слов Wonderful Oriental Gentleman, т. е. Восхитительный Восточный Господин. (Прим. перев.)

12

Калибан — злое, уродливое чудовище, персонаж шекспировской «Бури». (Прим. перев.)

13

Число Маха — отношение скорости движения объекта к скорости звука в данной среде. Мах-4 — скорость, в четыре раза превышающая скорость звука. (Прим. перев.)

14

80 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 27 градусам по Цельсию. (Прим. перев.)

15

In vitro (лат.) — в колбе. (Прим. перев.)

16

Ява — жаргонное слово, обозначающее кофе (от названия острова Ява). (Прим. перев.)

17

Долина Фордж (Вэлли Фордж) — историческое место на юго-востоке Пенсильвании, где во время войны за независимость зимовали войска под командованием Вашингтона. ***(Прим. перев.)***

18

Джон Филип Суза (1854–1932) — американский композитор и дирижер, автор оперетт и популярных патриотических маршей. (Прим. перев.)

19

Вибриссы — чувствительные волоски, осязательные органы млекопитающих, как например, усы у кошек. (Прим. перев.)

20

Роберт Э. Ли (1807–1870) — главнокомандующий войском южан в Гражданской войне США;

Джордж. Э. Пикетт (1825–1875) — генерал армии южан: вошел в историю США благодаря так называемой «атаке Пикетта» в битве при Геттинсбурге (1863) — атака захлебнулась, южане проиграли битву, что стало поворотным моментом в Гражданской войне;

Джон Уэйн — известный голливудский актер, звезда вестернов, играл положительных мужественных героев;

Бригэм Янг (1801–1877) — лидер секты мормонов, возглавивший исход мормонов из Иллинойса в Солт Лейк-сити, штат Юта, в 1847 г. Как известно, среди мормонов допускалось многоженство.

21

Тамали — мексиканское национальное блюдо из мяса, толченой кукурузы и красного перца. (Прим. перев.)

22

Лурд — город на юге Франции, у подножия Пиренеев. Место паломничества католиков (по легенде, жительнице Л. в 1858 г. явилась Богородица.) (Прим. перев.)

23

Фамилия генерала звучит так же, как английское слово «marksman» — меткий стрелок, снайпер (или же неграмотный человек, ставящий вместо росписи крестик). (Прим. перев.)